

ISSN 2949-124X

Российская история

6 2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Пугачёвский бунт

в современной европейской историографии

Православные миссионеры на Крайнем Севере

Идеи П.Н. Ткачёва и взгляды народовольцев

*Надежды и разочарования
графа И.И. Толстого в 1907 г.*

Русские правые монархисты в начале XX в.

Н.И. Махно в оценках анархистов 1918–1921 гг.

*«Пантюркизм» в архивных документах
сталинского времени*

*Международный имидж Советского Союза
в годы оттепели*

*К 100-летию со дня рождения
И.Д. Ковальченко*

Обсуждаем книгу

Д.И. Рублев.

Российский анархизм в XX веке

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

МОСКВА

6

ноябрь
декабрь
2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Н. Захаров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Аракчеев, А.Н. Артизов, Б.В. Базаров, В.П. Булдаков, Р.Г. Гагкуев, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, В.В. Кондрашин, В.А. Кучкин, А.К. Левыкин, Д. Ливен, Е.А. Мельникова, С.В. Мироненко, К.В. Никифоров, Ю.А. Петров, Е.И. Пивовар, Р.Г. Пихоя, Д. Свак, А.В. Сиренов, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, Е.А. Тюрина, У Эньоань, В.С. Христофоров, В.В. Шелохаев, А.В. Юрасов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.Г. Агеева, А.Л. Беглов, О.В. Большакова, О.В. Будницкий, П. Бушкович, П.Г. Гайдуков, А.А. Горский, В. Дённингхаус, С.В. Журавлёв, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, А.А. Иванов, Д.Ю. Козлов, Н.В. Козлова, Б.И. Колоницкий, М. Крамер, В.Н. Круглов, Д.В. Лисейцев (зам. главного редактора), П.В. Лукин, А.В. Мамонов (зам. главного редактора), Л.В. Мельникова, А.П. Павлов, Д.Б. Павлов, Д.А. Редин, К.А. Соловьёв, П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723 69 10
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: Моллер Ф.А. Взятие Казани Пугачевым (1847)

Восстание Пугачёва в историографии Центральной и Западной Европы первой четверти XXI в.

Марко Наталици

Pugachev's uprising in the historiography of Central and Western Europe of the early 21st century

Marco Natalizi
(University of Genoa, Italy)

DOI: 10.31857/S2949124X23060019, EDN: NRAHBZ

История Пугачёвского восстания в последние четверть века переживает процесс переосмысления аналитических категорий, предыдущие 70 лет применявшихся в историографии. Этот процесс полностью перевернул положения, считавшиеся прочно устоявшимися, с последующим пересмотром теоретических основ, на которые они опирались. Невозможность связать социальную диалектику с классовый борьбой за контроль над средствами производства распахнула двери для анализа многочисленных форм конфликта и поставила под сомнение саму применимость понятия класса к доиндустриальным обществам. Новые концепции, развиваясь в разное время, разными путями и с разными целями, проистекали из общего начала – критики марксистской интерпретации пугачёвщины.

При этом нельзя не отметить мизерное количество исследований о событиях, посвящённых Пугачёвскому восстанию, в современной российской историографии. Настолько мизерное, что В.Я. Мауль пишет об отсутствии за пределами узкого круга специалистов какого-либо интереса к этому периоду серьёзного социально-политического кризиса, отношение к которому можно охарактеризовать как смесь неприятия и разочарования¹. Неприязнь возникает зачастую из-за непонимания сути событий, плохо вписывающихся в процесс государственного строительства России, усилением политической централизации и гармонизации законодательства, которая, как утверждается, достигла своего пика при Екатерине II². Как следствие, бунт 1773–1775 гг. представляется «аварийной случайностью», последней попыткой сопротивления примитивных сил, враждебных новой форме государственности. Но если в работах последних лет российские исследователи избегали рассмотрения вопросов, связанных с общей трактовкой повстанческого движения, то за пределами России вопрос оказался более сложным. В начале XXI в. исследования, посвящённые восстанию Емельяна Пугачёва, публиковались главным образом историками Италии,

© 2023 г. М. Наталици

¹ Мауль В.Я. Российская историография начала XXI века о пугачёвском бунте (некоторые аспекты проблемы) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 4(37). С. 160.

² Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 1999; Liechtenhan F.-D. Catherine II. Le courage triomphant. Paris, 2021.

Франции и Германии³. Я считаю полезным проследить этот путь, поскольку сегодня можно более отстранённо взглянуть на историографию пугачёвщины и лучше понять обстоятельства и способы её формирования и дальнейшей разработки.

Схема классовой борьбы в советской историографии, в течение нескольких десятилетий дававшая ключ к пониманию смысла восстания, была признана неадекватной для изучения явления во всей его сложности. Утвердившаяся в 1920-х гг. и доминировавшая полвека, эта схема сводится к двум фундаментальным понятиям: социальному определению пугачёвщины как величайшей из «крестьянских войн», когда-либо происходивших в России, и её прогрессивной роли, поскольку в ходе бунта в российских народных массах возникли первые зародыши революционного сознания⁴.

Однако, пересматривая советскую интерпретацию пугачёвщины как классовой войны между крестьянами и дворянами, американские и западноевропейские историки второй половины XX в. подчёркивали другие аспекты восстания. В ходе исследований, начатых М. Раевым, продолженных П. Авричем и Дж. Александером, а затем А. Каппелером⁵, была предложена интерпретация, в рамках которой оно понимается в первую очередь как движение за восстановление казачьей автономии, подавленное правительством, и протест периферийных этнических групп и национальностей, которые боролись за уменьшение контроля со стороны централизованного государства. Проблематика «защиты древних автономий, особенно в периферийных районах империи», и религиозной терпимости как существенных элементов пугачёвского бунта стала центральной уже в труде Ф. Вентури, посвящённом отзывам пугачёвщины в Италии⁶. Согласно этой историографической традиции, восстания такого рода, даже когда они подпитывались социальными конфликтами и приводили к положительным результатам, следует рассматривать не как выражение нового порядка, а как сопротивление преобразующей силе государства, связанное с борьбой за автономию элит и народным протонационализмом.

Одной из наиболее распространённых схем, которой в последние годы отдаёт прочтение значительная часть историков за пределами России, стала кон-

³ *Griesse M.* Popular memory and early modern revolts in Russia. From Razin to Pugachev // *Rhythms of revolt: European Traditions and Memories of Social Conflict in Oral Culture*. L.; N.Y., 2017. P. 198–216.

⁴ *Мавродин В.В.* Советская историческая литература о крестьянских войнах в России XVII–XVIII веков // *Вопросы истории*. 1961. № 5. С. 24–47; *Neutatz D.* Die Umdeutung von Razin und Pugačev in der Sowjetunion unter Lenin und Stalin // *Kosakische Aufstände und ihre Anführer* / Ed. M. Griesse, Stuttgart; Steiner, 2017. S. 113–131. Только Н.А. Рожков в 1920-е гг. сформулировал иную интерпретацию, подчёркивая архаичный и ретроградный характер пугачёвского движения, обращённого в прошлое и ещё более жестокого, чем гнёт царского правительства (*Рожков Н.А.* Методика преподавания истории и история XIX века. Пг., 1918. С. 23; *Рожков Н.А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Т. 4. Ч. I. Пг., 1922. С. 8–15; Т. 7. Пг., 1923. С. 77–78).

⁵ *Raeff M.* Pugachev's Rebellion // *Preconditions of Revolution in Early Modern Europe*. Vol. 10. Baltimore; L., 1970. P. 161–202; *Avrich P.* Russian Rebels 1600–1800. N.Y., 1972; *Alexander J. T.* Emperor of the Cossacks. Pugachev and the Frontier Jacquerie of 1773–1775. Lawrence (Kansas), 1973; *Kappeler A.* Russland als Vielvölkerreich. München, 1993. S. 132; *Kappeler A.* Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Köln; Wien, 1982; *Kappeler A.* Russlands Frontier in der Frühen Neuzeit // *Frieden und Krieg in der Frühen Neuzeit. Die europäische Staatenordnung und die aussereuropäische Welt*. München, 2001. S. 599–613.

⁶ *Venturi F.* Settecento riformatore, III. La prima crisi dell'antico Regime (1768–1776). Torino, 1979. P. 160.

цепция, изложенная А. Береловичем. Он делал особый упор на изучение состава повстанческих сил, чтобы оспорить советскую парадигму крестьянской войны, одновременно утверждая представление о восстании как о явлении со сложной структурой. Крестьяне, несомненно, участвовали в бунте, на первых этапах движения это были посессионные крестьяне, т.е. доиндустриальные рабочие; однако они играли лишь второстепенную роль⁷. По мнению В. Береловича, пугачёвщина, не являясь ни классовым столкновением, ни конфликтом между двором и страной, была эпизодом сопротивления централизаторской политике Екатерины II, лакмусовой бумажкой противоречий многонациональной монархии⁸.

Но даже этот преобладающий в западной историографии тезис, трактующий пугачёвщину как «пограничное» восстание против екатерининской централизации, оставляет пространство для дальнейшего осмысления. Отказ от однолинейной перспективы в эволюции современного государства и подчёркивание вариативности путей, приведших к оформлению бюрократической системы, потребовали обновления традиционной интерпретации конфликта как необходимого следствия централизации. Понимание неоднозначного характера государственного вмешательства не позволяет трактовать восстание как сопротивление отдельных классов или некоторых автономных компонентов «прогрессивным носителям новшеств», внедряемых правительством⁹.

Некоторые оценки последних лет вышли далеко за рамки концепции «пограничного восстания», подвергнув сомнению эту парадигму¹⁰. Переосмысление специфики политического аспекта пугачёвщины является наиболее новаторской чертой этой историографической линии, отдающей предпочтение интерпретации документов местных общин второй половины XVIII в., адресованных центральным властям, а также составленных в лагере повстанцев. Исчерпание возможности представления социальной истории как «истории людей без политики» и возвращение к нарративным методам изложения нередко способствовали переоценке автономии политической сферы¹¹.

На крайности националистических изысканий, которые с 1990-х гг. интерпретировали пугачёвщину как «пограничное восстание» и провозглашали одной из его причин стремление защитить старые автономии, новейшая историография ответила возрождением политической тематики, выступив также против попыток представить его как ретроградное движение¹². В новейших работах наметилась тенденция к интегрированию поиска причин бунта с более тщательной оценкой его долгосрочных и глобальных последствий¹³. В рамках этой концепции события 1773–1775 гг. рассматриваются как причина ради-

⁷ *Berelowitch A.* Une jacquerie moderne: la révolte de Pougatchev (17 septembre 1773 – 15 septembre 1774) // *Revue russe*. 2005. № 27. P. 48, 50.

⁸ *Berelowitch W.* Aux origines de l'insurrection de Pougatchev (1773–1775): la cosaquerie russe // *Ruptures de la fin du XVIII-e siècle*. Paris, 2005. P. 39–50.

⁹ *Cecere D.* Violenza, resistenza, progettualità politica. La ribellione di Pugačev // *Studi Storici*. Ottobre–dicembre 2012. Anno 53. № 4. P. 1017–1025.

¹⁰ *Berelowitch W.* Guerres civiles et révoltes populaires dans la Russie des XVIIe et XVIIIe siècles // *La Guerre civile*. Hermann, 2018. P. 222–224; *Plate A.* Der Pugačev-Aufstand: Kosakenherrschaft oder sozialer Protest // *Volksstände in Russland. Von der Zeit der Wirren bis zur «Grünen Revolution» gegen die Sowjetherrschaft*. Wiesbaden, 2006. S. 353–396.

¹¹ *Natalizi M.* Emel'jan Ivanovič Pugačev: una rilettura // *Storica*. 2010. № 47. P. 61–102.

¹² *Berelowitch A.* Une jacquerie modern... P. 51–54.

¹³ *Griesse M., Barget M.* Revolts and Political Violence in Early Modern Imagery. Brill; Leiden; Boston, 2022.

кальных перемен прежде всего на интеллектуальном и транснациональном уровнях. Становится актуальным тезис, согласно которому последующие восстания являются частью общего интеллектуального климата, созревшего на «революционных» примерах последних трёх десятилетий XVIII в.¹⁴

Опираясь на недавние исследования, я попробую вернуться к вопросу о политическом значении восстания Пугачёва, проследить процесс разрушения концепции этнического бунта (не ради оспаривания её обоснованности, а в качестве предостережения от одностороннего подхода). Критика этой парадигмы привела к частичному отказу от анализа проблем «национальности» или «пограничного восстания». Историкам необходимо переосмыслить антагонизм, основанный на политическом опыте конфликта, отказаться от механистических описаний российского социального мира и этнического ландшафта, уделяя повышенное внимание совокупности потребностей, убеждений и устремлений исторических деятелей¹⁵.

Главным следствием постоянного, хотя и нерегулярного внимания западных историков к Пугачёву стала тенденция исследовать коммуникативный аспект политического конфликта, сосредоточившись на языке, выражавшем требования повстанцев. Этому немало способствовало введение в научный оборот в 1970–1990-е гг. огромного количества материалов, особенно документов из лагеря бунтовщиков и протоколов допросов следственных комиссий¹⁶. Были подняты проблемы, ранее отодвигавшиеся на второй план: роль самозванства, политическое значение восстания, культура пугачёвщины (образы конфликта, предлагаемые самими участниками), выдвигаемые ими социальные идеи суверенитета, норм и ценностей¹⁷. Именно в такой обновлённой перспективе некоторые учёные смогли увидеть в насильственных протестах, подобных пугачёвщине, элемент более широкой борьбы, ведущейся на нескольких уровнях. Речь идёт о политическом измерении бунта, представляющего как способ диалога о власти и формах её осуществления, как попытка вмешательства подданных в публичное пространство с целью давления на правительство¹⁸. Среди работ на эту тему следует отметить статью К. Шарфа, пытающегося переосмыслить символы, ритуалы, жесты, коллективное поведение, т.е. практики передачи сообщения противостоящей стороне¹⁹.

Действительно, линия осмысления феномена самозванства, начатая Шарфом в очерке 2003 г., оказала большое влияние на европейскую историогра-

¹⁴ *Griesse M.* Pugachev Goes Global: The Revolutionary Potential of Translation // *Reverberations of Revolution. Transnational Perspectives, 1750–1850.* Edinburgh, 2022. P. 13–35; *Griesse M.* Pugačev-Bilder vor der Kanonisierung: Transnationale Deutungskämpfe in der Vormoderne // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 2017. Bd. 65. № 1. S. 52–72.

¹⁵ *Natalizi M.* La rivolta degli orfani. La vicenda del ribelle Pugačev. Roma, 2011.

¹⁶ Документы ставки Е.И. Пугачёва, повстанческих властей и учреждений / Отв. ред. Р.В. Овчинников. М., 1975; *Овчинников Р.В.* Манифесты и указы Е.И. Пугачёва. М., 1980; Воззвания и переписка вожakov пугачёвского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А. Усманов и др. Казань, 1988; Крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачёва в Марийском крае / Сост. А.Г. Иванов. Йошкар-Ола, 1989; Емельян Пугачёв на следствии. Сборник документов и материалов / Сост. Р.В. Овчинников. М., 1997; *Овчинников Р.В.* Следствие и суд над Е.И. Пугачёвым и его сподвижниками. М., 1995.

¹⁷ *Perrie M.* «Royal Marks»: Reading the Bodies of Russian Pretenders, 17th–19th Centuries // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* Vol. 11. № 3. Summer 2010. P. 535–561.

¹⁸ *Natalizi M.* La rivolta degli orfani...

¹⁹ *Шарф К.* Пугачёв: император между периферией и центром. К постановке проблемы // *Ab Imperio.* 2003. № 1. С. 99–113.

фию последних десятилетий и ознаменовала отход от традиции, склонявшейся к устаревшему восприятию пугачёвщины как социального или казачьего восстания. Введя в дискуссию справедливую переоценку мифа о «крестьянском царе», Шарф помог критически осмыслить многие моменты движения, в частности, некоторые характеристики изображения государя в документах повстанческого лагеря. Заявив, что образ Пугачёва не имеет ничего общего ни с традицией московских царей, ни даже с образом «крестьянского царя», а явно отсылает к петровской имперской традиции, он очистил почву от идеологизирующих интерпретаций, приписывающих действиям крестьянских масс реакционный и ретроградный характер²⁰. Несомненным достоинством этого подхода стало то, что он позволил выявить следы такого «видения власти» восставших, в котором встреча воспоминаний и воображения даёт жизнь «бескомпромиссной борьбе за завоевание абсолютной власти в империи» — политическому проекту, своим общеимперским масштабом выходящему за пределы узкого культурного и социального кругозора окраин и отдельных народностей²¹. Более того, только принимая во внимание ощущение «брошенности» российских подданных, на которое указал в своё время Раев и которое подчёркивает Шарф, можно понять реальный смысл рассмотрения через призму мифа о Петре III петровской традиции, постоянно всплывающей в прокламациях и манифестах Пугачёва, — программы, предлагавшей царю и государству для защиты своих подданных-«сирот» решиться на вторжение в сферы, в которые те ранее не смели вмешиваться.

Вопросы, поставленные Шарфом, стали отправной точкой для ряда исследований, касающихся «политического» значения мифа о «царе-освободителе», выраженного в типичных для пограничного и крестьянского мира формах представлений о государственной модели, сложившейся в результате петровских реформ и вырождавшейся при преемниках первого императора. В последнее десятилетие успехом увенчались исследования К.С. Ингерфлома, посвящённые событиям 1773–1775 гг., где предпринята попытка прояснить особенности репрезентации власти, а значит, и миф о Петре III, противопоставленный восставшими государству Екатерины. Автор анализирует нюансы концептуального универсума, способного выработать через самозванство собственную, пусть примитивную и громоздкую, концепцию государственного устройства, в которой последователи Пугачёва видели альтернативу образу правления Екатерины²².

Книга Ингерфлома — это труд о самозванстве в русской истории. Но, говоря о восстании 1773–1775 гг., автор сконцентрировал внимание на «серийном самозванстве». Именно эта особенность, по его мнению, в наибольшей степени характеризует пугачёвщину. Действительно, решение значительного числа предводителей повстанческой армии взять имена ведущих представителей правительства Екатерины, сделав положительными героями фигуры тех, кто скорее был объектом презрения, стало особенностью этого явления. Это даёт повод задуматься о том, что, учредив 6 ноября 1773 г. в Берде Военную коллегию, мятежники заложили фундамент для мифа о Петре III, а вместе с тем и для представления о государстве, более чутком к нуждам и интересам

²⁰ Там же. С. 100.

²¹ Там же. С. 101.

²² *Ingerflom C.S. Le Tsar, c'est moi: L'imposture permanente, d'Ivan le Terrible a Vladimir Poutine.* Paris, 2015.

народа²³. Создание Военной коллегии, где атаман А.А. Овчинников принял имя гр. Панина, а И.Н. Зарубин-Чика — гр. Чернышёва, обеспечило пугачёвцам единую организацию и руководство. Во главе начинающегося бунта могли встать не отдельные отряды, не казачество, а организованная сила, которая выдвинет народные требования и будет до конца верна им. Координирование действий, равно как и вовлечение в восстание всех общественных групп было необходимо во избежание межэтнического раскола. Военная коллегия в Берде и штаб Зарубина-Чики в Уфе стали центрами политической коммуникации, состоявшими из людей, преданных своему делу, готовых собрать и вести за собой повстанческие силы.

Это направление исследований привлекло внимание историков к двум важным вопросам. Первый — об устойчивости некоторых категорий, недавно использовавшихся в западноевропейской историографии для интерпретации восстания, таких как «пограничное восстание» или «казачье восстание». Несмотря на несомненные и многочисленные достоинства, такой взгляд часто демонстрирует «иконоборческую» логику, реагируя на способы представления восстания и самого Пугачёва, связанные в основном с интерпретацией восстания в ключе «крестьянской войны».

Второй вопрос подразумевает пересмотр «программы» пугачёвщины и её политического содержания целом. Вновь возникла необходимость переосмысления интерпретаций социально-экономических, политических и этнических мотивов восстания. Не случайно новейшие исследования инородческих групп, как, например, фундаментальный труд Ч. Стейнведеля, заставляют осознать невозможность выделения единой социальной базы движения, которое, «без сомнения... началось как казачье восстание и закончилось широким восстанием против крепостного права, охватившим территорию от Казани на севере до берегов Каспийского моря на юге и от Тамбова на западе до восточных склонов Уральских гор. Однако большинство тех, кто сражался с войсками императрицы, не были казаками, а многие, участвовавшие в мятеже, не были крепостными, и крепостная зависимость им не грозила. Мусульмане в целом и башкиры в частности сыграли решающую роль в восстании. Без их участия восстание, скорее всего, так и осталось бы тем локальным казачьим мятежом, которым руководство империи считало его изначально»²⁴. На основе протоколов допросов пленных повстанцев и документов из штаба «Петра III» исследование Стейнведеля раскрывает всю сложность социальных и этнических процессов, показывает состав инородческих групп, проживавших между средним течением Волги, Камы и Урала. «Башкирские элиты и религиозные деятели заявляли о поддержке Пугачёва ещё до осады Оренбурга, — констатирует он. — Казалось, они видели в его движении силу, которая защитила бы их земли и свободу вероисповедания, одновременно снизив налоговое и служебное бремя. На допросе в секретной комиссии по расследованию восстания Пугачёв позже вспоминал, что башкирский староста Кинзя Арсланов к началу октября привёл отряд из 500 человек, а в конце месяца — 5 тыс. человек. К концу 1773 г. башкирские отряды, прибывшие в штаб Пугачёва, насчитывали от 10 до 12 тыс. человек, что составляло от трети до почти половины предполагаемой численности повстанцев. Остальные участвовали

²³ Ibid. P. 213.

²⁴ *Steinwedel C. Threads of Empire: Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiriya, 1552–1917. Bloomington, 2016. P. 70.*

в осаде Уфы и других операциях. Из 120 человек, назначенных офицерами “Военной коллегии” Пугачёва, 44 были мусульманскими муллами. Администрация Уфы подтверждала массовую поддержку Пугачёва среди нерусского населения: 77 из 86 башкирских, 37 из 40 мещеряцких старост и почти все башкирские дворы так или иначе помогали ему. Похоже, повстанцев поддерживало большее количество местного населения, нежели сражалось с войсками императрицы в войне 1735–1740 гг. и восстании 1755 г., что свидетельствует об ослаблении позиций имперского центра среди нерусского населения»²⁵.

С этими соображениями, однако, тесно связана необходимость осмысления «видения» повстанческих сил. Разумеется, историки не ставили перед собой задачи отрицать основополагающую роль казачества, давшего начало восстанию, и не оспаривали военного значения казачьего ядра или башкирских воинов²⁶. Но жёсткое отождествление движущей силы пугачёвщины с этими двумя группами привело к тому, что в оценке «политического» характера бунта отводилось мало места для осмысления этнического и религиозного факторов. Из многообразия представлений отдельных групп или этносов о своём месте в государственном устройстве России возникает и утверждается специфическая форма «видения», лежавшая в основе пугачёвщины, на культурном и религиозном уровне нашедшая отображение в «самозванстве Петра III»²⁷. На социально-правовом уровне это привело к сожалениям о разрушенной государственной модели Петра I, как она воспринималась народными слоями вне зависимости от исторической реальности – в частности, о подконтрольности дворянства и покровительстве крестьянским и городским общинам, казачеству и полукочевому населению со стороны государя и чиновников.

И именно этот вопрос я поднял в моей книге 2011 г. – насколько мне известно, единственной за пределами России монографической работе первой четверти XXI в., посвящённой Пугачёвскому восстанию. Это была попытка изучить представления о власти и, следовательно, миф о Петре III, который повстанцы противопоставляли екатерининскому правлению, путём пересмотра роли в восстании казаков, различных категорий крестьян (помещичьих и церковных, но прежде всего государственных, включавших в себя, помимо русских, также татар, удмуртов, марийцев, чувашей и мордву), рабочих уральских заводов и полукочевого населения. В книге анализируются черты мировоззрения, альтернативного екатерининскому государству, несомненно, примитивного, но способного выработать собственную своеобразную концепцию организации власти, при которой никто не должен иметь незаслуженных привилегий,

²⁵ Ibid. P. 73.

²⁶ *Berelovitch W.* La grande insurrection de Pougatchev (1773–1775): la révolte des primitifs // *Révoltes et révolutions en Europe (Russie comprise) et aux Amériques de 1783 a 1802.* Paris, 2004. P. 61–81; *Tucker S.* Pugachev's rebellion (1773–1775) // *The Roots and Consequences of Civil Wars and Revolutions. Conflict That Changed World History.* Santa Barbara (California); Denver (Colorado), 2017. P. 139–146.

²⁷ Что касается истории культуры восстания, то интересное развитие получили выводы В. Береловича относительно воспоминаний о бунте: «Изучение этой литературы почти не обнаруживает явной преемственности: иными словами, допросы и свидетельские показания XVIII века не содержат намеков на восстания XVII века» (*Berelovitch W.* *Guerres civiles et révoltes...* P. 220). Однако это не означает, что память о восстаниях утеряна. Например, на Дону казаки сохранили предания о восстаниях, тем более что выступления С.Т. Разина и К.А. Булавина были лишь самыми яркими в длинном перечне более ограниченных конфликтов, следов которых мы уже не видим. Ведь рассказов и особенно песен, посвящённых Разину, было много – героических и хвалебных. См. также: *Griesse M.* *Popular memory...* P. 211–214.

и служить обязаны даже дворяне. Цель исследования — показать, как в русском обществе времён Екатерины II чувство «сиротства» (выражавшегося в ощущении, что государство отдало своих подданных на произвол дворянского сословия, что постоянно всплывало в наказах, посылаемых в Уложенную комиссию и в манифестах «Петра III»), приводило к тому, что группы с самыми разными интересами восставали против характерного для послепетровского государства дворянского гнёта и чиновной коррупции. Это не было стремлением вернуться в Московское государство или отрицанием государства как такового, а, как ни парадоксально, движением в защиту петровской государственности, воспринимаемой и идеализируемой через призму мифа о Петре III²⁸.

Я исходил из того, что самозванство «амператора Петра III» представляло собой попытку заглянуть в будущее и возвестить о том, что однажды время вельмож и коррумпированных чиновников закончится и начнётся новая эра. Несколько упрощая, можно сказать, что было два восстания: одно добивалось восстановления казачьих вольностей, а второе, начавшееся во время осады Оренбурга в октябре 1773 г. и усилившееся после образования второго очага в Уфе в декабре того же года, стремилось к изменению самого типа государства, возникшего и утвердившегося в России при преемниках Петра I, зависевших от придворной знати. После первых побед благодаря стихийному распространению движения у различных инородцев и русских крестьян, проживавших в регионе между Уралом, Средней Волгой и Камой, возникло общее видение целей. На горизонте восставших воздвигалось Государство, в котором собеседником царя была совокупность всех групп, входящих в его владения — идеальное Государство, в рамках которого русские и представители других этносов стремились к сохранению своего статуса и рассчитывали жить, подчиняясь общим законам²⁹.

Длительная осада Оренбурга не случайно стала переломным моментом в развитии пугачёвщины: именно необходимость привлечь на сторону восставших другие народы, а также длительный контакт между группами разного происхождения под стенами осаждённого города побудили руководство к упорядочению движения и выработке общих требований, основанных на патерналистском и всеохватывающем образе императорской власти. Изучение допросов арестованных повстанцев и указов, распространяемых ими в городах и сёлах, позволяет обрисовать «видение» восставших, построенное на мифе о воскресшем императоре.

На короткое царствование Петра III легко накладывались мифологизированные образы самодержца и надежды на справедливое правительство, внимательное к нуждам подданных. Церемониалы, созданные вокруг самозванца, манифесты и указы, распространяемые его штабом, вопреки устоявшемуся прочтению, дают возможность выдвинуть гипотезу о том, что пугачёвцы оспаривали не имперский замысел Екатерины II и не централизацию власти, а вырождение этих принципов. Иными словами, не мнимые успехи централизаторской политики обостряли недовольство крестьян, а, напротив, её провал. События 1773—1775 гг. вряд ли можно трактовать исключительно как «казачий бунт» или «пограничное восстание»³⁰.

²⁸ Natalizi M. La rivolta degli orfani... P. 62—94.

²⁹ Ibid. P. 96—162.

³⁰ Cecere D. Violenza... P. 1019.

Другой аспект — значение пугачёвщины для политических механизмов, в том числе и за пределами России. Эта тема, наименее изученная в историографии, относится к конструированию публичного дискурса, к борьбе за идеологическую гегемонию в национальной и международной публичной сфере. Речь идёт не только о прямых формах трансляции, но и о косвенных отзвуках, опосредованных, случайных, в настоящее время привлекающих всё большее внимание историков. Одним из свидетельств внимания к данной тематике является выход коллективного труда с выразительным названием «*Reverberations of Revolution. Transnational Perspectives*» («Отзвуки революции. Транснациональные перспективы») под редакцией Э. Аманн и М. Бойдена, посвящённого изображениям переворотов и восстаний, происходивших в других частях света или в более ранние времена, писателями, художниками, интеллектуалами, а также влиянию образа этих событий на политическую жизнь³¹. Революции обычно представляются как время новых начинаний и переосмысления всей политической системы, однако более уместно рассматривать их как повторяющиеся события, отражающиеся в нескольких плоскостях. В своём буквальном значении слово «*reverberations*» относится к многократному отражению волн, света, тепла или звуков от поверхностей. Под «отзвуками революции» подразумевается не просто эхо идей, дискурсов и предметов, но и то, как они отражают и как сами отражаются от идей, дискурсов и предметов других периодов и мест. Революционная мысль и культура часто влияют на другие регионы, в свою очередь преломляющие или перенаправляющие их. Революции, кроме того, могут отразиться и во времени³².

«Отзвуки пугачёвщины» уже несколько лет являются одной из центральных тем размышлений историка М. Гриссе. Он рассмотрел вопрос о том, как восстание 1773–1775 гг. через свои «отголоски» преломлялось (а иногда искажалось и упрощалось) в мировой общественной мысли, приобретало новые идеологические значения во Франции или германских государствах. Восстановив нити дискуссии, начатой Вентури, Гриссе проанализировал контекст, в котором публикации о пугачёвщине, появившиеся за рубежом, нарушили рисуемую Екатериной II картину подавления восстания³³. Императрица пыталась «предать забвению» события недавнего бунта, но заглушить отголоски восстания за пределами России она не смогла. В статье Гриссе анализируются две работы, к великому неудовольствию царицы вышедшие в свет за границей. Первая — «биография» Пугачёва «*Le Faux Pierre III*», написанная анонимным автором и опубликованная на французском языке в 1775 г. Здесь бунтарь изображён космополитом и просвещённым реформатором. Другая работа, вероятно, задуманная как реакция на первую, появилась анонимно на немецком языке в 1784 г. и представляла собой памфлет о восстании, показывая Пугачёва безграмотным зверем. Гриссе попытался понять, каким образом эти тексты были переведены на русский язык, когда появилась возможность обойти цензурный запрет, как отголоски из-за рубежа могли повлиять на внутреннюю политику империи. Важны и размышления о значении деформации, которую претерпевает образ событий при реконструкции. В данном случае речь идёт о французском и немецком контекстах последней четверти XVIII в., о сложно-

³¹ *Reverberations of Revolution...*

³² *Ibid.* P. 2.

³³ *Griesse M. Pugachev Goes Global. The Revolutionary Potential of Translation // Reverberations of Revolution...* P. 13–35.

сти системы перекрёстных ссылок, позволяющих спроецировать собственные потребности и идеи, драмы и иллюзии на события чужого прошлого.

Усилия немецкого историка направлены на то, чтобы не замкнуть осмысление текстов в герменевтическом контуре, изолированном от исторических и политических реалий. Заслуга статьи Гриссе заключается в том, что он на конкретных примерах показал сложность взаимосвязи между сюжетом революционных событий и формированием некой традиции их осмысления. Так, «биография» Пугачёва «Le Faux Pierre III», адресованная прежде всего французской аудитории, недавно ставшей свидетелем серии голодных бунтов и их подавления королевскими войсками в апреле–мае 1775 г., построена на завуалированном обличении деспотической власти и на размышлениях о преимуществах демократии. Через серию многослойных сопоставлений складывается понятный западноевропейскому мыслителю образ: вместо казака-самозванца перед читателем предстаёт космополитичный человек эпохи Просвещения, добросовестно изучивший все европейские политические системы и конституции, прежде чем вернуться на родину и бросить вызов Екатерине от имени её свергнутого мужа. Идея бунта была не только способом категоризации конфликта, но и репертуаром, из которого исторические действующие лица, сбивчиво или ясно, черпали мотивы и темы, пригодные для своих манипуляций.

Гриссе настаивает на важности «вытеснения» пугающего и тревожного образа восстания как архетипа подрывной деятельности: «Какое влияние оказала политика “проклятия памяти” на представления о восстаниях? Кто и когда писал о событиях после указа об их предании забвению? В какой степени международные отражения и сопутствующие акты перевода и их ретрансляции сформировали образ лидера повстанцев?»³⁴. Отвечая на эти вопросы, Гриссе умело реконструирует цензурную политику Екатерины, направленную на предание восстания забвению и на предотвращение угроз, связанных с появлением публикаций о нём за рубежом. Автор показывает, как именно этот механизм мог стать индикатором восприятия революционного характера событий 1773–1775 гг., разрушая сложившийся в историографии образ напрасного и архаичного восстания.

В заключение подчеркну, что пугачёвщина всё ещё заслуживает внимания историков. Одна из гипотез, на основе которой можно было бы строить её изучение, состоит в том, что обращение к силе являлось лишь одной из форм борьбы (хотя и наиболее радикальной), с помощью которой сообщества пытались достичь своих целей, в том числе политических, отстаивать собственные права, интересы и привилегии. Последние исследования показывают, что насильственный протест многочисленных социальных групп, населявших район восстания, оказался завершающим этапом того, что можно назвать «микрopolитикой сообщества», в которой различные формы представительства, давления, убеждения и санкций предшествовали прямым протестным действиям. Наряду с «революциями» тех лет пугачёвский бунт, благодаря его европейским отголоскам, помогает лучше понять фазу кризиса старого режима, характеризующуюся расширением и соединением общественных сфер, идеологической радикализацией и политической поляризацией.

³⁴ Ibid. P. 15.

«Не-сталинский» Советский Союз: формирование и трансформация нового международного имиджа страны в годы оттепели (1953–1968)

Елена Зубкова

«Non-Stalin's» Soviet Union: formation and transformation of the new international image of the country in the years of Thaw (1953–1968)

Elena Zubkova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23060020, EDN: NRDZQM

Время оттепели – период знаковых перемен в политической, экономической и культурной жизни Советского Союза и его граждан. Они были связаны не только с принятием и реализацией конкретных решений, но и с формированием нового имиджа страны. Известно, что правильно подобранный имидж является основой для политических шагов и, напротив, имиджевые просчёты, как правило, не остаются без политических и репутационных последствий. Р.М. Горбачёва однажды призналась: «Никто не объяснил нам, что такое имидж. И, конечно же, мы наделали кучу ошибок»¹. Н.С. Хрущёв тоже не знал, что такое имидж, как не знал он и самого этого слова. Но именно он стал первым советским публичным политиком, который успешно использовал PR-технологии, часто не подозревая, подобно персонажу Ж.-Б. Мольера, что «говорит прозой».

Имидж страны – явление многофункциональное, поскольку формируется с учётом разных целевых аудиторий внутри и за пределами государства. Можно говорить об имидже национальном, для «внутреннего употребления», и международном – о «картинке», которая транслируется «на экспорт». Долгое время исследования имиджей России/СССР в мире концентрировались на до-революционном периоде и первой половине XX в.² Для истории оттепели эта проблематика носила «сопутствующий» характер, хотя биографы Хрущёва – от Э. Крэнкшоу до У. Таубмана – так или иначе затрагивали сюжеты, связанные с образом своего персонажа³. Первое исследование, специально посвящённое изучению процесса формирования, трансформации и рецепции международного имиджа Советского Союза и в особенности Хрущёва в годы оттепели, а также советских имиджевых технологий этого периода в целом, предпринял

© 2023 г. Е.Ю. Зубкова

¹ Цит. по: *Почепцов Г.Г.* Имиджология. М., 2009. С. 12.

² См., например: *Буранок С.О.* Опасный союзник: образ Советского Союза в прессе США (май 1945 г.) // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 191–197; *Голубев А.В., Невежин В.А.* Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е – первая половина 1940-х гг. М., 2016; *Дэвид-Фокс М.Ш.* Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М., 2015; *Журавлёва В.И.* Понимание России в США: образы и мифы, 1881–1914. М., 2012; и др.

³ *Crankshaw E.* Khrushchev: a career. N.Y., 1966; *Таубман У.* Хрущёв. М., 2005 (оригинальное издание: *Taubman W.* Khrushchev: the man and his era. Norton, 2003).

С.А. Зубков⁴. Сейчас это одно из востребованных направлений изучения советской/российской истории⁵. В данной статье речь пойдёт об одном из важных аспектов этого сложного процесса – формировании образа «не-сталинского» СССР как части его международного имиджа.

Запрос на новый имидж стал ответом на вызов внешнеполитический, прежде всего со стороны Запада (хотя и отношения с восточноевропейскими странами или Китаем в начале 1950-х гг. тоже не внушали оптимизма). Сталинские наследники – «коллективное руководство» – встали перед выбором: продолжать политику конфронтации или искать пути к диалогу. Обе стороны к тому времени уже вполне осознавали бесперспективность конфронтационного пути, но налаживанию диалога мешали разные факторы – от прошлого негативного опыта до стереотипов восприятия друг друга⁶. В конце концов, мешал И.В. Сталин. В марте 1953 г. этого препятствия не стало. Смерть вождя сама по себе может рассматриваться как символическая точка отсчёта в формировании нового образа страны, её международного имиджа.

Холодная война – это и «война имиджей». Образ «врага», характерный как для восприятия западного мира в СССР, так и Советского Союза в странах Запада, стал серьёзным препятствием на пути партнёрских отношений между ними – коммуникационного пространства нового качества. Поэтому образ «другого СССР» складывался, безусловно, с учётом настроений западной аудитории, её запросов и опасений. Когда советские журналисты в 1955 г. впервые после войны приехали в США, они с удивлением отмечали, как простые американцы при встречах не раз им говорили: «Мы вас боимся». «У многих из них не ликвидированы навязанные холодной войной опасения якобы коварных намерений СССР», – так комментировались эти настроения в отчёте о поезд-

⁴ Зубков С.А. Формирование международного имиджа Н.С. Хрущёва: 1955–1964 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; Зубков С.А. «Лицом к лицу»: формирование международного имиджа Н.С. Хрущёва в средствах массовой информации // Новый исторический вестник. 2007. № 1. С. 100–107; Зубков С.А. Хрущёв и Запад: проблемы формирования международного имиджа советского лидера // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 127–152; Зубков С.А. Хрущёв и западные журналисты. Практики формирования международного имиджа советского лидера // Проблемы истории России. Вып. 8. Магнитогорск, 2008. С. 314–323; Зубков С.А. Советская пропаганда на зарубежные страны и формирование нового образа страны и её лидеров в мире. 1953–1964 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 5. М., 2009. С. 254–275.

⁵ Котеленец Е.А. Образ Советского Союза в мире: факторы и динамика восприятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2013. № 3. С. 76–90; Мукулич Д.И. Отражение образа Н.С. Хрущёва как руководителя советского государства в западной прессе в период 1953–1964 гг. // Научные исследования: история, образование и культура, сфера дизайна и туризма. М., 2017. С. 209–214; Крючков Д. Особенности формирования имиджа лидеров СССР на обложках журнала «Time» с 1923 по 1991 гг. // 60 лет Российскому университету дружбы народов: история страны в истории университета. М., 2020. С. 176–191; Петрова Т.М. Формирование имиджа Н.С. Хрущёва в советской прессе 1953–1964 гг.: институциональный анализ // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. Т. 20. 2020. № 1. С. 48–54; Стрельцов Д.В. Факторы негативного образа СССР в Японии в период холодной войны // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 2. С. 32–46; Чистиков А.Н. Образ советской страны и её лидера в поздравительных письмах и телеграммах к юбилеям Н.С. Хрущёва // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 23. 2022. № 3–1. С. 225–235; и др.

⁶ О внешнеполитических и инокультурных стереотипах, их влиянии на образ страны см. подробнее: Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу республику...». Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М., 2008. С. 5–17.

ке⁷. Советский Союз, страх перед его «коварными намерениями» в восприятии граждан западного мира были неотделимы от Сталина – персонифицированного носителя угрозы. Исходя из этого «другой» СССР предстояло позиционировать, прежде всего, как «не-сталинский».

С этой исходной позиции выстраивался новый имидж страны. Он должен был стать результатом реализации целевого замысла советских пропагандистских структур (PR-проекта, выражаясь современным языком⁸), но одновременно формировался и корректировался вне зависимости от этих усилий, стихийно – под влиянием реальной ситуации: значимых событий в стране и мире, особенностей восприятия аудиторией. В конструировании имиджа были задействованы разные институты, инструменты, каналы – от официальных до личных. Процесс формирования и трансформации международного имиджа СССР в годы оттепели (1953–1968)⁹ условно можно разделить на несколько этапов. Начальный – 1953–1955 гг.: от смерти Сталина до первых визитов советских руководителей на Запад, характеризующийся интенсификацией дипломатических контактов; «пиковый» – 1956–1960 гг.: от XX съезда КПСС до визита Хрущёва во Францию; конфронтационный – 1960–1962 гг.: от инцидента с американским самолётом-разведчиком 1 мая 1960 г. до Карибского кризиса; реверсивный – 1963–1968 гг.: от Московского договора о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой до «Пражской весны».

Первый этап начался с сигналов советского руководства о готовности к диалогу. Уже в марте–апреле 1953 г. состоялся «обмен жестами» между новым лидером страны Г.М. Маленковым и президентом США Д. Эйзенхауэром. Причём Маленков выступил первым. В траурной речи в день похорон Сталина 9 марта он говорил о недопущении новой войны, о политике мира, основанной на взаимном доверии¹⁰. Эйзенхауэр ответил 16 апреля в выступлении на заседании Американского общества газетных редакторов. Он начал речь с символического сравнения: весна 1953 г., подобно весне 1945-го, может дать «шанс для установления справедливого мира», но не повторить при этом грустный опыт нереализованных надежд конца войны. Президент не удержался от критики советской системы и Сталина, обвинив их в обострении международной ситуации и гонке вооружений, но в то же время со сдержанным оптимизмом отметил: «Связи (Советского Союза. – Е.З.) с прошлым, какими бы сильными они ни были, не могут полностью связывать его. Его будущее в значительной мере зависит от него самого»¹¹. 24 апреля вопрос о речи Эйзенхауэра и реакции

⁷ Цит. по: Зубков С.А. Советская пропаганда на зарубежные страны... С. 256.

⁸ О формировании нового имиджа СССР и его лидера Хрущёва как PR-проекта см.: Zubkova E., Zubkov S. Das große PR-Projekt «Nikita Chruščev für den Westen»: Konstruktionsmechanismen und Repräsentationsstrategien eines neuen Sowjetunionbildes // Pietrow-Ennker B. (Hrsg.). Russlands imperiale Macht. Integrationsstrategien und ihre Reichweite in transnationaler Perspektive. Köln, 2012. S. 209–225.

⁹ С моей точки зрения, и после отставки Хрущёва в октябре 1964 г. общественно-политические процессы, получившие название «оттепель», несмотря на попытки ресталинизации, сохраняли положительную динамику – вплоть до событий в Чехословакии 1968 г. Экономическая реформа и важная часть социальных программ 1960-х гг. начались после 1964 г. Это даёт основание для расширения традиционных хронологических границ оттепели. Подобная хронология отражает и изменения международного имиджа страны, на который события 1964 г. не оказали существенного влияния.

¹⁰ Правда. 1953. 10 марта.

¹¹ Известия. 1953. 25 апреля.

на неё обсуждался на заседании Президиума ЦК КПСС, который принял решение опубликовать в центральной печати ответную статью «К выступлению президента Эйзенхауэра»¹². На следующий день она появилась на первых страницах газет «Правда» и «Известия», а последняя поместила в том же номере и саму речь американского лидера.

Это обоюдное зондирование, несмотря на критические выпады с обеих сторон, тем не менее отражало скорее готовность к диалогу, нежели стремление к дальнейшей конфронтации. В августе 1953 г. Маленков говорил уже о необходимости разрядки международной напряжённости (и тогда впервые официально употребил это понятие)¹³, а в марте 1954 г. произнёс крамольную с точки зрения идеологического канона фразу, объявив, что Третья мировая война означала бы «гибель мировой цивилизации»¹⁴. За подобное «капитулянтство перед капитализмом» в числе прочих «ошибок», инкриминированных ему соратниками, советский премьер лишился своего поста, а политику сближения с Западом продолжил его главный соперник и критик – Хрущёв.

Ещё один шаг в направлении формирования нового имиджа страны был сделан в конце 1953 г.: 24 декабря открылся ГУМ – из здания Верхних торговых рядов на Красной площади выселили многочисленные конторы и открыли самый большой в СССР универсальный магазин. Символично, что сообщение об этом событии появилось в газетах одновременно с другим – о суде над Л.П. Берией, расстрелянным, согласно официальной информации, накануне, 23 декабря. Третьей знаковой «новостью дня», хотя и не такой резонансной, как первые две, стала публикация в «Литературной газете» статьи Л.К. Чуковской «О чувстве жизненной правды». Явилось ли совпадение по времени этих событий намеренным или случайным – судить трудно, но они не прошли незамеченными ни внутри страны, ни в мире. Писатель А.Б. Раскин отозвался на них эпитафией: «Не день сегодня, а феерия, ликует публика московская – открылся ГУМ, накрылся Берия, и напечатана Чуковская»¹⁵. Западногерманский журнал «Der Spiegel» позднее назвал первые после смерти Сталина перемены в СССР «дорогой к ГУМу», имея в виду возвращение к «нормальной» жизни и повседневным потребностям людей¹⁶.

Суд над Берией, которого бывшие соратники сделали ответственным за репрессивную политику и практику прошлого, тоже символизировал своего рода поворот – «новый курс» во внутренней и внешней политике. В этих мерах ещё не прослеживалось очевидного антисталинского подтекста. Но демонстрация готовности нового руководства к политическим переменам и обеспечению достойной жизни гражданам страны, безусловно, работали на новый, не-сталинский имидж Советского Союза.

В его формировании приняли участие и новые руководители страны: в конце концов, именно лидеры являются «лицом» государства. И они сменили стиль – поведения, общения с зарубежными партнёрами, даже одежды – с военизированного, «сталинского», на штатский. Соотечественники встретили это благосклонно. В почте К.Е. Ворошилова сохранилось письмо жительни-

¹² Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. В.П. Наумов, Ю.В. Сигачёв. М., 1999. С. 404.

¹³ Правда. 1953. 6 марта.

¹⁴ Там же. 1954. 13 марта.

¹⁵ Цит. по: *Чупринин С.И.* Оттепель: события. Март 1953 – август 1968 г. М., 2022. С. 62.

¹⁶ Die Straße zu «GUM» // Der Spiegel. 1957. 17 Juli. S. 28–33.

цы Риги, оценившей перемены в облике «коллективного руководства»: «Очень всем понравился последний снимок в “Правде” на Тушинском аэродроме, где товарищ Маленков в обыкновенном костюме (а не полувоенной формы сталинской гимнастерке!), где Вы так хороши в белом и где Никита Сергеевич совсем по-человечески одел “украинку”»¹⁷.

Правда, в стиле одежды советских руководителей случались и имиджевые просчёты. Например, накануне Женевского совещания (июль 1955 г.) в зарубежной прессе появились портреты нового главы правительства Булганина в военной форме, тогда как его западные партнёры, даже Эйзенхауэр, были в штатском. «Распространение портрета тов. Н.А. Булганина в военной форме плохо соответствует духу Женевского совещания», — комментировал ситуацию корреспондент «Огонька»¹⁸. Вместе с тем западные журналисты довольно быстро изменили предвзятое отношение к главе советской делегации, стоило ему, прибыв в Женеву, предстать перед ними в штатском костюме¹⁹.

За пределами страны смена имиджа не обошлась и без дипломатических погрешностей. Штатский, но повседневный стиль одежды оказывался уместен не везде, особенно на протокольных мероприятиях. И когда, например, члены советской делегации во время визита в Югославию в 1955 г. явились на вечерний приём в обычных костюмах вместо смокингов, хозяева высказали по этому поводу недоумение²⁰. В оправдание гостей можно сказать, что они рассматривали визит скорее как «товарищеский», тогда как И. Броз Тито всячески дистанцировался от навязываемой ему «братской дружбы». Впрочем, подобных просчётов научились избегать.

Западные партнёры уже на первых встречах с представителями нового кремлёвского руководства отмечали перемены в стиле общения. Так, во время конференции четырёх министров иностранных дел в Берлине (январь—февраль 1954 г.) удивлял В.М. Молотов, имевший до того стойкую репутацию жёсткого политика сталинского типа. Теперь он «старался продемонстрировать свой новый, как теперь говорят, имидж, отличный от образа твердокаменного сталинского наркома прошлых лет», — делился наблюдениями присутствовавший на переговорах помощник министра иностранных дел СССР О.А. Трояновский²¹.

Импонировал западной публике Булганин, который стал посещать Европу в ранге председателя правительства. Как отметил «Der Spiegel», это был первый советский лидер, от которого «пахло Кёльнской водой»²². Не менее благосклонные отклики вызвало первое появление на Западе Маленкова. В 1956 г. Хрущёв решил направить его в Великобританию — для зондирования почвы в преддверии своего визита: посмотреть, как примут в этой стране посланца СССР. Маленков к тому времени уже потерял пост премьера и занимал должность министра электростанций. Но приём, оказанный ему англичанами и особенно англичанками, превзошёл все ожидания. Фото Маленкова, буквально зацелованного английскими барышнями, обошли многие западные газеты. Причёска «под Маленкова» с характерной прядью, падающей на лоб, стала «хитом сезона». Журнал «Daily Sketch», имевший репутацию «строго консервативного»,

¹⁷ ГА РФ, ф. Р-7523, оп. 58, д. 141, л. 107.

¹⁸ РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 714, л. 97.

¹⁹ Ein Duft von Kölnisch Wasser // Der Spiegel. 1955. 20 Juli. S. 19.

²⁰ Alle, alle sollen kommen // Der Spiegel. 1955. 8 Juni. S. 27–28.

²¹ Трояновский О.А. Через годы и расстояния. История одной семьи. М., 1997. С. 177–178.

²² Ein Duft von Kölnisch Wasser. S. 19.

поместил фото советского министра в ряду современных секс-символов, вместе со звездой кинематографа Валентино и молодым певцом Элвисом Пресли²³.

Что касается Хрущёва, то он не сразу приобрёл статус главного лица страны. Более того, сначала он очевидно проигрывал и «парфюмированному» Булганину, и «интеллигентному» Маленкову. До XX съезда партии западная пресса представляла его главным образом как «аграрника», далёкого от важных государственных проблем (сферы внешней политики в том числе). «Мужик и комиссар», — так охарактеризовал его американский журнал «Time» в 1953 г.²⁴

XX съезд стал звёздным часом Хрущёва. Он утвердился в статусе полноправного, хотя и не вполне официального по международным нормам, политического лидера Советского Союза, его полномочного представителя. Одновременно этот партийный форум, благодаря открытой критике Сталина, может считаться отправной точкой официального оформления образа не-сталинского СССР. Многие зарубежные СМИ тогда обошла карикатура, впервые опубликованная в газете «The Manchester guardian»: Булганин, Маленков, Хрущёв и Микоян сидят у костра перед мавзолеем и сжигают ворох бумаг, символизирующих «сталинские ошибки». К костру с кипой документов спешит Молотов — он готов бросить в огонь «сталинскую внешнюю политику»²⁵. «Коллективное руководство» пока ещё выступало как «коллективный критик» Сталина, однако уже сам факт оглашения антисталинского доклада вывел Хрущёва на позиции «первого среди равных». С этого момента новый имидж страны был уже не отделим от личного имиджа нового советского лидера.

В процессе его конструирования принимали участие различные пропагандистские службы, личная команда спичрайтеров, пресса, радио, телевидение и кинохроника. Но главным творцом своего «лица на экспорт» выступал прежде всего сам «коммунист № 1» — не в последнюю очередь благодаря природной интуиции и актёрским качествам. Он начал с того, что стал позиционировать себя как «не-Сталина». Сталин держал дистанцию с народом — Хрущёв начал «ходить в народ»; Сталин довольно редко выступал публично — Хрущёв делал это регулярно, даже с избытком; Сталин лишь в исключительных случаях покидал пределы страны — Хрущёв активно и с удовольствием путешествовал²⁶. Сравнение со Сталиным — постоянная тема публикаций в западной прессе, причём от этого сравнения Хрущёв, безусловно, выигрывал. Корреспондент «The observer» Крэнкшоу, образно характеризуя политический стиль обоих, называл одного «паровым катком», а другого — «танцором на канате»²⁷.

Первое, что записали в актив Хрущёва западные журналисты, это отказ от террора и разрушение атмосферы страха в стране²⁸. В активе Сталина был имидж вождя-победителя. Сам факт победы в мировой войне служил мощным мобилизационным ресурсом, работавшим на поддержание общественного консенсуса и авторитет главы государства. Хрущёв-фронтовик тоже часто апеллировал к опыту минувшей войны, но не в качестве «права на победу», а в контексте гарантии мира — во избежание будущих военных конфликтов. Произошла

²³ Со ссылкой на «Daily Sketch»: Die tiefen Blicke // Der Spiegel. 1956. 11 April. S. 27–28.

²⁴ The Muzhik & the Commissar // Time. 1953. 30 November.

²⁵ Со ссылкой на «The Manchester guardian»: Der Chruschtschewismus // Der Spiegel. 1956. 29 Februar. S. 34.

²⁶ Zubkova E., Zubkov S. Das große PR-Projekt... S. 212.

²⁷ Der Seiltänzer // Der Spiegel. 1959. 28 Januar. S. 36.

²⁸ The New York Times. 1959. 10 September; Der Spiegel. 1959. 16 September.

своеобразная рокировка образа первого лица страны: Сталина-победителя заменил Хрущёв-миротворец. Имиджу миротворца соответствовал и новый курс советской внешней политики, в проведении которого Хрущёв принимал самое деятельное участие. Попутно развернулось негласное соревнование за статус «главного миротворца», в котором серьёзную конкуренцию советскому лидеру составил Эйзенхауэр, мечтавший войти в историю как «президент мира»²⁹. Но на первом этапе (до мая 1960 г.) Хрущёв это негласное соревнование выигрывал — не в последнюю очередь потому, что инициатива в поиске диалога принадлежала, как правило, советской стороне. «Успех Хрущёва в краже мантии мира беспрецедентен», — заключил бывший помощник госсекретаря США У. Бентон, выступая во Внешнеполитической комиссии Конгресса³⁰.

После XX съезда и критики Сталина образ «другого СССР» дополнился ещё одной, не менее весомой компонентой — прорывом в космос. После успешного запуска в октябре 1957 г. спутник стал визитной карточкой страны — в прямом и переносном смысле. Его изображения заполнили мировые СМИ, он тиражировался на марках, открытках, значках. Но больше всего имиджевых дивидендов принёс Советскому Союзу полёт Ю.А. Гагарина. 12 апреля 1961 г. космос обрёл «человеческое лицо». Космонавт № 1 вполне мог конкурировать с Хрущёвым за право считаться если не главным, то самым популярным «лицом СССР» на мировой арене: снимок улыбающегося космонавта с белым голубем в руках обошёл страницы изданий по всему миру. Другая фотография не публиковалась, но тоже по-своему символична: королева Великобритании Елизавета II, до этого никогда не появлявшаяся на совместных фото с советскими посланцами, сделала для Гагарина исключение. Следующим «полномочным представителем СССР», удостоившимся такой чести, стал только М.С. Горбачёв.

Гагарин воспринимался не столько как наглядное доказательство пропагандистского тезиса о «преимуществах социализма перед капитализмом», сколько как посланец мира. Более того — для образа СССР и его восприятия за рубежом он сделал то, чего не смог сделать Хрущёв: человечество, возможно, впервые почувствовало себя единым целым — землянами. «Его имя, по сути, следовало бы писать с маленькой буквы, так как оно превратилось в понятие... Просто что-то очень хорошее, носящее всеобщий характер», — комментировали феномен космонавта писатели П.Л. Вайль и А.А. Генис³¹.

Встреча Гагарина в Москве 14 апреля 1961 г. транслировалась на весь мир — это был первый опыт подключения советского телевидения к системе «Интервидения». Генеральный директор ВВС Х.К. Грин оперативно телеграфировал в Москву из Лондона: «Горячие поздравления и благодарность за сегодняшнюю передачу Великого исторического события... Ожидаем дальнейшего сотрудничества, которое теснее сближает наши страны»³².

Как образно отметил К. Гества, «Гагарин придал коммунизму лучезарный облик»³³. «Улыбка Гагарина» стала узнаваемой во всём мире, добавив международному имиджу СССР новые черты — шарм и обаяние. Советская пропаганда

²⁹ Ein Friedenspräsident? // Der Spiegel. 1959. 19 August. S. 31.

³⁰ РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 27, л. 121.

³¹ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 1988. С. 24.

³² Цит. по: Зубков С.А. Советская пропаганда на зарубежные страны... С. 266.

³³ Gestwa K. Kolumbus des Kosmos. Der Kult um Jurij Gagarin // Osteuropa. Т. 59. 2009. № 10. S. 121.

достаточно оперативно оценила потенциал феномена — начал складываться культ первого космонавта³⁴. Политико-идеологическая инструментализация космоса в форме культа сначала конкретно Гагарина, а впоследствии и советских космонавтов вообще, не являлась в полном смысле пропагандистской новацией. Она опиралась на предшествующую, сталинскую традицию создания персонифицированных символов советских достижений — галерею героев, в которой пальму первенства уверенно держали лётчики³⁵.

Вместе с тем новый культ космонавтов только отчасти представлял их как наследников и продолжателей дела «сталинских соколов»: они выступали не только как «герои космоса», но и как живые люди, открытые к общению и знакомые с повседневными проблемами сограждан. Корректировка образа героя может рассматриваться в контексте процесса десталинизации — попытки освобождения советского общества от груза тоталитаризма. Некоторые исследователи даже склонны считать начало космической эры символическим свидетельством окончания в СССР сталинского периода, а культ Гагарина — «важным шагом на пути к десталинизации»³⁶. Об этой символической связи гораздо раньше задумывались Вайль и Генис: «Выход в космос казался логическим завершением процесса освобождения и логическим началом периода свободы. Ощущение силы и беззаветной веры в неё сказывалось во всём: в стихах, сибирских стройках, первых хоккейных успехах»³⁷.

Открытие космоса сопровождалось движением к большей открытости советского общества, что также явилось частью стратегии по выстраиванию нового, более привлекательного имиджа страны. И если с космосом всё удалось, то путь к открытости общества оказался весьма неоднозначен, прерывист и так и не был пройден до конца. На этом пути можно отметить ряд знаковых событий: развитие зарубежного туризма, Всемирный фестиваль молодёжи (1957), приезд Дома мод Кристиана Диора, первый Московский международный кинофестиваль и американскую выставку в Сокольниках (все — 1959 г.).

На въездной иностранной туризм возлагалась особая функция: гости должны были стать свидетелями, а потом и трансляторами советских достижений. Сталин тоже использовал этот канал влияния на формирование мирового общественного мнения, в том числе лично принимая иностранных гостей. Но его визави выступали исключительно выдающиеся фигуры: кремлёвский властитель принимал «властителей дум» — Б. Шоу, Г. Уэллса, А. Барбюса, Р. Роллана, Л. Фейхтвангера. Иностранные гости, посещавшие Советский Союз в довоенные и первые послевоенные годы, проходили тщательный отбор с точки зрения лояльности и «полезности» для продвижения позитивного образа СССР. Часто техники гостеприимства срабатывали, и тогда круг «попутчиков» и даже «дру-

³⁴ О культе Юрия Гагарина и космонавтов в СССР подробнее см.: *Rockwell T.* The molding of the rising generation: Soviet propaganda and the hero-myth of Iurii Gagarin // *Past Imperfect.* 2006. Т. 12. Р. 1–34; *Gestwa K.* Kolumbus des Kosmos... S. 121–151; *Коновалова Л.В.* Стану Гагариним, когда подрасту! Культ космоса во властных практиках и восприятии детей в конце 1950-х — 1960-е годы // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2010. № 15. С. 80–87; *Попов А.Д.* Космический супергерой: возникновение культа Юрия Гагарина в контексте взаимоотношений власти и общества в СССР // *Вестник Пермского университета. Сер. История.* 2021. № 3. С. 29–37.

³⁵ *Gestwa K.* Kolumbus des Kosmos... S. 149.

³⁶ *Rockwell T.* The molding of the rising generation... P. 33.

³⁷ *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. С. 25.

зей СССР», делившихся восторженными впечатлениями о стране, множился³⁸. Но случались сбои, о чём свидетельствуют, например, откровения А. Жида после возвращения из поездки³⁹. Всего с 1929 по 1941 г. страна приняла немногим более 133 тыс. иностранных туристов⁴⁰. Эта цифра оказалась значительно скромнее планов созданного в 1929 г. Государственного акционерного общества «Интурист», рассчитывавшего принимать 150 тыс. человек ежегодно.

После войны ситуация не изменилась, и только с середины 1950-х гг. начался новый этап в истории советского туризма — как въездного, так и выездного. По мнению И.Б. Орлова и А.Д. Попова, период оттепели стал «прорывным»⁴¹. Советский Союз, хотя и с некоторым опозданием и с неизбежными ограничениями, включился в «туристическую революцию», пережив масштабные изменения в данной сфере⁴².

Решение об интенсификации иностранного туризма аппарат ЦК КПСС начал готовить весной 1954 г.⁴³ В одном из проектов постановления по этому вопросу (апрель 1955 г.) делался акцент на том, что туризм — важный инструмент «популяризации достижений СССР в области хозяйственного и культурного строительства и дальнейшего упрочения международного авторитета СССР»⁴⁴. О выездном туризме первоначально речь вообще не шла. В январе и марте 1955 г. ЦК КПСС утвердил две инструкции о поведении советских граждан, выезжающих с деловыми целями в страны народной демократии и в капиталистические. В новом уставе «Интуриста» (август 1955 г.) хотя и говорилось о «развитии всех видов туризма как в Советский Союз, так и из Советского Союза»⁴⁵, но в приоритете по-прежнему оставался въездной.

В 1956 г. по линии «Интуриста» СССР посетили 29661 человек, в 1959 г. этот турпоток увеличился почти в три раза (88 102). Реальное число зарубежных гостей существенно превышало эти показатели, однако историки скептически оценивают данные открытой статистики, иногда отличающиеся от «интуристовских» на порядок: так, по 1956 г. приводится цифра в полмиллиона человек, а по 1964 г. — 1 млн⁴⁶.

Для улучшения восприятия страны в мире значимы не столько количественные характеристики, сколько качественные сдвиги в развитии контактов. «Железный занавес» стал проницаем: советские граждане открывали для себя мир и сами становились более открытыми миру. Тема преодоления «железного занавеса», неотделимого от образа «сталинского» СССР, звучала уже в откликах первых иностранных туристов, посетивших страну после 1953 г.

Зарубежные гости приезжали в Советский Союз главным образом в составе делегаций. 29 августа 1955 г. в Ленинград на теплоходе «Баторий» прибыла вну-

³⁸ О «техниках гостеприимства» 1920–1930-х гг. и их эффективности подробнее см.: Дэвид-Фокс М.Ш. Витрины великого эксперимента...

³⁹ Жид А. Возвращение из СССР и поправки к моему «Возвращению из СССР» // Звезда. 1989. № 8. С. 122–168.

⁴⁰ Орлов И., Попов А. Сквозь «железный занавес». See USSR! Иностранные туристы и призрак потёмкинских деревень. М., 2022. С. 146.

⁴¹ Там же. С. 153.

⁴² Орлов И., Попов А. Сквозь «железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм. 1955–1991. М., 2016. С. 5.

⁴³ Там же. С. 40.

⁴⁴ РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 113, л. 32.

⁴⁵ Орлов И., Попов А. Сквозь «железный занавес». Руссо туристо... С. 38, 40–41.

⁴⁶ Орлов И., Попов А. Сквозь «железный занавес». See USSR... С. 156.

шительная группа французских туристов (более 700 человек), которым оказали торжественный приём — с восторженной публикой, цветами и пением «Марсельезы». Несмотря на известную театральность и организованность встречи, французы отреагировали искренне и более чем доброжелательно: «приём восхитительный и восторженный»; «приём невообразимый»; «невозможно представить себе подобный приём, что-то фантастическое». В поле зрения КГБ попало более 400 писем пассажиров «Батория», которые они с борта теплохода по горячим следам отправили родным и друзьям. В сводке писем, оперативно подготовленной для секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова, специально отмечалось, что «все письма содержат положительные высказывания о Советском Союзе и советских людях». Вероятно, туристы понимали, что их корреспонденция может контролироваться советскими спецслужбами, но тон и стилистика писем говорят скорее об их эмоциональности и откровенности: «Железный занавес? Миф!.. Удивлён и тронут приёмом и энтузиазмом»; «Мы совершаем самую прекрасную поездку за нашу жизнь... Вчера мы с такой лёгкостью пересекли железный занавес»; «Самое удивительное — мы свободно ходим по улицам». И как итог: «Наши представления поколеблены»⁴⁷.

Организация группового туризма проходила не без проблем. Если визит французов в 1955 г. можно расценить как вполне удачную PR-акцию, то состоявшаяся несколько раньше, в октябре 1954 г., поездка финских журналистов, по мнению сотрудника ТАСС, изучившего отклики на неё в финских СМИ, «принесла не столько пользы, сколько вреда». Как и большинство других иностранцев, гости по достоинству оценили архитектурные памятники Москвы и Ленинграда, балет Большого театра и московское метро. Но написали они и о другом: «Магазинов в городе мало... в них большие очереди и толкотня, ассортимент товаров маленький и качество их низкое»; москвичи «выглядят мрачными, сердитой и замкнутой массой», «цвета одежды господствуют чёрные или тёмно-синие»; «советский человек привык жить плохо»⁴⁸.

Контрасты между культурой «высших достижений» и повседневной жизнью обычных граждан, заметные даже в Москве и других крупных центрах притяжения иностранных гостей, оказывались тем более очевидны на периферии — особенно там, где ещё оставались следы минувшей войны. В их числе Новгород, стремительно набиравший популярность у туристов на волне растущего интереса к «русской старине». Сильно разрушенный в годы войны город официально открыли для иностранцев в 1956 г. К этому времени прошли или завершались ремонтно-реставрационные работы на территории Детинца, Ярославова дворища, в некоторых храмах. В 1957 г., согласно данным «Интуриста», Новгород принял лишь около 400 иностранцев, но уже спустя несколько лет его посещали от 2,5 тыс. до 6 тыс. туристов в год⁴⁹.

Власти и инфраструктура города оказались не готовы к приёму иностранцев: уровень сервиса и состояние многих памятников культуры не соответствовали задаче «популяризации достижений СССР». Дороги оставляли желать

⁴⁷ РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 118, л. 78–81.

⁴⁸ *Иванова Г.М.* Качество жизни советского человека в середине 1950-х гг. глазами финских журналистов // Петербургский исторический журнал. 2022. № 4. С. 64, 66–67.

⁴⁹ *Чистиков А.Н.* Иностранцы туристы в Новгороде и зарубежные поездки новгородцев в 1950–1960-х годах // Новгородика-2008. Вечевая республика в истории России. Материалы Международной научно-практической конференции. Новгород, 21–23 сентября 2008 г. Ч. 2. Великий Новгород, 2008. С. 67–68.

лучшего, не хватало гостиниц, исторические памятники занимали различные учреждения или их использовали под жильё. Даже на территории Детинца и Ярославова дворища продолжали жить люди, здесь же они держали скот и домашнюю птицу. Зарубежные гости стремились посетить Юрьев монастырь в окрестностях Новгорода, но их туда не пускали, поскольку памятник находился в полуразрушенном состоянии. Во избежание негативного резонанса списки мест и объектов, разрешённых к посещению, в обязательном порядке утверждались обкомом партии⁵⁰.

В программе формирования позитивного международного имиджа СССР реалии повседневной жизни стали и долгое время оставались самым уязвимым звеном. Вместе с тем именно эта сфера советской действительности неизменно привлекала к себе живой интерес иностранцев. Ответом на этот запрос стало изменение содержания советских иноязычных изданий, рассчитанных на массовую зарубежную аудиторию: «Советский Союз», «Советская женщина», «Спорт в СССР». Сохраняя идеологическую направленность, они в то же время начали больше информировать читателей о культуре, образовании, науке, спорте, путешествиях, быте советских людей. Самый яркий и показательный пример из этого ряда — англоязычный иллюстрированный журнал «USSR», основанный в 1956 г. по соглашению между правительствами СССР и США. Он отличался от своих аналогов: не имел русскоязычной версии, будучи адресован американской публике как целевой аудитории, и старался держаться на уровне мировых полиграфических стандартов, поэтому печатался в Финляндии. С 1965 г. он стал называться «Soviet life», что больше соответствовало вкусам и ожиданиям американских читателей. Самым успешным проектом в этой сфере⁵¹ являлся журнал «Спутник», выпускавшийся с 1967 г. Агентством печати «Новости». Он представлял собой ежемесячный дайджест материалов советской прессы на нескольких иностранных языках, освещавший различные аспекты советской жизни. Его появление на излёте оттепели по-своему символично: примерив на себя один из самых популярных образов времени, он же продемонстрировал пределы допущенных перемен.

С точки зрения соотношения имиджевых приобретений и потерь фактор открытости (точнее, полуоткрытости) советского общества нёс в себе очевидные риски, связанные в первую очередь с возможностью сравнивать и выбирать. Любой позитивный имидж строится на демонстрации достижений. Как выяснилось, западный мир и Советский Союз имели разные представления об их иерархии. Это, например, продемонстрировали две выставки 1959 г. — советской в Нью-Йорке и американской в Москве. Они прошли с разницей в две недели по времени и с разрывом в десятилетия по концепциям, что отразили даже их названия: «Выставка достижений советской науки, техники и культуры» и «Американская национальная выставка». СССР привёз на выставку спутник, модель атомного ледокола, новый самолёт, автомобили, станки. Наряду с этими «экспонатами» выставили макеты двухкомнатной квартиры и кухни, демонстрировались образцы модной одежды. Но всё, что касалось повседневно-

⁵⁰ Там же. С. 68–69.

⁵¹ По свидетельству В. В. Познера, «понадобилось только два года, чтобы “Спутник” стал первым (и последним) советским журналом, права на публикацию которого приобрели крупнейшие издатели Великобритании, ФРГ, Франции, Испании и Японии. К концу 1969 года совокупный тираж журнала в капиталистических странах перевалил за миллион — это был неслыханный прорыв!» (Познер В. Прощание с иллюзиями. М., 2013. С. 286).

ной жизни, по большей части относилось к проектам будущего. Американцы же показали, как живут граждане США здесь и сейчас — какую получают зарплату, что на неё могут купить, во что одеваются.

Миф о преимуществах социализма — одна из составляющих советского имиджа — тогда «затрещал по швам». Один из посетителей выставки в Сокольниках вспоминал: «Меня необыкновенно поразил высокий уровень зарплат американских рабочих и дешевизна продовольственных товаров. Запомнилось: одной недели работы среднего американского рабочего достаточно для того, чтобы прокормить семью из четырёх человек. В сравнении с нашей скудной жизнью американский уровень благосостояния представлялся каким-то сказочным изобилием»⁵².

В течение 1956–1960 гг. образ Советского Союза в восприятии западной аудитории претерпел существенную позитивную трансформацию — от опасений до живого любопытства и готовности к налаживанию диалога со всё ещё непонятным, но уже не таким опасным «соседом». О необходимости выстраивания отношений по «соседскому принципу» говорил и сам Хрущёв. Во время визита в Великобританию (1956) он произнёс фразу, которая широко цитировалась на страницах зарубежной прессы: «Надо жить с тем соседом, которого вам послал Бог, а не с тем, которого вы хотели бы иметь»⁵³. Это был пик развития международного имиджа страны, сопровождавшийся интенсификацией дипломатических контактов и культурных обменов, расширением информационного поля и пространства узнавания друг друга.

Изменение отношения западной публики к СССР началось одновременно с изменением её отношения к Хрущёву как «миротворцу». Произошло это после его резких заявлений, связанных со «шпионским скандалом» в мае 1960 г., за которым последовал срыв Парижской встречи в верхах. Западные СМИ обвинили в нём именно советского лидера. «Встреча на высшем уровне и мечта о мирном сосуществовании разбились о скалу упорной воинственности Никиты Хрущёва», — констатировал журнал «Time»⁵⁴. Возродилась тема страха перед «русской угрозой»: «Господин Хрущёв не должен иметь иллюзий. Со времени Гитлера и Сталина никто не пытался запугивать нас так, как он»⁵⁵.

После скандала с самолётом-разведчиком последовали другие события, поколебавшие уверенность западной аудитории в миролюбивых намерениях советского руководства: не вполне адекватное поведение Хрущёва в ООН, ядерные испытания 1961 г., Берлинская стена и, наконец, Карибский кризис 1962 г. Неосторожные выражения советского лидера («мы вас закопаем» или «мы вам покажем кузькину мать») тоже стоили имиджевых потерь. В течение 1960–1962 гг. произошла трансформация его образа: из человека, способного принести мир, он превратился в угрозу и потерял право на «мантию мира»⁵⁶. Одновременно со своим лидером утратил значительную часть положительных черт и образ Советского Союза, даже несмотря на «феномен Гагарина» и продолжение «культурной дипломатии». Это даёт основание рассматривать в це-

⁵² Цит. по: *Фоминых А.Е.* Книги отзывов Американской национальной выставки в Москве 1959 года // Запад–Восток. Научно-практический ежегодник. 2010. № 3. С. 111–112.

⁵³ Courtiers B. & K. // Time. 1956. 30 April.

⁵⁴ Confrontation in Paris // Time. 1960. 23 Mai.

⁵⁵ Цит. по: РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 152, л. 31.

⁵⁶ *Zubkova E., Zubkov S.* Das große PR-Projekt... S. 215.

лом период 1960–1962 гг. как условно конфронтационный в развитии международного имиджа СССР.

Восприятие «другого» — процесс взаимозависимый, поэтому столь же очевидной девальвации подвергся и имидж Запада в представлениях советских граждан. Майский инцидент 1960 г., как и более значимые конфликты начала 1960-х гг., реакция на них вовлечённых сторон наглядно продемонстрировали устойчивость практик «сдерживания» и атмосферы взаимного недоверия. В ситуации холодной войны — «организованного безмирия»⁵⁷ — баланс между противостоянием и сближением означал условность достигнутых компромиссов и хрупкость взаимных симпатий.

Благосклонность западных журналистов вернулась к Хрущёву после преодоления Карибского кризиса и особенно после подписания договора о запрещении ядерных испытаний в августе 1963 г., но он так и не смог снова достичь пика своей популярности на мировой арене. Подобный реверсивный период (1963–1968) переживал и имидж СССР. После смены власти в Кремле «мантию мира» не раз пытался примерить — более или менее удачно — Л.И. Брежнев. Однако по-настоящему и кардинально изменить восприятие Советского Союза удалось только Горбачёву. Перестройка стала и продолжением, и логическим завершением формирования «не-сталинского» СССР.

⁵⁷ *Senghaas D. Abschreckung und Frieden. Studien zur Kritik organisierter Friedlosigkeit. Frankfurt a/M, 1981.*

Обдорская православная миссия 1832–1833 гг.: неудачный опыт проповеди христианства среди обитателей тундры

Сергей Туров

Obdorskaya Orthodox mission of 1832–1833: unsuccessful experience of preaching Christianity among the inhabitants of the tundra

Sergei Turov
(Tyumen State University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X23060032, EDN: NRHFAG

24 декабря 1828 г. указ Святейшего Синода «Об учреждении в Тобольской и Казанской епархиях миссионеров для обращения в православие иноверцев» положил начало миссионерской деятельности на крайнем севере Зауралья (Нижнее Приобье). Считается, что это стало реакцией на рост антихристианских настроений и участвовавшие случаи отпадения от православия представителей старокрещёных народов Поволжья и Сибири¹. Исполняя синодальный указ, архиепископ Евгений (Казанцев), занимавший в 1826–1831 гг. Тобольскую кафедру, инициировал Обдорскую православную миссию, оказавшуюся одной из самых неудачных попыток христианской проповеди в Зауральской тундре. Продолжалась она всего восемь месяцев, с конца июня 1832 г. по март 1833 г. Крестились же благодаря ей всего 17 человек. Опыт оказался настолько негативным, что вновь «о погибающих во тьме язычества» аборигенах Севера вспомнили только в 1854 г., когда Синод по инициативе тобольского архиепископа Евлампия (Пятницкого) и генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда возобновил миссию в Обдорске, не прекращавшуюся уже вплоть до установления в регионе советской власти и в целом действовавшую достаточно успешно. Чем же объяснялись неудачи 1832–1833 гг.? Возглавлявший тогда миссию иеромонах Макарий (Боголепов) сетовал на сопротивление старшин, «бродячий образ жизни» и «зверский обычай» северных народов, а также неразвитость их языков «для объяснения истин христианской религии»². Историк А.И. Сулоцкий связывал возникшие трудности с «разнесшейся ещё до прибытия к ним миссионера молвой, будто их станут крестить поголовно и против воли», из-за чего жители «избегали встречи с миссионером; если же где-нибудь и доводилось им встретиться, то не хотели вступать с ними ни

© 2023 г. С.В. Туров

Статья подготовлена при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

¹ Смирнов Е.К. Очерк исторического развития и современного состояния русской православной миссии. СПб., 1904. С. 16; Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М., 2007. С. 156.

² «И здесь появляется заря христианства...» (Обдорская миссия, 30-е – 80-е гг. XIX в.): источники. Тюмень, 2003. С. 57–58.

в какие разговоры, хотя бы последние вовсе не касались веры или крещения»³. Иеромонах Иринарх (Шемановский) указывал на препятствование влиятельного князя Матвея Тайшина и суровость природы края⁴. Н.А. Миненко, в целом соглашаясь с ним, обратила внимание на позицию местной администрации, опасавшейся, что действия миссионеров спровоцируют волнения населения и нанесут ущерб интересам казны⁵. Однако для понимания соотношения всех этих обстоятельств и факторов необходимо применение ретроспективного, историко-демографического и эколого-исторического методов, а также привлечение вновь выявленных источников — летописи обдорской Петропавловской (до начала XIX в. — Васильевская) церкви и её метрических книг.

Массовая христианизация Северо-Западной Сибири началась при Петре I. О поголовном крещении своих сибирских подданных царь задумался ещё в 1700 г., после смещения с Тобольской кафедры Игнатия (Римского-Корсакова). Царь повелел подобрать другого, «не только доброго, но и учёного, который, будучи митрополитом в Тобольске, мог Божиею помощью исподволь людей приводить в познание истинного Бога». В 1702 г. выбор пал на воспитанника Киево-Могилянской академии Филофея (Лещинского), настоятеля брянского Свенского монастыря и ревностного проповедника. Однако до 1710 г. в Берёзовском и Сургутском уездах ему удалось крестить всего несколько человек. В 1709 г. архиерей принял схиму (под именем Феодора) и поселился в тюменском Троицком монастыре. Между тем в 1710 г. вышел царский указ, повелевавший крестить язычников поголовно, «идолы огнем палить и рубить и капища их разорять», применяя к сопротивляющимся «казнь смертную». Инициатором данного распоряжения, противоречившего всему предшествующему законодательству, предписывавшему терпимость («ласку») к плательщикам ясака, по-видимому, являлся губернатор (и одновременно судья Сибирского приказа) кн. М.П. Гагарин. В 1711 г. он настоял на встрече со схимонахом Феодором, явно добиваясь от него активных действий. В 1712–1714 гг. старец крестил берёзовских остяков, в 1714–1715 гг. — пельмских вогулов, в 1716–1718 гг. — сургутских остяков⁶. Благодаря ему в 1714 г. в Берёзове состоялось крещение Тайши (сына обдорского князя Гынды), «нареченного Алексеем, с его женою». Тогда же «сибирский святитель» послал нескольких священников в Обдорскую заставу, а в 1717 г. лично посетил Обдорск, но успеха не имел. В 1726 г. он вновь посетил Обдорию. Однако на этот раз подстрекаемые своим крещённым князем Тайшей Гындиным аборигены «не допустили его даже сойти на берег». В итоге крестили лишь сына Тайши Василия⁷.

Вместе с тем одним из результатов миссионерской деятельности митрополита Филофея стало строительство церквей и учреждение православных приходов в инородческих волостях. По-видимому, самым северным в Нижнем При-

³ Сулоцкий А.И. Архиепископ Евгений (Казанцев) как архипастырь Тобольский // Сулоцкий А.И. Сочинения в 3 т. Т. 2. Тюмень, 2000. С. 265.

⁴ Иринарх [Шемановский И.С.] История Обдорской духовной миссии: 1854–1904 г. М., 1906. С. 7–8.

⁵ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. 267–268.

⁶ Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург; Салехард, 2005. С. 231–239.

⁷ Иринарх [Шемановский И.С.] Указ. соч. С. 3–4. Согласно преданию, записанному в 1880-х гг., Филофею удалось причалить к берегу в трёх верстах от Обдорской заставы, где крещение от него приняли три семьи остяков (Из истории Обдорской миссии. Источники. Тюмень, 2004. С. 175).

обье храмом в то время являлся Троицкий в Кушеватском погосте Куноватской волости⁸. Во всяком случае, в 1740 г. Г.Ф. Миллер отметил, что в «Кужеватском погосте... кроме одного священника, больше никто не живёт, так как остяки, имевшие до основания церкви здесь большую летнюю деревню, рассеялись с тех пор по другим местам»⁹. В 1742–1748 гг. священники, посланные архиепископом Антонием (Нарожницким), крестили часть остяков из окрестных юртов. Обдорский князь Василий Мурзин Тайшин принял христианство в 1742 г. в Тобольске, где его крёстным отцом стал губернатор А. Сухарев. Вместе с ним были крещены «брат его... да две ево, князца Мурзина, по их закону жены и рожденные от них детей мужска полу двое, женска трое — всего восемь человек»¹⁰. В память об этом событии князь Тайшин якобы просил построить в Обдорске храм.

Согласно летописи, «первоначально в Обдорске церковь во имя Василия Великого с приделом Николая Чудотворца заложена строиться из круглого кедрового леса в августе месяце 1746-го года по благословению митрополита Антония Тобольского и освящена 1751 года, но на чьё иждивение, неизвестно. Впрочем, по преданию от старожилков обдорских известно следующее: некто князь обдорский, будто бы Тайша, путешествовал около тех времён в С[анкт]-Петербург, где принял святое крещение, и наречён Василий по восприемнике Иванович. Вскоре по крещении новопросвещённый князь Василий помер в С[анкт]-Петербурге, откуда вскоре предписано кому следовало построить в Обдорске во имя св. Василия Великого храм на казённую сумму»¹¹. Таким образом, народная молва отправляла князя креститься не в Тобольск, а в Санкт-Петербург. Но церковь действительно возводилась и обеспечивалась иконами, книгами и другим «церковным благолепием» за счёт государства, выделившего около 100 руб. и строительные материалы¹². Прихожан, которые могли бы принять на себя соответствующие расходы, в Обдорске попросту не было: постоянное русско-зырянское население появилось там не ранее второй половины XVIII в.¹³ Жители же окрестных юртов приобщаться к христианству не спешили.

Те или иные миссионерские усилия наблюдались на Севере до конца 1780-х гг.¹⁴ Согласно преданиям, бытовавшим среди аборигенов в XIX в., чаще всего священников привозили с собой чиновники и казаки, прибывавшие из Берёзова для сбора ясака. Крестили только добровольцев, не прибегая к насилью¹⁵. В результате христианство распространилось вплоть до Обдорска. При этом православные таинства, если судить по метрическим записям, в конце XVIII в. более или менее регулярно принимали только остяки ближайших к Обдорску юртов¹⁶. К концу XVIII в. в Обдорском крае действовали два храма: в приходе Обдорской Васильевской церкви числилось 63 двора и 586 «душ

⁸ Из истории Обдорской миссии... С. 148. По другим свидетельствам, кушеватскую Троицкую церковь построили в 1730 г.

⁹ Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 255.

¹⁰ РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2499, л. 1.

¹¹ Государственный архив в г. Тобольске (далее — ГА в г. Тобольске), ф. 704, оп. 1, д. 17, л. 11.

¹² Научный архив Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (далее — НА ТГИАМЗ), № 84, л. 2.

¹³ Туров С.В. Старожильческое население Ямало-Ненецкого автономного округа: динамика и механизмы складывания субэтнической группы // Научный вестник. 2002. Вып. 11. С. 54–55.

¹⁴ Ирнарх [Шемановский И.С.] Указ. соч. С. 4.

¹⁵ НА ТГИАМЗ, № 84, л. 2.

¹⁶ ГА в г. Тобольске, ф. 699, оп. 1, д. 3, л. 363–372.

обоего пола» (из них 9 дворов – непосредственно в «Обдорском городке», а остальные – в Собских, Вандиаских, Шурышкарских, Войкарских, Пелважских юртах), к кушеватской Троицкой церкви относились 11 дворов «Кушеватского погоста» и ещё 94 в «остяцких жилищах»¹⁷. В 1789 г. сенатский указ свернул деятельность миссионеров в империи, и вплоть до 1820-х гг. она не возобновлялась¹⁸.

Тем временем в сентябре 1825 г. псковский архиепископ Евгений (Казанцев) добился перевода в Тобольскую епархию¹⁹. В 1826 г. владыка даже, по собственному признанию, «изъявил желание, оставя лет на пять или на шесть епархию, жить с остяками, вогуличами и самоедами, учиться их языку и переводить на их язык церковные книги и научить их детей чтению и Закону Божию и всему церковному, чтобы после быть им священно- и церковнослужителями у своих земляков и научить тому же других»²⁰. Однако после переписки с «некоторыми членами Святейшего Синода» архиепископ отказался от этого замысла, ограничившись ходатайством об учреждении миссии на севере епархии²¹.

Как писал позднее архипастырь, летом 1829 г., воодушевлённый синодальным указом, он «плавал по Иртышу и Оби полтора месяца день и ночь, не приставая к берегу, кроме где отслужить или осмотреть церковь». Добравшись таким образом до Обдорска владыка констатировал, что «крещёные сибирские инородцы – плохие христьяне... Они, спустя 100 лет и более после своего крещения, не знали даже имени Господа Иисуса Христа, не знали своих христианских имён и называли святителя Николая богом русским». Впрочем, и аборигены не были рады такому гостю. Находившиеся вблизи Обдорска «ватажки» поспешно откочевали в тундру, едва услышав, что «большой поп приехал, крестить будет»²².

К тому времени в зауральской тундре знали о действиях архимандрита Вениамина (Смирнова), развернувшего с 1826 г. массовое крещение ненцев, кочевавших к западу от Уральских гор. Кампания велась им вполне в духе кн. Гагарина – языческие капища разрушались, идолов жгли, почитаемые рощи (в частности, на р. Мезени) и жертвенники уничтожались. К 1830 г. большинство семей (в том числе и сибирских ненцев), кочевавших в приуральской тундре, были крещены, а около 500–600 человек бежали за Урал²³.

В итоге уже в 1826 г. обдорские ханты и ненцы намеревались всех русских «до смерти побить» за то, «что хотят их крестить». Ненецкий старшина Пайгол говорил тобольскому губернатору Д.Н. Бантыш-Каменскому, специально прибывшему в Обдорск в начале 1827 г. для успокоения аборигенов, что «все само-

¹⁷ Зольникова Н.Д. Ведомость 1781 г. о составе приходов Тобольской губернии // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С. 310.

¹⁸ Лантун В.И. Религиозно-просветительская деятельность православного духовенства среди нерусских народов Поволжского края в конце XVIII – начале XIX в. // Интеграция образования. 2009. № 4. С. 71–72; Иринарх [Шемановский И.С.] Указ. соч. С. 5.

¹⁹ Дневник архиепископа Ярославского Евгения Казанцева // Душеполезное чтение. 1868. Ч. III. С. 64.

²⁰ Сведения о жизни преосвященнейшего Евгения, архиепископа Ярославского, в дополнение к его дневнику // Душеполезное чтение. 1868. Ч. III. С. 103. См. также: Сулоцкий А.И. Архиепископ Евгений (Казанцев)... С. 260–261.

²¹ Путинцев М. Тобольская епархия. Ч. 2. Отд. 1. Омск, 1892. С. 110.

²² Там же. С. 259–262.

²³ «И здесь появляется заря христианства...»... С. 49–51; Квашиин Ю.Н. «Сие семейство отыскано и теперь находится в Обдорской волости...» (размышления над списком самоедов Берёзовского округа 1832 года) // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 94–118.

еды находятся в страхе от слухов, будто хотят их насильственно крестить». Тогда благодаря действиям администрации до открытого выступления не дошло²⁴.

Между тем, вернувшись с Севера, преосвященный Евгений направил в Синод донесение о необходимости образования в епархии двух миссий: на Алтае (и в киргизских степях) и в Берёзовском крае. Взяться за это дело вызвались трое местных священнослужителей (благочинный и два диакона), однако владыка отклонил их кандидатуры и обратился за помощью к архиереям Курской и Белгородской, Калужской и Боровской, Архангельской и Холмогорской епархий, а также в Соловецкий монастырь.

В сентябре 1829 г. в Тобольск из Глинской Богородицкой пустыни прибыл архимандрит Макарий (Глухарёв), но, будучи «хилого телосложения и плохого здоровья», возглавить Обдорскую миссию он отказался и в августе 1830 г. выехал в Бийский округ Томской губ., где прославился позднее как «апостол Алтая». В марте 1831 г. в Тобольске встретили иеромонаха Боровского Пафнутьева монастыря Макария (Боголепова)²⁵. Закончив Волинскую духовную семинарию, он в 1812 г. принял монашеский постриг и уже в 1813 г. в сане иеромонаха являлся наместником Загаецкого монастыря. Через восемь месяцев его перевели наместником в мужской первоклассный Острожский Преображенский монастырь, назначив присутствующим в Волинской консистории. Стремительная карьера оборвалась в 1820-х гг., когда о. Макарий оказался «прикосновенным по секретному делу», по которому его признали позднее «совершенно невиновным»²⁶.

Его владыка Евгений незадолго до своего перевода в Рязань и поставил во главе Обдорской миссии. Дабы помочь начинающему миссионеру освоиться на новом месте и больше узнать о местных религиозных верованиях, архиерей подарил ему собственноручную копию с записок штаб-лекаря В.Н. Шаврова «о жителях Берёзовского уезда»²⁷. Их автор, передавший своё сочинение архиепископу в 1826 г., полагал, что самоеды вполне подготовлены для восприятия «благотворных семян просвещения»²⁸. Получил архимандрит и инструкцию, в которой, в частности, говорилось о недопустимости принуждения. Себе в помощники о. Макарий взял прибывшего с ним послушника Никиту Соловьёва²⁹ и выпускника Тобольской духовной семинарии Луку Вологодского, который, будучи уроженцем селения, находившегося в низовьях Оби, в землях остяков, знал их язык и нравы.

Из Тобольска миссионеры отбыли 17 мая 1832 г. уже при преосвященном Афанасии (Протопопове). Почти год они готовились и ожидали, когда семинарист Вологодский окончит курс и сдаст экзамен. В Берёзове им предоставили необходимые вещи и «толмача». В Обдорске миссионеры оказались 20 июня и уже 28 июня совершили первое крещение³⁰. Согласно «Ведомости

²⁴ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... С. 294–295; Шемякин суд в XIX столетии, или ревизия Тобольской губернии. Записки Д.Н. Бантыш-Каменского. Извлечения // Русская старина. 1873. Т. 7. № 6. С. 743.

²⁵ Сулоцкий А.И. Архиепископ Евгений (Казанцев)... С. 259–264.

²⁶ Квашнин Ю.Н. Указ. соч. С. 96–97.

²⁷ Сулоцкий А.И. Архиепископ Евгений (Казанцев)... С. 259–264.

²⁸ Шавров В.Н. Краткие записки о жителях Березовского уезда. М., 1871. С. 18.

²⁹ Сулоцкий А.И. Архиепископ Евгений (Казанцев)... С. 264.

³⁰ Абрамов Н.А. Записки находившихся в Берёзовском округе Тобольской епархии для обращения иноверцев к христианству иеромонаха Макария и помощников его, 1832 года // Абрамов Н.А. Город Тюмень. Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 359–361.

о родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1832 год» обдорской Петропавловской церкви, в православие был обращён «Уральского хребта самоедин Пика. При крещении наречено имя Иван. 30 лет»³¹. Последний обряд состоялся 19 января 1833 г., когда крестился «Уральского хребта самоедин Хатю Мадарин. При крещении наречено имя Павел. 29-ти лет»³². Всего к Церкви присоединились 12 самоедов 17–42 лет «Уральского хребта», «Сынской волости» и «Архангельской губернии Мезенской округи» (девять мужчин и три женщины³³) и пять взрослых остяков и остячек. Большинство из них работали и жили у русских в Обдорске или в близлежащих юртах. Все они приняли христианство добровольно³⁴.

В миссионерских целях о. Макарий и его сподвижники несколько раз плавали на лодках в летние юрты князя Тайшина, за 30 вёрст от Обдорска, в Ендырские и Войкарские юрты Обдорской волости, в Мужевские и Ларгородские юрты Куноватской волости, но «ничтоже успеха». При этом они встретили ожесточённое сопротивление «инородческих старшин». Осенью 1832 г. им особенно упорно противодействовали ендырские старшины: «Довольное количество остяцких юрт проезжали мы и имели случай некоторым предлагать о христианской религии и о святом крещении, но они, по-видимому, и желали бы склониться на принятие христианской веры, однако же боятся ендырских старшин, яко главных их начальников»³⁵. Собственно, и в 1826 г. главными возмутителями спокойствия выступали остяки Ендырских юрт. Столкнулись миссионеры и с тем, что обдорский хантыйский князь Матвей Тайшин «никому не подаёт совета креститься, чрез сие немалая трудность предлежит приводить их в христианскую веру. Князь хотя крещён и дети его крещены, но он имён, данных им при крещении, не знает»³⁶. Именно по наущению Тайшина обдорские язычники «почти из рук миссионера иеромонаха Макария и его сотрудников отнимали, чуть не из купели вырывали, и тех из своих сородичей, которые сами добровольно приходили к нему для крещения»³⁷. Так Х. Мадарина пришлось провожать в храм под охраной полиции, поскольку сам он желал креститься, тогда как его родственники пытались сорвать обряд³⁸. Это выглядело достаточно странно, если учесть, что сам князь Тайшин и члены его многочисленного клана, а также многие другие ханты близлежащих к Обдорску юртов ранее охотно крестили своих детей, о чём свидетельствуют метрические записи Васильевской церкви, по крайней мере, с 1780-х гг.³⁹

Ещё удивительнее то, что восприемниками крестившихся становились не крещёные соплеменники, как это обыкновенно делалось ранее, а русские хозяева-работодатели, чиновники, клирики и члены их семей — берёзовские (Н.Я. Нечаевский, Н.Ф. Нечаевская, А. Карпов, И.Е. Краюхина, Л.Г. Раслекова, Ф.И. Сверчков, В.Н. Сверчкова, Н.А. Сергеев) и тобольские (А.П. Чичеров,

³¹ ГА в г. Тобольске, ф. 704, оп. 1, д. 23, л. 4 об.

³² Там же, д. 27, л. 4.

³³ В том числе две семьи: муж, жена и брат мужа, а также муж, жена, сын и племянник мужа.

³⁴ ГА в г. Тобольске, ф. 704, оп. 1, д. 23, л. 4 об.—5 об.; д. 27, л. 4.

³⁵ *Абрамов Н.А.* Записки находившихся в Берёзовском округе... С. 366.

³⁶ Там же. С. 361, 363, 366, 368.

³⁷ *Сулоцкий А.И.* Нечто о миссиях в Тобольской епархии // *Сулоцкий А.И.* Сочинения в 3 т. Т. 2. С. 432.

³⁸ «И здесь появляется заря христианства...» С. 57.

³⁹ ГА в г. Тобольске, ф. 699, оп. 1, д. 3.

Д.В. Булыгин, М.А. Мамеева, М.Н. Мамеева) мещане, «обдорский отдельный заседатель» И.И. Решиков, его жена М.С. Решикова и дочь Е.И. Решикова, «переводчик инородческого языка казак» И.П. Палтырев, «переводчик инородческого разговора, казак» И.И. Роев, «отставной коллежский регистратор» Я.В. Лапотников, «находящийся при миссии» Соловьёв, «помощник миссионера Макария» Вологодский, «обдорской церкви дьячок» Е. Карпов, «обдорской Петропавловской церкви причетник» А.П. Карпов, «вдова священническая» В.С. Карпова, «обдорского священника дочь» Н.Н. Карпова, «обдорского священника Николая Карпова дочь-девица» Анастасия, «обдорского дьячка Алексея Карпова дочь-девица» Аграфена. Также среди восприемников упомянут некий М.И. Давидов. Лишь при крещении «Пашерцовых юрт остоятки, девки Евы, при крещении наречено имя Анисья», восприемницей стала соплеменница, «обдорская остоятка, девка Орина Чачилева»⁴⁰. Вообще обдорские жители, местное духовенство и администрация оказывали миссионерам действенную помощь — склоняли аборигенов к обращению в христианство, предоставляли лодки для экспедиций. Особенно тепло о. Макарий отзывался в своём отчёте в консисторию о церковном старосте Д.В. Булыгине, «человеке добром и благонадёжном»⁴¹. Тем не менее результаты проповеди остались более чем скромными.

Это, очевидно, стало следствием «чрезвычайного озлобления инородцев», в основе которого лежали, скорее всего, не духовные, а материальные причины — насколько, конечно, возможно отделить духовное от материального в традиционной культуре. В 1827 г. Бантыш-Каменский обнаружил в Обдорске не только страх перед ожидавшимся принуждением к смене веры, но и жалобы на непосильное налогообложение, и «раздоры из-за кочевий в тундре»⁴², вызванные кризисом ненецкого крупнотабунного оленеводческого хозяйства. В последней трети XVIII в. на севере Евразии стало заметно теплее, начиналась восходящая фаза Малого ледникового периода⁴³, а тундровый олень плохо приспособлен к высоким летним температурам. В сухое жаркое лето в тундре много кровососущих насекомых, плохо проходит гон. В результате возрастает смертность оленей в зимние и весенние месяцы, рождается слабый приплод. Кроме того, потепление не лучшим образом сказалось на кормовой базе оленеводства. В мягкую зиму часто случаются оттепели, чреватые гололедами или образованием плотного наста. В этих условиях оленям сложнее добывать корм. В жаркую засушливую летнюю погоду плохо растёт ягель, который к тому же истребляют ландшафтные пожары, на восстановление же ягельников в тундре уходят десятилетия. В силу всех этих факторов резко возрастает заболеваемость оленей. В 1830–1840-х гг. практически непрерывные эпизоотии сибирской язвы изрядно проредили стада домашних оленей по обе стороны Полярного Урала. Особенно сильные падежи имели место в начале 1830-х и в середине 1840-х гг.⁴⁴ Не лучшим образом сказалось потепление и на здоровье людей. С 1816 г. в Нижнем Приобье среди аборигенов свирепствовала эпидемия сифилиса. Во время посещения Обдорска в начале 1827 г. Бантыш-Каменский, учитывая размеры

⁴⁰ Там же, ф. 704, оп. 1, д. 23, л. 4 об.—5 об.; д. 27, л. 4.

⁴¹ Абрамов Н.А. Записки находившихся в Берёзовском округе... С. 359–371.

⁴² Шемановский И.С. Хронологический обзор достопамятных событий в Берёзовском крае Тобольской губернии (1832–1910 гг.) // Шемановский И.С. Избранные труды. М., 2005. С. 184–185.

⁴³ Жеребцов И.Л. Изменение климата и демографическая история Европейского севера // Российские и славянские исследования. Вып. 5. Минск, 2010. С. 4–5.

⁴⁴ Крутник И.И. Арктическая экология. М., 1989. С. 140, 150–151.

бедствия, распорядился командировать на север врачей и присылать лекарства⁴⁵. Однако положение не менялось. В 1833 г. о «господствующей между остяками» Берёзовского уезда эпидемии докладывал новый тобольский губернатор А.Н. Муравьёв. Правда, сифилис на поверку оказался мнимым: как выяснил по поручению губернатора доктор Рожер, северяне болели некоей заразной «северной проказой», не имевшей причиной «любоострастие»⁴⁶.

В результате участились не только «раздоры из-за угодий», но и попытки миграции и захвата сопредельных территорий. Так, потепление первоначально оживило хозяйственную деятельность в Северном Приуралье, в подзоне северной тайги⁴⁷. Не случайно у коми-ижемцев на Печоре в то время наблюдался рост населения. В 1829–1855 гг. число жителей Ижемской и Усть-Целемской волостей увеличилось в 2,2 раза⁴⁸. Но прокормить себя они могли только при переходе к крупнотабунному оленеводству, позаимствованному у ненцев во второй половине XVIII в.⁴⁹ Оно же способствовало миграции в крайние северные и северо-восточные районы Коми края, в Нижнее Приобье и на Кольский полуостров⁵⁰. Таким образом зыряне-оленоводы появились в тундре, где их никто не ждал, особенно в условиях меняющегося климата. Первая волна коми-ижемцев достигла Нижней Оби, как только наметился восходящий цикл Малого ледникового периода – в 1770-е гг. население Обдорска увеличилось вдвое, с пяти до девяти дворов⁵¹. В начале XIX в. ижемцы-оленоводы уже кочевали в Зауральской тундре⁵². О постоянном присутствии там ижемцев свидетельствует большое количество записей коми фамилий в метрических книгах церквей Берёзовского края с конца 1830-х гг.⁵³

На рубеже XVIII–XIX вв. на новой территории в Приуралье попытался утвердиться род зауральских ненцев яптиков. При этом они явно собирались не просто ограбить соплеменников, но именно захватить земли, вытеснив их обитателей. Мигранты везли с собой женщин и детей. Вопреки традиции, европейские ненцы пасли оленей на девственных и поэтому тучных угодьях священного для аборигенов о. Вайгач, что ранее разрешалось только паломникам. Жители острова отбились от пришельцев так, как отбиваются от смертельного врага, уничтожив всех, включая женщин и детей. Задачу облегчало то, что захватчики явились с луками и копьями, а у местных имелось огнестрельное оружие⁵⁴.

⁴⁵ Шемякин суд в XIX столетии... С. 744.

⁴⁶ Бочанова Т.А. Декабрист А.Н. Муравьёв и коренное население Обского Севера // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 2. С. 13.

⁴⁷ Жеребцов И.Л. Изменение климата... С. 65.

⁴⁸ Конаков Н.Д., Котов О.В. Ижемцы в Мурманском Заполярье // Родники Пармы. Сыктывкар, 1989. С. 52.

⁴⁹ Истомин К.В. Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2004. С. 25.

⁵⁰ Жеребцов И.Л. Изменение климата... С. 72; Истомин М. Ижма // Архангельский сборник, или Материалы для подробного описания Архангельской губернии. Ч. 1. Кн. 2. Архангельск, 1865. С. 135.

⁵¹ Перевалова Е.В. Ямал в Российской империи // Ямал: грань веков и тысячелетий. Салехард; СПб., 2000. С. 345; Зольникова Н.Д. Ведомость 1781 г. ... С. 310.

⁵² Повод Н.А. Оленеводство коми-ижемцев Северного Зауралья (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 6. С. 224–225.

⁵³ Там же. С. 224.

⁵⁴ Вайгач. Хебида-Я. Налево от Края Земли. Архивные фотоматериалы 1930–1940-х гг. Этнографическое собрание М.С. Синецины. М., 2021. С. 30.

Не лучше складывались дела у ненцев и за Уралом. Многие остались без оленей и, чтобы выжить, занялись грабежом. С конца 1820-х гг. в Низовой стороне (надымско-тазовской тундре) действовала ватага грабителей под предводительством Ваули Пиеттомина. Схваченные соплеменниками и переданные властям в феврале 1839 г., Ваули и его сообщники признались, «что они... быв вынуждены бедностью, единственно для собственного пропитания, точно обкрадывали и грабили самоедов и остяков, но никого не убивали». Как отмечалось в решении губернского суда, «делали они воровства и грабежи для того, чтоб им и другим бедным самоедам не лишиться жизни при неулове зверя». Меха песца действительно являлся главным предметом обмена, позволявшим тундровику получить необходимые продукты и предметы обихода. Характерно, что соплеменники относились к безвыходному положению разбойничавшей бедноты с пониманием. «Проступки их, — говорилось в решении суда, — были в продолжение 10 лет терпимы, и общество желает токмо удалить их от себя»⁵⁵. В итоге Ваули и его ближайшего пособника Магари Войтина выпороли и отпустили. Однако вскоре Ваули вновь объявился в надымско-тазовской тундре во главе внушительной ватаги грабителей, достигавшей 400 человек. В январе 1841 г. его при попытке сместить князя Тайшина, управлявшего инородцами Обдорского края, вновь схватили. На допросе выяснилось, что преступники «намерены были ночью напасть на Обдорск, зажечь церковь и идти по домам колоть русских и, разграбив их, удалиться за реки Таз и Енисей»⁵⁶. После ареста Ваули сменивший его Пани Ходин продолжал угонять оленей с новой «разбойной бандой». Свой лагерь он разбил непосредственно на границе Берёзовского и Туруханского округов у р. Таз, видимо, готовясь к броску на Енисей. Во всяком случае, именно туда впоследствии ушла часть его разгромленной шайки. В 1849 или 1850 г. у озера Туручедо мигранты-самоеды столкнулись с энцами⁵⁷.

Следует учесть, что изменение природных условий осложнило ведение традиционного хозяйства не только в тундре, но и в таёжной зоне Нижнего Приобья. В 1810–1830-х гг. на всём севере Евразии наблюдалось катастрофическое падение численности лосей. В 1826 г. низовья Оби охватили лесные пожары⁵⁸. В результате в 1825–1826 гг. инородцев Берёзовского и Пелымского уездов по распоряжению Бантыш-Каменского усиленно снабжали хлебом. Одновременно губернатор «принял деятельные меры... к искоренению языческого суеверия, так как во многих деревнях ещё владычествовало идолопоклонство»⁵⁹. Заметно активизировалось оно и в зауральской тундре. Ваули и Пани Ходин слыли среди тундровиков «сильными шаманами» и «по их понятиям святыми людьми», часто их просто боялись послушаться⁶⁰. Собственно и в европейской тундре архимандрит Вениамин (Смирнов) приступил к уничтожению «идольских капищ» лишь после того, как обнаружил, что «самоеды упорно отказывались не только креститься, но и наотрез отказались даже

⁵⁵ Цит. по: *Головнев А.В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 157.

⁵⁶ *Абрамов Н.А.* Описание Берёзовского края // Записки Русского географического общества. Кн. 12. СПб., 1857. С. 357.

⁵⁷ *Головнев А.В.* Говорящие культуры... С. 163.

⁵⁸ *Крупник И.И.* Арктическая экология. С. 130, 132.

⁵⁹ Шемякин суд в XIX столетии... С. 743.

⁶⁰ *Головнев А.В.* Говорящие культуры... С. 162–163.

слушать проповедь»⁶¹. При этом они признавались, что боятся своих богов и шаманов⁶².

Подобная обстановка не могла не отражаться на положении миссионеров в начале 1830-х гг. Особые надежды они возлагали на Обдорскую ярмарку, проходившую с 25 декабря 1832 г. по 20 января 1833 г., когда обитатели тундры съезжались для торга и сдачи ясака. Однако, поскольку в крае бродили слухи о предстоящем принудительном крещении, многие из них могли не явиться в Обдорск, а это грозило казне ощутимым убытком. Муравьёв убедился в этом, лично посетив Обдорское селение зимой 1833 г. Вернувшись в Тобольск, он сообщил в Главное управление Западной Сибири: «Сколько я не старался раз-уверить их от закоренелой мысли, что и здесь так же будут крестить насильно (как в Архангельской губ. — С.Т.), они, видя прибывшего в Обдорск в июле месяце 1832 года миссионера иеромонаха Макария (который, впрочем, никого насильно не крестил), ещё совершенно на сей счёт не успокоились»⁶³. Поэтому губернатор рекомендовал свернуть миссию и вместо неё «привлечь к учёбе в семинарии способных детей из числа коренного населения, а затем использовать их для распространения нравственности христианской и для занятия должностей по внутреннему их управлению»⁶⁴.

Со своей стороны, о. Макарий также просил архиерея отозвать миссию, ссылаясь на то, что «отправившиеся благовествовать с одним посохом в руках, миссионеры признали себя бессильными»⁶⁵. В итоге, благодаря усилиям губернатора и Главного управления Западной Сибири, их отозвали в Тобольск, куда они прибыли в марте 1833 г.⁶⁶

Юридически Обдорская миссия прекратила своё существование в 1836 г. Тогда же центр возобновлённой Северной миссии перенесли в Козинский Троицкий монастырь на р. Оби. Теперь она отстояла от мест обитания язычников на тысячи вёрст, поскольку к тому времени Кодский край был заселён старокрещёными аборигенами тайги⁶⁷. Более того, миссионерам дозволялось совершать обряды только после соответствующего разрешения из Берёзова, а в 1839 г. владыка Афанасий, «вероятно, вследствие полученных сведений о волнениях между самоедами» и, скорее всего, под давлением светских властей и вовсе распорядился, чтобы инородцев крестил исключительно глава Берёзовского духовного правления. При этом до Берёзова им следовало добираться за свой счёт⁶⁸. Понятно, что в такой ситуации число обитателей отдалённых юртов, принимавших крещение, стремилось к нулю. В середине 1840-х гг. обстановка на Севере постепенно нормализовалась, и в 1845 г. даже сняли «жандармское наблюдение на ярмарке в крепостце Обдорской»⁶⁹. Природа и традиционная хозяйственная структура вновь пришли в состояние

⁶¹ Цит. по: *Корниенко В.* Из истории ненцев Северного края // Исторический журнал. 1938. № 10. С. 79.

⁶² Там же.

⁶³ РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 191, л. 10.

⁶⁴ Цит. по: *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь... С. 267–268.

⁶⁵ *Шемановский И.С.* Избранные труды. С. 7.

⁶⁶ *Абрамов Н.А.* Записки находившихся в Берёзовском округе... С. 369–370; *Василий (Бирюков), еп.* По поводу «Истории Обдорской миссии» (1854–1904 гг.) // Православный благовестник. 1906. № 6. С. 252–253.

⁶⁷ ПСЗ-II. Т. 11. Отд. 1. СПб., 1837. № 9269.

⁶⁸ *Иринарх [Шемановский И.С.]* Указ. соч. С. 8–9.

⁶⁹ ГА РФ, ф. 109, оп. 190, д. 126.

равновесия в изменившемся климате: «Новым для тундровых экосистем стал особый тип динамики популяций домашних животных, характерный для всех типов кочевого экстенсивного скотоводства: с более высокой плодовитостью, повышенной плотностью выпаса и концентрации поголовья, очень резкими снижениями численности в годы массовых падежей и эпизоотии и быстрыми восстановлениями до некоторого “предельного” уровня»⁷⁰.

Судьбы первых обдорских миссионеров сложились по-разному. По возвращении в Тобольск о. Макарий, сославшись на слабое здоровье, отказался от продолжения миссионерского служения и получил место настоятеля в тобольском Ивановском Междугорском монастыре. Лука Вологодский после короткого отдыха в 1835 г. вновь отправился в Обдорск, став приходским священником⁷¹. В Синоде решили оставить там пастыря, который «назидательною жизнью и обращением старался бы привлечь к себе инородцев, и хотя немногих из них, кои окажут свободное и искреннее расположение, сподоблять св[ятого] крещения, приготавливая тем путь к будущему просвещению сего племени»⁷². Казалось, для этого трудно было подыскать кого-либо лучше Луки Вологодского – «живого, деятельного человека, хорошо знавшего остяцкий язык». Однако, прослужив в обдорской Петропавловской церкви всего два года⁷³, он смог обратить в православие только трёх человек. Это были «тобольские захребетные татары Байкаловской волости Акманайских юрт», каким-то образом попавшие в Обдорск. Священник Л. Вологодский и пономарь Н. Карпов «молили и крестили» их «из магометанского исповедания» 14 декабря 1835 г. Восприимниками стали берёзовские мещане Н.Я. Нечаевский, И. Краюхина, Г.Н. Нечаевская, тобольский мещанин Д. Булыгин, жена священника Л. Вологодского Алефтина Николаевна и обдорский отдельный заседатель Зубков⁷⁴.

Этим и закончилась история Обдорской миссии 1832–1833 гг. Её неудача была связана с комплексом обстоятельств – суровым климатом и необустроенностью края, жёстким сопротивлением аборигенов и осторожностью губернских и западносибирских властей. Вероятно, не последнюю роль играли и личные качества миссионеров. Ведь, столкнувшись с теми же проблемами, архимандрит Вениамин (Смирнов) всё же крестил «обоего пола 3303 души», т.е. значительную часть коренных жителей европейской тундры⁷⁵. Однако следует учитывать, что деятельность миссии пришлась на время климатического перехода, известного как восходящая фаза Малого ледникового периода. Вызванная потеплением перестройка природных систем в тундре нарушила традиционную хозяйственную и социальную структуру на крайнем севере Приуралья и Зауралья, а кризис традиционного жизненного уклада привёл к актуализации традиционных верований. Это чрезвычайно затрудняло проповедь христианства и порождало конфликты, которых не возникало в условиях равновесия общества и природной среды.

⁷⁰ Крутник И.И. Арктическая экология. С. 50.

⁷¹ Сулоцкий А.И. Архиепископ Евгений (Казанцев)... С. 264–265.

⁷² ПСЗ-II. Т. 11. Отд. 1. № 9269.

⁷³ ГА в г. Тобольске, ф. 704, оп. 1, д. 17, л. 23 об.

⁷⁴ Там же, д. 33, л. 4 об.

⁷⁵ Базанов А.Г., Казанский Н.Р. Миссионеры и миссионерские школы на Архангельском Севере. Архангельск, 1936. С. 27–28.

Революционная доктрина П.Н. Ткачёва и «Народная воля»

Григорий Кан

The revolutionary doctrine of P.N. Tkachev and the «People's will»

Grigoriy Kan

(State Archive of Russian Federation, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23060044, EDN: NQMKJM

Сопоставление представлений о революции П.Н. Ткачёва и народолюбцев неоднократно привлекало внимание как их современников¹, так и исследователей². При этом историки редко сходились в своих оценках. Если Г.В. Плеханов, Л.Е. Гальперин, М.А. Поташ, В.Ф. Малаховский, Р.Н. Блюм, В.А. Исаков и отчасти С.С. Волк и В.А. Твардовская считали, что «Народная воля» следовала в своей деятельности именно идеям Ткачёва, то В.Я. Яковлев (Богучарский), В.О. Левицкий, Е.Е. Колосов и Н.А. Троицкий признавали его сторонниками лишь отдельных народолюбцев, тогда как идейные установки партии в целом были, по их мнению, далеки от ткачёвской доктрины. Е.Л. Рудницкая и А.Н. Худолеев отмечали, что некоторые её положения принимались в народолюбческой среде, а другие решительно отвергались. Как ни странно, эта дискуссия до сих пор остаётся незавершённой.

© 2023 г. Г.С. Кан

¹ См., в частности: *Плеханов Г.В.* Социализм и политическая борьба // *Плеханов Г.В.* Сочинения Т. II. М.; Пг., [Б. г.] С. 79–81; *Плеханов Г.В.* Наши разногласия // Там же. С. 102–103, 155, 168; *Плеханов Г.В.* О социальной демократии в России // *Плеханов Г.В.* Сочинения. Т. IX. М.; Пг., [Б. г.] С. 21; *Плеханов Г.В.* Предисловие к русскому изданию книги А. Туна // *Плеханов Г.В.* Сочинения. Т. XXIV. М.; Л., 1927. С. 113; *Плеханов Г.В.* Неудачная история партии «Народной воли» // Там же. С. 147; *Русанов Н.С.* Идейные основы «Народной воли» // *Былое.* 1907. № 9. С. 37–76.

² *Барриве Л.* [Гальперин Л.Е.] Общественное движение в царствование Александра II. Исторические очерки. СПб., 1911. С. 146–147; *Богучарский [Яковлев] В.Я.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народной воли», её происхождение, судьбы и гибель. М., 1912. С. 453–454; *Левицкий В.* Партия «Народная воля». Возникновение. Борьба. Гибель. М.; Л., 1928. С. 90–91; *Поташ М.* Народнический социализм. М.; Л., 1930. С. 129–132; *Малаховский В.* На два фронта (к оценке народолюбчества). Тверь, 1930. С. 23–26, 29, 33, 35, 41, 43, 105; *Кузьмин Д.* [Колосов Е.Е.] Народолюбческая журналистика. М., 1930. С. 101–102; *Волк С.С.* «Народная воля». 1879–1882. М.; Л., 1966. С. 161, 246; *Твардовская В.А.* Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1969. С. 222; *Пелевин Ю.А.* А.Д. Михайлов в революционном движении 1870-х – 1880-х годов. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; *Блюм Р.* Поиски путей к свободе. Проблема революции в немарксистской мысли XIX века. Таллин, 1985. С. 209–210; *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма: из истории общественно-идейной борьбы в России в конце XIX – начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987; *Рудницкая Е.Л.* Русский бланкизм: Пётр Ткачёв. М., 1992. С. 182–188, 197, 200, 207–208; *Троицкий Н.А.* Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 262–264, 267–268; *Троицкий Н.А.* Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба. М.; Саратов, 2018. С. 283, 287; *Исаков В.А.* Концепция заговора в радикальной социалистической оппозиции. Вторая половина 1840-х – первая половина 1880-х годов. М., 2004. С. 288–291; *Реников А.В., Милевский О.А.* Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011; *Худолеев А.Н.* Революционная теория П.Н. Ткачёва в отечественной историографии. Новокузнецк, 2013. С. 98–100.

Взгляды Ткачёва, с 1873 г. жившего в эмиграции, и выдвинутую им во второй половине 1870-х гг. концепцию русской революции часто называли бланкистскими или «якобинскими». Главная цель «революции по Ткачёву» — устранение неравенства «физического, интеллектуального, экономического, политического и всякого другого»³. Он призывал «уравнять индивидуальности» и установить «равенство органическое, физиологическое, обусловленное единством воспитания и общностью условий жизни». Это должно было обеспечить «приведение потребностей всех и каждого в полную гармонию со средствами их удовлетворения»⁴.

Непосредственную задачу революционеров Ткачёв видел в захвате власти и превращении консервативного государства в революционное. Предполагалось, что в дальнейшем оно создаст представительный орган (Народную думу) и, развивая «общинное самоуправление» и соответственно ослабляя и упраздняя «центральные функции государственной власти», постепенно осуществит ряд преобразований: превратит крестьянскую общину в коммуну, основанную на принципах общего пользования орудиями производства и совместного труда; экспроприрует находящиеся в частном владении орудия производства и передаст их в общее пользование; введёт учреждения, которые устраняли бы посредничество при обмене продуктов и действовали бы исходя из «братской любви и солидарности»; устранил «физическое, умственное и нравственное неравенство между людьми» при помощи обязательного и для всех одинакового «воспитания в духе любви, равенства и братства»; добьётся уничтожения «существующей семьи, основанной на принципе подчинённости женщины, рабства детей и эгоистического произвола мужчин»⁵.

Ни о каких гражданских и политических свободах в революционном государстве Ткачёв не говорил ни слова. Более того, он полностью отвергал «буржуазный» индивидуализм, ставящий «личное выше общего, единичное выше целого, эгоизм выше самоотвержения»⁶. Характерно, что полномочия и механизм избрания Народной думы в его статьях не раскрывались. А то, что он писал о революционном государстве, предполагало скорее функционирование в режиме жёсткой диктатуры, а вовсе не демократии. Не случайно Ткачёв настаивал на том, что именно меньшинство, захватив власть, «переустройства общественные отношения», иначе «неумелое и неразвитое большинство, предоставленное само себе, восстановит старый порядок под новой формой»⁷. Более того, по его словам, «народ не в состоянии построить на развалинах старого мира такой новый мир, который был бы способен прогрессировать в направлении коммунистического идеала; поэтому при построении этого нового мира он не может и не должен играть никакой выдающейся, первенствующей роли. Эта роль и это значение принадлежат исключительно революционному меньшинству». Оно «не должно рассчитывать на активную поддержку народа» и не имеет права «возлагать на народ чересчур больших надежд и упований»⁸. Диктатура казалась ему необходимой, особенно в тот период, «пока новый порядок

³ Ткачёв П.Н. «Набат» (Программа журнала) // Ткачёв П.Н. Избранное. М., 2010. С. 457.

⁴ Ткачёв П.Н. Что такое партия прогресса (по поводу «Исторических писем» П.Л. Миртова) // Ткачёв П.Н. Избранное. С. 322, 324.

⁵ Ткачёв П.Н. «Набат» (Программа журнала). С. 461.

⁶ Там же. С. 463.

⁷ Ткачёв П.Н. Революция и государство // Ткачёв П.Н. Избранное. С. 517–518, 521.

⁸ Ткачёв П.Н. Народ и революция // Ткачёв П.Н. Избранное. С. 531–532.

не пустит более или менее глубоких корней в общественную жизнь, пока он не уничтожит всех своих врагов и не завоюет себе симпатий большинства». Ткачёв оправдывал карательные меры «против сознательных и бессознательных врагов нового порядка» и не скрывал, что Ж.-П. Марат и А.К. Фукье-Тенвиль, а также прокурор Парижской коммуны Р. Риго, санкционировавший расстрел заложников, вызывают у него симпатию⁹.

«Народная воля» существовала в 1879–1886 гг. (а отдельные группы — до 1897 г.), будучи одновременно партией и организацией. Как пояснял один из её лидеров А.Д. Михайлов, «партия — это неопределённая группа людей единомыслящих, не связанных между собою никакими взаимными обязательствами. Организация же, кроме неперемennого условия единомыслия, предполагает уже известную замкнутость, тесную сплочённость и полную обязательность отношений... Партия — это солидарность мысли, организация — солидарность действия»¹⁰. Во главе народовольцев стоял Исполнительный комитет (ИК), все члены которого были равноправны, но признавали безусловное подчинение большинству. Основные решения принимались на общем собрании членов ИК¹¹.

Единственным общепризнанным документом, определявшим задачи «Народной воли», являлась Программа ИК, принятая в декабре 1879 г. Изменить её мог съезд партии (никогда не проводившийся), а в чрезвычайных случаях — общее собрание членов ИК¹², ни разу этим правом не воспользовавшееся вплоть до гибели организации в 1886 г. Однако весной 1880 г. им была одобрена инструкция «Подготовительная работа партии», в которой указывались средства достижения программных целей.

В Программе ИК декларировалось, «что только народная воля может санкционировать общественные формы», а «развитие народа прочно только тогда, когда оно идёт самостоятельно и свободно, когда каждая идея, имеющая претвориться в жизнь, проходит предварительно чрез сознание и волю народа»¹³. Главными задачами «Народной воли» провозглашались свержение самодержавия и передача власти Учредительному собранию, избранному на основе всеобщего избирательного права. При этом и до задуманного переворота, и во время предвыборной кампании и в самом Учредительном собрании народовольцы намеревались отстаивать: постоянное народное представительство, наделённое всей полнотой власти для решения общегосударственных дел; широкое местное самоуправление; полную свободу совести, слова, печати, собраний, ассоциаций и агитации; уничтожение права собственности на землю и предоставление земельных угодий в заведование общинам и пользование крестьянам; передачу рабочим коллективам всех заводов и фабрик¹⁴.

Основным способом устранения царского правительства в партии считались успешные восстания в столицах и крупных городах. Для их подготовки

⁹ Ткачёв П.Н. Накануне и на другой день революции // Ткачёв П.Н. Избранное. С. 607, 609–610.

¹⁰ Процесс 20-ти народовольцев в 1882 году / Публ. В.Я. Богучарского. Ростов н/Д, 1906. С. 69.

¹¹ К их числу, в частности, принадлежали А.Д. Михайлов, А.И. Желябов, С.Л. Перовская, Л.А. Тихомиров, А.И. Зунделевич, А.А. Квятковский, В.Н. Фигнер, М.Н. Ошанина, А.И. Бараников, Ю.Н. Богданович, Н.К. Бух, М.Ф. Грачевский, С.С. Златопольский, А.П. Корба, М.В. Ланганс, Н.Е. Суханов, Е.Д. Сергеева, П.А. Теллалов, М.Ф. Фроленко.

¹² Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. М.; Л., 1965. С. 201, 209 (уставные документы «Народной воли»).

¹³ Там же. С. 171.

¹⁴ Там же. С. 171–173, 175.

планировалось создать центральную и провинциальные организации, обеспечить поддержку интеллигенции и рабочих; привлечь на сторону восставших солдат и парализовать действия армии; заручиться сочувствием общественного мнения Европы, информируя зарубежные страны о ситуации в России, а также о целях и деятельности революционеров. Кроме того, накануне выступления предполагалось осуществить серию террористических актов, устранив наиболее влиятельных чиновников, дабы вызвать панику в правящих кругах и дезорганизовать администрацию. После победы восстания надлежало образовать временное правительство, которому предстояло провести свободные выборы в Учредительное собрание, а затем передать тому власть¹⁵.

Таким образом, доктрина Ткачёва и программные документы «Народной воли» совпадали только в том, что касалось заговора на начальном этапе революции. Во всём остальном (Учредительное собрание, принцип народовластия, гражданские и политические свободы) они резко отличались.

С.С. Волк и В.А. Твардовская усматривали идею революционной диктатуры временного правительства в «программе рабочих, членов партии “Народной воли”», составленной при участии Желябова и опубликованной в ноябре 1880 г.¹⁶ Однако этот текст, написанный нарочито простонародным языком, носил во многом популярный характер и предназначался собственно для рабочих масс¹⁷. В нём, в частности, говорилось: «Восставший народ... должен избрать своё временное правительство из рабочих или лиц, известных своей преданностью народному делу. Временное правительство, опираясь на ополчение, обороняет город от врагов и всячески помогает восстанию в других местах, объединяет и направляет восставших. Когда восстание одержит победу по всей стране, когда земля, фабрики и заводы перейдут в руки народа, а в сёлах, городах и областях установится выборное народное правление, когда в государстве не будет иной военной силы, кроме ополчения, тогда немедленно народ посылает своих представителей в... Учредительное собрание, которое, упразднив временное правительство, утверждает народные завоевания и устанавливает порядок общесоюзный. Представители действуют по точной инструкции, какую дадут им избиратели»¹⁸. Таким образом, «программа рабочих» (но не ИК) допускала осуществление социальных преобразований самим народом ещё до того, как откроется Учредительное собрание. Но о какой-либо диктатуре временного правительства и тут речи не шло.

Вспоминая об отношении народовольцев к ткачёвским взглядам, Фигнер писала: «Никогда у нас не было речи о навязывании большинству воли меньшинства, о декретировании революционных, социалистических и политических преобразований, что составляет ядро якобинской теории. Причём иначе была бы “Народная воля”, взятая нами как девиз и знамя партии?»¹⁹. По словам С.А. Иванова, Перовская говорила о том, что «наши цели и тактика

¹⁵ Там же. С. 174, 176–177, 183.

¹⁶ Волк С.С. Указ. соч. С. 206–209; Твардовская В.А. Социалистическая мысль России... С. 181–183; Твардовская В.А. Н.А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983. С. 100.

¹⁷ Характерно, что в сборнике документов «Народной воли», подготовленном самими народовольцами, он помещён в разделе «“Народная воля” и рабочие», а не «Программа и тактика “Народной воли”» («Народная воля» в документах и воспоминаниях. М., 1930. С. 149–156).

¹⁸ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. С. 190–191.

¹⁹ Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Ч. 1 // Фигнер В.Н. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1932. С. 163.

не имеют ничего общего с этим якобинским принципом – с идеей о насильственном разрешении сверху главных вопросов общественной жизни и о навязывании народу тех или иных социально-политических форм. Наш девиз “Народная воля” не является пустым звуком, а действительно выражает собой сущность нашей программы и наших стремлений. За собою мы оставляем лишь одно безусловное право – право свободной пропаганды своих идей, а во всём остальном готовы подчиниться верховной воле народа, выраженной ясно и свободно»²⁰.

О готовности народовольцев подчиниться любому решению Учредительного собрания, даже если бы оно восстановило власть царя, но не ограничивало свободу пропаганды республиканских и социалистических идей, свидетельствовала и Корба²¹. Она же в 1883 г. взывала к товарищам из Дома предварительного заключения: «В день победы революции, которая есть торжество прогресса, пусть она не запятнает этого святого имени актами насилия и жестокости над побеждённым врагом. О, если бы мы могли послужить жертвами искупления не только для создания свободы в России, но и для увеличения гуманности во всём остальном мире!»²².

Н.И. Кибальчич в статье «Политическая революция и экономический вопрос», опубликованной в № 5 «Народной воли» 5 февраля 1881 г., с явной неприязнью отзывался о тех лицах, «которые придают политическим формам чересчур большое значение, признавая за ними силу производить в стране какие угодно экономические изменения путём лишь приказаний власти сверху и повиновения подданных или граждан внизу... стремящиеся путём захвата власти в свои руки декретировать политический и экономический переворот, провести сверху в жизнь народа социалистические принципы, не вызывая при этом активного участия народа в фактическом переустройстве, и даже, “по соображениям”, подавить его революционную инициативу»²³.

Волк считал, что зимой 1880/81 гг. в Киеве Златопольский излагал «якобинские» взгляды на программу и тактику «Народной воли»²⁴. Действительно, в 1882 г. киевский народоволец И.М. Саранчов заявил на следствии, будто Златопольский говорил ему, что в парламент «войдут те слои общества, для коих экономические реформы народа слишком далеки и могут быть нежелательны», и поэтому временное правительство должно само «путём декретов преобразовать экономический строй»²⁵. Однако Златопольский дважды опровергал это в своих показаниях. 10 июля 1882 г. он пояснил: «Я высказал ему принципы программы “Народной воли”... не в том виде, как излагает её Саранчов, не вводя идеи народного представительства в лице Земского собора как наиболее желательной формы осуществления ближайших задач партии “Народной воли”»²⁶. По его словам, записанным уже 23 сентября, Саранчов «упустил самое существенное – преобладание в партии “Народной воли” стремления исходить из поступательного развития существующего политического строя к идеально-

²⁰ Иванов С. Из воспоминаний о 1881 годе // Былое. 1906. № 4. С. 236.

²¹ Прибылева-Корба А.П. «Народная воля». Воспоминания о 1870–1880-х гг. М., 1926. С. 56.

²² Там же. С. 29.

²³ Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 107.

²⁴ Волк С.С. Указ. соч. С. 205, 208.

²⁵ ГА РФ, ф. 112, оп. 1, д. 526, л. 641, 793 об.–794.

²⁶ Златопольский С. Показания. Записки. Письма // Архив еврейской истории. Т. 13. М.; Бостон; СПб., 2022. С. 225–226.

му, и в этом смысле ближайшая задача партии заключается в осуществлении Земского собора как представительного учреждения страны с правом высшей решающей инстанции... Такая постановка вопроса составляет необходимейшее условие правильного понимания принципов партии “Народной воли” и её практических задач»²⁷.

Была, однако, в ИК и убеждённая, не скрывавшая своих воззрений сторонница Ткачёва — «якобинка» Ошанина²⁸. Народолюбец В.И. Иохельсон писал, что схожих взглядов в ИК придерживалась также Сергеева (в замужестве — Тихомирова)²⁹, но она не играла в партийных делах значительной роли. Ошанина же, властная и честолюбивая, в «московский» период (с апреля 1881 по апрель 1882 г.) имела немалое влияние в организации. «Якобинкой» являлась и её близкая подруга, народоволка Г.Ф. Чернявская³⁰. «Под конец деятельности Комитета, — вспоминала Ошанина, — я не припомню ни одного человека, кто относился бы к захвату власти отрицательно, и в № 9 должна быть статья, где на этот счёт высказывались совсем недвусмысленно... Надо помнить, что при своём образовании все члены Комитета (за исключением меня...) были народниками, под конец все стали более или менее якобинцами, сохраняя, разумеется, веру в народ в том смысле, что он примет с восторгом то, “что сделаем для него мы”»³¹. Впрочем, ещё Волк указал на то, что данное «сообщение Ошаниной явно тенденциозно»³². Действительно демократические идеалы к 1882 г. сохранили такие «старые» члены ИК, как Фигнер, Корба, Грачевский, Златопольский, Теллалов³³.

Не был бланкистом и член ИК «московского» периода В.С. Лебедев, находившийся тогда под влиянием Ошаниной³⁴ и написавший статью, напечатанную в № 8—9 «Народной воли» 5 февраля 1882 г. «Выгодное соотношение политических и экономических факторов на русской почве, — говорилось в ней, — позволяет нам с большою вероятностью надеяться, что, когда революционная организация будет в силах произвести политический переворот, народ сумеет совершить революцию в экономической сфере... Но если обстоятельства сложатся менее благоприятно, в таком случае временное революционное правительство, рядом с политическим освобождением народа... производит экономический переворот: уничтожает право частной собственности на землю и на орудия крупного производства»³⁵. В народовольческой среде этот пассаж сразу же признали «ошанинским»³⁶.

Плеханов утверждал, что в 1879 г. Михайлов стал сомневаться в основательности народнических предубеждений против «Набата», где печатались Ткачёв

²⁷ Там же. С. 237—238.

²⁸ *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. Ч. 1. С. 164; *Иохельсон В.И.* Первые дни «Народной воли». Пг., 1922. С. 17.

²⁹ *Иохельсон В.И.* Указ. соч. С. 17.

³⁰ *Чернявская-Бохановская Г.Ф.* Автобиография // Каторга и ссылка. 1928. № 5. С. 55.

³¹ ГА РФ, ф. 1762, оп. 5, д. 80, л. 5—6.

³² *Волк С.С.* Указ. соч. С. 242.

³³ См., в частности: Автобиографические показания М.Ф. Грачевского // Красный архив. 1926. № 5. С. 151—162; Из народовольческих автобиографических документов // Там же. 1927. № 1. С. 215—216; *Златопольский С.* Показания. Записки. Письма. С. 216—217, 225—226, 234—235, 238; Нелегальный отчёт о процессе 17-ти // Исторический архив. 1999. № 2. С. 170—177.

³⁴ *Кузьмин Д.* Указ. соч. С. 103, 116.

³⁵ Литература партии «Народная воля». С. 159.

³⁶ *Кузьмин Д.* Указ. соч. С. 116.

и другие бланкисты³⁷. Однако оставшиеся документы это не подтверждают. На следствии 7 июля 1881 г. Михайлов рассказывал о том, что русские социалисты «борьбой и обстоятельствами были приведены к определению существеннейшей, в данный момент истории, потребности своей родины: политические права народу, с помощью их он себя устроит». Поэтому и «оказалось необходимым выдвинуть на первый план политическую свободу и народоправление»³⁸. В письме к товарищам 15–16 февраля 1882 г. он призывал: «Всё отдалённое, всё недостижимое должно быть на время отброшено. Социалистические и федералистические идеалы должны отступить на второй план дальнейшего будущего... Земское учредительное собрание при общем избирательном праве, при свободе слова, печати и сходок — вот минимум желательного»³⁹.

Фигнер вспоминала про «нарекания на Желябова, допустившего выражения в духе якобинизма», в одном из народовольческих изданий при рассуждении о захвате власти. Мемуаристка будто бы лично присутствовала на его квартире «при горячих нападках на него Перовской и Ланганса»⁴⁰. Однако в сохранившихся народовольческих изданиях, вышедших в то время, когда Желябов находился на свободе, ничего подобного обнаружить нельзя, как и понять, что именно вызвало разногласия. Возможно, речь всё же шла о каком-то устном высказывании, наподобие большой речи, произнесённой Желябовым осенью 1880 г. и дошедшей до нас в изложении народовольца П.А. Булгаревича: «Наши товарищи полагают, что сейчас же после свержения политического строя страна могла бы перейти сразу к установлению социалистического строя. Но партия, в общем, не разделяет этого мнения и полагает, что народ ещё не подготовлен для установления такого строя... Партия полагает, что после переворота предстоит большая напряжённая работа... чтобы на практике жизни переработать в народе смутные инстинкты и наклонности в сознательные стремления к социалистическим порядкам. Поэтому партия вполне удовлетворится, если ей удастся завоевать такую конституцию, которая при управлении страной через свободно избранных представителей гарантировала бы самую широкую свободу слова, собраний, стачек, пропаганды, агитации и обеспечивала бы самую широкую самостоятельность отдельных лиц и всяких обществ и групп... Кроме того, как аванс в пользу трудящихся мы требуем, чтобы тотчас же после переворота было декретируемо об уничтожении собственности на землю, об отчуждении и передаче всей земли хлебопашцам и об ограничении минимального рабочего времени на фабриках, заводах и всех мастерских»⁴¹. Однако и тут, несмотря на фразу о «декретируемости», общий ход предполагаемой революции описывался совсем не по Ткачёву. Да и по свидетельству Фроленко, «говоря о захвате власти, Желябов всегда оговаривался, что захватывать власть можно лишь с тем, чтобы передать её в руки народа»⁴². Выступая на суде в марте 1881 г., он признал желательным «созыв представителей от всего русского народа»⁴³, а упомянув на

³⁷ Плеханов Г.В. Неудачная история партии «Народной воли». С. 155.

³⁸ Прибылева-Корба А.П., Фигнер В.Н. А.Д. Михайлов. Л.; М., 1925. С. 156.

³⁹ Письма народовольца А.Д. Михайлова. М., 1933. С. 217.

⁴⁰ Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Ч. 1. С. 163.

⁴¹ ЦГА СПб, ф. 506, оп. 1, д. 209, л. 67–68.

⁴² Фроленко М.Ф. Липецкий и Воронежский съезды // Фроленко М.Ф. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1932. С. 17.

⁴³ Суд над цареубийцами. Дело 1-го марта 1881 года / Под ред. В.В. Разбегаева. Т. I. СПб., 2014. С. 246.

следствии Программу ИК, заявил: «Этим убеждениям я останусь верен и буду служить им до последнего моего издыхания»⁴⁴.

Лейтенант флота Ф.И. Завалишин, давший в 1883 г. откровенные показания, заявлял, что в апреле 1881 г. Суханов, руководивший Военной организацией «Народной воли», допускал в разговорах с заговорщиками, что в случае захвата власти в Петербурге, хотя бы на один день, «можно было бы разослать по телеграфу во все концы России декреты об аграрном перевороте. Это в свою очередь повело бы за собой восстание в больших городах и, быть может, разрослось бы по деревням»⁴⁵. Впрочем, данная мера рассматривалась скорее как средство для расширения восстания, нежели как способ осуществления «якобинской» программы.

Левицкий, Волк, Рудницкая и Троицкий причисляли к бланкистам Баранникова⁴⁶, давшего 10 февраля 1881 г. показания о «Народной воле»: «Главная, ближайшая цель её – ниспровержение существующего правительства или путём заговора, силами партии, или же путём самостоятельного, широкого, народного, антиправительственного движения, к которому присоединится партия; первая форма, конечно, предпочтительнее, ибо партия в этом случае как в минуту борьбы, так и после победы будет пользоваться большим авторитетом»⁴⁷. Но там же он толковал о будущей революции вполне в духе Программы ИК: «Задачей же “Временного правительства”, облечённого широкими правами и полномочиями, будет организация по всей стране свободных, ничем не ограниченных выборов из среды народа представителей в “Учредительное собрание”, которому Временное правительство и передаст свои права. Учредительное собрание будет пользоваться законодательной и исполнительной властью в тех границах, какие будут предоставлены его членам избирателями»⁴⁸. Характеризуя своё мировоззрение, народоволец уверял: «Я народник... главным образом потому, что с глубоким уважением отношусь к выработанным народом формам общественной жизни и ни за кем – будь то социалисты, буржуа или дворяне – не признаю права при посредстве физической силы ломать, коверкать их на свой образец, не признаю права насиловать н[ародную] в[олю]»⁴⁹. Тем самым Баранников, по сути, отрицал идеи бланкизма.

Как правило, исследователи, пишущие о Тихомирове, называют его бланкистом и сторонником Ткачёва⁵⁰. Прося о помиловании 22 августа 1888 г., Лев

⁴⁴ Там же. Т. II. СПб., 2014. С. 4.

⁴⁵ К истории Военной организации «Народной воли» (Показания Ф.И. Завалишина) // Ка-торга и ссылка. 1925. № 5. С. 222.

⁴⁶ Левицкий В. Указ. соч. С. 89–90; Волк С.С. Указ. соч. С. 242; Рудницкая Е.Л. Русский бланкизм... С. 185; Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. С. 267; Троицкий Н.А. Софья Львовна Перовская... С. 287.

⁴⁷ Народолец А.И. Баранников в его письмах. М., 1935. С. 140.

⁴⁸ Там же. С. 141.

⁴⁹ Там же. С. 134.

⁵⁰ Плеханов Г.В. Наши разногласия. С. 155, 279, 281, 288–289; Плеханов Г.В. О социальной демократии в России. С. 21; Плеханов Г.В. Предисловие к русскому изданию книги А. Туна. С. 111; Плеханов Г.В. Неудачная история партии «Народной воли». С. 154–156; Русанов Н.С. Идеальные основы «Народной воли». С. 61; Левицкий В. Указ. соч. С. 84, 89–91; Потап М. Указ. соч. С. 129; Кузьмин Д. Указ. соч. С. 83, 85; Волк С.С. Указ. соч. С. 241–242, 244; Твардовская В.А. Социалистическая мысль... С. 183; Костылев В.Н. Лев Тихомиров на службе царизма... С. 299–300, 307, 341; Рудницкая Е.Л. Русский бланкизм... С. 185; Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. С. 267; Троицкий Н.А. Софья Львовна Перовская... С. 287; Исаков В.А. Концепция заговора... С. 280, 282–283; Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. С. 97, 103, 107, 202.

Александрович признавался, что в 1879 г. «полагал необходимым образовать обширное тайное сообщество для произведения госуд[арственного] перев[оро-та] с целью созыва Учредит[ельного] собрания или, смотря по обстоятельствам, для захвата власти революционной диктатурой»⁵¹. Однако в его публицистике вплоть до декабря 1881 г. второй вариант практически не рассматривался.

В одной из программных статей «Желательная роль народных масс в революции», опубликованной в № 4 «Народной воли» 5 декабря 1880 г., Тихомиров писал: «Одно из самых драгоценных свойств, каким только может обладать народ — это политическое гражданское развитие... Наиболее производительно затратить силы, организованные партией, мы можем, только направляя их... для превращения народных масс в сознательную политическую силу. Вот почему мы постоянно говорим и говорили о передаче власти народу, о народной воле, о народном самодержавии. Для народа важно достигнуть лучших общественных форм, но ещё важнее — достигнуть этого самому; для него всего важнее пережить такой исторический момент, в течение которого он, народ, был бы действительным распорядителем своих судеб. Такие моменты никогда не забываются и создают из обывателей — граждан»⁵². Допуская, что «партия организовала достаточные силы, дождавшись всенародного движения, начала действовать самостоятельно и овладела центральной властью», он ставил и тут же разрешал волновавший его единомышленников вопрос: «Какова её дальнейшая роль? Создавать новый государственный строй, декретировать необходимые реформы? Мы полагаем — нет. Только в самом несчастном случае, только тогда, если народный организм не проявлял уже ни одной искры жизни — можно было бы признать такую деятельность. В обыкновенное же время для партии было бы обязательно употребить приобретённую власть и средства на то, чтобы революционизировать всю Россию — призывать повсюду народ к захвату власти и осуществлению его заветных желаний, и свою центральную власть держать в руках исключительно для того, чтобы помочь организовать народу. Принцип указывает нам вообще, что главная созидательная сила революции в народе, и что дело созидания тем прочнее, чем более участвуют в нём массы»⁵³. В передовой статье в № 6 «Народной воли» 23 октября 1881 г. Тихомиров заявлял: «Новое государство, чтобы справиться со своими задачами, должно представлять величайшую, какая только доступна народу, мудрость, величайшее знакомство с интересами народа и обязательное соответствие с народными желаниями»⁵⁴. А в программной записке, подготовленной им для редакции журнала «Дело» в 1883 г., говорилось о «невозможности организации нового государства без постоянного воздействия на него народной совести, сознания и воли»⁵⁵.

Схожие идеи развивались в его статье 1884 г.: «Любимый приём наших оппонентов состоит в победоносном опровержении того, чего мы никогда не предлагали. Нам возражают таким образом, что социалистическая организация страны декретами временного правительства — невозможна. Совершенно соглашаемся с этим... Ближайшая и первая задача победоносного временного правительства состоит в том, чтобы явиться на помощь народной революции.

⁵¹ Тихомиров Л. Воспоминания. М., 2003. С. 294.

⁵² Литература партии «Народная воля». С. 92–93.

⁵³ Там же. С. 93.

⁵⁴ Там же. С. 131.

⁵⁵ Козьмин Б. Неизданная записка Н.В. Шелгунова // Каторга и ссылка. 1929. № 8–9. С. 165.

Захваченная государственная власть должна быть употреблена для того, чтобы повсюду революционизировать народные массы и организовать их власть... Тут временное правительство даже ничего не творит, а только разрешает силы, существующие в народе и даже находящиеся в состоянии сильного напряжения. В народных понятиях и привычках точно так же находится в наличности достаточно элементов для успешной организации его сил. Крестьянство умеет устроить своё самоуправление, умеет принять в мирское владение землю и общественно ею распоряжаться. Временное правительство не имеет тут нужды ни приневоливать народную массу, ни учить её. Оно только помогает ей с чисто внешней стороны. Оно организует народ временно и лишь настолько, насколько его самодержавие может быть осуществлено при таких условиях... По этому поводу нам вовсе незачем насмешливо вспоминать о Перу и Парагвае и толковать о деспотизме коммунистического правительства. Правительство, народом выбираемое, контролируемое и сменяемое, не может насильно навязывать народу благодеяния социализма или коммунизма»⁵⁶. Тут видны те же отступления от главных народовольческих программных документов, что и в «программе рабочих», но усматривать в данной статье бланкизм и ткачевизм, соединённый с бакунизмом, как это сделал Плеханов, нет никаких оснований⁵⁷.

Тихомиров придавал большое значение свободе личности. В № 6 «Народной воли» 23 октября 1881 г. он настаивал на том, что «социализация жизни имеет своей целью возвышение, а не подавление личности, её свободы и благосостояния»⁵⁸. В середине 1880-х гг. этот мотив звучал у него ещё отчётливее: «Сила там, где прогресс; прогресс в том, что развивает человеческое общество, а вместе с тем и личность, потому что только в обществе и с обществом она развивается. Нет ничего более ошибочного, как опасения, будто бы общественное сплочение людей может, как это особенно пророчат по адресу социализма, забивать личность и сковывать её свободу... Источник общественной силы — в личности, а общество только координирует и направляет эту силу. Общество, иссушающее источник собственной силы, обречено на смерть». Он полагал, что «Аракчеевы могут создавать свои скотные дворы, но в общей сложности такие общежития оказываются непрочными. Всматриваясь в общий ход истории, мы видим, что уродливости погибают, торжествует же тип нормальный, т.е. такой, в котором наибольшая степень обобществления соединена с развитием личности, а стало быть, с обеспечением её индивидуальной свободы и коллективного самоуправления»⁵⁹. В этих работах Тихомирова явно чувствуется влияние «субъективной социологии» П.Л. Лаврова и особенно Н.К. Михайловского, причём они предельно далеки от мечтаний Ткачёва об «уровнении индивидуальностей».

Но у Тихомирова можно обнаружить и бланкистские фразы, прежде всего в написанном им в декабре 1881 г. письме ИК заграничным товарищам. «Госуд[арственная] власть была, есть и будет, вероятно, всегда, — констатировалось в нём. — ...Революция совершится только тогда, когда власть эта будет в хороших руках, а посему мы и стремимся захватить её, так как народ, пока он раб

⁵⁶ Тихомиров Л. Чего нам ждать от революции? // Вестник «Народной воли». 1884. № 2. I пагинация. С. 254–257.

⁵⁷ Плеханов Г.В. Наши разногласия. С. 318–320, 328, 355.

⁵⁸ Литература партии «Народная воля». С. 131.

⁵⁹ Тихомиров Л. Запросы времени // Вестник «Народной воли». 1885. № 4. I пагинация. С. 251–252.

тысячи других условий, её всё равно не удержит. Если бы госуд[арственный] переворот дал нам власть, то мы её не выпустили бы до сих пор, пока не поставили бы прочно на ноги народ... Но что касается дальнейшего, то мы это народное опекание в вечную систему не вводим и, как только народ достаточно утвердится, мы сочтём долгом созвать Земский собор и прочее»⁶⁰. Тихомиров, очевидно, использовал здесь «якобинскую» и ткачёвскую лексику, и, вероятно, это объяснялось прямым влиянием Ошаниной. Сам Лев Александрович позднее отмечал, что она умела «внушить собеседнику свою мысль как будто его собственную»⁶¹.

Известен также некий меморандум о переговорах Тихомирова с публицистом и общественным деятелем Н.Я. Николадзе, выступившим посредником между тайной монархической организацией «Священная дружина» и «Народной волей». Литератор и адвокат К.Я. Бороздин, являвшийся агентом «дружины», утверждал, что получил этот документ непосредственно от Николадзе, которого сопровождал в декабре 1882 г. на встречу с народовольцами. Но тот, ознакомившись с текстом, выразил только своё недоумение: «Не знаю, откуда взялся этот протокол и как он очутился у Бороздина. Я такого не помню». Между тем в нём, помимо прочего, упоминалось, что, «признавая для осуществления социальной реформы необходимость революционной диктатуры, народо-вольческая партия логически не может не подчиниться самодержавному царю, высказавшему решимость и способность самодержавным путём осуществить ряд необходимых социальных реформ»⁶². Тихомиров, не касаясь собственно записки Бороздина, которую, возможно, и не читал, резонно заключал: «О том, что при каких бы то ни было условиях партия пойдёт за правительством, не мог бы заикнуться даже самый последний идиот»⁶³. В общем, трудно сказать, кем и как составлялся данный меморандум и в какой мере он отражал реальные события и позиции сторон.

Собеседники Тихомирова отзывались о его взглядах по-разному. Так, Иохельсон сообщал, что в партии «большинство... основывалось на вере в социалистические инстинкты народной массы и народную волю понимали как “народное желание”, которому надо было дать обнаружиться устранением гнёта самодержавия. Тихомиров, как я его тогда понимал, был выразителем этого направления. Я помню, как он однажды говорил.., что он пойдёт революционным путём только до передачи власти народу, а потом он, подобно Цинциннату, будет мирно сажать капусту»⁶⁴. По свидетельству Буха, осенью 1879 г. «Тихомиров однажды сказал: “Как только соберётся Учредительное собрание, отрешусь от всякой политики. Отряхну прах от ног своих и уеду к себе на Кубань. Заведу свой садок, огородик, буду питаться благодатными плодами земли и солнца»»⁶⁵.

Н.С. Русанова в апреле 1881 г., напротив, «поразил в Тихомирове не его якобинизм... но форма его якобинизма, уверенность в том, что даже при неразвитых экономических отношениях можно произвести самую коренную социальную революцию, лишь бы существовала крепко организованная по-

⁶⁰ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. С. 320–321.

⁶¹ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. Воспоминания. М., 2000. С. 314.

⁶² «Священная дружина» и «Народная воля». Записка К.А. Бороздина // Былое. 1907. № 10. С. 160, 166.

⁶³ Тихомиров Л.А. Тени прошлого... С. 374.

⁶⁴ Иохельсон В.И. Указ. соч. С. 16–17.

⁶⁵ Бух Н.К. Первая типография «Народной воли» // Каторга и ссылка. 1929. № 8–9. С. 73.

литическая партия. “Организация — это всё, это краеугольный камень общезжития”, — всё более и более жёстко повторял Тихомиров, — “без организации даже наша солнечная система не сложилась бы”⁶⁶.

В начале 1930-х гг. в замечаниях на книгу Колосова «Народовольческая журналистика» Русанов писал: «У Тихомирова была личная тяга к якобинизму, и я припоминаю многочисленные свои разговоры с ним в Париже, когда... Тихомиров кончал всё-таки выражением предпочтения захвату власти и проведению революции волею радикалов»⁶⁷. Насколько Русанов был точен, сказать трудно. Тихомиров вспоминал о своих парижских разговорах с ним несколько иначе: «Мы... искали такой революции, которая создавалась бы не внешними условиями, а силами личности, и создавала бы такой строй, при котором самостоятельность и значение личности возрастали бы ещё более»⁶⁸. В целом можно констатировать, что Тихомиров, которого так часто относят к бланкистам, в действительности таковым всё же не был, хотя в отдельных случаях мог и высказать «якобинские» суждения.

Любопытно, что в 1923 г. Тихомиров не скрывал: народовольческая интеллигенция «хотела политического переворота на основах свободы и демократии, а вовсе не диктатуры пролетариата»⁶⁹. По его мнению, «если употреблять точные термины, то этих якобы социалистов-революционеров нужно назвать просто радикалами. Они были и демократами, и республиканцами, и в этой области имели убеждения горячие, за которые отдавали жизнь. Но социализм пристёгивали к себе просто по какой-то моде, потому что было принято, что передовой человек должен быть “социалистом”. Но из социализма никто не собирался делать практического употребления, а потому и не вникал глубоко, что это за штука»⁷⁰. Действительно, демократия, политическая свобода были для народовольцев важнее, чем социализм. Однако социальный переворот, особенно в деревне, неизменно воспринимался ими как одна из первоочередных задач.

Так или иначе, программа «Народной воли» не имела ничего общего с революционной доктриной Ткачёва в её целостности. Народовольцы отнюдь не были народниками, изверившимися в народ, как утверждал Плеханов⁷¹, они не сомневались в созидательных силах рабочих и крестьян и оставались сторонниками представительной демократии и гражданских свобод. Встречались среди них и бланкисты (Ошанина, Сергеева и Чернявская), но абсолютное большинство сторонников партии скорее согласилось бы с тем, что сказал о бланкизме А.Л. Гаусман (примкнувший к революционному движению в 1882 г. и повешенный через семь лет в Якутске): «Напрасно некоторые готовы видеть зачатки социализма во взглядах и в действиях Робеспьера. Где налицо тирания, там о социализме не может быть и речи»⁷².

⁶⁶ Русанов Н. С. На родине. 1859–1882. М., 1931. С. 266.

⁶⁷ ОР РГБ, ф. 678, к. 1, д. 29, л. 4.

⁶⁸ Тихомиров Л. А. Тени прошлого... С. 422.

⁶⁹ Там же. С. 288.

⁷⁰ Там же. С. 421.

⁷¹ Плеханов Г. В. Неудачная история партии «Народной воли». С. 147.

⁷² Майнов И. И. [Саратовец.] На закате народовольчества (Памяти В. Я. Богучарского) // Былое. 1923. № 21. С. 126.

Беспартийный кандидат: граф И.И. Толстой и выборы в Государственную думу в 1907 г.

Инна Барыкина

A non-partisan candidate: Count I.I. Tolstoy and the election to the State Duma in 1907

Inna Barykina

*(Saint Petersburg State University, Russia;
Herzen University, Saint Petersburg, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X23060056, EDN: NRPLCP

Манифест 17 октября 1905 г. и Основные государственные законы 23 апреля 1906 г. нередко воспринимались современниками как конституция. «Итак, свершилось: самодержавие пало», – записала в дневнике 20 октября 1905 г. Н.Н. Платонова, жена С.Ф. Платонова¹. Позднее В.С. Дякин, не одно десятилетие изучавший внутреннюю политику Николая II, размышлял о том, «где и когда пропущен поворот, за которым лежал правильный путь»². В известной мере выбор пути зависел не только от решений императора и его правительства, но и от способности общественных деятелей к сотрудничеству или дальнейшему противостоянию с властью.

Уступки, на которые под давлением революционных обстоятельств соглашалось пойти самодержавие, тщательно исследовались Б.В. Ананьичем, Р.Ш. Ганелиным, В.Г. Чернухой, В.А. Нардовой, А.Н. Цамутали, В.С. Дякиным, В.Н. Гинёвым и др. Однако степень готовности общества к компромиссу освещена в историографии гораздо меньше. Тем не менее Дякин отмечал работоспособность III Думы, сумевшей наладить взаимодействие с Советом министров³. По словам К.А. Соловьёва, «первые две Думы яростно боролись за расширение своих полномочий. Третья кропотливо работала и в итоге их расширила»⁴.

Впрочем, и её избрание в 1907 г. могло оказаться очередным «пропущенным поворотом», поскольку накануне выборов настроения кандидатов были весьма противоречивы, отнюдь не все стремились к примирению. Страна находилась в напряжённом ожидании, и накал страстей оставался довольно высоким. В водоворот избирательной кампании попал и гр. И.И. Толстой. Бывший министр народного просвещения в правительстве гр. С.Ю. Витте выступил как независимый кандидат с собственной программой. Аристократическое происхождение, принадлежность к интеллектуальной элите, близость к великим князьям, пост вице-президента Императорской Академии художеств и чин го-

© 2023 г. И.Е. Барыкина

¹ Платонова Н.Н. Дневник (1889–1921). Рязань, 2020. С. 143.

² Дякин В.С. Когда мы проскочили поворот? // Знание – сила. 1991. № 2. С. 2.

³ Власть и реформы. От самодержавной к Советской России / Отв. ред. Б.В. Ананьич. М., 2006. С. 501–505.

⁴ Соловьёв К.А. Самодержавие и конституция: политическая повседневность в России в 1906–1917 годах. М., 2019. С. 337.

фмейстера обеспечивали ему видное положение в правящих кругах империи. Однако, по сути, он никогда не был чиновником.

Окончив в 1881 г. юридический факультет Петербургского университета и прослужив несколько месяцев в МИД, граф в мае того же года перешёл в МВД, где стал делопроизводителем в Комиссии по питейному и переселенческому делу. В августе его назначили представителем ведомства в Переселенческой конторе, открытой в с. Батраки, недалеко от Сызрани. Считалось, что через этот перевалочный пункт на Волге проходило больше всего переселенцев, отправлявшихся в поисках свободных земель на восток. Конторе, состоявшей из четырёх человек (по одному от МВД, Министерства государственных имуществ, сызранского и самарского земств), следовало разъяснять крестьянам правила переселения, собирать данные о движении населения, выявлять нуждающихся для последующего их размещения на казённых землях за Волгой. При этом земские деятели сразу же отказались от какой-либо работы, сославшись на то, что, в отличие от чиновников, им за неё не платят жалованье⁵. К тому же выяснилось, что основной поток крестьян ещё весной прошёл через Батрацкий перевоз, да и те, кто им пользовался, не желали заполнять непонятные анкеты и привлекать к себе внимание властей. Впрочем, это не препятствовало Ф.А. Ройеву, более опытному коллеге гр. Толстого, посылать отчёты в Петербург и вести обширную официальную переписку⁶. В октябре граф вернулся в столицу (контора просуществовала до 1884 г.), где его служба с середины 1880-х гг. была связана преимущественно с научными и художественными учреждениями.

Заняв в конце октября 1905 г. по приглашению Витте министерский пост, гр. Толстой с энтузиазмом принял формирующийся, как ему казалось, «конституционно-парламентский режим», возлагал большие надежды на «первое объединённое правительство»⁷, предлагал его главе и императору обширную программу либеральных реформ (полное уравнивание в правах всех сословий и национальностей, обеспечение прав личности, веротерпимость, преобразование аграрных отношений и рабочего законодательства, развитие местного самоуправления и образования, отмена смертной казни и т.д.)⁸. Однако в апреле 1906 г. «кабинет» в полном составе был отправлен в отставку. Развивать свои идеи графу пришлось в мемуарах и рукописных набросках⁹.

В частности, в одной записке, сохранившейся, к сожалению, без начала и конца (но переписанной набело, возможно, для передачи читателю)¹⁰, он очертил устройство некоего идеального государства и даже нарисовал картину

⁵ При этом гр. Толстой произвёл на них благоприятное впечатление. А.И. Цимбалин, представлявший в конторе сызранское земство, писал ему позднее: «Мы часто вспоминаем Вас, дни, проведённые нами вместе, были приятны, ничем не запятнаны и навсегда останутся в памяти... Вы увезли с собою всё, что нас влекло в контору и подавало энергии» (ОР РНБ, ф. 871, д. 1364, л. 1).

⁶ Подробнее см.: *Барыкина И.Е.* У Батрацкого перевоза. Переселенческая контора в августе-сентябре 1881 г. // Развитие территорий. 2023. № 2. С. 48–54. Ироничные воспоминания гр. Толстого о его службе на Волге см.: ОР РНБ, ф. 781, д. 567.

⁷ Мемуары графа И.И. Толстого / Публ. Л.И. Толстой. М., 2002. С. 34, 241, 296, 318. Подробнее см.: *Ананьич Б.В.* И.И. Толстой и Петербургское общество накануне революции. СПб., 2007. С. 60.

⁸ Мемуары графа И.И. Толстого. С. 241, 318.

⁹ Мемуары графа И.И. Толстого. Подробнее об особенностях мемуаристики российских чиновников см.: *Чернуха В.Г.* Мемуары столичного чиновничества второй половины XIX в. // Исследования по истории внутренней политики России второй половины XIX века. Сборник статей В.Г. Чернухи к 90-летию со дня рождения. СПб., 2020. С. 449.

¹⁰ ОР РНБ, ф. 781, д. 215, л. 1.

этой вымышленной страны, расположенной на материке и островах¹¹, и придумал ей герб¹². В этом чувствовалось нечто общее с кассилевской Швамбранией.

Административная и законодательная власть в воображаемой графом федеративной демократической республике находилась в руках коллегиального органа, избираемого всеми совершеннолетними гражданами: «Совет в полном составе представляет собою ответственное правительство государства, и без его решения ни одна общая мера принята быть не может». Его заседания следовало проводить открыто и публично. На них, помимо прочего, «члены совета избирают из своей среды председателя на два года, 5 министров, 6 президентов штатов, 3 верховных судей, на тот же срок». Для выборов главы государства, а также в случае разногласий между ним и советом созывался конгресс: «Выборы членов конгресса производятся так же, как и выборы членов совета, и от тех же мест, но в двойном количестве. Эти лица вместе с членами Совета и составляют конгресс. В случае требования трёх штатов или не менее 25 000 совершеннолетних граждан может быть созвано общенародное собрание, которое на время своего существования входит во все права установленных властей, которые в это время могут действовать лишь по его поручению». Глава государства являлся гарантом конституции и «верховным блюстителем» законов. Ему также поручались «объявление войны и заключение мира, дарование каких-либо особых прав лицам и учреждениям, изменения в численности войск и флота, постройка крепостей, внутренние и внешние займы, образование новых штатов и экстраординарные мероприятия, не предусмотренные конституцией. Кроме того, глава пользуется правом помилования преступников, в случае ходатайствования об этом судей или присяжных». Особо оговаривалось, что «в обыкновенных случаях глава несменяем, и требуется лишь подтверждение его власти каждые пять лет всенародным голосованием»¹³.

В своём проекте граф пытался предусмотреть все возможные юридические казусы и скрупулёзно высчитывал число голосов, необходимое для решения каждого из них. Не менее подробно им был продуман бюджет: источники доходов и статьи расходов, размер подоходного налога, примерные сметы министерств (их предусматривалось пять — народного просвещения, путей сообщения, торговли и мануфактур, финансов, иностранных дел) и канцелярий. С особой детализацией приводились цифры по учебному ведомству. Определялась также численность войск, снаряжаемых от каждого штата и городов¹⁴.

В феврале 1907 г. гр. Толстой в письме к сыну перечислил первоочередные меры, которые считал необходимыми: «1) уничтожение смертной казни..., 2) уничтожение сословных привилегий (равенство всех перед законом), 3) равноправие евреев, 4) реформа жандармской полиции и подчинение её общим законам, дающим гарантии свободы личности, 5) отчуждение земли в пользу крестьян (хотя бы по кадетской формуле, несмотря на всю её непрактичность и беспросветную теоретичность), 6) реформа земств в демократиче-

¹¹ В очертаниях береговой линии её материковой части угадывался залив, похожий на Финский, и река, напоминающая Неву; острова же имели отдалённое сходство с Курильской грядой или архипелагами Океании.

¹² Поле щита, украшенного фригийским колпаком, разделялось на две горизонтальные части: в верхней изображались скрещенные морской якорь и молот, в нижней — шесть звёздочек, по видимому, обозначавших шесть штатов.

¹³ ОР РНБ, ф. 781, д. 215, л. 2–3.

¹⁴ Там же, л. 1, 3 об.

ском направлении и 7) всеобщее первоначальное обучение»¹⁵. Однако события развивались иначе, и 3 июня, беседуя с сыном о возможности компромисса между депутатами и министрами, Иван Иванович признал, что Дума служила «не идее эволюционирования государственного устройства России, а её революционированию», и поэтому правительство имело полное право распустить представительное учреждение. Между тем, «будь состав второй Думы поделовитее и менее левым, представительный образ правления в России был бы, конечно, окончательно обеспечен, а теперь приходится “начинать сказку сначала”». В том, что «окончательное возвращение к полицейскому государству невозможно», граф не сомневался, но перейти к правовому строю Россия, по его мнению, могла лишь в случае продолжения «Думского периода». «Самым выгодным и для правительства, и для страны решением возникшего вопроса, — полагал он, — было бы согласие Думы пожертвовать своими революционными сочленами; тогда, вероятно, Дума обеспечила бы себе пятилетнюю плодотворную работу, организовав устойчивое благоразумное большинство, избавившись от наиболее мешающего организационной работе элемента и предупредив опасность резкой реакции»¹⁶.

Распуск II Думы и изменение избирательного законодательства гр. Толстой воспринял как «перелом в политике правительства», которое «перешло в решительное наступление»: «Администрация, сдерживавшаяся всё же несколько существованием Государственной думы... теперь почувствовала себя совершенно свободною»¹⁷. Можно было ожидать, что «правительство, раз решившись на самостоятельное изменение избирательного закона и убедившись в полной для себя безопасности (пока!) таких экспериментов, не постеснится и впредь держаться того же курса, меняя избирательный закон в ещё более ретроградном духе, если и третья Государственная дума ему не понравится. Это, несомненно, реальная, а не воображаемая опасность!»¹⁸.

И всё же граф не терял надежды на то, что представительные учреждения удастся сохранить. Для этого требовалось только, чтобы новая Дума оказалась «работоспособной», «была разумна и не предъявляла фантастических требований вроде уничтожения частной собственности»¹⁹. 20 июня он принял решение выдвинуть свою кандидатуру на выборах. Причём к политическим мотивам тут примешивалась изрядная доля любопытства, он не скрывал, что ему «интересно испытать и это в жизни»²⁰.

С августа Иван Иванович не раз высказывался в печати о задачах и значении III Думы. Первое интервью у него взял 10 августа сотрудник газеты «Страна» Я.Б. Бруксон, который, по словам графа, «сильно сократил разговор, но в общем изложил его вполне удовлетворительно»²¹. В конце месяца в газете «Слово» появилась большая статья гр. Толстого «Государство и школа», переизданная позднее под названием «Заметки о народном образовании в России»²². Затем он втянулся в газетную полемику с «Новым временем» о положе-

¹⁵ Цит. по: *Ананьич Б.В.* И.И. Толстой и Петербургское общество... С. 87.

¹⁶ *Толстой И.И.* Дневник: в 2 т. / Сост. Б.В. Ананьич. Т. 1. СПб., 2010. С. 335–337.

¹⁷ Там же. С. 338–340.

¹⁸ Там же. С. 345.

¹⁹ Там же. С. 359, 384.

²⁰ Там же. С. 348.

²¹ Там же. С. 361.

²² Мемуары графа И.И. Толстого. С. 321–368.

нии евреев, критиковал в газете «Русь» кадетский проект аграрной реформы. Настаивая на обязанности государства «вмешиваться там, где сил не хватает у слабого бороться с эксплуатацией», он писал: «В этом деле Дума может указать, что мелкая земельная собственность важнее, полезнее для государства, чем крупная, и поэтому принять меры к облегчению перехода крупных имений в руки крестьян, а не потому, что помещиков 130 тысяч, или 600 тысяч, или, напротив, всего 10 тысяч»²³.

«Биржевые ведомости» в октябре 1907 г. регулярно публиковали в разделе «Третья Дума и её задачи. Опрос кандидатов в члены Гос[ударственной] думы» интервью, знакомя избирателей с представителями разных партий. Среди них — октябристы С.П. Беляев и Г.Г. Лерхе, кадет А.М. Колобакин, член «Союза русского народа» И.И. Баранов и социал-демократ Н.Д. Соколов. 5 и 6 октября хроникёр газеты Л.Б. Клебанский дважды беседовал с гр. Толстым. Первое интервью, как утверждал граф, было «составлено неумело»²⁴, поскольку лишь кратко перечисляло основные положения программы: «Нам нужна, прежде всего, устойчивая конституция, не изменяемая по соображениям политического момента, нам нужны права человека, равенство всех перед законом, притом законом нелицеприятным и справедливым, нам нужно равноправие всех граждан без различия происхождения и веры, нам нужно широкое распространение образования, нужна реорганизация местного самоуправления на разумных демократических началах в интересах всех, а не кучки. Нужно, наконец, провозгласить громко этический принцип, что государство существует не для сильных мира сего, которые и сами для себя всё получают, а для слабых, для тех, которым борьба не под силу одним»²⁵.

На следующий день Иван Иванович попытался раскрыть свою позицию подробнее. Он говорил о том, что беспартийные кандидаты, которые пройдут в Думу, составив конкуренцию кадетам и октябристам, добьются объединения всех «истинно конституционных фракций» и поставят перед министрами «категорический вопрос: есть ли в России конституция и насколько конституционно само правительство». Граф почему-то был убеждён в том, что они получат положительный ответ, и тогда «Дума может приступить к продуктивной и плодотворной законодательной работе». Начать ей следовало с признания «равноправия всех населяющих Россию народностей», так как без этого «не может быть проведён в жизнь в прогрессивном духе ни один последующий закон, чего бы он ни касался». Так, «получи евреи раньше обсуждения паспортного вопроса равноправие — и паспортный вопрос не затормозился бы своим разрешением». Затем уже предстояло ввести всеобщее образование, преобразовать местное самоуправление и приступить к изменению аграрного законодательства. В частности, граф рекомендовал разработать «закон о прогрессивном обложении земли, что заставит крупных землевладельцев распродать свои поместья, а также «уничтожить Дворянский банк, оставив функционировать один только Крестьянский», поскольку «мелкое землевладение выгоднее для государства, чем крупное: мелкое землевладение даст больше дохода казне»²⁶. Впрочем, по словам гр. Толстого, и это интервью оказалось «составлено неумело».

²³ Русь. 1907. 5(18) октября. № 265.

²⁴ Толстой И.И. Дневник. Т. 1. С. 383.

²⁵ Политическая программа И.И. Толстого // Биржевые ведомости. 1907. 6 октября. № 10135.

²⁶ Биржевые ведомости. 1907. 7 октября. № 10137.

мело и замечательно пошло, а в подробностях просто неверно передаёт высказанные мною мысли»²⁷.

Разъясняя избирателям свои взгляды, гр. Толстой отправил утром 8 октября в «Биржевые ведомости» статью, которая появилась в тот же день в вечернем выпуске. В ней опровергались слухи о возможности союза кадетов и октябристов и утверждалось, что, споря о конституции, «российское народное представительство как бы проглядело главное — необходимость начать постройку нового строя нашего отечества, если дозволено так выразиться, с фундамента». В основу же его следовало положить гарантии прав человека, «обязанности государства поддерживать слабых против сильных», равенство всех перед законом и т.д. Исходя из того, что многообразие партийных программ способно «сослужить службу при венчании здания», а не при закладке «фундамента», граф советовал избирателям обратить внимание на независимых кандидатов, «которые не будут подсовываться им партиями, а которых они будут знать, которым они лично будут доверять, а не на основании одного партийного их диплома»²⁸. Ему явно казалось, что «многоглавый собственник будущего здания» оценит подобный призыв.

Тогда же граф задумал написать очерк «Россия накануне 3-й Государственной думы», так и оставшийся незавершённым. В нём отчётливо ощущалась неуверенность автора, отмечавшего: «Пока мы ещё находимся в “Думском” периоде нашей истории, так как несомненно будем иметь 3-ю Думу, которая будет последнею, предпоследнею или только одною из серии ряда последующих — этого мы пока не знаем». Неопределённость лишь усиливалась из-за того, что «правительство основательно разочаровано в Думах и было бы очень радо прикончить их, а масса населения, хотя и разочаровалась тоже в них, но пока не видит иного практического способа для изменения своего печального положения» и «осуществления хоть части своих надежд»²⁹.

Тем самым «правительство, и, наверное, и народ, по-видимому, относятся к Г[осударственной] думе отрицательно, но с двух противоположных точек зрения: правительство нашло и находит, что Дума желает присвоить себе слишком много прав, считает, что оно может совсем обойтись без неё, что польза её проблематична, а вред несомненен; народ находит, что Думе дано слишком мало прав, что у неё связаны руки и что она больше говорит, а дела не делает, и, наконец, не выражает его, народа, мнение, не печётся о его настоящих, насущных интересах». В итоге, «правительство не желает никакой Думы, но помирилось бы с такою, которая была бы исправлена по его рецепту; народ желает Думы, но не помирится с Думою, исправленною правительством, и перестанет ею дорожить, если план правительства удастся»³⁰.

Взаимопониманию препятствовало и то, что «правительство смотрит на Думу исключительно как на возможное средство борьбы с революцией, с анархией, хотело бы опереться на неё, найти в ней нравственную санкцию своих мероприятий в этой борьбе, а Дума настойчиво указывает на нужды страны, действительные или воображаемые — в данном вопросе даже безразлично, и вместо поддержки предъявляет требования, не правительству предла-

²⁷ Толстой И.И. Дневник. Т. 1. С. 384.

²⁸ Толстой И.И. К соглашению партии к.-д. и союза 17 октября // Биржевые ведомости. 1907. 8 октября. № 10138.

²⁹ ОР РНБ, ф. 781, д. 555, л. 1.

³⁰ Там же, л. 1—1 об.

гает свою помощь, а заявляет претензию, чтобы правительство ей помогало». В сложившейся ситуации, констатировал гр. Толстой, «возможна только уступка с которой-нибудь стороны». И, судя по его дневниковым записям, граф ожидал такого шага именно от общества, а не от «правительства», под которым в очерке он понимал «не отдельных лиц, не председателя Совета министров, даже не Совет министров как коллегия, а всю совокупность верхов правительственной машины, эту безличную, в сущности, организацию причастных к делу управления страной, которая неизвестно где начинается и где кончается, но которая имеет установленные мнения по всем практическим и теоретическим вопросам государственности». Иными словами, это по-прежнему был не европейский «кабинет», а некий «правлящий кружок, границы которого весьма слабо очерчены»³¹.

Так или иначе, отстаивать намеченную им «программу» в Думе гр. Толстому не довелось. Его попытка стать депутатом закончилась сокрушительным поражением. 19 октября он констатировал в дневнике: «Не скандал вообще, а лично для меня: я получил всего 66 избирательных голосов. Вперёд мне наука заниматься политикою! Против забаллотирования ничего не имею, но цифра поданных за меня голосов всё же невольно заставляет конфузиться — столь она смешотворна: хоть бы трёхзначное было бы число, а то при 45000 избирателях получить 6 ½ десятков дружеских голосов (я их почти всех могу сам перечислить) просто комично, а смех, как известно, лучше всего убивает в политике»³². Этому не стоило удивляться, ведь, как установил Ананьич, граф «не приложил решительно никаких усилий для того, чтобы быть избранным, затратил ничтожные суммы на избирательную кампанию и отказался примкнуть к какой-либо из политических партий»³³. Тем временем оппоненты старались дискредитировать его взгляды и прежде всего — идеи полного национального равноправия, в том числе и для евреев. Конечно, гр. Толстой осознавал, что будет служить «мишенью для всяческого глумления и ругани» и у него «весьма мало» шансов на победу³⁴. Но, видимо, у него имелись и определённые надежды на среднего российского обывателя начала XX в. В своих выступлениях в ходе предвыборной кампании он очерчивал пределы уступок, на которые, по его убеждению, могло пойти общество в диалоге и сотрудничестве с властью. Он допускал отказ от радикальных требований, включая передел земельной собственности, но не от норм, определявших права личности. Это казалось ему вполне реалистичным. Однако, по справедливому замечанию историка, «выборы Толстого в Государственную думу, возможно, отражают и состояние общества, не готового принимать всерьёз политиков с подлинно либеральными программами»³⁵.

³¹ Там же, л. 1 об.—2 об.

³² Толстой И.И. Дневник. Т. 1. С. 387.

³³ Ананьич Б.В. И.И. Толстой и Петербургское общество... С. 90.

³⁴ Толстой И.И. Дневник. Т. 1. С. 348, 375.

³⁵ Ананьич Б.В. И.И. Толстой и Петербургское общество... С. 90.

Культурная политика русских правых в начале XX в.

Андрей Иванов

Culture policy of the Russian Rightists at the beginning of the 20th century

Andrey Ivanov

(Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X23060068, EDN: NQKRZW

Обращаясь к истории правых политических партий дореволюционной России (черносотенцам и русским националистам), исследователи обычно не уделяют большого внимания такому аспекту их деятельности, как культурная политика. В обстоятельных монографиях С.А. Степанова, И.В. Омелянчука, Д.А. Коцюбинского, С.М. Саньковой¹ эта тема затронута фрагментарно, как бы вскользь, и лишь в работе Ю.И. Кирьянова данному вопросу специально уделено несколько страниц². Между тем отношение правых партий и их лидеров к литературе, театру, кинематографу, а также их культурно-просветительская деятельность представляют несомненный интерес и достойны более пристального внимания и подробного изучения, поскольку существенно дополняют представление как об их общественно-политических взглядах, так и о методах пропагандистской работы.

Руководящие органы крупнейших правых партий в плане образовательного ценза мало уступали другим политическим партиям (все вожди всероссийских правых союзов были с высшим образованием), имея в своих рядах видных учёных, военных, юристов, сановников, администраторов, врачей, педагогов и т.д. На волне антиреволюционных настроений в черносотенные организации вступали и деятели русской культуры. Особенно богатым на представителей интеллектуальной и творческой элиты страны оказалось Русское собрание, среди членов которого в разное время встречаются имена историка-византиниста академика Н.П. Кондакова, будущего академика АН СССР историка Н.П. Лихачёва, директора Археологического института Н.В. Покровского, историка Д.И. Иловайского, филолога-слависта П.А. Кулаковского и его брата, члена-корреспондента Императорской Академии наук историка Ю.А. Кулаковского; организатора и руководителя первого в истории оркестра русских народных инструментов В.В. Андреева; будущего лауреата Сталинской премии в области литературы и искусства писателя В.Г. Яна

© 2023 г. А.А. Иванов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20–09–00105 «Политические партии России начала XX в.».

¹ Степанов С.А. Чёрная сотня. Что они сделали для величия России? М., 2013; Омелянчук И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2006; Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001; Санькова С.М. Русская партия в России: образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орёл, 2006.

² Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001. С. 320–324.

(Янчевецкого), который до революции также являлся секретарём правления Союза правой печати³, и др.

Консервативно настроенные представители русской элиты взаимодействовали не только с уважаемым Русским собранием, но и с массовыми черносотенными союзами. Художник В.М. Васнецов тесно сотрудничал с Союзом русского народа (СРН) и Русским народным союзом имени Михаила Архангела (РНСМА). Видным участником черносотенного движения был живописец К.П. Степанов. Писатель и драматург кн. М.Н. Волконский не только являлся членом Совета Русского собрания, но и возглавлял Санкт-Петербургский отдел СРН. В разгар Первой российской революции в ряды СРН вступил литератор, поэт, драматург и переводчик М.А. Кузмин⁴. В рядах СРН и Русской монархической партии находилась писательница, переводчица и публицистка О.А. Новикова, её брат — видный публицист-славянофил генерал А.А. Киреев — также вступил в СРН в 1905 г.⁵ Активной участницей черносотенного движения в Москве была популярная в начале XX в. поэтесса Л.А. Кологривова.

Богаты на интеллектуальные силы оказались и русские националисты. Идеологами Всероссийского национального союза являлись, к примеру, выдающийся публицист «Нового времени» М.О. Меньшиков, профессор-психиатр П.И. Ковалевский, правовед, заслуженный профессор и ректор Харьковского университета Н.О. Куплеваский. Членами союза и Киевского клуба русских националистов также были профессор Императорского университета св. Владимира в Киеве психиатр И.А. Сикорский (отец выдающегося авиаконструктора), профессор кафедры геологии того же университета П.Я. Армашевский, историк П.Н. Ардашев, правовед П.Е. Казанский и др.

Очевидно, что лидеры правых партий не могли оставаться в стороне от процессов, происходивших в культурной жизни страны, они живо реагировали на вызовы и угрозы в этой сфере и пытались выработать на них консервативный ответ. Осознавая роль культуры в формировании общественных взглядов и настроений, правые партии стремились влиять на политику в этой сфере и предлагали собственные инициативы.

Взгляды правых на культуру исходили из тех же принципов, что и другие вопросы общественно-политической жизни: творческая деятельность во всех её проявлениях не должна вступать в конфликт с православным вероучением, монархическими принципами и интересами русской народности (в том виде, как её понимали правые).

Большую тревогу в правом лагере вызывали процессы, происходившие в литературе. «Литература имеет два назначения, — писал М.М. Спасовский, — воспитательное и образовательное; причём второе является продолжением первого... Литература в деле воспитания играет главенствующую роль. В зависимости от того, какое направление имеет литература в данное время, как высок нравственный уровень её содержания, насколько божественны её идеалы, в зависимости от этого и современный человек получает соответствующий облик»⁶.

³ Новое время. 1907. 21 февраля.

⁴ Кузмин М.А. Дневник 1905–1907 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомоллова и С.В. Шумихина. СПб., 2000. С. 68, 77.

⁵ Киреев А.А. Дневник. 1905–1910 / Публ. К.А. Соловьёва. М., 2010. С. 113.

⁶ Спасовский М. Литературные заметки // Вестник Союза русского народа. 1912. № 107. С. 10.

Творчество известных русских писателей XIX в. представители консервативного лагеря признавали высокохудожественным, патриотическим, благонадёжным и полезным для нравственного совершенствования общества. «Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Грибоедов, Тургенев, Достоевский — это были богатыри русского духа и представители богатырской полосы нашей истории», — утверждал Меньшиков⁷. Ф.И. Тютчева и Ф.М. Достоевского правые нередко называли в числе своих идейных предшественников и вдохновителей⁸. Поэт Серебряного века А.И. Тиняков, некоторое время сотрудничавший с рупором СРН газетой «Земщина»⁹, в одном из частных писем и вовсе называл Тютчева и А.А. Фета «черносотенцами», вкладывая в это слово положительный смысл¹⁰. Генетическое родство Достоевского и «Чёрной сотни» видели и противники правых. В.В. Розанов вспоминал, как философ Л.А. Шестов (Шварцман) спросил у него: «К какой бы из теперешних партий примкнул Достоевский, если бы был жив?», и сам же ответил: «Разумеется, к самой черносотенной партии, к Союзу русского народа и “истинно русских людей”»¹¹. О том, что имя Достоевского окружено «мрачным ореолом» «черносотенности», писал и поэт Андрей Белый (Б.Н. Бугаев)¹².

Правые нередко вступали в борьбу с противниками из либерального стана, когда те пытались выставить великого поэта или писателя своим единомышленником. Показательно в этом плане 100-летие со дня рождения Н.В. Гоголя, широко отмечавшееся в 1909 г. Правая пресса, высоко оценивая заслуги писателя перед русской литературой, дружно дала отпор своим оппонентам слева, обвинив последних, что те под предлогом чествования писателя «тащат его в свой плен» и делают «орудием рекламы своих собственных бредней»¹³. «Кто был Гоголь как гражданин? — писал Меньшиков. — Какой держался политической платформы, выражаясь модным, плоским, как платформа, языком? Он был форменный “черносотенец”, “крайний правый” с головы до ног»¹⁴. Естественно, что такие статьи вызывали негодование и усмешки политических противников. Откликаясь на публикации правой прессы о Гоголе, поэт В.М. Голиков опубликовал в «Голосе Москвы» следующие стихотворные строки:

«Черносотенный Дубровин
В “Русском знамени” своём,
Чёрный “Колокол”, избравший
Пуришкевича вождём,
А за ними все отделы,
Все управы, весь союз
К славе Гоголя внезапно
Проявили сразу вкус.
И шума на всю Россию,
И входя в нелепый раж,

Заявили всенародно:
“Гоголь — правый, Гоголь — наш!
Место Гоголя в союзе,
Между истинных сынов,
Так как был бы в наше время
Он защитником основ!
Ставьте памятник народный!
Мы воскликнем все подряд:
Слава, гений чёрной сотни!
Слава, Гоголь ретроград!”¹⁵.

⁷ Меньшиков М.О. Он — не ваш // Новое время. 1909. 28 апреля.

⁸ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России... С. 321.

⁹ Варжапетян В. «Исповедь антисемита» (История одной статьи) // Ной. Армяно-еврейский вестник. М., 1994. № 8. С. 139–142.

¹⁰ Там же. С. 134.

¹¹ Розанов В.В. Мимолётное. М., 1994. С. 171.

¹² Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и примеч. Л.А. Сугай. М., 1994. С. 195.

¹³ Меньшиков М.О. Он — не ваш.

¹⁴ Там же.

Вместе с тем правые подвергали критике тех представителей писательской среды, которые перечисленным выше критериям, по их мнению, не отвечали. Среди наиболее известных писателей и поэтов, подвергшихся критике справа, оказались Л.Н. Толстой, Т.Г. Шевченко, Л.Н. Андреев, А.И. Куприн, М. Горький.

Правые обычно признавали несомненный литературный талант Толстого («дивный литературный корифей» в период «своей не сектантской деятельности», — отзывался о нём В.М. Пуришкевич¹⁵), но подвергалась резкой критике религиозная и политическая позиция писателя, оценивавшаяся как богохульная, еретическая и анархистская¹⁶. «Враг святой веры православной», «злбный ненавистник самодержавных русских царей», «безжалостный предатель родного русского народа», — так охарактеризовал Толстого после его смерти лидер СРН Н.Е. Марков¹⁷. В связи с этим правые выступали против широкого чествования писателя в его 80-летний юбилей (1908) и превращения его похорон в событие национального масштаба (1910). В частности, Нижегородский отдел СРН, протестуя против решения местной городской думы отметить толстовский юбилей открытием в городе школы, названной в честь писателя, отмечал: «Никто из русских не нанёс за последние годы столько зла России, как прославляемый вами граф Лев Толстой, и если положить на чашу весов то относительное добро, которое он принёс своими первыми литературными произведениями, с тем нравственно невыносимым злом, которым пропитана каждая строка его позднейших, поистине мерзких и богохульных сочинений, то первое до ничтожества будет легковесно сравнительно с последним... Возвеличивая в глазах детей богохульника Толстого, украшая их школу его портретом, наравне с портретами наших государя и государыни, вы приучаете к почитанию его и располагаете их к скорейшему усвоению его хульных учений, вы “соблазняет” их на самые тяжкие преступления против веры, царя и родины»¹⁸.

В черносотенном лагере бывали, впрочем, и более резкие высказывания о Толстом. Скандально известный иеромонах Илиодор (Труфанов) называл писателя «яснополянским бесом», «проклятым духовным разбойником», «врагом Божиим», «религиозным шарлатаном», «беспримерным кощунником и богохульником» и «проклятым стариком»¹⁹. Когда большинство Государственной думы сочло необходимым после кончины писателя почтить его память вставанием, правые заявили решительный протест, посчитав такой поступок «совершенно неуместной противогосударственной и противорелигиозной демонстрацией», поскольку Толстой отрицательно относился ко всякой государственной деятельности, «придерживался крайних, разрушительных воззрений, отметая все устои современной культуры», и был «отсечён от сонма верующих Церковью за свои богохульные произведения»²⁰. Поддержали позицию черносотен-

¹⁵ Государственная дума. Созыв IV. Стенографические отчёты. Сессия II. Ч. 4. СПб., 1914. Стб. 986.

¹⁶ См.: *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России... С. 320–321.

¹⁷ *Буй-Тур.* Смерть лжеучителя // Вестник Союза русского народа. 1910. № 2. С. 3.

¹⁸ *Елисеев А.* Толстой и нижегородская чёрная сотня // Литературное наследство. 1939. Т. 37. С. 722–723.

¹⁹ Письмо иеромонаха Илиодора комитету выставки имени Толстого // Вестник Союза русского народа. 1911. № 76. С. 9.

²⁰ *Н. Т-нев.* Правые — о графе Толстом // Земщина. 1910. 8 ноября; Протест правых // Там же. 9 ноября.

цев и многие националисты²¹. В свою очередь Съезд русских людей в Москве (1909) и дубровинский съезд СРН (1911) обратились к властям с требованием изъять из обращения «богохульные и безнравственные» произведения Толстого и прекратить популяризацию творчества писателя²².

Т.Г. Шевченко воспринимался правыми не только как безбожник, «нигилист» и бунтарь, но и как знамя украинского сепаратизма, «певец самостийной Украины»²³. Поэтому, когда возникла инициатива установить к юбилею писателя памятник в Киеве, правые партии и союзы развернули активную кампанию, чтобы этого не допустить. Как отмечали русские националисты, Шевченко «пламенно воспевал» идеи, которые положили «начало современному украинско-мазепинскому сепаратизму», и установка памятника ему преследует цель «пробуждения в народных массах чувства особого украинского самосознания и скорби об утраченной Украиной независимости»²⁴. Один из лидеров русских националистов А.И. Савенко подчёркивал, что «Шевченко страстно мечтал о разрушении единой России и о создании на развалинах её “самостийной” Украины», «страстно ненавидел виновников создания единой, великой России», крайне негативно отзывался о Богдане Хмельницком и Петре Великом²⁵. «Подходя же к творчеству Шевченко с общерусской точки зрения, — заключал Савенко, — мы находим в этом творчестве такие элементы, которые не позволяют нам относиться с уважением к памяти поэта»²⁶. Лидер фракции правых в III Государственной думе профессор А.С. Вязигин, замечавший, что для него как потомка чугуевских казаков Шевченко был любимым поэтом детства, с горечью признавал, что в зрелые годы, эти стихи потрясли его не только «страстной ненавистью к “поганям москалям”» и призывами к царевийству, но и кощунственными выходками. «Шевченко, — заключал Вязигин, — подрывает главные устои христианства... При таких условиях чествование Т.Г. Шевченко приобретает характер нового оскорбления, бросаемого в лицо верующей и верноподданнической России... Нет места памятнику хулителю Пречистой Деве Марии в городе, где издревле высится славная обитель Печерская»²⁷.

Однако не все правые были столь категоричны в оценке творческого наследия кобзаря. Меньшиков, называвший украинского поэта человеком «ослеплённым ненавистью к нашей государственности и народности», вместе с тем отмечал: «Шевченко — несомненный талант», хоть и «второразрядный, вроде нашего Кольцова или Никитина... которых муза в лучших вещах достигала удивительной красоты, но не величия». Объяснял эту «второразрядность» Меньшиков тем, что «гений есть нечто державное, свойственное только великому племени», а не провинциальное, и потому Гоголь «не прогадал, променяв как художник полтавскую мову на общерусскую речь»²⁸. Черносотен-

²¹ Ромов Р.Б. Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 337.

²² Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. В 2 т. / Сост., вступ. ст., коммент. Ю.И. Кирьянова. Т. 1. М., 1998. С. 477; Т. 2. М., 1998. С. 73.

²³ Сборник клуба русских националистов. Вып. 3. Киев, 1911. С. 35–41.

²⁴ Там же. Вып. 4–5. Киев, 1913. С. 265, 269.

²⁵ Там же. Вып. 3. С. 37.

²⁶ Там же. С. 36.

²⁷ Вязигин А.С. «Особое мнение» о чествовании Т.Г. Шевченко // Земщина. 1914. 7 февраля.

²⁸ Крижановский Н.И. М.О. Меньшиков об украинском вопросе и Т.Г. Шевченко // М.О. Меньшиков: этапы жизни и особенности творчества. М., 2021. С. 310–311.

ный «Почаевский листок» писал: «Нам не дорог Шевченко как украинофил или мазепинец... Шевченко нам дорог как поэт Украины, вполне самобытный и национальный»²⁹. Рупор же СРН «Земщина» в 1911 г. опубликовал благожелательную заметку к 50-летию со дня кончины Шевченко, в которой тот был назван не только «первой величиной в украинской литературе», но и «одним из величайших поэтов славянства»³⁰. Даже Пуришкевич, всегда выступавший с критикой «украинства», отмечал, что свой голос против чествования юбилея «великого поэта» Шевченко он возвышает исключительно в связи с тем, что торжества в честь кобзаря будут использованы украинскими националистами в антироссийских целях³¹. В другой своей думской речи Пуришкевич, провоцируя оппозицию, и вовсе заявил, что «Шевченко во многих смыслах являлся лицом, которое разделяло наши политические воззрения», приводя в качестве «доказательства» антисемитские строки из поэзии кобзаря³².

Не отрицая литературного таланта М. Горького, консерваторы вместе с тем характеризовали его как певца «общественной рвани», «четвертого класса», «апостола босячества», «прорвавшимся нарывом известного мирозозерцания», проповедника «бульварных идеалов» и видели в нём бунтаря «сродни Пугачёву»³³. По словам Меньшикова, романтизация Горьким босячества привела к тому, что «модное учение марксизма сразу подчеркнуло “босячество” и ввело его в поле общественного зрения. Босяками начали увлекаться, как некогда черкесами или запорожцами, босяков возвели чуть ли не в “перл создания”, им даже кое-где начали подражать». Молодёжь увидела в изгоях общества «новых героев», призванных «вывести род людской из социального плена»³⁴. Горький отвечал правым взаимностью, называя их «хулиганами и подонками общества», «бессовестными обманщиками», «зверьями» и «животными»³⁵.

Не приняли правые и творчества многих писателей и поэтов Серебряного века, осудив их декадентскую культуру и мистические искания. Так, например, Н.Е. Марков в творчестве А.А. Блока, Ф.К. Сологуба, А. Белого, З.Н. Гиппиус видел скрытое «отправление сатанинского культа», а Д.С. Мережковского называл «жутким писателем» и «пророком антихриста»³⁶. В черносотенном лагере образцами подлинной русской поэзии из авторов-современников назывались В.Л. Величко, Л.А. Кологривова, А.А. Голенищев-Кутузов. Поэтом считал себя и лидер РНСМА Пуришкевич³⁷.

Доставалось от правых и писателям, чьё творчество было воспринято ими как безнравственное и «порнографическое» — М.П. Арцыбашеву, Л.Н. Андрееву, А.И. Куприну, А.А. Вербицкой и др.³⁸ «Читающие Вербицкую, Л. Андреева,

²⁹ Памяти Т.Г. Шевченко // Почаевский листок. 1911. № 6. С. 17.

³⁰ *Л-ский Н.* Памяти певца Украины // Земщина. 1911. 26 февраля.

³¹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Ч. 2. СПб., 1914. Стб. 718–730, 1203–1204.

³² Там же. Стб. 1204.

³³ *Медоваров М.В.* Максим Горький глазами русских консерваторов (1899–1909 гг.) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Иваново, 2020. С. 590–597.

³⁴ *Меньшиков М.О.* Вожди народные // *Меньшиков М.О.* Великорусская идея / Сост., предисл., коммент. В.Б. Трофимовой: в 2 т. Т. 2. М., 2012. С. 563, 566.

³⁵ Максим Горький о Союзе русского народа // Речь. 1907. 4 июля.

³⁶ *Марков Н.Е.* Войны тёмных сил. Статьи. 1921–1937 / Сост. М.Б. Смолин. М., 2002. С. 322–336.

³⁷ См.: *Иванов А.А.* Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. СПб., 2020. С. 234–263.

³⁸ См.: *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России... С. 322.

Куприна, Арцыбашева пополняют кадры самоубийц, дегенератов и, в лучшем случае, лесных бродяг», — утверждал Спасовский³⁹. «Вместо чистых лучей русских писателей, — говорил на V Всероссийском съезде русских людей (1912) член Русского собрания В.И. Веножинский, — в душу русской молодёжи, русского общества и народа полились ушаты помой из таких сочинений, как “Яма” А.И. Куприна. “Иуда” Леонида Андреева»⁴⁰. «Л. Андреев всю свою жизнь только тем и занимался, что плевал, да плевал на Россию... У него всюду только темень да грязь. И везде один припев: “Так вам и надо, гады!”», — писала «Земщина»⁴¹.

При этом в свойственном правым духе нередко отмечалось, что причиной нравственного падения русской литературы является проникновение в неё евреев, а популярность «писателей-деградантов» объясняется их «раздутостью еврейской печатью»⁴². «Блестяще и победоносно было, господа, шествие русской литературы, как и всей русской государственной жизни: от веков седой старины, от тяжёлого древнерусского языка, от русской народной поэзии — сказок, былин, песен и обрядов, от подражаний и переводов мы поднялись к Солнцу русской литературы — к Пушкину, Гоголю, Лермонтову. Мы видели мировую скорбь в произведениях Достоевского и слышали последнюю, лебединую песнь литературы 19 века в психологических, изящных рассказах Антона Чехова. Но до позора русская литература не могла дожить. Куприны и Андреевы — это литература евреев на ломаном русском языке. Это — литература торгашей, овладевших Олимпом», — отмечал Веножинский, предлагая сомневающимся в «еврействе» Куприна и Андреева «“поскоблить” их хорошенько»⁴³.

Характеризуя образы, рождённые современной ему литературой, автор «Вестника Союза русского народа» писал: «Русский монах — развратник и насильник; священник — невежа и дикарь; офицер — бурбон и жестокий зверь; солдаты — тупые животные, которые ничего не понимают и идут умирать, повинувшись подлому инстинкту раба, привыкшего слушаться; скандальная, пьяная и буйная армия идёт на войну насильно, а сам русский народ, “страшный народ, несчастный” (Горький “Жалобы”), грубый и дикий народ, создавший “это проклятое, грубое, чисто русское местоимение “ты” (Сигов, “Драгомиров и Скобелев”). Как видите, ничто не пощажено — всё оплевано. И это именуется русской литературой»⁴⁴. Уже в эмиграции Марков отмечал, что творчество Горького, Андреева, Михайловского породило «дух смуты и бунта, разразившийся революцией 1917 года»⁴⁵.

К безнравственной литературе правые относили и набиравшие популярность детективы, увидев в них пропаганду преступлений, насилия и асоциального поведения. Негодование правых вызвало и появление третьего издания «Толкового словаря» В.И. Даля, отредактированного и дополненного профес-

³⁹ Спасовский М. Указ. соч. С. 10.

⁴⁰ Правые партии... Т. 2. С. 189.

⁴¹ Утугаев И. Литературный мертвец // Земщина. 1914. 19 сентября.

⁴² Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Ч. 1. Стб. 230.

⁴³ Правые партии... Т. 2. С. 189–190.

⁴⁴ В.Т. Современная русская литература // Вестник Союза русского народа. 1911. № 46. С. 11.

⁴⁵ Марков Н.Е. Войны тёмных сил. Париж, 1928. С. 26.

сором И.А. Бодуэном-де-Куртенэ, который включил туда «весь набор ненормативной лексики»⁴⁶.

Беспокоило правых и отсутствие качественной детской литературы. Считая, что почти все книги для детей носят сугубо развлекательный характер, но при этом пусты по содержанию, правые указывали на необходимость воспитательной составляющей. При этом, естественно, отмечалось, что воспитание это должно осуществляться в русском национальном духе. «Что же касается *детских национальных журналов*, — писал Спасовский, — то их совершенно нет в России. Правда, у нас есть солидные издания — “Задушевное слово”, “Тропинка”, “Детский мир”, “Всходы”, “Красные зори”, но... тенденция их направлена всецело... на то, чтоб *забавлять* ребенка и, забавляя *лёгкими* вещами, незримо *отвлекать* его от всего родного, национального, чисто русского»⁴⁷. Исправлять сложившуюся ситуацию предлагалось публикацией в детских журналах рассказов о русской истории и деяниях царей, биографий полководцев и рядовых героев, великих русских писателей, учёных, путешественников.

Пристально следили монархисты и за театральным искусством. Их беспокоило, что театр из «храма чистого искусства» стал превращаться в «рассадник всякой распушенности», в место, где воспитание общественной нравственности стало подменяться её разложением и оскорблением религиозных и патриотических чувств⁴⁸.

В 1907 г. монархические организации вместе с духовенством выступили единым фронтом против демонстрации в театрах популярной и скандальной пьесы В.В. Протопопова «Чёрные вороны». Правые восприняли её как обличение последователей Иоанна Кронштадтского и высмеивание православной церковности. Событие это вызывало большой общественный резонанс. Путём воздействия на местное епархиальное и светское начальство правые в ряде губерний смогли добиться прекращения показа спектакля, а где этого сделать не удавалось, шли на срыв представления, забрасывая актёров селёдкой и огурцами. Итогом этой громкой кампании стало личное решение императора снять «Чёрных воронов» с репертуара по всей России⁴⁹. В 1909–1910 гг. подобная кампания велась в отношении пьесы Андреева «Анатэма», представлявшей вольную интерпретацию «Фауста» И. Гёте. Епископ Саратовский и Царицынский Гермоген (Долганёв) увидел в постановке прославление демонизма и организовал борьбу за запрет «низкого и презренного произведения осатанелого писателя»⁵⁰. В итоге правые добились того, что П.А. Столыпин запретил пьесу по всей России.

Протестовали правые и против других постановок, оцененных ими как безнравственные, причём иногда в их число попадали и те, что имели весьма давнюю историю показа. В 1913 г. они выступили против демонстрации учащимся комедии П. Бомарше «Женитьба Фигаро», которая характеризовалась монархистами как «архиреволюционная», «осмеивающая монархию, ре-

⁴⁶ Шевцов А.В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1998. С. 261.

⁴⁷ Спасовский М. Указ. соч. С. 11.

⁴⁸ Иванов В. Оздоровление русского театра // Старая Москва. 1908. 13 мая.

⁴⁹ См.: Перекатов А.В. «Чёрные вороны»: конфликт духовенства и театрального сообщества (1907 г.) // Вестник ПСТГУ. Сер. 2. История. История Русской Православной Церкви. 2021. № 98. С. 60–73.

⁵⁰ Седова Я.А. Илиодор. Мистический друг Распутина. Т. 1. М., 2022. С. 524.

лигию, власть», «пропитанная ядом злобы и разрушения устоев государства», а монологи главного героя пьесы назывались прототипом речей Н.С. Чхеидзе и П.Н. Милюкова⁵¹.

При этом отношение правых к конкретным театральным деятелям и артистам могло меняться в зависимости от их поступков и ситуации. Показателен в этом плане случай с Ф.И. Шаляпиным. На протяжении ряда лет правая печать нападала на него за то, что ему «неудобно было выступать в роли черносотенца Сусанина»⁵², хотя отказ Шаляпина исполнить партию в опере «Жизнь за царя» был вызван неудачной операцией по удалению зубов⁵³. Ультраправая газета «Вече», не скупясь на эпитеты, называла знаменитого баса «босаяцким певцом», «революционером», «единомышленником Выборгского воззвания». Узнав, что артист отказался по требованию властей дать подписку о непринадлежности к нелегальным политическим партиям, присоединились к обвинениям в адрес Шаляпина и другие монархические издания⁵⁴. Но после того, как в 1911 г. артист в порыве чувств при исполнении национального гимна встал на колени перед царской семьёй и повергся бойкоту со стороны оппозиционного лагеря, черносотенцы выразили ему полную поддержку. «Мы счастливы, что в сердце первого певца России проснулась русская совесть и любовь к Родине! — писали одесские черносотенцы. — Многие лета новому русскому Шаляпину, который, не испугавшись... воя левой печати, открыто объявил себя патриотом»⁵⁵.

Борьба против неприемлемых для правых тенденций в искусстве стала одним из приоритетных направлений деятельности РНСМА. Пуришкевич немедленно реагировал на те веяния, которые, по его мнению, отравляли народную душу. В 1908 г. стараниями РНСМА была сорвана театральная постановка драмы О. Уайльда «Саломея», в которой правые увидели оскорбление религиозных чувств православных верующих. Подняв шум, черносотенцы привлекли к спектаклю внимание Святейшего Синода, который полностью согласился с недопустимостью подобных постановок. Поддержавший Пуришкевича в этом вопросе А.А. Киреев записал в дневнике: «Оскар Уайльд... написал паскуднейшую пьесу “Саломея”, где изображена страсть Саломеи к Иоанну Предтече... Начали ставить пьесу, голову Иоанна Крестителя не показывали etc... однако, хотя имена и были изменены, кощунство было явное. Тогда некоторые правые с Пуришкевичем во главе... добились снятия пьесы... Bravo. Довольно смешно, но bravo!»⁵⁶. Пуришкевич так объяснял свою позицию: «Начав действовать против постановки “Саломеи”, я выступил не как депутат, а как русский человек, обязанный стоять на страже православия. Мы и впредь будем действовать так же: если бы пьеса пошла, “Союз Михаила Архангела” скупил бы первые ряды кресел, и мы бы заставили прекратить спектакль»⁵⁷. В итоге антреприза В.Ф. Комиссаржевской была разорена.

В 1910 г. на объединённом заседании думской фракции правых и РНСМА Пуришкевич выступил с докладом о репертуаре императорских театров, в ходе которого возмущался идущей в Александринском театре пьесой И.И. Колышко

⁵¹ *А-вич В.* Неприступные развратители // Земщина. 1913. 8 ноября.

⁵² *Глинка С.* Императорские театры // Земщина. 1910. 11 января.

⁵³ *Теляковский В.А.* Воспоминания. Л.; М., 1965. С. 383–384.

⁵⁴ Там же. С. 383–388.

⁵⁵ Шаляпин и одесские черносотенцы // Земщина. 1911. 5 марта.

⁵⁶ *Киреев А.А.* Дневник... С. 290–291.

⁵⁷ Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1908. 30 октября.

«Поле брани», назвав её «революционной и вредно действующей на нравственность молодёжи». Собрание постановило обратиться от имени РНСМА к директору Императорских театров с просьбой «изменить репертуар, приблизить его к народному пониманию, не допуская революционных тенденций»⁵⁸. Отмечая, что театры являются «мощным орудием в смысле пропаганды, несравненно даже более сильным, чем печатное слово», правые настаивали, что Дирекция императорских театров должна служить «интересам царя и России», требовали от неё почаще ставить «любимую народную оперу “Жизнь за царя”»⁵⁹. «Если в прежние времена, — отмечала “Земщина”, — высокий титул императорских театров служил действительно гарантией, что никакой отравленной духовной пищи со сцены поднесено... не будет, то теперь печальная действительность заставляет признать, что растление духовное проникло и в эту сферу»⁶⁰. Анализируя репертуар императорских театров, член Главного совета СРН С.К. Глинка-Янчевский отмечал: «Дирекция не отдаёт себе отчёта в своих действиях. Ей нужны полные сборы, и она угождает модным вкусам нашей инородческой интеллигенции, не считаясь с последствиями. Но вот тут-то и выступает вопрос, могут ли театры оставаться в заведовании того ведомства, которое совершенно не отвечает за то зло, которое оно причиняет государству?»⁶¹.

Но гораздо опаснее новых тенденций в театре виделся правым кинематограф. Как отмечал почётный председатель Вологодского отдела СРН архиепископ Никон (Рождественский), «это много опаснее театра уж по тому одному, что легче устраивается, всюду может легко проникать, а главное — до сего времени нет никакой цензуры для его лент»⁶². По мнению Меньшикова, «кинематограф и граммофон» оказались «могучими орудиями воздействия на толпу», «куда более сильными, чем книга и газета», поскольку дали возможность погрузиться «в самую действительность» и придали искусству «абсолютную убедительность»⁶³. В условиях расширявшего своё влияние кинематографа в январе 1909 г. при РНСМА была создана Комиссия по устройству Первого народного исторического кинематографа под председательством Вязигина. Из этой затеи ничего толкового не вышло, но попытка влиять на кинематограф сама по себе довольно примечательна.

Правые верно поняли значение кино в деле формирования общественного мнения и пропагандирования народных масс и были крайне обеспокоены тем, что это «усовершенствованное современное средство для достижения успеха в деле перевоспитания народа» оказалось в руках противников монархии. Рассуждая о кинематографе, Меньшиков восклицал: «Какие грандиозные средства для всевозможной пропаганды!»⁶⁴. Пуришкевич сетовал, что «фактически бесцензурный в России кинематограф» уже делает своё дело: «Герои современной, сплошь порнографической литературы в своих наиболее кричащих и расходящихся в толпе произведениях уже попали на кинематографические ленты. Уже видим в губернских и уездных городах России, а завтра, несомненно, увидим и по селам, как... зелёная молодёжь — воспитанники мужских

⁵⁸ Русское слово. 1910. 27 октября.

⁵⁹ Глинка С. Указ. соч.

⁶⁰ А-вич. В. Указ. соч.

⁶¹ Глинка С. Указ. соч.

⁶² Никон (Рождественский), архиеп. Мои дневники. Вып. 7. Сергиев Посад, 1916. С. 18.

⁶³ Меньшиков М.О. Еврейские проделки // Новое время. 1910. 26 октября.

⁶⁴ Там же.

и женских средних учебных заведений всех классов, дети из городских училищ и духовных семинарий — упиваются картинами “Ключей счастья” Вербицкой, “Ямы” Куприна, “Санина” Арцыбашева, “Профессора Сторицына” Л. Андреева и других подобных»⁶⁵. В упрёк кинематографу ставилось то, что он играет на низменных чувствах населения; оглуляет показом примитивнейших комических картин; демонстрирует «пытки, казни, убийства, наказания плетьюми»; отбрасывает человечество в языческие времена, давая возможность «присутствовать в Колизее, снова видеть муки христиан», пропагандирует не только «разврат», но и «уголовщину»⁶⁶. По мнению некоторых из правых, кинематограф оказался опасен не менее пьянства, поскольку он «так же может разорять население, как и водка», «опустошать народную душу, приучать простого человека к праздности, отвлекать от семьи, засорять его воображение, сеять в его душе грех»⁶⁷.

В связи с этим РНСМА взял на себя задачу по изучению программы репертуаров кинематографов и собирал «сигналы с мест», поступавшие в канцелярию союза⁶⁸. Так, в декабре 1909 г. состоялось собрание членов РНСМА, в ходе которого был заслушан отчёт 60 членов союза, «добровольно взявших на себя обязанность обойти все кинематографы г. Петербурга с целью осмотра, нет ли в них кощунственных, порнографических и антипатриотических картин». По итогам доклада было принято решение сообщить обо всех «непристойных» картинах градоначальнику⁶⁹. В 1911 г. дубровинский съезд СРН просил власть усилить контроль за деятельностью кинематографов, «дабы спасти учащихся от развращения»⁷⁰. Пуришкевич предлагал законодательно ввести обязательную цензуру для проката кинолент в сельской местности⁷¹. Фракция правых в IV Государственной думе голосовала за законопроект «Об установлении особого налога на ввозимую из-за границы в Россию кинематографическую продукцию»⁷².

«В чьих руках выделка кинематографических лент? Дают ли наши кинематографы здоровую духовную и умственную пищу? Разве среди сотен всевозможных картин, изображающих убийства, грабежи, обманы и кровосмешения, попадается хоть одна картина религиозно-нравственного содержания? Выдали ли вы картины, возбуждающие высокое патриотическое настроение? Увы, российская правящая власть *не умеет* или не хочет *овладеть кинематографом*, и с этим выдающимся изобретением двадцатого века происходит в России та же самая грустная история, которая давно уже у всех на виду... *Вся так называемая культура в России приняла противогосударственное направление*», — обращал внимание один из лидеров СРН П.Ф. Булацель⁷³. Основными виновниками такого положения дел выставлялись масоны и евреи, которые, по мнению правых, использовали новый массовый вид искусства в борьбе с монархичес-

⁶⁵ Пуришкевич В.М. Пред грозою: правительство и русская народная школа. СПб., 1914. С. 67.

⁶⁶ Кинематограф — орудие пытки // Земщина. 1911. 26 июля; М. Н-й. Горе от кинематографа // Там же. 10 октября; Петроград. Надо бить в набат! // Там же. 1917. 12 февраля.

⁶⁷ Никон (Рождественский), архиеп. Указ. соч. Вып. 7. С. 18.

⁶⁸ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России... С. 323.

⁶⁹ Новая Русь. 1908. 22 декабря.

⁷⁰ Правые партии... Т. 2. С. 81.

⁷¹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Ч. 4. Стб. 1020.

⁷² Кирьянов Ю.И. Правые партии в России... С. 323.

⁷³ Булацель П.Ф. Дневник // Российский гражданин. 1916. № 21. С. 13.

кой государственностью и христианской культурой⁷⁴. Перечисляя фамилии, собравшихся на всероссийский съезд кинематографических деятелей, «Земщина» констатировала: «Как видите, “букет” настолько “всероссийский”, что нечего и удивляться, что с первых же моментов своего возникновения и новое дело кинематографов сразу приобрело специфически иудейские “ароматы” — с одной стороны беззастенчивого гешефтмахерства, а с другой — нахальной “освободительной” пропаганды»⁷⁵. В связи с этим правые нередко озвучивали требования запретить евреям заниматься этой сферой деятельности, «по крайней мере, *вне черты оседлости*»⁷⁶.

При этом правые не выступали против кинематографа как такого, а лишь требовали от государства взять над ним контроль и поставить его на служение нравственности, патриотизму, науке и просвещению. В частности, на совещании СРН в Ярославле (1909) в рамках духовно-просветительской деятельности народа предлагалось устройство передвижного кинематографа⁷⁷. Монархическая пресса писала о необходимости изготовления просветительских лент для простого народа, которые бы способствовали «подъёму национальной гордости и любви к родной истории»⁷⁸. Признавая «громадное образовательное значение» киноискусства, Меньшиков отмечал, что кинематограф мог бы принести немалую пользу для усвоения учащимися истории, литературы и географии. Но для этого, по мнению публициста, следовало изначально ввести государственную монополию на «граммофон и кинематограф», чтобы эти технические средства служили для пользы государства и общества, а не для их ослабления, развращения и обогащения частных лиц. Но раз правительство не смогло удержать в своих руках «этой огромной силы», заключал Меньшиков, «решительно необходимо, чтобы последняя была строго регулирована», так как «надо твёрдо знать, что преступная воля теперь вооружена всеми средствами прогресса»⁷⁹. Однако в правом лагере нашлись и те, кто категорически возражал против использования кино в образовательном процессе. Пуришкевич, уделивший в своей думской речи особое внимание «тлетворному влиянию» кино, резюмировал: «Кинематограф понижает чувство нравственности... приучает детей ко лжи, любопытству и рассеянности», приводит к появлению «огарков» (учащихся, состоящих в аморальных кружках) и «клубов самоубийц»⁸⁰.

В годы Первой мировой войны из правого лагеря раздавались отдельные призывы запретить увеселительные зрелища до победы над неприятелем⁸¹. Недовольство правых вызывал и показ документальных лент, делавших акцент на ужасах войны. «Покажите нашему народу... красоту и величие подвигов наших воинов... покажите чудеса техники... покажите работу наших санитаров на поле боя и жизнь наших воинов на позициях; дайте ряд снимков, сделанных во время посещения городов нашим Государственным вождём и членами Его семьи;

⁷⁴ *Никон (Рождественский), архиеп.* Указ. соч. Вып. 7. С. 17; *Меньшиков М.О.* Еврейские проделки.

⁷⁵ В чьих руках кинематографы? // *Земщина*. 1911. 10 августа.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ *Правые партии...* Т. 1. С. 436.

⁷⁸ *Ч-ский.* Кинематограф как научное пособие // *Земщина*. 1911. 16 марта.

⁷⁹ *Меньшиков М.О.* Еврейские проделки.

⁸⁰ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Ч. 4. Стб. 998–1000.

⁸¹ *Гордеев П.Н.* Государственные театры России в 1917 году. Изд. 2, испр. и доп. СПб., 2020. С. 651–652.

покажите великую самоотверженную работу наших Августейших сестёр милосердия», — писала редактируемая Марковым «Курская быль»⁸².

Однако что-либо изменить в этой сфере правые так и не смогли. Накануне Февральской революции они негодовали, что помимо распространения безнравственности, кинематографы превратились «в орудие революционного распропагандирования народа», причём в отличие от театров, собиравших элитарную публику, кино охватило самые широкие слои простого люда — рабочих, учащихся, солдат. Автор «Земщины» приходил в ужас от того, что в столице монархической России беспрепятственно показывают иностранные картины, прославляющие события Французской революции, высмеивающие французских роялистов и воспевающие якобинцев «как истинных друзей народа и защитников угнетенных»: «“Добродетель” (революция), в конце концов, побеждает “порок” (монархию), и картины заканчиваются исполнением “Марсельезы”»⁸³. О том же сообщал 21 февраля 1917 г. главе МВД лидер Астраханской народно-монархической партии Н.Н. Тиханович-Савицкий: «Позорящие царственных особ картины свободно распространяются. Революционизирование населения и армии синематографом в самой столице царя допускается безвозбранно»⁸⁴. Пуришкевич, в 1914 г. демонстративно швырнувший киноленту прямо с думской трибуны, чтобы привлечь внимание депутатов к проблеме революционизации кинематографом страны⁸⁵, уже после свершившейся революции, констатировал: «Театр и кинематограф стали страшными разрушителями народной души»⁸⁶.

Правые стремились и сами заниматься «духовно-просветительской» деятельностью. В частности, на состоявшемся в 1909 г. совещании СРН в Ярославле были сформулированы основные пункты правых в этом направлении. Среди них отмечались собеседования церковного и общего характера, организация литературных и исторических чтений и лекций, издание печатной продукции, оборудование собственных книжных лавок и библиотек, отправка в отдалённые места книгонош, устройство концертов, спектаклей и увеселений в патриотическом духе, организация церковных хоров и светских оркестров, борьба с пьянством и развратом⁸⁷.

Наибольшую активность проявило элитарное Русское собрание, среди членов которого было немало выдающихся деятелей науки, искусства и культуры. Уже в уставе данной организации говорилось, что её целью является укрепление «творческих начал и бытовых особенностей русского народа», а среди задач назывались устройство публичных лекций, докладов, духовных бесед, музыкальных вечеров, концертов и выставок; выпуск соответствующей целям собрания печатной продукции и содействие её распространению, поддержка книгохранилищ и читален, проведение конкурсов на заданные темы⁸⁸. На заседаниях Русского собрания затрагивались самые разные сюжеты, но, как правило, они, помимо политических вопросов, были посвящены популяризации русского духовного, научного и культурного наследия, исторических достиже-

⁸² Курская быль. 1915. 27 января.

⁸³ Петроградец. Указ. соч.

⁸⁴ Правые партии... Т. 2. С. 645; Кирьянов Ю.И. Правые партии в России... С. 324.

⁸⁵ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Ч. 2. Стб. 1201.

⁸⁶ Терский казак. 1919. 4 мая.

⁸⁷ Правые партии... Т. 1. С. 436.

⁸⁸ Устав «Русского собрания». [СПб., 1901.] С. 1–2.

ний русского народа, его политической организации и бытовым особенностям жизни; проблемам образования и народного просвещения; жизни славянского мира; национальному и инородческому вопросу; обороноспособности империи; общественному, крестьянскому и рабочему движениям; вопросам внешней политики и другим актуальным сюжетам⁸⁹. Русское собрание устраивало музыкальные и поэтические вечера, на которых присутствовали и которым «сочувствовали многие ведущие представители научных и художественных кругов», в частности, художник Н.К. Рерих, подаривший собранию несколько своих картин⁹⁰. Уделялось внимание и агитационной работе среди молодёжи (предпринимались попытки воздействовать на неё в духе православно-монархических начал). В провинции такую же работу вели отделы Русского собрания, а в Москве — Русское монархическое собрание.

Культурно-просветительские мероприятия организовывал и Союз русских женщин, действовавший «на началах, выраженных в программах Русского собрания и Союза русского народа»⁹¹ и ставивший своей задачей «поддержание и поднятие красоты национального духа»⁹², «освещение всего встречаемого старинного, всего прекрасного, чем может гордиться Россия в искусстве, красоте природы и жизни, хотя бы самого далёкого своего уголка и в прекрасных памятниках творческого духа народа, в его зодчестве, живописи, музыке и прикладном искусстве»⁹³. Эта правая женская организация организовывала «вечера родной старины», в ходе которых слушатели знакомились с историей страны, церковью и монастырями, костюмами, этнографическими собраниями, творчеством народов империи⁹⁴; устраивала «боярские посиделки» и «крещенские вечера», включавшие музыкальную программу, театральные постановки, знакомство со старинными русскими забавами (пасхальное катание яиц, святочные гадания)⁹⁵; проводила концерты и балы, куда приглашались артисты Императорской оперы, известные исполнительницы народных песен и романсов (например, Н.В. Плевицкая), народные исполнители (гусли, жалейщики, кобзари)⁹⁶; пропагандировала женское рукоделие, кустарные промыслы и русский стиль в одежде⁹⁷; организовывала выставки, знакомящие с различными направлениями русской культуры, и тематические вечера⁹⁸.

Аналогичную Русскому собранию роль у русских националистов играл столичный Всероссийский национальный клуб (ВНК), который также организовывал доклады и музыкальные вечера. На сцене ВНК выступали Н.В. Плевицкая, актриса М.С. Савина, оперная певица М.И. Долина (Горленко), балерина Т.П. Карсавина, демонстрировал цветные фотоснимки различных местностей Российской империи С.М. Прокудин-Горский. Одним из руководителей музыкально-художественного отдела ВНК был виртуоз-балалаечник, руководитель первого оркестра русских народных инструментов В.В. Андреев.

⁸⁹ См.: *Кирьянов Ю.И.* Русское собрание, 1900–1917. М., 2003. С. 139–162.

⁹⁰ *Медолазов К.Л.* Политика самодержавия и монархических организаций в области образования и просвещения (1901–1913 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Орёл, 1999. С. 63.

⁹¹ Новое время. 1907. 9 мая.

⁹² *Н.С.* Праздник в Союзе русских женщин // Земщина. 1912. 12 ноября.

⁹³ Новое время. 1911. 25 марта.

⁹⁴ Там же. 28 марта.

⁹⁵ Там же. 1913. 24 декабря; 1914. 5 января, 9 апреля; 1916. 5 января; *Н.С.* Указ. соч.

⁹⁶ Новое время. 1913. 13 апреля.

⁹⁷ Там же. 1911. 4 декабря; 1913. 1 октября; 30 ноября.

⁹⁸ Там же. 1914. 6 мая; 1916. 22 октября; Земщина. 1912. 25 марта.

Большое внимание ВНК уделял издательской деятельности, выпустив серию брошюр для народа, посвящённых таким темам, как «Наше прошлое», «Дом Романовых», «Великая крестьянская реформа при Царе-Освободителе», «1812 год», «Смутное время на Руси», «Наша страна» и др. Издательская комиссия ВНК выпускала также нотные издания, репродукции, открытки, календари, ученические тетради с портретами и биографиями русских национальных героев; заказывала бюсты, статуи и барельефы. Хотя формально ВНК не являлся учреждением Всероссийского национального союза, он в первую очередь удовлетворял потребности последнего в печатной продукции пропагандистского характера. Издательская деятельность ВНК получила высокую оценку Николая II, пожертвовавшего в 1910 г. на эти цели 15 тыс. руб.⁹⁹

Литературно-музыкальные вечера и собрания с докладами также устраивал Киевский клуб русских националистов. На его площадке свои «Русские вечера» проводило молодёжное патриотическое общество «Двуглавый орёл». Большую работу в этом направлении осуществляли и созданные правыми культурно-просветительские организации – «Галицко-русское благотворительное общество», «Русское окраинное общество», «Общество русской государственной карты» и некоторые другие. В 1912 г. Киевский губернский отдел СРН организовал концерт русской духовной музыки¹⁰⁰.

Активное участие правые партии и союзы принимали в юбилейных торжествах, которые широко отмечались в Российской империи. Это 200-летие Полтавской битвы (1909), 100-летие Бородинского сражения (1912), 100-летие присоединения Бессарабии к России (1912), 300-летие Дома Романовых. Помимо участия в церковных службах, организации крестных ходов, манифестаций, банкетов, монархисты вели и подготовительную просветительскую работу – организовывали тематические доклады, чтения, выпускали печатную продукцию для простого народа. Правые не упускали информационных поводов, чтобы напомнить о победах русских полководцев и подвигах рядовых героев, воспеть деяния царей, государственных и церковных деятелей, которых они включили в свой консервативный «пантеон», а в случае необходимости вставали на их защиту от либеральной и левой критики.

Внесли правые вклад и в дело увековечивания памяти национальных героев, выдающихся деятелей и значимых для монархистов событий. По инициативе председателя местного отдела Союза русских людей Г.Ф. Костюрина и на деньги, собранные РНСМА, в Аккермане был открыт памятник герою Русско-японской войны В.Т. Рябову и другим уроженцам Аккерманского уезда, павшим на войне с Японией¹⁰¹. Главная палата РНСМА в 1911 г. принимала участие в сборе средств на памятники А.П. Чехову и И.А. Гончарову¹⁰². Русские монархические организации Киева принимали активное участие в сборе средств на установку памятников Столыпину и «мученикам

⁹⁹ См.: *Иванов А.А., Санькова С.М.* Всероссийский национальный клуб // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. С. 100–102.

¹⁰⁰ Духовный концерт Киевского губернского отдела СРН // Вестник Союза русского народа. 1913. № 168. С. 9.

¹⁰¹ *Костюрин Г.Ф.* Открытие памятника в Аккермане 14 мая 1912 г. Василию Рябову и 152 уроженцам города Аккермана и уезда, павшим в Русско-японскую войну. Аккерман, 1913.

¹⁰² *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России... С. 320.

за единство России» В.Л. Кочубею и И.И. Искре¹⁰³. С инициативой возведения мемориального комплекса на месте Берестецкой битвы (1651), в память о погибших в ней казаках, выступил лидер волынских черносотенцев архимандрит Виталий (Максименко)¹⁰⁴. Московские монархические организации активно содействовали строительству храма-памятника в честь иконы Божией Матери «Отрады или Утешения» на Ходынке для увековечения памяти жертв революционного террора. В Петербурге с подачи СРН и отчасти на собранные им средства в память 300-летия царствования Дома Романовых был построен Феодоровский собор¹⁰⁵.

Таким образом, лидеры русских правых партий сосредотачивали свои усилия не только на критике тревоживших их процессов и явлений в культуре и искусстве. Они сами стремились переломить ситуацию в этой сфере, однако свою борьбу проиграли. Причин тому было несколько: слабое влияние черносотенцев и националистов на интеллигенцию, отсутствие эффективных рычагов воздействия на общество, нехватка собственных культурных сил, материальных средств и возможностей. Однако многое из того, что беспокоило правых политиков и публицистов в русской литературе, театре и кинематографе начала XX в., не теряет своей актуальности и в веке нынешнем.

¹⁰³ *Запорожец*. Пять памятников // Новое время. 1911. 27 сентября (10 октября).

¹⁰⁴ *Виталий (Максименко)*, архим. Казацкие могилы под Пляшевой. Почаев, 1911.

¹⁰⁵ *Степанов А.Д.* Феодоровский собор в память 300-летия царствования Дома Романовых // Чёрная сотня. Историческая энциклопедия. 1900–1917 / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. М., 2008. С. 562–563; *Степанов А.Д.* Храм-памятник русской народной скорби // Чёрная сотня. Историческая энциклопедия... С. 572–574.

Монархические организации Москвы

Игорь Омелянчук

Moscow Monarchist organizations

Igor Omeliyanchuk

(Moscow City Pedagogical University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X2306007X, EDN: NSGGXG

Подъём революционного движения в России в начале XX в. инициировал процесс консолидации консервативных сил, особенно усилившийся после начала Первой русской революции. Его следствием явилось создание множества монархических (черносотенных) партий, ставивших своей целью сохранение самодержавия. Одним из центров этого политического движения в России стала Москва. И хотя правые партии в последние десятилетия не страдали от недостатка внимания исследователей, московские монархические организации в поле зрения историков попадали нечасто. Эта проблема лишь затрагивалась в общих работах по истории правых партий¹, что не позволяет считать заявленную тему исчерпанной.

Толчком к образованию первой монархической организации в Первопрестольной столице стал Высочайший манифест 18 февраля 1905 г. о привлечении общественных сил к усовершенствованию государственного порядка. После его публикации редактор-издатель «Московских ведомостей» В.А. Грингмут заявил, что с этого дня «существование партий в России никем уже не может отрицаться». А «так как революционная партия готовится вырвать власть из рук самодержавного царя», то необходимо «сплотиться, составить общую всероссийскую дружину вокруг царского престола... организовать свои силы, которые ныне разбросаны по всей России и лежат втуне, безо всякого единства действий, без программы и без вождей», и «отразить начавшийся штурм на твердыню самодержавия»².

Ключевую роль в институционализации монархического движения в Москве сыграла аристократия. 24 апреля 1905 г. кн. Д.Н. Долгоруков, барон Г.Г. Розен и дворянин Л.В. Геника выступили с инициативой «образовать» Русскую монархическую партию (РМП). Её председателем (с 17 декабря 1906 г. — пожизненным) был избран Грингмут. Редакция «Московских ведомостей» создала так называемое Центральное бюро³, служившее своеобразным штабом формирования партии. Правда, организационное оформление РМП затянулось на несколько месяцев, так как формально политические партии в России ещё не были легализованы. Руководство РМП подчёркивало, что деятельность партии должна проходить на строго законных основаниях и до

© 2023 г. И.В. Омелянчук

¹ Степанов С.А. Чёрная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992; Степанов С.А. Чёрная сотня. Изд. 2, доп. и перераб. М., 2005; Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001; Кирьянов Ю.И. Русское собрание. 1900–1917. М., 2003; Rawson D.C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge, 1995.

² Грингмут В.А. Объединяйтесь, люди русские! М., 2008. С. 353, 356.

³ Московские ведомости. 1905. 8 октября.

официального утверждения устава «никакие общие собрания» проводиться не будут⁴. Поэтому первое собрание партии состоялось только 1 сентября 1905 г. и носило «частный» характер»⁵. На нём было решено начать подготовку к выборам «в созываемую манифестом 6 августа Государственную думу» (Булыгинскую). 9 сентября состоялось второе, также «частное» собрание, «на котором определён был состав Избирательного комитета Монархической партии, немедленно принявший за разработку подробной программы партии и воззваний её к избирателям». Через месяц Избирательный комитет закончил свою работу и Центральное бюро созвало, наконец, 6 октября 1905 г. первое официальное общее собрание, на котором были рассмотрены и утверждены программные документы РМП⁶.

Идеологическая платформа Русской монархической партии, опубликованная в октябре 1905 г., основывалась на традиционной для российских консерваторов формуле гр. С.С. Уварова — «православие, самодержавие, народность», ибо, как писал Грингмут, «нельзя быть за Русскую Церковь и за царя, не становясь и за русскую народность. Это три совершенно нераздельные принципа»⁷.

Однако в настоящее время Церковь, утверждала программа РМП, находится в глубоком кризисе и «является не руководительницей русской духовной жизни и нравственности, а занимает второстепенное, подчинённое место, совершенно не соответствующее её высокому призванию в Русском государстве». Необходимо «обеспечить Православной Церкви подобающее ей по закону первенствующее место в Российской империи и то внутреннее благоустройство, при котором она могла бы действительно получить духовное и нравственное руководство в жизни Русского государства и народа»⁸.

РМП выступала за сохранение неограниченной самодержавной власти «в том неприкосновенном её виде, в каком государь получил её от своих царственных предков», так как она является «обильным и неиссякающим источником многообразных благ для нашего народа»⁹. Манифест 17 октября идеологи РМП оценивали крайне негативно. «Мы твёрдо верим, что ограничение самодержавной власти может быть только временным, и что рано или поздно народ уразумеет всю гибельность этого исторического самоубийства», — писала газета «Московские ведомости», выполнявшая функцию печатного органа партии¹⁰.

Под «русской народностью» программа РМП понимала политическое господство русского народа, который «должен... чувствовать себя хозяином того дома, в котором он гостеприимно приютил как мирных инородцев, так и бывших врагов России». В то же время программа партии подчёркивала, что «при едином русском государственном языке, едином русском законе и единой русской государственной школе... местные национальные особенности отдельных групп населения могут свободно существовать и развиваться, если только они не будут клониться к нарушению... государственного единства»¹¹. Исключени-

⁴ Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 3. М., 1910. С. 179.

⁵ Московские ведомости. 1905. 8 октября.

⁶ Политические партии в России. М., [б.г.] С. 54–55.

⁷ Грингмут В.А. Указ. соч. С. 164.

⁸ Московские ведомости. 1905. 15 октября.

⁹ Там же. 1906. 17 января.

¹⁰ Там же. 25 января.

¹¹ Там же. 1905. 15 октября.

ем являлись евреи, которых Грингмут объявил «внутренними врагами Отечества», так как они «всячески поддерживают революцию»¹².

РМП последовательно выступала против народного представительства, включая и законсовещательный Земский собор¹³, за восстановление которого ратовали многие монархисты. Существование представительного органа нарушит «единомыслие между царём и народом» и приведёт к «борьбе между ними, а следовательно, и к крушению самодержавия в России», считал председатель РМП¹⁴. Однако Государственная дума была создана по воле монарха, поэтому осенью 1906 г. Грингмут заявил, что ни выборы, ни Думу он не признаёт, «но мы как монархисты обязаны повиноваться закону нашего государя, а потому на выборы пойдём»¹⁵.

По сведениям С.А. Степанова, в марте 1906 г. РМП уже имела 13 отделов в Москве и 4 провинциальных организации — в Богородске, Егорьевске, Павловом Посаде и Рузе¹⁶. В октябре же, сообщали «Московские ведомости», количество отделов уже превысило 60, большая часть из них находилась в пределах Московской губ.¹⁷ В начале февраля 1906 г. для членов РМП был введён ежегодный взнос в размере 50 коп. К концу месяца сумма поступлений составила 1 169 руб. 50 коп., что позволяет определить численность активных членов РМП в 2 339 человек¹⁸. Однако в дальнейшем число приверженцев партии росло (и не все они регулярно платили членские взносы). В частности, один из лидеров московских монархистов С.А. Кельцев утверждал, что в 1906–1907 гг. в составе РМП насчитывалось «до 10–12 тысяч членов»¹⁹. Политическая деятельность РМП сводилась в основном к отправке верноподданнических телеграмм и адресов на имя императора, организации молебнов и т.п. Под эгидой партии функционировали общества трезвости, Грингмутовская двухклассная школа, библиотека и книжный склад.

Ещё одна монархическая организация — Кружок московских дворян — была создана в Москве весной 1905 г., т.е. практически одновременно с РМП. Инициаторами вновь стали представители аристократии — графы Пётр и Павел Сергеевичи Шереметевы. Члены Кружка выступали в защиту монархии, утверждая, что «с самодержавной властью русского государя неразрывно соединено само существование России». По их мнению, Манифест 17 октября сохранил «неприкосновенным закон Российской империи о существовании самодержавной власти» и, следовательно, «неограниченное самодержавие... не поколеблено». При этом члены Кружка допускали существование «выборного центрального при царе учреждения», но полагали, что оно должно иметь «лишь совещательный характер»²⁰. Не забывали они и о своих сословных интересах, утверждая, что для сохранения «великой миссии культурно-нравственного, го-

¹² Чёрная сотня. 1906. Вып. 2.

¹³ Об этом подробнее см.: Rawson D. C. Op. cit. P. 24–25.

¹⁴ Грингмут В.А. Указ. соч. С. 361.

¹⁵ Третий Всероссийский съезд русских людей в Киеве. Протоколы. Киев, 1906. С. 29.

¹⁶ Степанов С.А. Чёрная сотня в России... С. 86.

¹⁷ Московские ведомости. 1905. 8 октября.

¹⁸ Пшегорский А.С. Политические взгляды Владимира Андреевича Грингмута. Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009. С. 34.

¹⁹ Правые партии. Документы и материалы. Т. 2. 1911–1917 гг. М., 1998. С. 603.

²⁰ Московские ведомости. 1906. 21 января.

сударственного значения дворянского землевладения» поместье должно быть «неотчуждаемым, не закладываемым и не ответственным за долги»²¹.

В апреле 1905 г. члены Клуба московских дворян объявили о создании Союза русских людей (СРЛ) — политической организации, претендующей на всероссийское значение. В мае 1905 г. Союз, провозгласив, что «Россия и самодержавие неразделимы», наметил и свои ближайшие задачи: «содействие установлению между Престолом и народом тесного и живого общения» и «противодействие всеми законными средствами течением, стремящимся навязать России чуждые ей формы правления». Принятый летом 1905 г. устав СРЛ обозначил в числе своих целей содействие законными средствами «правильному развитию начал русской церковности, русской государственности и русского народного хозяйства на основе православия, самодержавия и русской народности»²².

Главной проблемой русского государственного строя, по мнению идеологов СРЛ, являлась его бюрократизация. «Наша бюрократия сделала всё зависящее, чтобы скомпрометировать и затемнить наш чудный и светлый исторический принцип — самодержавие», — утверждал публицист С.Ф. Шарапов²³. Историк Д.И. Иловайский заявлял, что министры, «являясь полновластными хозяевами каждый в своём ведомстве и пользуясь единоличными докладами... в сущности, разделили между собою самодержавную власть»²⁴. Разрушить бюрократическое средостение, мешающее единению царя с народом, по мнению руководства СРЛ, могло «постоянное участие сословных выборных» в представительном законосовещательном учреждении, идеальной формой которого является Земский собор. Иловайский предложил проект восстановления этого учреждения под названием «Великая земская дума» ещё в феврале 1905 г. В неё должны были войти в «полном своём составе Государственный совет и Святейший Синод как преемники первый боярской Думы, а второй — Освящённого Собора», а также выборные от православного населения, преимущественно от приходского духовенства и крестьян²⁵. Почётный председатель проходившего в Москве с 6 по 12 апреля 1906 г. II Всероссийского съезда русских людей кн. А.Г. Щербатов заявил о желательности созывов «каждые десять лет земских соборов для обсуждения, при участии выборных только от русского населения, общего направления государственного управления»²⁶.

Руководство СРЛ подчёркивало, что «предоставление Государственной думе прав законодательных не вызвано исторической необходимостью и не соответствует самобытности русского народа», а «установленными выборами даётся перевес той части населения, которая показала себя чуждо русским началам». Тем не менее СРЛ полагал «для всех верноподданных безусловно необходимым добросовестное выполнение новых *обязанностей*, возложенных государем на свой народ высочайшими актами 6 августа и 17 октября», т.е. участие в выборах в Государственную думу²⁷.

²¹ Там же. 19 апреля.

²² Чёрная сотня. Историческая энциклопедия. 1900–1917. М., 2008. С. 504.

²³ Шарапов С. Опыт Русской политической программы. М., 1905. С. V.

²⁴ Кремль. 1905. 24 февраля. № 21, 22.

²⁵ Там же.

²⁶ Московские ведомости. 1906. 8 апреля.

²⁷ Правые партии... Т. 1. 1905–1910 гг. М., 1998. С. 77.

Взгляды СРЛ на национальный вопрос практически не нашли отражения в партийных документах. Даже традиционные для крайне правых антисемитские высказывания более или менее регулярно появлялись лишь на страницах «Кремля», являвшегося личным печатным органом Иловайского, и в выступлениях академика А.И. Соболевского.

Председателем СРЛ был избран гр. Павел Шереметев. В Исполнительный совет Союза вошли Ю.В. Арсеньев, П.А. Базилевский, Н.М. Бакунин, кн. В.М. Волконский, И.К. Дараган, профессор И.Т. Тарасов, П.А. Тучков, С.Ф. Шарапов. Руководящие органы Союза размещались в Москве в доме Государственного коннозаводства, который одновременно служил и местом еженедельных пятничных собраний членов организации²⁸. В ноябре 1905 г. председателем СРЛ избрали кн. А.Г. Щербатова, заместителем стал Ю.П. Бартенева. Поменялся и состав Совета. Новое руководство организации, подчеркнув, что СРЛ «остаётся непоколебимо верен своему основному положению: Россия и самодержавие неразделимы», объявило, что «обстоятельства последнего времени» заставляют Союз «изменить, или, вернее, расширить свои цели»²⁹, т.е. превратиться в полноценную политическую партию. В этот период численность СРЛ составляла несколько тысяч человек³⁰, только в Москве действовало 12 отделов Союза³¹, начали возникать и его региональные организации.

Политическая деятельность СРЛ началась с отправки депутации к монарху 21 июня 1905 г., которая выразила протест против адреса земского съезда 16 февраля 1905 г., предлагавшего ограничить самодержавие: «Русскому государственному строю... несвойственно “представительство” в смысле органа народного самодержавства, ибо державные права Руси Великой воплощаются в лице царя»³². 1 декабря 1905 г. Николаю II вторично была представлена депутация от СРЛ в составе кн. А.Г. Щербатова, Ю.П. Бартенева, Л.Н. Боброва, Н.Н. Ознобишина, Н.М. Павлова, В.Г. Орлова и «представителей земли» — крестьян Ларионова, Богачёва, Буроличева, Можая и Скворцова. Депутация отстаивала необходимость «немедленного созыва Земского собора путём существующих сословных выборных учреждений»³³.

17 ноября 1905 г. в Москве состоялся съезд Всероссийского союза землевладельцев, среди учредителей которого значились И.А. Сабуров, М.Ф. Мельников, А.А. Чемодуров, В.Н. Ознобишин, кн. А.Г. Щербатов, гр. С.Д. Шереметев, Н.А. Павлов, гр. В.П. Орлов-Денисов, Ф.А. Топорнин, кн. В.А. Голицын, В.Н. Лежнев, Н.С. Кропотков. Съезд признал, что «самодержавие является для России... исторической необходимостью», а Государственная дума «не должна стремиться к приобретению законодательной власти и к ограничению самодержавия». Также участники съезда настаивали на ограничении прав евреев, иначе «еврейство будет неминуемо господствовать над остальным населением страны». И хотя организация ставила своей целью заботу не только «о реальных землевладельцах», но и о «земледельцах»³⁴, её узкосословная сущность была очевидна. 1 декабря депутацию Союза землевладельцев принял импера-

²⁸ Чёрная сотня. Историческая энциклопедия. С. 504.

²⁹ Правые партии... Т. 1. С. 77.

³⁰ Там же. С. 8.

³¹ Там же. Т. 2. С. 603.

³² Адрес и слова приветствия имп. Николаю II. М., 1905. С. 4.

³³ Чёрная сотня. Историческая энциклопедия. С. 505.

³⁴ Московские ведомости. 1905. 18 ноября.

тор, и она «из оказанного ей приёма вынесла то убеждение, что самодержавие русского царя незыблемо», а Манифестом 17 октября «самодержавие государя не отменено»³⁵.

Ещё одна правая дворянская организация решила не афишировать свою словесную ангажированность, взяв себе нейтральное название «Кружок москвичей». Лидерами его были Ф.Д. и А.Д. Самарины, кн. А.М. Голицын, В.Н. Ознобишин, К.Н. Пасхалов, Д.А. Хомяков, Г.А. Шечков и кн. Н.Б. Щербатов. Деятельность кружка проявилась лишь в 1906 г., его члены приняли участие в работе I и II Всероссийских съездов русских людей³⁶.

Имеются сведения о существовании в Москве в 1905 г. Союза старообрядцев, за веру, царя и народность³⁷, Кружка дворян, верных присяге (самораспустился в 1912 г.)³⁸, Дружины (боевой) имени императора Александра III (возглавлял И.В. Торопов), а также Союза великомученика Георгия³⁹. Последние две организации закрылись ещё ранее, вероятно, в 1906 г.

По-иному сложилась судьба возникшего, видимо, в конце 1905 г. «Общества русских патриотов», учредителями которого являлись И.В. Диков, В.А. Ковыришин и В.Д. Турбин⁴⁰. Первым председателем Общества стал Л.Н. Бобров, в его рядах в годы Первой русской революции насчитывалось до 200 членов⁴¹. Впоследствии Общество возглавил Н.Н. Ознобишин⁴². По сведениям полиции, программа Общества русских патриотов не отличалась от программы Монархической партии⁴³. Неудивительно, что в 1914 г. обе организации объединились⁴⁴.

8 ноября 1905 г. в Петербурге был учреждён Союз русского народа (СРН). Его лидером стал детский врач А.И. Дубровин. Парадигмой идеологии СРН также служила уваровская триада. В «Основных положениях» Союза говорилось: «Российское государство связано неразрывно и жизненно с Православной Церковью», которая «должна иметь и сохранить в России своё господствующее положение», а голос её «должен быть выслушиваем законодательной властью во всех важнейших государственных вопросах»⁴⁵. Самодержавие, по мнению идеологов СРН, является надёжным гарантом «внешнего государственного могущества и внутреннего государственного единства России, законности и порядка в ней»⁴⁶. Под «народностью» представители СРН понимали как систему политической власти, основанную на «тесном единении царя с народом», так и русский национализм. В то же время Союз не ставил своей задачей русификацию нерусских народов, сохраняя «вполне неприкосновенными их веру, язык, быт, благосостояние и землю». Однако предоставление «инородцам» политических прав увязывалось со степенью «готовности каждой отдельной народности по-

³⁵ Там же. 18 декабря.

³⁶ Правые партии... Т. 1. С. 647.

³⁷ Московские ведомости. 1905. 12 ноября.

³⁸ Шевцов А.В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX в. СПб., 1997. С. 242.

³⁹ Правые партии... Т. 2. С. 532.

⁴⁰ Шевцов А.В. Издательская деятельность... С. 237, 241.

⁴¹ Правые партии... Т. 2. С. 532, 650.

⁴² Вече. 1906. 14 марта.

⁴³ Центральний державний історичний архів України (далее – ЦДАК України), ф. 274, оп. 1, д. 2640, л. 2.

⁴⁴ Правые партии... Т. 2. С. 532.

⁴⁵ Союз русского народа. М., 1906. С. 6, 7.

⁴⁶ Там же. С. 7, 9, 10.

могать России и русскому народу в достижении общегосударственных задач». Исключением являлись евреи, расширение прав которых не предусматривалось «ввиду продолжающейся стихийной враждебности еврейства не только к христианству, но и к нееврейским народностям и ввиду стремления евреев ко всемирному владычеству»⁴⁷.

С конца ноября 1905 г. СРН открывал региональные отделы. Московский отдел Союза начал действовать 22 января 1906 г.⁴⁸ Лидером московских «союзников» стал Н.Н. Ознобишин, являвшийся одновременно и председателем Общества русских патриотов⁴⁹. Уже через четыре дня после открытия отдел СРН в Москве насчитывал «до 15 000 членов»⁵⁰. Со временем в городе было создано 27 отделов Союза⁵¹.

Вскоре после создания московского отдела СРН из него выделилось «Общество активной борьбы с революцией и анархией» (ОАБР)⁵² – боевая организация, ставившая своей целью противостояние революции «на улице». Её московским отделом руководил чиновник для особых поручений при генерал-губернаторе А.А. Буксгевден⁵³.

К началу 1906 г. в свете приближающихся выборов в Государственную думу перед правыми организациями встал вопрос о координации их действий в грядущей избирательной кампании. РМП выступила инициатором создания Всенародного русского союза (ВРС), куда приглашались организации, «исповедующие православную веру, нерушимость самодержавной власти государя и единство русской земли»⁵⁴. В Москве к ВРС присоединились Кружок москвичей, Кружок дворян и Кружок имени Александра III, Общество хоругвеносцев, Добровольная народная охрана, Сусанинский кружок, Общество русских патриотов, Кружок русских студентов, Союз законности и порядка, Союз землевладельцев, РМП, Московский отдел СРН, СРЛ⁵⁵.

Дабы не усугублять межпартийные разногласия, устав ВРС, утверждённый в августе 1906 г., ограничился декларацией только самых общих принципов, разделяемых всеми монархистами: «а) Манифестом 17 октября не введена конституция, и самодержавная власть остаётся в силе; б) Россия составляет одно нераздельное целое под властью неограниченного самодержавного царя; в) Ни под каким видом или наименованием не должен быть допущен созыв Учредительного собрания». Но и такое весьма условное объединение правых партий оказалось нежизнеспособным. Уже 30 ноября 1906 г., как сообщала полиция, ВРС «приостановил свою деятельность»⁵⁶. Возможно, одной из причин этого послужило создание на III Всероссийском съезде русских людей, проходившем в Киеве с 1 по 7 октября 1906 г., нового координационного органа правого движения – Главной управы объединённого русского народа, в состав которой

⁴⁷ Там же. С. 10, 13.

⁴⁸ Московские ведомости. 1906. 24 января.

⁴⁹ Вече. 1906. 14 марта. № 5.

⁵⁰ Московские ведомости. 1906. 26 января.

⁵¹ Правые партии... Т. 2. С. 603.

⁵² В некоторых полицейских документах ОАБР даже именуется «фракцией» Союза русского народа. См., например: ЦДИАК Украины, ф. 274, оп. 1, д. 2640, л. 1.

⁵³ Степанов С.А. Чёрная сотня в России... С. 216, 143.

⁵⁴ Московские ведомости. 1906. 6 января.

⁵⁵ Там же. 12 января; РГИА, ф. 1284, оп. 187, д. 157. 1906 г., л. 173; Правые партии... Т. 1. С. 655.

⁵⁶ РГИА, ф. 1284, оп. 187, д. 157, 1906 г., л. 168, 181.

вошли А.И. Дубровин (СРН), М.Л. Шаховской (Русское собрание) и представлявший РМП протоиерей И.И. Восторгов⁵⁷. Аналогичные коалиционные органы создавались и в губерниях.

21 ноября 1906 г. Грингмут и Восторгов посетили Иваново-Вознесенск с целью организации IV Всероссийского съезда правых. Всю подготовительную работу на себя брала Московская управа объединённого русского народа. Она же хотела заняться и разработкой предвыборной платформы правых на предстоящих выборах в II Государственную думу⁵⁸. Но такая активность москвичей вызвала недовольство петербургской Главной управы, увидевшей в этом посягательство на свои прерогативы. Поэтому 16 декабря 1906 г. петербуржцы заявили, «что, не находя возможным ослаблять свои силы в предвыборное время», Главная управа «отклоняет от себя приглашение прибыть в декабре месяце в Иваново-Вознесенск на Всероссийский съезд монархистов»⁵⁹.

Убедившись, что объединить всех правых под знамёнами РМП не удаётся, Грингмут решил хотя бы наладить координацию действий монархических организаций Москвы. В отношении всего правого лагеря эту функцию выполняло созданное ещё в 1901 г. Русское собрание, в рядах которого были сосредоточены лучшие интеллектуальные силы монархистов. Воспользовавшись этим опытом, Грингмут создал Русское монархическое собрание (РуМоСо). Его устав, утверждённый 2 сентября 1906 г., ставил цель «дать возможность своим членам, убеждённым монархистам, объединиться в среде единомышленников»⁶⁰. В полицейском документе утверждалось, что с 1906 г. РПМ имела «параллельную вспомогательную организацию — Русское монархическое собрание с отдельным уставом, по характеру и задачам однородное с С[анкт]-Петербургским... Русским собранием»⁶¹. Несколько позже о. Восторгов отмечал, что, по мысли Грингмута, Русское монархическое собрание «должно было объединить в себе всех, главным образом просвещённых и выдающихся деятелей русского монархического дела в Москве, безразлично... к оттенкам наших патриотических союзов»⁶². Кельцев также писал, что РуМоСо задумано как «учреждение с особым уставом, академическими задачами и избранным кружком членов (около 300—400) из интеллигентных монархистов»⁶³. В составе этой организации в октябре 1907 г. числились 233 члена-учредителя и 215 действительных членов⁶⁴. В разное время среди них были такие известные правые деятели, как В.А. Балашёв, кн. А.Г. Щербатов, В.М. Пуришкевич, о. Иоанн Восторгов, Б.В. Никольский, Д.И. Иловайский, Б.В. Назаревский, А.С. Шамаков и др.⁶⁵

Правый публицист Н. Черников утверждал, что Русским монархическим собранием Грингмут называл объединённые под его началом РМП и Московский отдел СРН, считая, что не только «партия», но и «союз» — слова, «чуждые русскому уху». Дело в том, что в составе РПМ явно преобладали представи-

⁵⁷ *Левицкий В.* Правые партии // Общественное движение в России в начале XX в. Т. 3. Вып. 5. СПб., 1914. С. 420.

⁵⁸ Владимирский край. 1906. 16 декабря.

⁵⁹ Там же. 17 декабря.

⁶⁰ *Кирьянов Ю.И.* Русское собрание... С. 167.

⁶¹ Там же. С. 166.

⁶² Правые партии... Т. 1. С. 414.

⁶³ Там же. Т. 2. С. 533.

⁶⁴ *Кирьянов Ю.И.* Численность и состав членов Русского собрания (1901—1916) // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 355.

⁶⁵ Чёрная сотня. Историческая энциклопедия. С. 465—466.

тели цензовых классов, поэтому после создания СРН Грингмут «не замедлил воспользоваться “Союзом” как средством к объединению простых, малостоятельных москвичей в “Московский отдел Союза русского народа”, послуживший необходимым дополнением к “Монархической партии”»⁶⁶. 18 февраля 1907 г. Грингмуту удалось достичь договорённости с лидером московского отдела СРН Ознобишиным об объединении двух организаций, намеченном на 1 января 1908 г. Пост председателя новой партии, которую предполагалось назвать Монархический союз русского народа, сохранялся за Грингмутом, Ознобишин должен был стать почётным председателем. Но смерть Грингмута, последовавшая в конце сентября 1907 г., воспрепятствовала объединению РМП и Московского отдела СРН.

В конце сентября 1907 г. и РМП, и РуМоСо возглавил протоиерей Восторгов, не поддерживавший линию на объединение с СРН, что не в последнюю очередь объяснялось его напряжёнными отношениями с Дубровиным. По инициативе о. Иоанна для защиты денежных средств партии от произвола со стороны Главного совета СРН Русская монархическая партия была переименована в Русский монархический союз (РМС)⁶⁷.

В стенах учебных заведений также возникали монархические организации. Они получили общее название «партий академического порядка» или «академистов», так как выступали против забастовок учащихся и студентов, за «академический порядок» в продолжении занятий. В Москве действовал Кружок московской монархической молодёжи⁶⁸, возглавляли который студент Катковского лицея Н.Н. Сучков и Л.Л. Кисловский⁶⁹. Вероятно, именно этот Кружок имел в виду начальник Московской охраны подполковник Е.К. Климович, упоминая о монархической организации в Катковском лицее⁷⁰.

В 1907 г. в Татьянин день (25 января) на московских Высших женских курсах начал действовать Русский женский кружок учащихся г. Москвы. Заметную роль в его создании сыграл Сучков «как уже опытный устроитель подобных кружков среди мужской молодёжи». Возглавила Кружок О.В. Иванова, её заместителем стала А.Г. Чумаевская⁷¹. Правая газета «Вече» утверждала, что Русский женский кружок учащихся г. Москвы был образован при РуМоСо⁷², а его устав разработал Грингмут⁷³. В 1909 г. в Кружок входили до 100 человек⁷⁴. Однако уже осенью 1910 г. в организации насчитывалось всего 32 члена, а курсисток среди них, утверждала Чумаевская, было «всего человек 10», остальные учились в гимназиях. Сторонниц же монархии в Кружке к этому времени насчитывалось всего 5–6 человек, так как председательница организации Иванова полагала, что в «партии академического порядка» вполне могут входить

⁶⁶ Черников Н. Внутренне обозрение // Мирный труд. 1907. № 10. С. 206.

⁶⁷ Политические партии России. XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 131.

⁶⁸ РГИА, ф. 1284, оп. 187, д. 157, 1906 г., л. 173.

⁶⁹ Деятельность русского женского кружка учащихся г. Москвы. Отчёт за 1907–8 год // Мирный труд. 1909. № 5. С. 55.

⁷⁰ Союз русского народа по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.; Л., 1929. С. 72.

⁷¹ Деятельность русского женского кружка... С. 47, 48, 49, 50.

⁷² Вече. 1907. 11 ноября. № 81.

⁷³ Деятельность русского женского кружка... С. 47.

⁷⁴ Там же. С. 52.

октябристы и даже кадеты. Вследствие этого, резюмировала Чумаевская, «наша организация расплзлась по швам»⁷⁵.

Не лучше в этот период обстояли дела и в СРЛ, превратившемся в некий политический клуб для московских интеллектуалов славянофильского толка. Британский исследователь Д. Роусон полагает, что СРЛ никогда и не являлся полноценной партией и самое большее, на что готов был в политической сфере — «способствовать пробуждению лоялистских настроений среди населения России»⁷⁶. Авторитет лидеров СРЛ кн. Щербатова и Бартенева какое-то время удерживал организацию «на плаву», но после трагической гибели Бартенева в октябре 1908 г. и ухода кн. Щербатова из Союза в 1909 г. в связи с поступлением на государственную службу СРЛ в Москве практически прекратил свою деятельность. В 1911 г. Союз возглавил известный правый деятель академик А.И. Соболевский, переехавший в Москву. Однако и ему не удалось реанимировать организацию.

К 1911 г. завершила своё организационное оформление умеренно-правая партия — Всероссийский национальный союз (ВНС), созданная не без участия правительства как замена октябристам в качестве «партии власти». Националисты в отличие от правых никогда не оспаривали законодательный характер Государственной думы и практически во всём поддерживали правительство. Однако партийным доменом ВНС являлись окраины империи, где постоянно тлели межэтнические конфликты, способствовавшие рекрутированию в ряды националистов новых членов. Москва же в этом отношении оставалась вполне спокойным городом, в силу чего созданный в видах проведения выборов в IV Думу отдел ВНС не приобрёл здесь популярности и насчитывал в 1911 г. всего 40 членов⁷⁷. Более того, московские монархические организации практически все принадлежали к крайне правому крылу черносотенного лагеря и даже местный отдел ВНС идеологически был гораздо ближе к ортодоксальным монархистам, нежели к умеренно-правым националистам. Поэтому говорить о заметном влиянии ВНС на политический процесс в Первопрестольной столице не приходится.

Деятельность РМС под руководством Восторгова так же нельзя назвать успешной. Департамент полиции в 1909 г. отмечал: «Восторговский союз немногочисленен, значение его вздуто, и состоит он из статистов, получающих разовые и месячные»⁷⁸. Неуклонно снижался и авторитет самого председателя РМС. В 1911 г. в частном письме некоего Н. Терентьева говорилось, что Восторгов «погубил в Москве патриотическое дело В.А. [Грингмута]»⁷⁹. Со временем претензии на лидерство в Союзе стал предъявлять Орлов, занимавший пост руководителя Московских железнодорожных отделов РМС. В ноябре 1913 г. дело дошло до открытого конфликта. Как несколько позже сообщал Кельцев, Восторгов и его заместитель архимандрит Макарий (Гневушев), «ссылаясь на давление якобы бывшего обер-прокурора В.К. Саблера, сошли внезапно с монархической деятельности и с председательских должностей в “Монархическом союзе” и в “Монархическом собрании”, проведя на своё место...

⁷⁵ ГА РФ, ф. 117, оп. 1, д. 184, л. 2, 2 об., 6.

⁷⁶ Rawson D. C. Op. cit. P. 38.

⁷⁷ Правые партии... Т. 2. С. 756.

⁷⁸ Союз русского народа по материалам... С. 106.

⁷⁹ Переписка и другие документы правых 1911 года // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 126.

председателем в обе эти организации полковника В.В. Томилина, пробывшего... председателем 8 месяцев только для того, чтобы дать своим названным предшественникам (за 2000 р[уб.], полученных им взаймы на сохранную записку на имя Е.Е. Восторговой) возможность уйти из Монархического союза без сдачи его отчётности, архива, книгоиздательства, делопроизводства, инвентаря и даже сокрытых бесследно членских списков и книг»⁸⁰. После этого Орлов и его сторонники провели на частной квартире собственное собрание и исключили из руководства Союза Восторгова и его ставленника Томилина. Последние в ответ исключили из рядов РМС Орлова и его сторонников⁸¹. Следствием этих бурных событий стал раскол Русского монархического союза. Во фракции Томилина осталось всего 13 человек, у Орлова — 39⁸².

После этого в конфликт вмешался председатель Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА) В.М. Пуришкевич, который, видя, что на место Восторгова (являвшегося по совместительству и членом Главной палаты РНСМА) «выбран был человек [Томили́н], совершенно не известный по своей политической деятельности и не могущий иметь должного в качестве председателя Русского монархического союза авторитета... решился, наконец, союзное монархическое дело в Москве более или менее взять в свои руки и... открыл отдел своего Союза», предложив вступить в него Орлову и его сторонникам. Последний, правда, сначала попытался сохранить свою власть в РМС и направил товарищу министра внутренних дел В.Ф. Джунковскому требование санкционировать «постановление... экстренного съезда», т.е. признать его председателем Союза, угрожая созданием новой правой организации. Но товарищ министра не отреагировал, и Орлов с признавшими его лидерство отделами вошёл в организацию Пуришкевича, возглавив Московскую палату железнодорожных отделов РНСМА⁸³. Примеру «орловской» фракции РМС последовала и часть «академистов». Так, аффилированный с РуМоСо Русский женский кружок учащихся г. Москвы впоследствии перешёл под эгиду РНСМА, председателю которого как «вдохновителю и организатору клуба академистов» было предложено принять звание почётного члена Кружка⁸⁴. Вероятно, и московский студенческий отдел РНСМА⁸⁵ ранее являлся самостоятельной организацией академистов.

После этих событий РМС окончательно захирел, в чём немалую роль сыграл Томили́н, который, по утверждению Орлова, ранее имел серьёзные материальные проблемы. Вступив же в ряды монархистов, он «перестал нуждаться в деньгах» и вёл «довольно богатую жизнь»⁸⁶. За время своего короткого председательства Томили́н отметил растратой в 1914 г. 3500 руб. казённой субсидии, после чего «скрылся, за мобилизацией, из Москвы, отказавшись от всякого участия в Союзе»⁸⁷. Избранный в августе 1914 г. председателем РМС Кельцев утверждал, что Союз «потерял своё прежнее значение исключительно потому, что в период председательства о. протоиерея И.И. Восторгова... а затем

⁸⁰ Правые партии... Т. 2. С. 534.

⁸¹ Союз русского народа по материалам... С. 175.

⁸² Голос Русского. 1913. 19 ноября.

⁸³ Союз русского народа по материалам... С. 166, 173, 175.

⁸⁴ ГА РФ, ф. 117, оп. 1, д. 184, л. 1.

⁸⁵ Там же, д. 183, л. 5.

⁸⁶ Правые партии... Т. 2. С. 397.

⁸⁷ Там же. С. 534.

и при председательстве В.В. Томилина (1913–1914 г. до августа) сосредоточен был на выполнении их эгоистических... стремлений»⁸⁸.

Кельцев попытался возродить РМС, решив создать «незамедлительно и повсеместно в районах влияния Союза мелкие монархические группы и кружки», в отношении которых «Союз должен являться в роли только руководящего вдохновителя... и ответственного цензора, не допускающего уклонения их от пути монархизма». Вероятно, здесь был учтён опыт СРН, местные отделы которого в 1910–1912 г. выходили из состава Союза и становились самостоятельными организациями из-за диктата его руководящего органа. Ещё одной задачей нового руководства РМС стала трансформация организации в партию парламентского типа, для чего предполагалось «сорганизовать сверху донизу уклад деятельности Союза применительно к системе и порядку, установленным для выборов в Государственные думу и Совет, чтобы во всякий данный момент Союз мог иметь подготовленных из своей среды выборщиков по сходам и куриям и кандидатов в члены Думы»⁸⁹. Однако начавшаяся Первая мировая война помешала реализации этих намерений.

Патриотический подъём 1914 г. вызвал некоторое оживление деятельности монархических организаций, пребывавших в «летаргическом сне» после выборов в IV Думу 1912 г. Однако вскоре их активность сошла на нет, ограничившись оказанием помощи фронту, весьма незначительной в силу отсутствия у правых денежных средств. Свою роль в этом сыграло провозглашённое Думой и поддержанное монархистами «священное единение», предполагавшее отказ всех партий от политической деятельности до окончания войны, а также уход большинства активистов правых организаций в действующую армию. Лишь летом 1915 г., когда «священное единение» сменилось «патриотической тревогой» (т.е. возобновлением противостояния либеральной оппозиции и власти), правые объявили о возвращении к политической деятельности.

21–22 июня 1915 г. в Москве по инициативе Орлова и редактора правой газеты «Колокол» В.М. Скворцова был создан Отечественный патриотический союз (ОПС). Среди причин его появления следует выделить не только личные амбиции Орлова, пытавшегося создать «собственную» организацию ещё в 1913 г., но и нереализованные претензии московских монархистов на общероссийское лидерство. В данном случае последних поддержало правительство, стремившееся создать умеренно-правую партию, которая была бы способна консолидировать силы, лояльные к самодержавию, но не желающие сотрудничать с «черносотенством». Поэтому ОПС, стремясь проложить мосты к либеральному лагерю, выступал за уравнивание евреев в правах «с прочими гражданами империи»⁹⁰, вызывая этим бурное негодование крайне правых монархистов.

В состав ОПС вошли 58 столичных и провинциальных отделов уже существовавших монархических организаций⁹¹, в основном РНСМА и СРН. Большинство правых партий негативно отнеслись к новой политической структуре, «укравшей» их отделы, а сам Орлов в феврале 1916 г. был исключён из других монархических организаций, в которых он состоял (РМС, СРН и РНСМА). Тем не менее ряды ОПС множились – в 1916 г. число его отделов достигло 82.

⁸⁸ Союз русского народа по материалам... С. 201.

⁸⁹ Правые партии... Т. 2. С. 428, 430.

⁹⁰ Там же. С. 567.

⁹¹ *Кирьянов Ю.И.* Образование и деятельность Отечественного патриотического союза (1915–1917) // Консерватизм в России и в мире: прошлое и настоящее. Вып. 1. Воронеж, 2001. С. 175.

Только в Москве Орлов насчитывал «десятки тысяч... членов Союза» и обещал доказать свои данные с «документами в руках». Правда, его оппонент Кельцев утверждал, что в ОПС «числится их около 1000 лиц, если только это число не преувеличено»⁹². Орлов, по свидетельству товарища министра внутренних дел С.П. Белецкого, в этот период выполнял ряд секретных поручений главы МВД А.Д. Протопопова. В частности, от имени ОПС направлялись петиции Николаю II с требованием роспуска Думы, а на имя императрицы, подвергавшейся ожесточённой травле со стороны оппозиции, был организован поток телеграмм «с выражением ей сочувствия и преданности»⁹³.

Таким образом, Москва стала одним из центров монархического движения в России. Ключевую роль в создании правых организаций сыграло московское дворянство, в коем были сильны самодержавно-традиционалистские и православно-славянофильские настроения. Однако события Первой русской революции вовлекли в политический процесс множество других социальных групп и слоёв. Часть их представителей оказалась на стороне самодержавия, придерживаясь, как правило, крайне правых убеждений. Именно это и послужило причиной создания в Москве множества различных монархических организаций, большинство которых имело ярко выраженный классовый, профессиональный или сословный характер (Кружок дворян, СРЛ, Железнодорожные отделы РМС, перешедшие под знамёна РНСМА, и т.п.).

Многочисленные московские монархисты, имевшие в своих рядах представителей интеллектуальной элиты, претендовали на общероссийское лидерство в правом движении, предприняв в течение 1906 г. ряд успешных шагов по его консолидации. Но всё же в этом соперничестве москвичи, потеряв своего признанного вождя Грингмута⁹⁴, проиграли петербуржцам, обладавшим более весомой финансовой и административной поддержкой правительства. Преемники Грингмута не смогли продолжить даже начатое им объединение собственно московских монархических организаций в первую очередь из-за личных амбиций и эгоистических побуждений их руководителей. Определённую роль в этом сыграла также невозможность согласования интересов различных социальных и профессиональных групп, представленных в монархических организациях Москвы.

⁹² Правые партии... Т. 2. С. 572, 637, 535.

⁹³ Там же. С. 722.

⁹⁴ Д. Роусон считает, что с момента создания РМП и до своей смерти в сентябре 1907 г. Грингмут был не только «движущей силой» партии, но и лидером «лоялистов» в масштабах всей страны (*Rawson D. C. Op. cit. P. 21*).

Н.И. Махно и Махновское движение в оценках российских и украинских анархистов 1918–1921 гг.

Дмитрий Рублев

**N.I. Makhno and the Makhnovist movement
in the assessments of Russian and Ukrainian Anarchists (1918–1921)**

Dmitry Rublev
(*Lomonosov Moscow State University, Russia*)

DOI: 10.31857/S2949124X23060081, EDN: NSHKNT

Личность Нестора Ивановича Махно, талантливого военачальника, лидера одного из крестьянских движений времён Гражданской войны, не обделена вниманием отечественных и зарубежных историков и публицистов. Его известности заметно способствовали анархисты, оказавшиеся в начале 1920-х гг. в эмиграции (П.А. Аршинов, А. Беркман, В.М. Волин, Э. Гольдман и др.). Они внесли весомый вклад в осмысление истоков, социальной базы и идеологии махновского повстанческого движения на Украине в 1918–1921 гг.

В историографии отражены позднейшие оценки Махновщины отдельными активистами Конфедерации анархистских организаций Украины «Набат» (КАОУ) и представителями «анархистов подполья»¹. Однако то, как их единомышленники относились к деятельности Н.И. Махно в 1918–1921 гг., по-прежнему остаётся «белым пятном».

Между тем Ю.П. Кравец и А.Ю. Фёдоров убедительно показали, что именно анархисты организовали и вели агитационно-пропагандистскую работу среди сторонников «батьки»². Так, культурно-просветительский отдел его армии состоял «исключительно из анархистов»³. Их идеи транслировались через соответствующие периодические издания, листовки и воззвания. Происходило это с согласия самого Махно, убеждённого анархиста с дореволюционным стажем. Написанная им совместно с Аршиновым (одним из руководителей КАОУ) статья «Чего добиваются повстанцы-махновцы» свидетельствует о тесной связи программных принципов движения с «революционным анархизмом»⁴. В то же время Махновщина не находилась под политическим руководством или идеологиче-

© 2023 г. Д.И. Рублев

¹ См.: *Кубанин М.* Махновщина. Крестьянское движение в степной Украине в годы гражданской войны. Л., [1927]; *Скирда А.* Нестор Махно: казак свободы (1888–1934). Гражданская война и борьба за вольные советы в Украине, 1917–1921. Париж, 2001. С. 257–269; *Шанин Т., Кондрашин В.В., Тархова Н.С.* Введение // Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921. Документы и материалы / Сост. В. Данилов и др. М., 2006. С. 11–12; *Шубин А.В.* Махно и его время. О Великой революции и Гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине. М., 2013; *Савченко В.А.* Діяльність анархістських організацій в Україні у 1903–1929 рр.: історичний аспект та політична практика. Київ, 2017; *Ермаков В.Д.* Анархисты на фронтах Гражданской войны 1917–1922 годов. СПб., 2018.

² См.: *Кравец Ю., Фёдоров А.* Агитация и пропаганда махновского движения // Південний захід. Одесика. Історико-краєзнавчий науковий альманах. Вип. 24. Одеса, 2018. С. 50–85.

³ Там же. С. 52.

⁴ Там же. С. 56.

ским контролем какой-либо анархистской организации, хотя, как утверждает А.В. Шубин, с 1919 г. Махно и относился к КАОУ «как к “своей” организации»⁵. Но полного слияния махновцев с «Набатом» или формального подчинения ему не было. Сами «набатовцы», примкнувшие к повстанцам (П.А. Аршинов, В.М. Волин, И.А. Чарин), зачастую изображали их в своей публицистике как независимую политическую силу, с которой связаны анархистские организации. Поэтому многие современные исследователи не считают повстанческое движение во главе с Махно анархистским, хотя и признают, что анархисты играли в нём значительную роль⁶. Впрочем, имело место и обратное влияние. Феномен Махновщины как нового явления в практике анархизма начала XX в. побуждал российских адептов данного учения переосмысливать свою стратегию и тактику, чему способствовали успехи отрядов, сражавшихся против немецких оккупантов, гетманских, а затем белогвардейских и петлюровских войск. Первое известие об этом появилось в декабре 1918 г. в «Хронике» еженедельника Московской ассоциации анархической молодёжи: «Из Харькова сообщают, что анархист Махнов (так в тексте. — Д.Р.) с семитысячным отрядом занял Павлоград»⁷. Речь шла о военных успехах повстанцев, возглавляемых анархистом. В последующих публикациях о махновцах особо отмечалась их принадлежность, наряду с большевиками и левыми эсерами, к единому революционному лагерю⁸.

Первая аналитическая статья, написанная о Махновщине анархистом (под псевдонимом «Григорий»), появилась в январе 1919 г. В ней освещалась история движения с осени 1918 г.: «Как раз в это время зародилась маленькая группа Гуляйпольских повстанцев во главе с тов. Махно. Смело и бодро они начали святое дело и 8-го сентября 1918 года вечером открыто показали своим примером всем угнетённым, как должны бороться против угнетателей». Автор видел истоки движения в противостоянии оккупантам. Свидетельствуя о превращении Махно в харизматичного лидера, «Григорий» объяснял его успехи поддержкой рабочих и крестьян, а также героизмом повстанцев⁹.

Впоследствии схожие оценки звучали почти во всех текстах анархистов, посвящённых Махновщине. В них утверждалось, что магнетизм личности вождя был порождён его близостью крестьянской среде. Так, Я. Алыи (Суховольский), один из создателей и бессменных руководителей КАОУ, писал, что для крестьян Нестор Иванович — «прежде всего товарищ, выросший среди них, страдавший их страданиями. Он для них родной “батько Махно”»¹⁰. Это прозвище рассматривалось как свидетельство популярности предводителя повстанцев среди сельчан¹¹.

⁵ Шубин А.В. Махно и его время... С. 253.

⁶ Кондрашин В.В. Повстанческая армия Махно: мифы и реальность // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сборник статей и материалов. М., 2015. С. 373–374; Кравец Ю., Фёдоров А. Агитация и пропаганда махновского движения. С. 51–52.

⁷ Жизнь и творчество русской молодёжи. 1918. 15 декабря. № 14. С. 8.

⁸ См., например: Жизнь и творчество русской молодёжи. 1919. 19 января. № 19. С. 8; 26 января. № 20. С. 8; 1 апреля. № 26–27. С. 8; 13 апреля. № 28–29. С. 8.

⁹ Григорий. Большевизм и повстанческое движение // Гуляйпольский набат. 1919. 31 января. № 1. С. 3.

¹⁰ Алыи Я. О Махно // Набат. 1919. 10 февраля. № 10. С. 2. Копии некоторых номеров украинских газет были предоставлены автору Ш. Патерсоном (Университет Альберта, Канада).

¹¹ См., например: Павлов Н. На Украине // Труд и воля. 1919. 14 апреля. № 3. С. 3; «Батько Махно» // Московский набат. 1919. 18 августа. № 2. С. 2.

Анархистские публицисты акцентировали внимание на масштабности военных успехов Махно и его массовой поддержке крестьянством. Так, Н. И. Петров-Павлов, секретарь Союза анархистов-синдикалистов-коммунистов Москвы (САСК), а затем — Рабочего союза анархистов «Набат», указывал, что махновцам «при невыносимо тяжёлых условиях, приходилось воевать с сильнейшим, до зубов вооружённым противником» (германо-австрийскими войсками, Государственной стражей гетмана П. П. Скоропадского и белогвардейцами). По его словам, героизм Революционной повстанческой армии Украины (махновцев) (РПАУ(м)), изначально привлекавший в их ряды крестьянскую молодёжь, впоследствии усиливал симпатии к ним среди широких слоёв сельских жителей, осознавших свои «общие интересы» и проявивших солидарность и товарищескую дисциплину в деле «защиты родной нивы»¹².

О связи Махновщины с анархизмом в публикациях анархистов говорилось с зимы 1919 г. В ней усматривалось доказательство безусловной популярности анархистских идей. Так, некий «Г.Ф.» свидетельствовал, что на Украине «идеи анархизма проникли в самую толщу народных масс», поскольку обилие «властей», сменявших друг друга в 1917–1919 гг., в глазах крестьян дискредитировало государственность, сельчане «изверились в какой бы то ни было власти», а сражавшиеся против германо-австрийских оккупантов повстанцы «при дальнейшем сорабничестве с анархистами стали пропитываться их идеологией и выдвинули немало активных революционных борцов»¹³. В. В. Бармаш, один из лидеров САСК, рассматривал Махновщину как пример массового крестьянского повстанческого движения под руководством анархистов¹⁴. Идеолог Всероссийской федерации анархистской молодёжи (ВФАМ) Н. В. Марков видел в действиях махновских отрядов одно из доказательств серьёзного вклада анархистов в «дело революции»¹⁵. Петров-Павлов называл Махно анархистом и бывшим политкаторжанином, а его армию — анархической¹⁶.

Уже зимой 1919 г. в анархистской печати стали появляться публикации, защищавшие сторонников Махно от нападков большевиков. Так, в начале февраля 1919 г. газета «Набат» напечатала воззвание, в котором разоблачала попытки контрреволюционеров и официальных изданий Советской России изображать махновцев «не революционерами, а бандитами, хулиганами, грабителями и разбойниками». Объявлялись недостоверными слухи об антисемитских акциях, однако повстанцам настоятельно рекомендовалось не втягиваться в грабежи и погромы¹⁷.

Призывы «набатовцев» находили отклик в руководящих структурах Махновского движения. Зимой 1919 г. Махно вместе с другими подписал близкое по содержанию воззвание от имени гуляйпольской группы анархистов «Набат» и Исполкома Военно-революционного совета Гуляйпольского района¹⁸.

¹² Павлов Н. Указ. соч. С. 3.

¹³ Г.Ф. Анархистское движение на Украине // Жизнь и творчество русской молодёжи. 1919. 9 февраля. № 22. С. 2.

¹⁴ В.Б. [Бармаш В.В.] К нашим задачам // Труд и воля. 1919. 14 апреля. № 3. С. 2.

¹⁵ Марков Н. Коренной перелом в тактике или измена идеалу? // Жизнь и творчество русской молодёжи. 1919. 13 апреля. № 28–29. С. 2.

¹⁶ Павлов Н. Указ. соч. С. 3.

¹⁷ Воззвание к повстанцам Гуляй-Польского района (так называемым махновцам) // Набат. 1919. 3 февраля. № 9. С. 3–4.

¹⁸ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине... С. 63–64.

15 февраля 1919 г. участники II съезда фронтовиков, повстанцев, рабочих и крестьянских Советов, отделов и подотделов военно-революционного штаба Гуляйпольского района приняли «Резолюцию против грабежей, насилий и еврейских погромов, чинимых разными тёмными личностями, прикрывающимися именем честных повстанцев»¹⁹. Во второй половине февраля, отвечая на страницах газеты «Гуляйпольский набат» (органа местной организации КАОУ) одному из авторов воззвания, Махно признал и категорически осудил антисемитские инциденты с участием отдельных повстанцев, заявив о необходимости жёсткой и непримиримой борьбы с антисемитизмом²⁰.

В анархистской печати объяснялись причины «очернения» Махно его противниками. В середине февраля 1919 г. Я. Алыи отмечал неприемлемость для «буржуазных писак» политической позиции радикального революционера-анархиста Махно. Клевета на крестьянского лидера воспринималась как доказательство его революционности: «Мы понимали, что буржуазия ясно отдаёт себе отчёт, что несёт ей Махновская победа, что она знает Махно не как грабителя, а революционера, да ещё анархиста, и что это, последнее, её так тревожит». Особо отмечалось, что Махно, в отличие от большевиков, не привлекает на службу «классово близких» буржуазии генералов и офицеров царской армии и не создаёт бюрократию — рассадник коррупции²¹.

Алыи и другие анархисты пессимистично оценивали перспективы военного союза Махно с большевиками, исходя из печального опыта левоэсеровских и анархистских командиров, репрессированных большевиками в 1918–1919 гг., таких как А.Г. Железняков, М.Г. Никифорова, М.М. Сахаров. «Если разные генералы и старые погромщики, если жандармы и полицейские могут быть полезны Советской власти, — полагал Алыи, — то почему не воспользоваться “бандитом Махно с его грабительской шайкой”, которых завтра же можно будет объявить контрреволюционерами и расстрелять, как то часто проделывалось в России и уже начинается на Украине»²². На это указывали и другие анархисты. К примеру, «Ангарец» обличал руководителей РСФСР и УССР: «Верно, сейчас, когда вам это нужно, вы говорите, что Махно идейный анархист, несмотря на то, что ещё так недавно вы все голосили, что Махно — бандит и т.д. И теперь вы его при первой возможности объявите вне закона, как вы это делали много раз с другими революционерами»²³.

Нередко для контрпропагандистских целей анархисты использовали материалы официальной советской прессы, которые противоречили её же мифам о махновцах. К примеру, в газете «Труд и воля», издании САСК, приводились две заметки, вышедшие 9 февраля 1919 г., соответственно — в «Известиях» и «Правде». Первая²⁴ — о продовольственной помощи гуляйпольских повстанцев московским и петроградским «революционным крестьянам и рабочим» («поезда с пшеничной мукой»), а также о «5000 пудов каменного угля из освобождённых рудников Донецкого бассейна», отправленных в Москву

¹⁹ Там же. С. 88–89.

²⁰ *Батько Махно*. Ответ на открытое письмо т. Ангараца // Гуляйпольский набат. 1919. 22 февраля. № 5. С. 4.

²¹ *Алыи Я.* Указ. соч. С. 2.

²² Там же.

²³ *Ангарец*. По поводу одного митинга // Гуляйпольский набат. 1919. 9 марта. № 7. С. 2, 3.

²⁴ См. полное переиздание этой статьи: Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине... С. 66–67.

и Петроград с целью обмена на мануфактуру «для гуляйпольского революционного пролетариата». Во второй заметке говорилось о взятии махновцами Мелитополя, посёлков Пологи и Ясиноватая. Републикация сопровождалась комментариями членов редакции «Труда и воли» В.В. Бармаша и Н.А. Скворцова. Авторы-анархисты обнажали двойную игру большевистской пропаганды, которая в случае побед махновцев в составе Красной армии пела им «дифирамбы», когда же они вели войну с петлюровцами и белыми самостоятельно, в тех же газетах их именовали бандами, а Махно — авантюристом²⁵. Со своей стороны, анархисты не сомневались в том, что Махновским движением руководят их единомышленники²⁶.

Весной 1919 г. позитивное отношение анархистов к махновщине отразилось в документах, определявших тактику КАОУ. На I съезде этой организации, состоявшемся 2–7 апреля 1919 г. в Елисаветграде, была принята резолюция «Красная армия и наше отношение к ней», в которой утверждалось: «Единственной реальной, — в случае необходимости, — защитницей социальной революции съезд считает партизанскую (повстанческую) армию... Объединение и организацию такой повстанческой армии съезд понимает как организацию снизу, выдвигаемую и осуществляемую в меру необходимости самой этой армией. Съезд обращает внимание товарищей на то обстоятельство, что нынешняя революция и победная борьба против контрреволюции на Украине была выполнена главным образом именно такими повстанческими силами»²⁷. Это не мешало анархистам критически высказываться о Махновщине. Редакция газеты «Елисаветградский набат», комментируя благожелательную статью одного из большевиков о махновцах, утверждала: «Много повстанцев называются анархистами потому лишь, что сам Махно старый анархист. В общем, махновское движение нужно рассматривать не как анархическое, а как чисто народно-повстанческое, бурное, стихийное и вольное»²⁸.

Между тем нарастание конфликта махновцев с большевиками привело к новой антимажновской кампании, начало которой положила статья «Долой Махновщину», опубликованная 25 апреля 1919 г. в харьковских «Известиях». 25 мая Совет рабоче-крестьянской обороны Украины под влиянием Л.Д. Троцкого принял решение о ликвидации Махновщины²⁹. В этих условиях анархисты немало внимания уделяли анализу причин и возможных перспектив данного конфликта.

По их мнению, Махновщина представляла собой воплощённую в жизнь политическую альтернативу большевистской диктатуре, и именно этим объяснялись разногласия сторонников Ленина и Махно. Петров-Павлов считал, что большевиков раздражала опора махновцев на крестьянство, неприемлемая для строителей Советского государства, взявших курс на создание регулярных вооружённых сил, а также анархистская модель партизанской армии: «Ведь отряды Махно, прежде всего, опираются на поддержку самих украинских крестьян, организованы на товарищеской братской дисциплине, на выборном начале,

²⁵ Б. и С. Анархист Махно // Труд и воля. 1919. 11 февраля. № 2. С. 2. См. также: *Ангарец*. Указ. соч. С. 3–4; *Павлов Н.* Указ. соч. С. 3.

²⁶ *Ангарец*. Указ. соч. С. 2, 3.

²⁷ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. В 2 т. / Сост. В.В. Кривенький. Т. 2. 1917–1935 гг. М., 1999. С. 342.

²⁸ У батьки Махно // Елисаветградский набат. 1919. 6 апреля. № 6. С. 4.

²⁹ *Шубин А.В.* Махно и его время... С. 155–156, 165.

и этот пример весьма заразителен для Красной армии». Успешно действующий параллельно «советской власти» анархистский социум создавал опасный для большевиков прецедент, поскольку убеждал на практике, что выдвинутый анархистами лозунг «вооружение всех трудящихся» и их объединение в рамках партизанских отрядов — «не утопия, а полнейшая реальность»³⁰.

О том же писал и идеолог ВФАМ Л. Чиволов (Е.И. Габрилович), подчёркивавший, что повстанчество несовместимо с логикой большевистской бюрократии, стремившейся подчинить государству все структуры народной самоорганизации³¹.

5 мая 1919 г. в газете «Набат» вышла передовица, посвящённая программе Махновского движения, принятой 10 апреля в Гуляй-Поле на III районном съезде крестьян, рабочих и повстанцев. Комдив П.Е. Дыбенко объявил его контрреволюционным, а организаторы оказались под угрозой репрессий, «вплоть до объявления вне закона»³². Как заявляла редакция «Набата», «эта травля началась потому, что свободолюбивые повстанцы, не спросив позволения большевистских властей, посмели собраться и, обсудив свои дела, вынесли резолюции против комиссаро-угнетения и чрезвычайек и требовали предоставления полной свободы деятельности всем революционным организациям. Их собираются разбить за то, что они пошли по пути самостоятельности, за то, что они на деле осуществили великий лозунг: “Освобождение трудящихся есть дело самих трудящихся”»³³.

Летом 1919 г., в разгар «антимахновской» кампании, набатовец Волин опубликовал полемическую статью против Троцкого, заявив не только о реализации махновцами антибольшевистской альтернативы, но и о её всеобъемлющем анархистском характере. По мнению Волина, «район махновской армии» являлся «до известной степени живой иллюстрацией» анархистского понимания принципа вооружения народа. Он утверждал, что «махновские повстанцы уже стоят на большой высоте революционной сознательности»³⁴. Махновщина казалась ему воплощением «живых сил революции, которые, давно и свободно творя своё дело без непосредственной опеки власти, уже знают, что такое вольное творчество, вольная организация, вольная жизнь, уже имеют собственную, “свою”, революцию и поэтому хотят защищать её»³⁵.

Анархисты единодушно считали, что советская власть преследовала Махно именно по причине проанархистского характера возглавляемого им движения. Так, «Бутырец» (возможно, под этим псевдонимом скрывался Аршинов, в прошлом — сокамерник Махно по Бутырской тюрьме) отмечал: «Революционное повстанчество внимательно начало прислушиваться к анархизму. Для государственной партии большевиков, строящей всё на власти, это было совершенно не по душе. Против самодетельности масс, за свою власть над ними, против идеи безвластия-свободы она повела борьбу»³⁶.

³⁰ Павлов Н. Указ. соч. С. 3.

³¹ Чиволов Л. [Габрилович Е.И.] Революционное повстанчество // Жизнь и творчество русской молодёжи. 1919. 16 июня. № 34–35. С. 2.

³² Шубин А.В. Махно и его время... С. 156.

³³ Бьёт грозный решительный час революции // Набат. 1919. 5 мая. № 14. С. 1.

³⁴ Волин. О «партизанщине» // Набат. 1919. 2 июня. № 17. С. 2.

³⁵ Волин. Последнее предостережение // Набат. 1919. 9 июня. № 18. С. 1.

³⁶ Бутырец. Махно и большевики // Набат. 1919. 30 июня. № 21. С. 2.

«Набатовец» А. Соколов высказывался ещё более радикально: уверенный в том, что «единственными пророками социальной революции были и остаются анархисты», он рассматривал Махновщину как первое её проявление на территории бывшей Российской империи. Подтверждение тому Соколов видел в создании в Гуляйпольском районе «ряда вольных трудовых коммун», где повстанцы старались не допускать проявлений «государственного полицейского начала». Соперничество между махновцами и РКП(б) изображалось им как противоборство социально-политических альтернатив: «Для большевиков социальный опыт крестьян Гуляйпольского района является опаснейшим явлением — ведь если допустить это в одном месте, то и в других местах России народ, игнорируя власть, приступит к самостоятельному творчеству жизни. На что же нужна будет тогда большевистская и вообще какая бы то ни было власть?»³⁷.

Анархистская печать активно комментировала оставление Махно поста комбрига 9 июня 1919 г. Член Секретариата ВФАМ А.Э. Уранский (Мейер), обвиняя Москву в порабощении Украины, подавлении народных партизанских движений, чистке Красной армии от политически неугодных командиров и замене их большевистскими ставленниками, одобрил действия Махно, предвещая, что «скоро политическая “словопря” расшибётся о лавину партизанства или будет приведена им в надлежащий, революционный порядок». Уранский характеризовал махновщину как политическую силу, способную одержать победу над белогвардейцами, интервентами и большевиками³⁸.

Вину за конфликт Махно с властью анархисты возлагали прежде всего на Троцкого, который будто бы для уничтожения повстанцев лишал их поставок боеприпасов и вооружений. Но это вело к появлению на Украине зелёного движения, сражающегося как против большевиков, так и против белогвардейцев³⁹.

«Набатовец» Черкасов настаивал на том, что «вопрос был поставлен остро — или большевики, или свободное революционное повстанчество. Согласия между ними быть не может». Махно как непосредственный представитель «трудового народа» и ответственный руководитель крестьянских масс противопоставлялся при этом диктатору («Наполеону») Троцкому. По мнению анархистского публициста, лидер повстанцев стремился не допустить войны с большевиками и до последнего избегал столкновения. Даже покидая пост комбрига, он будто бы желал предотвратить раскол единого революционного фронта против белогвардейцев, тогда как в РККА давно и тщательно планировали пошаговое уничтожение Махновщины. Именно этим объяснялось то, что отступавшие красноармейцы фактически фланг махновской бригады подставили под удар денкинцев. Тем самым «всё повстанчество и крестьянство Приазовья сознательно оставлялось без вооружения и без единого патрона. А когда на них нахлынули Шкуровские банды, они были отданы на произвол этих банд... И в то же время был отдан приказ арестовать Махно, его штаб и всех повстанцев, с ним сражающихся, которые уже были изнурены и разбиты физически до последней степени беспрерывными боями с казаками. Так, путём предательства казакам, путём провокации и силою несознательных

³⁷ Соколов А. Повстанчество и большевизм // Набат. 1919. 7 июля. № 22. С. 2.

³⁸ Уранский А. [Мейер А.А.] Революционер он или нет? // Жизнь и творчество русской молодёжи. 1919. 16 июня. № 34–35. С. 1–2.

³⁹ Бармаш В. Призывы // Жизнь и творчество русской молодёжи. 1919. 16 июня. № 34–35. С. 2.

красноармейских частей было раздавлено государственниками-большевиками революционное повстанчество на Украине»⁴⁰.

«Бутырец», несколько сгущая краски, также противопоставлял анархиста-коммуниста Махно, «десяток лет сидевшего на каторге за идеалы социальной революции», и Троцкого, в прошлом — «социал-демократа», почти «буржуазного» идеолога⁴¹. Другой «набатовец», А. Соколов, напоминал, как в конце XVIII в. «тогдашний Троцкий — кровожадный Робеспьер — вместе с аристократами казнил и народных революционеров — Гебертистов, тогдашних анархистов». Теперь же, когда 8–9 июня на Гуляйпольский район обрушились удары белоказачьей кавалерии, «штаб Троцкого намеренно задержал красноармейские части вдали от безоружного Гуляй-Поля, рассчитывая, что армия Деникина как следует опустошит и подвырежет повстанческие части». Тем временем красноармейские отряды совершили карательный рейд, разгромив и ограбив свободную Покровскую коммуну имени Розы Люксембург⁴².

Возлагая ответственность за развал фронта на красное командование, анархисты полагали, что махновская бригада могла переломить ход войны. Волин заявлял, что своевременная «материальная и идейная поддержка» махновцев «в их упорной и успешной борьбе с южной контрреволюцией» позволила бы их силам нанести поражение белым, и «нашествия Деникина не было бы вовсе». При этом почти точно прогнозировался последовавший в конце сентября — начале октября 1919 г. удар махновцев в тыл деникинским войскам, что способствовало разгрому Вооружённых сил Юга России⁴³.

Особое внимание анархистские авторы уделяли биографиям махновцев. Так, характеризуя расстрелянных 16 июня 1919 г. большевиками членов махновского штаба, А. Соколов писал, что это были «самые бедные, забитые крестьяне, которые, в течение всей своей жизни несли невероятные лишения и гнёт капиталистического режима, которые с первых дней революции восстали против помещичьего произвола, сражались с царизмом, с керенщиной и с контрреволюцией последнего времени, ища спасения и свободы трудовому народу»⁴⁴. Отмечалось, в частности, принципиальное различие между ними и атаманом Н.А. Григорьевым, одним из «красных командиров» первой половины 1919 г.⁴⁵ В ответ на несправедливые обвинения Махно в поддержке мятежа Григорьева один из анархистских авторов (вероятно, Волин) опубликовал их обобщённые социально-психологические портреты. «Идейный анархист, крестьянин Гуляй-Поля, с ранней юности боровшийся за революцию и анархизм, приговорённый (в 1907 г.) к смертной казни, заменённой бессрочной каторгой», противопоставлялся им бывшему царскому офицеру, а «старые революционные парти-

⁴⁰ Черкасов. Правда о Гуляйпольских событиях. // Набат. 1919. 30 июня. № 21. С. 2. Эту точку зрения разделяли и другие авторы. См.: *Бутырец*. Указ. соч. С. 2.

⁴¹ *Бутырец*. Указ. соч. С. 2.

⁴² Соколов А. Повстанчество и большевизм // Набат. 1919. 7 июля. № 22. С. 2.

⁴³ Волин. Доказательство // Набат. 1919. 7 июля. № 22. С. 1.

⁴⁴ Соколов А. Казнь революционеров в Харькове // Набат. 1919. 7 июля. № 22. С. 1. Впрочем, в большинстве своём лидеры Махновского движения являлись крестьянами лишь по происхождению, среди них преобладали «рабочие и ремесленники в первом поколении, с ранней юности оторвавшиеся от сельских проблем». Часто ещё до 1917 г. они присоединялись к анархистским группам. См.: *Савченко В.А.* «Дети Мировой» и «бабки Гражданской»: феномен анархо-повстанческих атаманов Украины (1917–1921 гг.) // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожakov русской смуты. Сборник статей и материалов. М., 2014. С. 366–375.

⁴⁵ См., например: «Батько Махно» // Московский набат. 1919. 18 августа. № 2. С. 3.

заны, анархически воспитывавшиеся, ведущие войну против контрреволюции с весны 1918 г.», — политически не развитым молодым крестьянам, бывшим бойцам петлюровской армии, перешедшим вслед за своим командиром на сторону советской власти, а затем им обманутым и направленным «против революции»⁴⁶. Убийство Григорьева, совершённое Махно 27 июля 1919 г., и успешная партизанская война в тылу Деникина, по мнению анархистов, убедительно свидетельствовали о революционном характере Махновщины.

Апологетикой повстанчества занимались не только легальные анархистские издания. Ещё более яростно в поддержку Махно выступали «анархисты подполья», действовавшие летом—осенью 1919 г. Первым документом такого рода стала листовка «Правда о махновщине», которую выпустила «Организация анархистов подполья “Равенство и воля”». Написал её, скорее всего, К.И. Ковалевич. Махно провозглашался вождём всех революционно настроенных трудящихся. За ним «идёт вся сознательная революционная масса трудового народа», а «все местности, все области, через которые проходили повстанцы, были заражены повстанческим освободительным движением. Масса с радостью шла на борьбу за безвластные трудовые экономические Советы»⁴⁷.

Об историческом значении разрыва большевиков с Махновщиной говорилось в статье «Немного правды», опубликованной 29 сентября 1919 г. в газете «Анархия», органе Всероссийской организации анархистов подполья. Расправа над махновцами расценивалась её автором как «предтеча красной контрреволюции, один из многих признаков близкого конца игры в коммунистическую революцию» и «начало конца великих завоеваний Октябрьского бунта». Ответственность же за различные криминальные инциденты, связанные с махновцами, возлагалась на Троцкого, который будто бы для дискредитации повстанцев внедрял в их отряды своих агентов⁴⁸.

Военные успехи махновцев осенью 1919 г. преподносились анархистами как свидетельство массового подъёма трудящихся против белогвардейских и большевистского режимов. На это указывалось и в «Извещении» анархистско-левоэсеровского Всероссийского повстанческого комитета революционных партизан, изданном по случаю совершённого его боевиками взрыва МК РКП(б) 25 сентября 1919 г.⁴⁹

Позицию своих московских товарищей поддержали и авторы газеты «Подпольный коммунары», издававшейся в Самаре Инициативной группой анархистов-коммунистов Поволжья. Стремясь отвести от «Махно, который освободил преданную Брестским договором Украину, Дон и другие области от Скоропадских, Петлюр, немцев и др.»⁵⁰, обвинения в бандитизме, они создавали ему ореол победителя белых, бескорыстно спасавшего рабочих Москвы от голода: «Это, товарищи, те самые “разбойничьи банды” анархиста Махно, которые терроризировали своей деятельностью всю контрреволюционную свору на юге... Это те самые разбойничьи банды, которые освободили Павлоград, всю Харьковскую и Екатеринославскую губ[ернии] от ига контрреволюции... Анархические отряды Махно прислали подарок голодающим рабочим Москвы

⁴⁶ В. Ложь // Набат. 1919. 7 июля. № 22. С. 3.

⁴⁷ Анархисты подполья / Сост. А.В. Ермаков, Я.В. Леонтьев // На внутреннем фронте Гражданской войны. Сборник документов и воспоминаний. М., 2019. С. 150.

⁴⁸ Там же. С. 166–167.

⁴⁹ Там же. С. 157.

⁵⁰ Очередной налёт Чрезвычайки // Подпольный коммунары. 1919. № 3. С. 2.

и Петрограда, добытые кровью анархистов в боях с армией Деникина в Цареконстантиновке, 900 000 пудов пшеничной муки и пять тыс. пуд[ов] каменного угля из освобождённых рудников Донецкого бассейна⁵¹. Автор «Подпольного коммунара», как и Ковалевич, связывал пропагандистскую кампанию и гонения против Махно и махновцев с созданием ими независимых Советов и отказом признать власть комиссаров-чиновников⁵².

В середине осени 1919 г., после новых успехов Махно и прекращения репрессий против него со стороны советских властей, отрезанных от отрядов повстанцев линией фронта, анархисты стали склоняться к более взвешенной и критической трактовке Махновщины. Так, П. Руденко впервые обратил внимание на её авторитарные черты. Признавая, что она представляет собой один из вариантов демократического режима, опирающегося на свободные выборы, съезды делегатов и т.п., публицист тем не менее настаивал на том, что это не анархическая модель социума. Ему казались «наивными» попытки «некоторых анархистов» обосновать «добровольность» махновской мобилизации тем, что «она была санкционирована и даже объявлена съездом крестьян и рабочих, выборы на который были “вполне свободны”». Ведь «что такое выборы, даже и “свободные выборы”, мы, анархисты, это прекрасно знаем»⁵³. Именно решение военных задач мобилизационного характера, по мнению Руденко, обусловило отход Махно от анархических принципов. Это произошло в тот момент, когда «Съезд крестьян, рабочих и повстанцев Гуляйпольского района» «постановил объявить “добровольную”, поголовную мобилизацию всего мужского населения, годного носить оружие». Сама по себе «мобилизация», даже с добавлением «добровольная», рассматривалась Руденко как проявление власти. «Нельзя обойти молчанием, — писал он, — эту нелепую — с одной стороны, “добровольную”, а с другой стороны, обязательную для всех, т.е. принудительную — мобилизацию. Из двух одно: или она была добровольная (тогда ни при чём принудительный набор), или она была принудительная (но тогда нечего было прикрываться флагом добровольности)». По его словам, решение о «добровольной мобилизации» позволило увеличить численность повстанческой армии, однако разбавило её людьми, безразличными к революции. С этого момента «в “повстанческой” армии началось пьянство, хулиганство, грабежи, убийства и т.д. — всё то, что ведёт всё неминуемо к гибели»⁵⁴. Впрочем, как отмечал Руденко, сама «армия, покоящаяся на принудительном наборе, и повстанчество, покоящееся на добровольном вхождении в его состав, — два совершенно противоположных и ни в коем случае не совместимых понятия»⁵⁵.

Но, отрицая анархистский характер Махновщины, Руденко не спорил с тем, что именно анархизм оказался тем политическим течением, которое

⁵¹ Опять травля! // Подпольный коммунара. 1919. № 1. С. 2–3.

⁵² Очередной налёт Чрезвычайки. С. 2.

⁵³ Руденко П. На Украине // Вольный труд. 1919. Октябрь. № 7–8. С. 47–48. В марте 1922 г. статья Руденко была републикована российскими анархистами-эмигрантами, образовавшими в Буэнос-Айресе «Рабочую издательскую группу в Республике Аргентина». В 1920-е гг. его оценки оказали серьёзное влияние на восприятие махновщины в кругах российских анархистов-эмигрантов.

⁵⁴ Там же. С. 49–50. В конце 1920-х гг. с Руденко солидаризировался советский историк и экономист М.И. Кубанин, констатировавший: «Не приходится говорить, что понятие “добровольно-принудительная мобилизация” включает в самом себе внутреннее противоречие и отнюдь не диалектическое. Это понимали даже некоторые анархисты» (Кубанин М. Указ. соч. С. 93).

⁵⁵ Руденко П. На Украине // Вольный труд. 1919. Октябрь. № 7–8. С. 50.

больше всего соответствовало духу украинского крестьянского повстанчества⁵⁶, а созданная его участниками военная организация являлась реальной альтернативой централизованной Красной армии. В результате осенью 1919 г. «повстанчество вновь возродилось», действуя в тылу войск Деникина и стремясь «освободить свою страну от ига чёрной реакции и дать возможность своему народу творить вольно новую жизнь на началах свободы, равенства и братства»⁵⁷.

Представители «советских анархистов», поддерживавшие в период Гражданской войны большевиков, внесли свою лепту в критику Махновщины, подчёркивая её антидемократический характер. И.С. Гроссман в декабре 1919 г. доказывал, что повстанческая психология столь же авторитарна, как и армейская⁵⁸. Подобные рассуждения невольно наводили на мысль о безальтернативности большевистской политики.

В то же время единомышленники Гроссмана из Союза анархо-синдикалистов «Голос труда» пытались героизировать Махно, сравнивая его с А.Г. Железняковым — известным анархистским командиром, объявленным большевиками вне закона, но затем прославленным ими после своей героической гибели. «В истории анархического движения, — заявляли члены Союза, — быть объявленным “вне закона” — при любом режиме — такое обычное явление для анархиста, что объявление вне закона “рабоче-крестьянским” правительством Железнякова и Махно нас ничуть не удивляет. Быть *против* закона означает — почти неизбежно — и быть *вне* закона»⁵⁹.

У Я.И. Новомирского (Кирилловского), порвавшего в 1920 г. с анархизмом и вступившего в РКП(б), образ Махно ожидаемо приобрёл антисоветские черты. Тогда же в «Правде» новоявленный большевик заявил о том, что именно политическая позиция анархистов, связанная с критикой политического курса РКП(б) («безгрешная декларация анархистов»), привела к таким последствиям, как противостояние Махно большевикам, «грабёж советской казны» и взрыв бомбы на собрании Московского комитета РКП(б) в Леонтьевском переулке в 1919 г.⁶⁰ Однако наступившее вскоре разочарование в политике большевиков заставило Новомирского не только покинуть их ряды, но и изменить взгляд на прошлое. В августе 1921 г. он уже видел в повстанческих движениях наиболее важный фактор победы над белыми: «Красная армия в первых боях *всегда* терпела серьёзнейшие неудачи против самых незначительных отрядов белогвардейцев. Колчак, Деникин, Врангель и даже Юденич превращали громадные воинские части Красной армии в дикую толпу, охваченную сумасшедшей паникой, и белые армии только тогда начинали терпеть серьёзные удары, когда в тылу их начинали действовать вольные партизанские отряды, которые совершенно разлагали и терроризировали армии контрреволюции». Новомирский полагал даже, что «Красная армия не в силах справиться с летучими отрядами мятежных украинцев, махновцев и других», поскольку «свободно организованная армия, объединяющая снизу вверх все вооружённые отряды революции,

⁵⁶ Руденко П. На Украине // Вольный труд. 1919. Декабрь. № 9–10. С. 38.

⁵⁷ Руденко П. На Украине // Вольный труд. 1919. Октябрь. № 7–8. С. 50–51, 53.

⁵⁸ Гроссман-Роцин И. Октябрьская революция и тактика анархо-синдикализма // Голос труда. 1919. Декабрь. № 1. С. 10.

⁵⁹ Голос труда. 1919. Декабрь. № 1. С. 40.

⁶⁰ Анархисты. Документы и материалы... Т. 2. С. 380.

более надёжная сила, чем Красная армия, организованная по мёртвому шаблону империалистических армий»⁶¹.

Критическое осмысление взаимодействия анархистов с махновцами постепенно проявлялось и в среде «набатовцев», осенью 1919 — летом 1920 г. пытавшихся приступить к социальным преобразованиям на территориях, подконтрольных повстанцам. С нелицеприятными оценками Махновщины выступал даже входивший одно время в состав её политического руководства видный анархист А.Д. Барон.

Часть «набатовцев», особенно те, кто непосредственно сотрудничал с РПАУ(м), высказались за продолжение прежнего пропагандистско-просветительского подхода к движению, возглавляемому Махно. Так, И. Чарин утверждал, что повстанчество всё более сближается с анархистами, «постепенно становится на путь самостоятельности свободных массовых организаций, на путь безвластного строительства». В деятельности махновцев он усматривал начало ожидавшейся анархистами с февраля 1917 г. «повстанческой великой третьей революции, несущей трудящимся массам раскрепощение от ига власти и капитала во всех его формах и проявлениях». Однако, по мнению Чарина, задача повстанцев сводилась лишь к военной победе: «очистить территорию от гнёта политической власти; дать трудящимся массам физическую возможность приступить к свободному строительству». Далее подхватить эстафету на освобождённой территории должны были анархистские организации. Им предстояло последовательно распространять влияние своих идей на повстанцев, ведя «в самом широком масштабе» агитационную и культурно-просветительскую работу. При этом Чарин настаивал: «Мы входим в повстанческое движение не для того, чтобы им овладевать и руководить. Это не наше дело. Наша работа в повстанчестве — помогать, подталкивать, освещать, пояснять»⁶².

Опыт продолжительного сотрудничества с махновцами, однако, не привёл к установлению долговременного контроля «набатовцев» над каким-либо регионом, в рамках которого члены КАОУ могли бы приступить к строительству анархо-коммунистического общества. Вынужденные признать своё влияние на Махновское движение недостаточным, они стали демонстративно дистанцироваться от него. В резолюции Экстренного совещания активных работников КАОУ, прошедшего в марте 1920 г., Махно представляли как «сознательного анархиста, крестьянина-бунтаря», основной лозунг сподвижников которого — «борьба за вольные трудовые Советы, за вольный советский строй». Поэтому анархистам следовало поддержать махновцев, олицетворявших «стремление народных низов к самоосвобождению». Однако тут же констатировалось, что «махновская армия — не анархистская армия», а её бойцы имеют «весьма смутное представление об анархическом идеале». Более того, в силу влияния социальной среды у них наблюдалось «сплетение революционной преданности, отваги, самопожертвования с предрассудками среднего деревенского жителя». Участники совещания призывали анархистов влиться в «махновское движение», чтобы углубить его и сделать «более сознательным, более анархистски-выдержанным», создав «передовой идейный анархистский авангард» «из наиболее сознательной части повстанцев-махновцев»⁶³.

⁶¹ *Новомирский Я.И.* П.Л. Лавров на пути к анархизму. Пг., 1922. С. 436.

⁶² *Чарин И.* Анархисты и повстанчество // *Набат.* 1919. 1 декабря. № 26. С. 3.

⁶³ Анархисты. Документы и материалы... Т. 2. С. 388–389.

В июне 1920 г. группа лидеров «Набата» (А. Барон, А. Суховольский, И. Тепер) попыталась добиться от Махно подчинения его армии КАОУ и предоставления «набатовцам» возможности реализовать свою программу социальных преобразований в одном из районов, подконтрольных повстанцам. Однако договориться тогда не удалось, и в результате анархистское руководство разорвало отношения с Махно⁶⁴.

3–8 сентября 1920 г. в Харькове состоялась III конференция КАОУ, на которой была принята резолюция «Повстанчество и Махновщина», в более резкой форме повторившая выводы «Экстренного совещания» и объявившая Махно едва ли не главным противником «анархизации» РПАУ(м), которая рассматривалась как народное движение, находящееся под влиянием анархистов. Её лидеры (в том числе и Махно), стоявшие на анархистских позициях и усвоившие «лозунги безвластия и вольного советского строя», характеризовались как «тип промежуточный — между обычным бунтарём, инстинктивным искателем справедливости, и сознательным революционером-профессионалом». Согласно резолюции, они могли бы стать настоящими идейными анархистами, если бы не «вождизм» Махно, обладавшего «многими ценными для революционера качествами», но принадлежавшего «к тому типу людей, которые личные свои капризы не всегда умеют подчинять интересам дела».

Не сомневаясь в необходимости работать среди рядовых бойцов РПАУ(м), участники конференции предостерегали соратников «от излишнего оптимизма». «Всё же, — полагали они, — в данное время нечего рассчитывать на революционную поддержку вследствие усталости и общего падения революционного духа в стране». Дальнейшую агитацию среди рабочих и крестьян предполагалось вести уже «без ставки на Махновщину»⁶⁵.

Впрочем, осенью 1920 г., в период последнего союза Махно с большевиками, Д. Коган писал, что при состоявшемся соглашении «махновское повстанчество доказало ещё больше свою революционность содержанием выставленных требований», хотя и действовало изолированно «от остальных рабочих и крестьянских масс», скованных «неподвижностью покорных рабов»⁶⁶.

Наиболее оптимистично и прагматично о дальнейшей судьбе Махно и его армии рассуждал Аршинов. Он полагал, что Махновщина, «выросшая из недр крестьянства», пошла гораздо дальше любого повстанческого движения того времени, так как с самого начала восприняла анархические лозунги «безвластия и революционного самоуправления рабочих классов» и «вылилась в оформленное социальное движение, которое полустихийно, полусознательно начало упорно выбираться на путь социальной революции в анархическом понимании». Именно это делало её важной вехой на пути реализации планов анархистов. Как и Руденко, Аршинов признавал, что Махновщина приняла организационные формы, нетрадиционные для анархистского движения (армия с соответствующими институтами и порядками и т.п.). Однако РПАУ(м) стала важнейшим организующим, сплачивающим и руководящим центром движения, а Махно играл исключительно значимую роль как военный лидер. И собственно «Махновщиной» это движение называется потому, что оно всё же идёт не за той или иной анархической организацией, а за центральной группой Махно,

⁶⁴ Шубин А. В. Махно и его время... С. 253–255.

⁶⁵ Резолюция 3-й конференции Конфед[ерации] анарх[ических] орган[изаций] Украины «Набат» // Набат. 1920. 4 ноября. № 1(28). С. 3–4.

⁶⁶ Давид (Самарский). Без обмана! // Набат. 1920. 4 ноября. № 1(28). С. 2.

сразу выступившей под анархическим знаменем и сформировавшейся затем в революционную армию». Вместе с тем для того, чтобы закрепить за анархистами руководящие позиции среди повстанцев, Аршинов убеждал соратников в том, что «анархизм, всегда опирающийся на массовое движение трудящихся, должен всеми своими силами поддерживать махновское движение... сплотиться с ним. А отсюда следует, что мы должны войти также в руководящий орган этого движения — в армию и оттуда стараться воздействовать на всё движение, организовывать его, придавая ему больше ясности и сознательности»⁶⁷.

Иных взглядов придерживался теоретик КАОУ М.Я. Мрачный. «Всё уже и уже сжимают железные тиски “диктатуры пролетариата” украинскую деревню, — писал он в ноябре 1920 г. — Она ещё волнуется и восстаёт кое-где, она всё ещё не хочет уgomониться, но всё же, мне кажется, что недалёк тот момент, когда советской власти удастся, наконец, мытьём и катанием, пулемётами и демагогией утихомирить мятежного украинского мужичка... Повстанчество и его наиболее революционный авангард — Махновщина — будут бессильны, на время, против грозной наступающей красной реакции». В этих условиях оставалось лишь продолжать пропагандистскую работу среди повстанцев, учитывая их сочувствие «безвластию и безгосударственности». Между тем РПАУ(м), будучи только военной силой, даже сражаясь под чёрным флагом, не могла воплотить в жизнь анархо-коммунистические идеи. Для реализации же социальных преобразований анархистам, согласно концепции П.А. Кропоткина, требовались, помимо РПАУ(м), сочувствующие им массовые рабочие и крестьянские организации, связанные с производством (профсоюзы, кооперативы, коммуны). Отсутствие же массовых анархистских рабочих организаций, которые могли бы контролировать РПАУ(м), придавало повстанческому движению авторитарно-персоналистский характер, хотя во главе его и стоял идейный анархист Махно. Сказывались и закоренелые культурные предрассудки — «вся тьма кромешная, в которой стонет и изнывает, не зная выхода, вся наша родная, рабоче-мужицкая Русь»⁶⁸.

Разгром Махновщины большевиками в 1921 г. и предшествовавшая этому ликвидация легальных структур КАОУ и независимой анархистской печати свели на нет дискуссию о Махновщине в Советской России. Но с 1922 г. они с ещё большим накалом вспыхнули в эмиграции. Махно и лидеры анархизма продолжали выяснять отношения уже вдали от Родины.

Махновщина была наиболее известным в России социальным движением, находившимся под влиянием анархистских идей. Неудивительно, что анархисты стремились осмыслить этот феномен, видя в нём пример реализации своей программы социальных преобразований и военного строительства. Критикуя с осени 1919 г. авторитарные элементы Махновщины, их публицисты (за исключением совсем уж пробольшевистски настроенных) не отказывали ей в поддержке и не теряли надежд на её «анархизацию». При этом никто из них никогда не отрицал преобладающего влияния анархистской идеологии на программу Махно и его последователей.

⁶⁷ Марин [Аршинов П.А.] Анархизм и махновщина // Там же. С. 2.

⁶⁸ Мрачный М. Повстанчество и Социальная Революция // Набат. 1920. 15 ноября. № 2(29). С. 1–2.

Д.И. Рублев. Российский анархизм в XX веке.

Значимый вклад М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина в теорию и практику международного анархистского движения общепризнан, а интерес к их идеям сохраняется и сегодня. Что касается историографической судьбы отечественного анархизма как явления, подрывающего устои государства, то она складывалась особенно не просто именно в России, где сложилась многовековая традиция державности. Тема анархистского свободомыслия и попыток его практической реализации в поздней Российской империи, советский и постсоветский периоды остаётся и поныне на периферии научной проблематики, привлекая внимание лишь немногих энтузиастов. Среди них особое место принадлежит Д.И. Рублёву, автору предлагаемой к обсуждению книги¹, который более 20 лет последовательно и плодотворно занимается изучением отечественного анархистского движения. Целеустремлённо работая в российских и зарубежных архивах, он существенно расширил источниковую базу² и проблематику избранного направления исследований. Пристальный интерес учёного к судьбе российского анархизма в начале XX в. позволил ему вывести на новый уровень представление о взглядах и деятельности преемников идей Бакунина и Кропоткина в эпоху войн и революций. Особенно стоит подчеркнуть актуальность монографии Рублёва в связи с назревшей потребностью создания обобщающих трудов по истории политических партий и общественно-политических движений в России начала XX в. на основе комплексного и сравнительного анализа их генезиса, формирования и функционирования. Первый значительный шаг в этом направлении уже сделан³. Остаётся надеяться, что эстафета будет подхвачена, и в новых публикациях объединения российских анархистов займут достойное место.

В обсуждении книги приняли участие доктор исторических наук В.В. Дамье, кандидат исторических наук И.В. Аладышкин, кандидаты философских наук Н.И. Герасимов и П.В. Рябов.

Материал подготовила Н.Б. Хайлова

Вадим Дамье: Новая книга по истории анархистского движения
Vadim Damier (Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow): A new book on the history of the Anarchist movement

DOI: 10.31857/S2949124X23060093, EDN: NSJTOU

Российский анархизм как общественно-политическое движение и идейное направление не обделён вниманием исследователей. Это и неудивительно,

¹ Рублев Д.И. Российский анархизм в XX веке. М.: Родина, 2019. 704 с.

² Анархистские движения России и Русского зарубежья: документы и материалы. 1922–1941 гг. / Сост. и отв. ред. Д.И. Рублёв. М., 2021 (Сер. «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие»).

³ Шелохаев В.В. Многопартийность в России в начале XX века. М., 2023.

учитывая то место, которое он занимал в бурной социальной жизни, особенно на протяжении последних полутора веков. Исследователи из России, Белоруссии, Украины периодически выпускают книги и статьи по различным аспектам его истории⁴. Проводились и проводятся российские и международные научные конференции, к примеру, в рамках «Свято-Троицких чтений» в Санкт-Петербурге, «Кропоткинских чтений» в Дмитрове или «Прямухинских чтений» в селе Прямухино, на родине М.А. Бакунина.

Отечественные и зарубежные авторы периодически предпринимали попытки написать обобщающие труды по истории анархистского движения и анархистской мысли в России и СССР. Но большого, фундаментального исследования, в котором бы детально анализировались извилистые перипетии пройденного сложного пути, до сих пор не было. Так, П. Аврич⁵ в своей работе использовал лишь источники из зарубежных архивов, мемуары, материалы периодической печати и интервью, взятые у проживавших в США эмигрантов. Добраться до советских архивов ему не удалось. Работы В.В. Комина и С.Н. Канева⁶, написанные в советскую эпоху, ограничены жёсткими идеологическими рамками. Для обобщающих трудов по истории российского анархизма В.Д. Ермакова⁷ характерен преимущественный интерес к разработке отдельных сторон, моментов и аспектов движения. Книга безвременно ушедшего В.В. Кривенького⁸ осталась, по существу, незавершённым исследованием — особенно в том, что касается периода после 1917 г. П.И. Талеров довёл свою обобщающую работу до 1920-х гг.: его интересовал в первую очередь «классический анархизм»⁹...

Следующий шаг в изучении истории российского анархизма сделал Д.И. Рублёв. Он попытался построить своё исследование на более широкой источниковой базе, а также обобщил материалы многочисленных исследований, раскрывающих различные аспекты теории анархизма и деятельности анархистских организаций. Особенно стоит отметить его внимание к научным работам, которые посвящены региональной истории движения.

Рублёв рассматривает российский анархизм начала XX в. как явление, возникшее в условиях и на фоне происходившей в России ускоренной индустриально-капиталистической модернизации. Эта точка зрения вполне логична в историческом контексте и помогает понять как место российского анархизма в мировом движении, так и его размах. Известно, что наиболее мас-

⁴ Среди наиболее масштабных трудов по истории российского анархизма см., например: Глушаков Ю.Э. «Революция умерла! Да здравствует революция!»: Анархизм в Беларуси (1902–1927). СПб., 2015; Ермаков В.Д. Российский анархизм и анархисты (вторая половина XIX — конец XX веков). СПб., 1996; Ермаков В.Д. Анархистское движение в России: История и современность. СПб., 1997; Ермаков В.Д. Анархисты на фронтах Гражданской войны 1917–1922 годов. СПб., 2018; Кривенький В.В. Анархистское движение в России в первой четверти XX века: теория, организация, практика. М., 2018; Талеров П.И. Классический анархизм в теории и практике российского революционного движения. 1860-е — 1920-е гг. СПб., 2016; Савченко В.А. Діяльність анархістських організацій в Україні у 1903–1929 рр.: історичний аспект та політична практика. Київ, 2017.

⁵ Avrich P. The Russian anarchists. Princeton, 1967.

⁶ Колин В.В. Анархизм в России. Калинин, 1969; Канев С.Н. Революция и анархизм: из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма 1840–1917 гг. М., 1987.

⁷ См.: Ермаков В.Д. Российский анархизм и анархисты...; Ермаков В.Д. Анархистское движение в России...

⁸ Кривенький В.В. Анархистское движение в России...

⁹ Талеров П.И. Классический анархизм...

совые и мощные либертарные движения чаще всего возникали и действовали в странах, переживавших ускоренный переход от доиндустриального общества к индустриальному, что порождало своеобразный умственный, психологический и ценностный настрой. В нём сочетались элементы «старого» и «нового» — сохранение общинных традиций коллективизма, взаимопомощи и автономии с неприятием эффектов капиталистического строя. Неудивительно, что автор книги внимательно присматривается к тем традициям, которые облегчали восприятие анархистских идей и представлений российскими крестьянами и рабочими: он даёт обзор «протоанархистских» тенденций в русском сектантстве XVII—XIX вв. и антиэтатистских, близких анархизму идей в русской общественной мысли XIX в.

Источниковая база исследования включает как архивные, так и опубликованные источники. Прежде всего это материалы центральных (ГА РФ, РГАСПИ, РГАЛИ), ведомственных (ЦА ФСБ), московских (ЦГА Москвы и ЦГАМО) и Санкт-Петербургских (ЦГА СПб, ЦГАИПД СПб, ЦГАЛИ СПб) архивов. Используются документы фондов российских анархистов-эмигрантов, хранящиеся в архиве Международного института социальной истории (Амстердам) и архиве Мичиганского университета. Многие материалы впервые введены в научный оборот. Большое внимание Рублёв уделяет периодической печати, изданным материалам съездов и конференций анархистских организаций, брошюрам и книгам теоретиков анархистского движения. Достаточно подробно использованы воспоминания и переписка участников движения, а также других очевидцев событий.

Одной из трудностей, которые так или иначе приходилось учитывать и преодолевать автору, стала, несомненно, идейная неоднородность российского анархизма. Вероятно, следовало бы даже вести речь не об «анархистской идеологии» как чём-то общем, а скорее — о целом архипелаге идей, теорий, концепций. Тем не менее Рублёв пытается выделить центральное направление анархистской идеологии — концепт, определявший её эволюцию на протяжении первой половины XX в., первоначально в России, а затем — в рамках анархистского сегмента Русского зарубежья. Он пришёл к вполне обоснованному выводу, что наибольшую популярность среди участников анархистского движения приобрёл синтез анархо-коммунистической программы преобразований со стратегией борьбы, ориентированной на участие в массовых социальных движениях. Фактически речь шла о постепенно сформировавшемся синтезе идей Бакунина и Кропоткина. Не игнорируя другие анархистские течения эпохи, автор показывает их маргинальный характер.

Рублёв пересматривает устоявшиеся в историографии взгляды на такое общественно-политическое течение, как толстовство. Он пришёл к выводу, что толстовство как комплекс идей хотя и пересекалось с анархизмом, но не укладывалось в его рамки. Иногда взаимодействуя с анархистами, толстовские организации не были интегрированы в их движение, развиваясь самостоятельно. В действительности многие толстовцы разделяли «экстархистскую» позицию, рассматривая себя как «внегосударственников», предпочитавших жить в рамках государства свободными сообществами и не пытаясь ниспровергнуть государственный строй. Самостоятельным явлением, пересекавшимся с анархизмом в различных аспектах, но требующим отдельного рассмотрения, автор считает и разного рода богемно-индивидуалистические течения.

В книге показано, как менялось соотношение между различными течениями анархистской мысли и анархистского движения в различные периоды времени. Особенно сложная, разветвлённая и текучая картина складывалась в эпоху Великой российской революции 1917–1921 гг., когда формировались общероссийские политические организации анархистов. При этом часто в состав одного объединения входили представители различных течений анархизма. Так, среди членов Московской федерации анархистских групп (МФАГ) в 1917–1918 гг. можно обнаружить анархистов-коммунистов, анархистов-индивидуалистов, анархо-синдикалистов и пананархистов. Конфедерация анархистских организаций Украины «Набат» придерживалась своеобразной концепции «единого анархизма», представлявшей собой синтез анархического индивидуализма, анархического коммунизма и анархо-синдикализма. Такая же ситуация прослеживается на примере многих общероссийских и особенно региональных организаций.

Анализ организационного строительства анархистов – одно из важных направлений работы автора. Особенно пристальное внимание Рублёв уделяет объединениям, действовавшим во время Великой российской революции. Впервые в историографии он анализирует программные и тактические принципы, структуру и основные направления деятельности МФАГ, Всероссийской федерации анархистской молодёжи, Московского союза анархистов-синдикалистов-коммунистов, Московского союза анархистов, анархо-синдикалистских организаций.

Достоинством книги можно считать то, что в неё включены социально-психологические портреты лидеров движения: И.М. Гейцмана, Я.-В.К. Махайского, М.Г. Никифоровой, С.М. Романова, В.Н. Черкезова и др. Возможно, однако, следовало бы представить и наиболее яркие биографии рядовых активистов движения.

Разумеется, читателю интересно знать не только о том, какие организации и группы существовали и как они представляли будущее развитие общества, но и о том, что они делали. Российский анархизм, как показывает автор книги, отнюдь не был тем сборищем мечтателей-идеалистов, какими нередко воспринимают сторонников безвластия. Это было реальное общественно-политическое движение, которое активно участвовало в бурных исторических событиях, зачастую играя в них весьма важную роль. Рублёв характеризует усилия анархистов по организации забастовок, их место в деятельности ведущих рабочих организаций (Советы, фабрично-заводские комитеты и профсоюзы), в работе кооперативов, в агитации среди военнослужащих и моряков. Особое внимание уделено, конечно же, участию анархистов в крестьянских повстанческих движениях времён Гражданской войны – в первую очередь, Махновщине и Роговщине.

Важным следует считать анализ тех социальных преобразований, которые анархисты пытались проводить в районах, на время оказавшихся под их контролем. Опираясь на работы исследователей из регионов, Рублёв разбирает политический курс анархистов, оказавшихся в разные периоды 1917–1921 гг. «у руля» власти в ряде уездов Центральной России, Сибири и Украины. В ситуации отсутствия у них опоры в виде массовых либертарных союзов трудящихся такого масштаба, какие возникли, к примеру, в Испании (в виде анархо-синдикалистской Национальной конфедерации труда), не имея ни предреволюционного опыта конструктивной работы, ни, наконец, времени для

того, чтобы донести до большинства рабочих и крестьян осознание анархистской альтернативы¹⁰, российские анархисты должны были довольствоваться ролью радикального меньшинства. В резко и быстро менявшихся условиях им зачастую приходилось принимать решения, не вполне соответствовавшие их собственным идеалам.

Рублёв приводит многочисленные факты и примеры социализации анархистами предприятий промышленности, транспорта и добычи природных ресурсов на Украине и в Сибири. Он анализирует деятельность кооперативов, созданных сторонниками анархизма. Но особенно интересен и важен вопрос об экспроприации особняков московскими анархистами осенью 1917 – весной 1918 г. с целью создания социально-культурных центров: этот сюжет раскрыт с использованием уникальных документов из московских архивов. Историк удалось убедительно опровергнуть многие распространённые мифы о «захвате зданий», включая тезис о бандитском характере этих действий, ответственности анархистских организаций за грабежи и широкой инфильтрации в их ряды белогвардейцев.

Периодизация истории анархистского движения России увязана с важными историческими событиями, оказавшими решающее влияние на изменение политической позиции, формирование тактики и стратегии движения. Особенно подробно и детально книга освещает события периода Первой мировой войны и Великой российской революции, а также деятельность анархистов в 1920–1930-х гг. Так, на основе широкого круга источников (следственные дела, воспоминания, доклады политических деятелей и чиновников, листовки, периодическая печать) автор детально реконструирует деятельность петроградских анархистов во время правительственного кризиса в июне–июле 1917 г.

Для послереволюционного времени Рублёв выделяет два этапа развития анархистского движения. Первый – 1922–1953 гг., связанный с его ликвидацией в сочетании с попытками ведения анархистами подпольной и легальной деятельности. Возможно, что этот период стоило бы разделить ещё на несколько отрезков. Как отмечает сам автор, легальные анархистские организации были ликвидированы к концу 1920-х гг., а активная деятельность подполья продолжалась до середины, максимум – до конца 1930-х гг. После этого анархистское движение прекратило организованное существование, и можно говорить скорее об индивидуальной борьбе его отдельных представителей.

История этой борьбы известна нам пока лишь в виде отрывочных эпизодов. Здесь исследователям предстоит кропотливые поиски в региональных и ведомственных архивах. Существуют свидетельства иностранцев, находившихся в советских лагерях в 1940-х гг., о том, что им встречались среди заключённых и анархисты, причём не только старые ветераны, но и молодые¹¹. Кем они были? Думается, историки ещё дадут ответ на этот вопрос.

Следующий этап истории российского анархизма приходится на 1953–1986 гг. Анархисты, уцелевшие в тюрьмах и ссылках, пытались участвовать в общественно-политической борьбе в СССР. В 1960-х – первой половине 1980-х гг. появились оппозиционные молодёжные кружки, в той или иной степени разделявшие и пропагандировавшие некоторые идеи анархизма. Весьма

¹⁰ См.: Дамье В.В. Стальной век: Социальная история советского общества. М., 2013. С. 36–37.

¹¹ См., например, воспоминания бывшего испанского республиканского военачальника-коммуниста В. Гонсалеса («Эль Кампесино») о его пребывании в советских лагерях: *González V. («El Campesino»). La vida y muerte en la U.R.S.S. Buenos Aires, 1951. P. 129.*

часто имел место синтез этих идей с установками марксизма, течения «новых левых», контркультурного пацифизма хиппи. Прямой идейной и организационной преемственности с анархистами прошлого эти группы уже не имели. Их возникновение было связано с совершенно иными условиями и принципиально иной социальной средой: с нарастанием протестных настроений среди советской молодёжи, особенно студентов и учащихся, часто — представителей контркультуры.

Отдельная, во многом новаторская глава книги посвящена истории анархистской эмиграции в 1922–1953 гг. Высылка и отъезд за границу теоретиков и организаторов анархистского движения в 1922–1923 гг. привели к активизации издательской и агитационно-пропагандистской деятельности за рубежом уже действовавших к этому времени русскоязычных организаций анархистов. Первоначально они поддерживали связи с единомышленниками, работавшими на территории СССР, и даже пытались оказывать им помощь. Но к концу 1920-х гг., по мере разгрома групп внутри страны и пресечения советскими спецслужбами любых каналов связи, усиливалась изоляция эмигрантских организаций анархистов. В 1930–1960-х гг. их деятельность проходила уже вне связи с действующим на территории СССР анархистским движением. Одновременно возрастала вовлечённость анархистской эмиграции в политическую жизнь стран Европы и Америки. Постепенно анархистские эмигранты один за другим уходили из жизни, издания прекращались. Традиционный российский анархизм вымирал и в эмиграции.

В период перестройки и затем в современной России снова появились организации и группы, объявляющие себя анархистскими. Автор в сжатом и обзорном виде упоминает о них в последней главе книги. Он отделяет современный российский анархизм от изучаемого им явления. Возрождение движения действительно было связано с совершенно иным социально-экономическим и социокультурным контекстом. Кризис позднего СССР вызвал среди молодых анархистов интерес, скорее, к идеям рыночного социализма, прудонизма, индивидуализма и анархо-капитализма, нежели к анархо-коммунистической традиции, которая преобладала в начале XX в. Подобные тенденции можно проследить в идеологии наиболее крупных анархистских организаций конца 1980-х — начала 1990-х гг. — Конфедерации анархо-синдикалистов и Ассоциации движений анархистов. В 1990-х гг. произошёл отход от анархизма подавляющего большинства его сторонников. Анархо-коммунистическое и анархо-синдикалистское течение в современной России (например, Конфедерация революционных анархо-синдикалистов) до известной степени претендует на «традиционность», но и оно в большой степени опирается на идеи, сформулированные и развитые в мировом анархистском движении уже после разгрома «старого» российского анархизма. Наконец, появляются новые течения анархизма, такие как экоанархизм или анархо-феминизм, связанные с совершенно новой социальной проблематикой и не «пересекающиеся» с идейными традициями прошлых лет. Социальная база «нового» российского анархизма также отличается от той, на которую опиралось исследуемое автором движение. Теперь это уже не рабочие, а молодая интеллигенция и контркультурная молодёжь.

Но несмотря на это, некоторую идейную преемственность проследить всё же можно. Так, наряду с современными европейскими и американскими публицистами, российские анархисты часто обращаются к идейному наследию

Бакунина и Кропоткина, а также продолжателей анархистской традиции — П.А. Аршинова, В.М. Волина, Н.И. Махно. Поэтому всё же резко разделять «старый» и «новый» анархизм нельзя, и автор книги сам это признаёт. А значит, ему следовало бы, вероятно, подробнее рассказать об анархистском движении в позднем СССР и современной России.

Безусловно, в рамках одной монографии, пусть даже более чем 700-страничной, невозможно дать полный обзор всех аспектов теории и истории российского анархизма. В силу этого целый ряд аспектов проблемы представлен фрагментарно или иллюстративно. Это в первую очередь касается вопроса о влиянии анархистских идей на творчество тех или иных литературно-художественных течений. Конечно, стоило бы более подробно показать связь анархистского движения России с единомышленниками в других странах мира. Это помогло бы понять роль, которую сыграли отечественные либертарианцы в становлении международного анархо-синдикализма и в развитии анархистского движения во Франции, США, Аргентине, Уругвае и т.д.

Несмотря на фундаментальный характер работы, её чтение подчас затруднено обилием имён и названий. Стоит пожалеть об отсутствии именного, тематического и географического указателей, а также сводного списка источников и литературы. Думается, не помешала бы и своеобразная «орнограмма» — схема развития организаций и групп российского анархизма, хотя бы в самом общем виде. В тексте заметны серьёзные ошибки редактора и фактическое отсутствие корректорской работы. К сожалению, в наше время это — «общее место» в работе многих издательств. Остаётся надеяться, что при возможном переиздании книги эти недостатки будут исправлены. А пока — пожелаю читателю с интересом и удовольствием прочитать книгу Д.И. Рублёва. Она этого заслуживает!

Пётр Рябов: Первое в России фундаментальное и честное исследование о российском анархизме

Peter Ryabov (Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University, Russia): The first fundamental and honest study in Russia about the Russian Anarchism

DOI: 10.31857/S2949124X2306010X, EDN: NSMUBB

На протяжении последних 35 лет история российского анархического движения исследуется довольно активно. Историки плодотворно продолжают лучшие традиции своих предшественников. Вместе с тем давно назрела потребность в обобщающей монументальной работе. Д.И. Рублёв сумел создать такой труд — панораму анархического движения в России 1900–1950-х гг., в которой традиционные темы занимают лишь сравнительно скромное место.

Автор справедливо отмечает, что ранее в нашей стране существовали либо претендующие на всеохватность, но при этом явно схематичные и идеологически тенденциозные «разоблачительные» книги по истории российского анархизма (например, труды В.В. Комина и С.Н. Канева, призванные показать неизбежный имманентный «крах анархизма» перед лицом победоносного ленинизма), либо работы более объективные, но при этом достаточно фрагментарные (книги В.В. Кривенького, П.И. Талерова, В.Д. Ермакова), либо, нако-

нец, серьёзные и качественные исследования по отдельным вопросам. Рублёв же сумел создать фундаментальную монографию — сочувственную, но в то же время стремящуюся к объективности, в которой российское анархическое движение показано многомерно, подробно, в своей динамике, противоречиях, многоголосой дискуссионности различных течений и личностей, разнообразии социальных идей и практик.

Этому труду предшествовали многолетние более узкие и специальные исследования автора: его диссертационная работа, посвящённая отражению проблемы «интеллигенция и революция» в российской анархистской публицистике конца XIX — начала XX в., многочисленные словарные статьи о ключевых персоналиях российского анархизма, изыскания на тему его связей с литературой первой трети XX в., материалы (включая интервью) об анархистских командирах времён Гражданской войны в Советской России и об участии российских либертариев в Испанской революции, анархистских тенденциях в диссидентском движении, основательная книга о МФАГ в 1917–1918 гг. и отрядах Чёрной гвардии. В данной работе он нередко скрупулёзно сводит воедино, систематизирует и анализирует колоссальный фактический материал (персональный, региональный), собранный десятками предшествующих исследователей, но также вступает и на «целину» исследовательской проблематики. Например, он подробно рассматривает удивительную и трагическую биографию А.Н. Андреева — организатора анархической группы «Свобода внутри нас», создателя неонигилистического течения в анархизме, мужественно пережившего сталинские застенки и в какой-то мере продолжавшего в одиночку анархическую рефлексию ситуации в СССР в период оттепели. Глава же об анархистах-диссидентах — первая систематическая попытка дать описание либертарных активистов в СССР в 1950–1970-х гг.

Исследование удачно сочетает изложение фактов с анализом и обобщениями, герменевтическую зоркость вовлечённости — с критичностью отстранённого взгляда, описание динамики и социального портрета анархического движения — с биографиями его ключевых фигур. Подробно охарактеризованы этапы развития и гибели анархизма в России с начала до середины XX в. Повествование дополнено краткими экскурсами в историю анархической эмиграции, сведениями об участии анархистов в диссидентском движении. Важна первая глава книги — о предшественниках и истоках либертариев России XX в., хотя история российского анархизма в XIX в. (штирнерианцев, прудонистов, «южных бунтарей», «землевольтцев» и «чёрнопередельцев») и место анархизма в народничестве обозначены лишь декларативно. Наиболее беглая и схематичная — последняя глава, посвящённая современному анархическому движению, начиная с перестройки. Здесь кратко намечены основные событийные вехи и даны весьма дискуссионные авторские оценки. Впрочем, по справедливому замечанию Рублёва, эта тема заслуживает отдельного монографического исследования и относится к ведению не только историков, но и публицистов, мемуаристов, а также социологов и философов.

Каждую главу предваряют и украшают эпиграфы: поэтические строки анархистов или отрывки из их воззваний. Текст не перегружен цитированием, почти за каждым приводимым тезисом или описываемым событием стоят ссылки на источники, указанные в обширных примечаниях. При этом многие документы — листовки, воспоминания, письма, публицистика, либертарный самиздат — вводятся в научный оборот впервые. Большое место занимает ана-

лиз дискуссий внутри движения (по вопросам стратегии и тактики, террора, экспроприаций, форм организации, «переходного периода», синдикализма, отношения к Первой мировой войне, большевистскому режиму и «платформизму»). Рублёв уделяет должное внимание характеристике социального состава участников, исследованию его динамики. Он прослеживает эволюцию различных течений и организаций, выявляет разногласия и общие тенденции в среде анархистов. Колоссальный материал удачно дополняется обобщениями и размышлениями.

Автор убедительно раскрыл региональную специфику развития анархического движения, весьма неравномерно действовавшего на просторах Российской империи, а затем в СССР. Были регионы, где анархисты устойчиво имели довольно значительную поддержку, оказывали заметное (хотя редко решающее) влияние на общественную жизнь, а их группы включали в себя многие десятки и даже сотни человек. Так обстояло дело в некоторых частях Сибири, Алтая и Урала, на Дону, в Польше, Кронштадте, Белостоке, Екатеринославе, Одессе, Черемхове, Брянске, Гомеле, Тверской губ., отчасти в Тифлисе и Баку. В других частях страны анархисты себя практически не проявляли (характерно, что в книге почти ничего не говорится о немногочисленном и слабом, едва представленном отдельными группами и лицами, анархическом движении в Средней Азии, Финляндии, на Дальнем Востоке или в Бессарабии).

Разумеется, значительное место уделено двум важнейшим направлениям деятельности анархистов. Во-первых, внешней («официальной») стороне движения (съезды, резолюции, заявления, течения, расколы, идейная полемика, отношение к политическим партиям и власти, программные документы). Во-вторых, практическим действиям героев его книги. Рублёв анализирует их издательскую и просветительскую работу, участие в Советах, кооперации, профсоюзах, фабзавкомах, повстанчестве, активность в мировом анархическом движении. Немало места отведено в книге раскрытию таких сюжетов, как роль анархистов в организации террористических актов и экспроприаций, участие членов их групп в восстаниях, стачках и баррикадных боях, а также немногочисленные попытки проведения социальных преобразований на подконтрольных анархистам территориях (Гуляй-Поле, Черемхово, Тверская губ.). При этом показаны судьбы и столкновения незаурядных личностей (включая таких неоднозначных и колоритных персонажей, как Мария Никифорова или Мишка Япончик), взаимоотношения рядовых участников и лидеров. Раскрывается мотивация их действий: в одних случаях это разочарование и отход от товарищей, в других — сохранение верности своим идеалам вопреки внешним обстоятельствам.

Вполне очевидное сочувствие автора ко многим «действующим лицам» книги, позволяя лучше понять их и предоставить им «право голоса» в современном мире, вместе с тем, как правило, не становится поводом для замалчивания их ошибок, внутренних конфликтов, мелочных дразг, негативных сторон их деятельности и не ведёт к слепому возвеличиванию. Так, без прикрас, ярко и откровенно показана буквально самоубийственная и бесчеловечная практика «безмотивного террора» части «чернознамёнцев», кидавших бомбы в «буржуазные» кафе. Столь же непредвзято характеризуются интриги, политиканство и нечистоплотные манёвры главного «советского анархиста» А. Карелина, стремившегося к сговору с большевиками и личному доминированию в движении. Критически анализируется массовое ренегатство большинства вождей

анархистов (Аршинова, Гроссман-Рощина, Сандомирского, Шатова, Ярчука), по разным причинам (от идейных до карьерно-прагматических) перешедших в лагерь победителей, своих идейных оппонентов. Некогда прикрывшие революционной полуанархической риторикой тотальную этактистскую контрреволюцию, осуществлённую большевистской диктатурой, они порой достигали заметных постов, однако позднее многим не удалось избежать репрессий.

Не обходит вниманием Рублёв и столь щекотливую для либертарного движения тему, как смешение анархического движения времён Великой российской революции с уголовными элементами. Напротив, он весьма тщательно, предметно и подробно рассматривает этот сюжет, деконструируя при этом господствующие до сих пор стереотипные представления о преобладании в анархо-среде уголовников. Подробно описав разгром анархистов большевиками в Москве и других городах в апреле 1918 г. (когда под предлогом «доминирования уголовников» ленинисты закрыли анархические клубы и издания, разоружили черногвардейские отряды и расправились со многими активистами) и разобрав причины, характер и смысл этих репрессий, ставших роковыми в судьбе движения, автор сделал вполне обоснованный вывод: «Таким образом, анархисты были подвергнуты социальной стигматизации и криминализированы в глазах широких слоёв населения» (с. 321).

Анархическое движение России в изображении Рублёва отнюдь не выглядит безлико-монолитным. В первых главах книги в текст повествования органично вплетены портреты ключевых деятелей либертарного движения — мыслителей, публицистов и наиболее выдающихся практиков. Эта галерея включает портреты Ф. Косого, Л. Мечникова, Н. Ножина, Н. Соколова, М. Бакунина, Л. Толстого, П. Кропоткина (центрального и наиболее любимого героя книги — не случайно именно его портрет украшает обложку, а к его судьбе автор обращается неоднократно и всегда с глубоким восхищением), Я.-В. Махайского¹², В. Черкезова, А. Атабекяна, Г. Гогелиа, М. Гольдсмит, Л. Фишелева (М. Раевского), И. Книжника (Ветрова), Д. Новомирского, А. Карелина, В. Поссе, С. Романова, И. Гроссмана, А. Борового, И. Гейцмана, П. Турчанинова (Л. Чёрного). Биографические вкрапления весьма уместно дополняют основное содержание книги, позволяя увидеть многообразие личностей, а не анонимные безликие «идеи» и «течения». Но, к сожалению, этот ряд биографий по неясным причинам обрывается в середине монографии — в том смысле, что они часто доведены лишь до конца Первой российской революции, а что касается новых поколений анархистов, начиная с 1914 г., то они вообще не представлены (за редкими, но важными исключениями — М. Никифоровой и А. Андреева). На мой взгляд, приведённый выше перечень знаковых имён было бы неплохо дополнить и некоторыми другими видными деятелями российского анархизма, которые часто упоминаются, но не удостоились самостоятельных «портретных зарисовок». Это — В. Зайцев, С. Бардина, З. Ралли, В. Волин, Ю. Жук, Н. Каландаришвили, А. Гордин и Г. Максимов.

Центральное место (280 страниц, т.е. почти половину книги) занимает невероятно бурный и насыщенный событиями период Великой российской революции 1917–1921 гг., когда анархическое движение пережило корот-

¹² Безоговорочное причисление Махайского и его последователей к анархическим мыслителям сомнительно, учитывая его отрицательное отношение к анархизму.

кий расцвет, за которым последовал разгром. Рублёв подробно, обстоятельно и честно, с множеством ценных примеров, исследует внутреннюю динамику анархического движения, его рост (отстававший от подъёма стихийного анархизма масс), причины поражений, неудачные попытки объединения, различия между «советскими анархистами», пошедшими на сделку с большевиками как «меньшим злом», и «анархистами подполья», которые бескомпромиссно вели войну с белой и красной контрреволюцией.

Убедительно показано, что в период массовых подъёмов народного социального движения (самоорганизующегося через фабзавкомы, кооперативы, Советы, повстанческие отряды, домовые комитеты и не доверяющего ни любым формам этатизма, ни буржуазным ценностям и институтам) анархисты, не поспевавшие за водоворотом событий, одновременно получали широкую поддержку и шансы на переход к практическому осуществлению своих идеалов. Однако при этом они почти всегда были вынуждены идти на значительные компромиссы, выбирая «меньшее зло», предлагая на практике осуждаемую ими же в теории «программу-минимум переходного периода». При этом, конечно, для заигравшихся в «реальную политику» активистов с нетвёрдыми убеждениями всегда возникал существенный риск предать анархические идеалы, например, растворившись в большевистском режиме. Мне представляется, что было бы полезным дополнить рассказ об анархическом движении (в узком смысле слова) в эти революционные годы рассмотрением и анализом стихийного анархизма массовых движений. Не случайно многие историки называют эту революцию «революцией самоуправления»: с актами прямого действия (включая захват фабрик и заводов или уход частей с фронта), развитием всех форм самоорганизации, всеобщим явочным вооружением народа и игнорированием широкими массами как идей реставрации самодержавия, так и представительной демократии и институтов частной собственности. Это вполне гармонировало с идеалами анархизма, но в то же время сочеталось с элементами вождизма, патриархализма и локализма, позволившими большевикам задушить народную анархическую революцию.

При всех очевидных и бесспорных достоинствах рассматриваемой книги, разумеется, можно указать на дискуссионность некоторых её идей, а также выразить автору ряд пожеланий. Для воссоздания максимально цельной картины изучаемого явления и связанных с ним событий было бы желательно уделить больше внимания разнообразным факторам влияния российского анархизма на культуру (литературу, живопись, научную, религиозную и философскую мысль), а также философским концепциям отечественных анархистов. Всесторонний анализ их связей, в том числе в контексте общения с зарубежными соратниками на международных анархических конгрессах, поможет более отчётливо прояснить место российского анархизма в мировом движении. Уместен был бы, например, рассказ о русских анархистах — участниках Парижской коммуны и итальянских восстаний 1870-х гг. Новые грани темы можно высветить, используя сравнительно-исторический метод. Так, интересно было бы сопоставить «безмотивный террор» в России с западной «равашолевщиной». Или, например, «безначальцев» — с французскими анархо-индивидуалистами начала XX в. Ещё один перспективный ракурс исследования — проведение исторических параллелей между российскими анархическими дискуссиями (о синдикализме, а также оборончестве и интернационализме в период Первой мировой войны) и соответствующими зарубежными полемиками.

В книге многие эпизоды истории российского анархизма (например, борьба вокруг дачи Дурново в Петрограде, занятой анархистами, летом 1917 г., или разоружение чекистами отрядов Чёрной гвардии в Москве 12 апреля 1918 г.) описаны и проанализированы весьма подробно и основательно, тогда как другие, также значительные и существенные, в лучшем случае едва упомянуты. Это, к примеру, участие анархистов в разгоне Учредительного собрания; их отношение к Брестскому миру; упорное и принципиальное противодействие растворению большевиками движения фабзавкомов в огосударствлённых профессиональных союзах в начале 1918 г.; организация и проведение траурного шествия во время похорон Кропоткина в феврале 1921 г. (тогда в последний раз под чёрными знамёнами легально собрались тысячи людей), а также учреждение Всероссийского комитета по увековечиванию его памяти и успешная борьба за освобождение (на один день) из Бутырской тюрьмы группы анархистов для прощания с их идейным вождём; активное участие в работе Всероссийского общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев и в знаменитой Вольной философской ассоциации; деятельность толстовских обществ и коммун, просуществовавших до 1930-х гг.

Хотя большинство выводов Рублёва весьма основательно и убедительно аргументированы, некоторые из них всё же вызывают сомнения. Так, говоря о взглядах Кропоткина в 1917–1918 гг., автор утверждает: «Хотя политическая позиция Кропоткина в этот период его жизни и творчества отличалась умеренностью, но не может рассматриваться как разрыв с анархизмом. Прежде всего, он не только не рассматривал анархо-коммунистическую модель как недостижимую, но не высказывался даже в пользу “переходного периода” к анархо-коммунистическому обществу». Далее же, прямо противореча себе, он констатирует, что Кропоткин, «осознавая невозможность немедленной реализации анархо-коммунистической программы... сосредоточился на поддержке прогрессивных реформ, которые создали бы условия для строительства безвластного общества» (с. 211–212). Что это, если не фактическое признание «переходного периода» и реформ? Интересно, что желательность анархического коммунизма «когда-нибудь», предваряя его «диктатурой пролетариата», признавали и марксисты; но не только их, но и антиэтатистов — славянофилов, Герцена или даже толстовцев Рублёв не согласен считать анархистами.

Далее фиксируется кропоткинское предложение на Государственном совещании в августе 1917 г. провозгласить Россию «демократической федеративной республикой с парламентом для каждого “штата”». Несомненно, это требование отнюдь не анархическое, а радикально-демократическое, но вполне государственническое и «переходное». Наконец, такие известные факты, как последовательное оборончество Кропоткина, его полуизоляция от анархического движения в те годы и тесное сотрудничество с правыми социалистами (в рамках Лиги федералистов и не только) вряд ли позволяют считать обоснованными утверждения, что и в последние годы жизни он в полной мере оставался коммунистическим анархистом. Разделяя прежнюю систему ценностей и стратегическую перспективу либертарного социализма, как и многие полуанархические авторы, вроде Герцена или Фурье, на практике Пётр Алексеевич от них отошёл (если, конечно, исходить из тех довольно жёстких критериев анархизма, которые заданы и неоднократно проговариваются автором книги).

Впрочем, мне представляется, что Рублёв несколько искусственно зауживает понятие об анархизме, фактически отождествляя его с анархо-коммунизмом

и при этом рассматривая лишь как социально-политическую программу, но не как систему ценностей, мировоззрение или тип политического сознания. Это заставляет его сомневаться в принадлежности к анархизму Л.Н. Толстого и толстовцев¹³ или новейших российских либертарианцев 1990–2000-х гг. При этом Рублёв относит к анархическому движению, например, махаевцев. Такой подход, мягко говоря, дискусионен. Однако любая попытка «точно определить анархизм», предложив однозначные и строгие критерии этого многомерного явления, вот уже 200 лет неизбежно заканчивается неудачей¹⁴.

Феномен анархизма можно рассматривать и осмысливать, во-первых, как личное мировоззрение, систему ценностей и координат; во-вторых, как ряд философских и этических учений; в-третьих, как социальную и (анти)политическую программу и связанную с ней «утопию» (в смысле альтернативы данному состоянию общества); в-четвёртых, как социокультурное движение, субкультуру, совокупность организаций и активистов. В книге Рублёва трактовка анархизма ограничивается почти исключительно третьим и четвёртым из названных ракурсов, что и обусловило многие оценки и акценты.

Что же касается не тематических, а хронологических границ исследования, то исходный тезис автора об обособленности и гомогенности российского анархизма первой трети XX в. в отношении к его предшественникам и последователям в целом верен, но нуждается в некоторых существенных дополнениях, смягчениях и уточнениях. Анархическому движению в России в высшей степени присуща «волнообразность» ритмических колебаний: будучи неразрывно связанным с общественными настроениями, оно набирает силу и обновляется в моменты революционных подъёмов и, напротив, спадает, замирает или вообще исчезает в долгие периоды реакции и общественного упадка. В истории российского анархизма можно выделить четыре волны. Первая, тесно связанная с народничеством, эпохой реформ и их сворачиванием, приходится на 1850–1870-е гг. Вторая совпадает со взлётом Первой революции (1903–1907 гг.). Третья, наиболее масштабная, связана с революцией 1917–1921 гг. Наконец, четвёртая – возрождение анархизма в СССР и его развитие в постсоветском мире – инициирована эпохой перемен 1987–1991 гг. И если вторую и третью волны анархического движения разделял всего десяток лет (к тому же они были тесно связаны генетически, организационно и даже персонально), то вторую от первой отделяли уже два десятилетия, и они, будучи идейно родственны и преемственны через несколько фигур ветеранов – Кропоткина, Черкезова, Гольдсмит, Атабеяна, – вместе с тем существенно отличались друг от друга. Дистанция же в 60 лет между третьей и четвёртой волнами означает разрыв преемственности и практически полное обновление анархической традиции в СССР на исходе XX в.

Книга Рублёва посвящена почти исключительно второй и третьей волнам либертарного движения. Анархизм XIX в. (от прудонистов-шестидесятников до бакунистов-семидесятников), а также современный анархизм в странах СНГ нуждаются ещё в двух отдельных томах монографических исследований, которые могли бы органично дополнить рассматриваемый труд. Следовательно, сосредоточение внимания автора именно на анархизме первой половины XX в.

¹³ Тогда как крупнейшая современная исследовательница толстовского движения уверенно констатирует его «анархичность»: *Гордеева И.А.* «Толстовцы» как анархисты // Прямухинские чтения – 2015: Анархизм – учение радости! Прямухино, 2016. С. 145–166.

¹⁴ См.: *Кинна Р.* Никакой власти: теория и практика анархизма. М., 2022. С. 17–20.

оправданно. При этом всё-таки досадно, что об анархистах, преобладавших в народническом движении вплоть до появления «Народной воли», в книге сказано совсем немного (с. 39). Некоторые возражения вызывает также чрезмерное отделение автором второй и третьей волны от первой и четвёртой¹⁵ и представление об отечественном анархизме начала XX в. как некоем самодостаточном «эталоне» анархического движения. При этом недооценены разнообразие и взаимосвязь «анархизмов», а также значимость первой и четвёртой волн.

Тем не менее качественно новые результаты труда Рублёва представляются исключительно значимыми и ценными, поскольку создают мощный фундамент для дальнейших исследований анархизма в нашей стране.

Иван Аладышкин: Старая и добрая история российского анархизма
Ivan Aladyshkin (Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Russia): The good old history of Russian Anarchism

DOI: 10.31857/S2949124X23060111, EDN: NSQBVI

Казалось бы, в настоящее время недостатка в работах по анархизму нет. Наоборот, судя по количеству издаваемой литературы, посвящённой как отечественным, так и зарубежным поборникам идеи безвластия, наблюдается своеобразный всплеск публикационной активности. Авторы обращаются к исследованию малоизвестных страниц истории российского анархизма, осуществляют републикации произведений многих его теоретиков, выпускают сборники документов. Стал широко доступен колоссальный массив соответствующей периодики. Весь этот разрозненный материал требовал обобщения с целью перехода на новый этап в осмыслении истории российского анархизма, приближения к более адекватному и целостному представлению о сущности этого общественно-политического феномена.

В чём же новизна очередного труда и своеобразного итога многолетней работы Д.И. Рублёва над различными аспектами заявленной проблематики? Книга состоит из введения, 12 глав и заключения. Раскрываются сменяющие друг друга периоды развития движения (за исключением главы об анархистской эмиграции, несколько нарушающей чёткую хронологическую последовательность). Такое деление выглядит оправданным в свете авторского стремления к комплексной реконструкции истории российского анархизма как «целостной теоретической традиции» с определённой преемственностью и общими специфическими чертами. В то же время избранный подход оказался одним из главных проблемных моментов книги, заметно осложняющим её восприятие.

Дело в том, что очевидное читателю структурное деление материала сводится лишь к хронологической последовательности. При этом объём публикации по сравнению с трудами предшественников заметно вырос за счёт ранее неизвестных и редко вводимых в оборот документов, а также отсылок к значительному массиву исследований. Главы пространны, отсутствие внутренней

¹⁵ Рублёв даже называет временем «появления первых организаций анархистов на территории Российской империи» лишь 1901–1902 гг. (с. 64), рассматривая, очевидно (и неправомерно!), предшествующие многочисленные и влиятельные анархические народнические группы, кружки и организации всего лишь в качестве предтеч и предистории «настоящих» анархистов.

разбивки на разделы с характерной для автора страстью к деталям заметно осложняет ориентацию в потоке имён, дат и описываемых событий. Это не так страшно тем, кто, как говорится, «в теме» и имеет общее представление о рассматриваемой истории, но несведущему читателю заранее сочувствуешь. Создаётся впечатление, что книга написана специалистом для специалистов, и характер изложения только подчёркивает её элитарный дух.

Страсть к деталям присуща многим историкам и, в случае с Рублёвым, она впечатляет в небольших работах об отдельных страницах истории анархизма. Однако в объёмной монографии, посвящённой столь многогранной теме, эту страсть следовало бы подчинить жёсткому критическому отбору материала. Между тем автор слишком увлечён темой и порой его подход к селекции информации основывается, прежде всего, на степени представленности имён и событий в иных работах по истории анархизма. И уж если Рублёв располагает биографическими данными активистов российского анархизма, обойдённых вниманием исследователей, то следовало бы сделать пространные отступления и несколько страниц посвятить описанию их жизненного пути (как в случае с С. Романовым, И. Гейцманом или Л. Фишелевым). Однако при написании общей истории российского анархизма это не всегда оправдано. В результате происходят «разрывы» повествования, а главное – смещение приоритетов, когда даже отдельные ключевые фигуры порой оказываются в тени.

Не стоит списывать обилие цитат, выдержек из документов, биографических справок исключительно на культ «фактов», хотя дух его в книге вполне очевиден. Предлагаемый автором вариант нарратива можно рассматривать как возрождение в отечественной историографии анархизма повествовательного подхода (в противовес тенденции к увлечению авторскими оценками, взглядами и концепциями). При этом Рублёв стремится не просто к изложению фактов и максимально точной передаче содержания источников, но к истории без схематизации, без отступлений, без ломки исторической процессуальности. В результате же, например, сведения об организационной структуре, численности, социальном составе анархистских организаций приводятся в общем контексте, спорадично и не всегда в соответствии с общими принципами изложения. И без того сложный для восприятия нарратив отягчается отсутствием дополнительных справочных материалов или приложений (с классификацией течений, списками организаций и т.д.). К сожалению, нет именного указателя. Нет и характеристики источниковой базы, а этого очень не хватает, так как автор собрал богатейший материал.

К недостаткам работы можно отнести и то, что анализ программных и теоретических оснований различных течений и организаций российских анархистов не выделен структурно, не сбалансирован по объёму. Ряд конструктивных проектов социальных преобразований, как правило, коммунистического либо синдикалистского толка, рассматривается довольно подробно. На этом фоне иные анархизмы (например, индивидуалистический или мистический) практически неразличимы. Гермафродитизму одного из известных анархистских командиров времён Гражданской войны – Маруси (М.Н. Никифорова) уделено куда больше внимания, нежели воззрениям апологетов анархо-индивидуализма. Анализ теоретических основ привязан, скорее, к тактике и актуальной политической повестке движения, что лишь усиливает фрагментарность, раздробленность репрезентации идеологических положений, общего движения анархистской мысли и развития её ключевых направлений.

Сосредоточенность преимущественно на событийной истории, когда связь между событиями задаётся во многом хронологической последовательностью, рождает ассоциации с хроникой. Действительно, среди относительно цельных историй российского анархизма работу Рублёва отличает более подробное и в известном смысле связное изложение событий. Но порой оно недостаточно систематизировано и обобщено, что особенно заметно в главах, посвящённых годам революций (главы 3, 7, 8). При этом очевидным преимуществом монографии, во многом оправдывающим упомянутые недостатки, оказывается реконструкция на богатом документальном материале истории тех периодов российского анархизма, которые ранее затрагивались очень кратко либо вообще оставались «за кадром».

Весомые фактологические дополнения, углублённый анализ дискуссий в среде анархистов, программных положений их организаций заметны во всех главах. Особенно следует отметить обзоры и оценки полемики в анархистской среде по вопросам отношения к Первой мировой войне (глава 5) и революционному процессу в 1917–1921 гг. (главы 6–8), а также разработку отдельных сюжетных линий, связанных со стратегией и тактикой ряда анархистских организаций.

Важнейшим достоинством книги, определяющим её безусловную ценность, стали разделы о советской эпохе (середина 1920-х – 1980-е гг.), а также о периоде анархистской эмиграции (1922–1966). Некоторые сведения об этом присутствуют в более ранней историографии. Здесь же впервые приведён впечатляющий своей обстоятельностью обзор истории анархизма и его сторонников в СССР и за его пределами. Материалы только упомянутых глав вполне можно рассматривать в качестве отдельной монографии. Между тем автор успешно вписывает их в общий контекст российского анархизма.

Книгу Рублёва можно считать продолжением предшествующих ей обобщающих исследований В.Д. Ермакова и В.В. Кривенького, что в очередной раз доказывает «живучесть» модели реконструкции прошлого анархизма, сложившейся в отечественной историографии. Эта модель, по сути, определяет основное русло научных изысканий на протяжении многих лет. Отклонения от неё довольно редки и встречаются преимущественно на периферийных участках изучения эволюции анархизма, привлекая внимание прежде всего специалистов, углубляющихся в изучение философских, культурологических, лингвистических и других нюансов наследия отечественных апологетов безвластия. Уже для первых его исследователей, а затем и советских историков была характерна сосредоточенность на анализе революционной практики анархо-коммунистов и синдикалистов. При этом мирные, литературные формы антиэтатизма, далёкие от рабочей или крестьянской массы, не вызывали особого интереса. Схожая расстановка приоритетов просматривается и во всех последующих объёмных работах по истории анархизма в России.

Исследование Рублёва не стало исключением. Введение к монографии открывается фиксацией двух событий, заставивших «многих, в том числе и многочисленных претендентов на власть», заговорить о героях книги (с. 6). Показательно уже то, что речь идёт не об идеях, людях и даже не о движении, а о событиях. Выбор последних, очевидно, также не случаен: выделяются выступление Н.И. Махно против политики большевиков и покушение анархистов на В.И. Ленина. Возможно, подобный подход обусловлен стремлением Рублёва привлечь внимание к предлагаемому нарративу и несколько актуализировать

его. Бесспорно, оба события – знаковые. Но вряд ли их можно назвать ключевыми для российского анархизма в целом, а «многие» говорили о нём и до, и после упомянутых событий 1919 г. Да и зачем делать такие очевидные акценты на борьбе с большевистским режимом? Буквально через несколько страниц автор заявляет об отказе от рассмотрения анархизма с позиций тех или иных политических сил, с позиций «победивших» либо «проигравших». Однако выделенные фрагменты эпохи Гражданской войны акцентируют внимание не на исторических альтернативах (как, судя по всему, полагал исследователь), а на той же дилемме победителей и побеждённых. Подчеркну, что сегодня эти события уже не имеют прежнего значения в истории российского анархизма. Они были намного важнее для советских историков в их традиционных описаниях противостояния анархистам.

Российский анархизм – предельно эклектичный феномен. Кардинальные трансформации движения в силу изменения социокультурных условий его существования в столь нестабильном и динамичном XX столетии, поразительное многообразие порой плохо согласующихся между собой «анархизмов» и форм их активности – всё это нередко приводит в замешательство. Действительно, мистический анархизм, укоренённый в декадентской эстетике, имеет мало общего с анархо-коммунизмом, а глубоко религиозное толстовство с его принципами ненасилия плохо вяжется с Махновщиной. Но повышенное внимание к действию и скромный анализ теоретических основ с игнорированием литературных форм анархизма приводили к тому, что долгое время из сферы интересов историков «выпадал» чуть ли не весь неклассический извод изучаемого явления, в корне отличавшийся от образа мыслей и действий сторонников анархо-коммунизма. К тому же в отношении многих течений в российском анархизме не эффективны стандартные принципы анализа с фиксацией числа сторонников и групп, периодических изданий, тиражей отпечатанных листовок, совершённых терактов, экспроприаций и т.п. Заметное изменение и расширение историографических практик за последние десятилетия даровало надежду на возможность качественного обновления нарратива, самого характера репрезентации истории российского анархизма. Однако Рублёв со всей очевидностью следует устоявшейся научной традиции.

Сохранение в рецензируемой книге прежнего ракурса освещения судьбы анархизма неизбежно воспроизводит и прежнюю диспропорцию в освещении различных составляющих движения. Приоритеты авторского внимания очевидны уже по заголовкам структурных частей книги. Так, третья глава отведена периоду Первой российской революции, но в её названии – «Расширить борьбу и направить её одновременно против капитала и против государства (1905–1907 гг.)» – использована цитата из выступления Кропоткина на страницах органа анархо-коммунистов «Листки “Хлеб и воля”»¹⁶. Какое отношение эти призывы имели к ряду анархо-индивидуалистов, мистическим анархистам, представителям иных течений в анархизме либо в разной степени сочувствующих ему, коих также было не мало? Заголовок следующей главы – «Экспроприаторы, подпольщики, эмигранты (1907–1914 гг.)» – заметно сужает круг лиц, причастных к анархизму. Становится ясно, что практически всё, что не вписывается в стандартные параметры революционной борьбы, отходит на вто-

¹⁶ Кропоткин П. Революция политическая и экономическая // Листки «Хлеб и воля». 1906. 30 октября. № 1. С. 3.

рой и третий план, а если и упоминается, то кратко и вскользь, как нечто малозначительное.

Безусловно, ни одно из течений неклассического анархизма не сопоставимо с масштабами распространения анархо-коммунизма или ролью Махновщины в Гражданской войне. Между тем, например, с мистическим анархизмом в разной степени оказались связаны имена таких ключевых писателей и деятелей культуры Серебряного века, как Вяч. Иванов, Ф. Сологуб, Н. Бердяев, Д. Мережковский и др. Все мирные и преимущественно литературные течения в анархизме остаются его неотъемлемой частью, а главное, они во многом определяют своеобразие именно российской истории рассматриваемого феномена. Трудно представить, где ещё могло бы произойти смешение идеалов соборности с анархистской проповедью безвластия и где ещё мог бы появиться анархо-биокосмизм. Авторское стремление к реконструкции истории отечественного анархизма как «целостной теоретической традиции» оборачивается заметным сужением «оптики» анализа. Логика повествования и все выводы, по сути, «привязаны» к деятельности сторонников анархо-коммунизма и синдикализма, что упрощает неоднозначное и многоликое явление. Концентрация же внимания прежде всего на политических аспектах движения не позволила автору выйти на более широкий – социокультурный – уровень оценки анархизма и его общественного влияния. По крайней мере, практически не анализируется широкое распространение антиэтатистских и проанархистских настроений в российском обществе. Конечно, эти вопросы могли бы стать темой отдельного исследования, но при чтении книги Рублёва подчас складывается впечатление существования лишь непосредственно самих анархистов, а также их политических оппонентов и защитников соответствующего режима. Кстати, в последних главах практически исчезают и упомянутые оппоненты с защитниками.

Вопросы о специфике и своеобразии истории анархизма в России XX в., о том, что же превращает его именно в российский анархизм, по-прежнему остаются мало востребованы в обобщающих исторических исследованиях. Некоторым исключением можно считать довольно спорный «Краткий очерк истории русского анархизма» П.В. Рябова, вышедший вслед за рассматриваемой монографией¹⁷. Но автор книги – философ, а сам очерк далёк от научно-исторического анализа в строгом его понимании. Историки же сохраняют верность устоявшимся сугубо фактологическим принципам ретроспективного анализа деятельности отечественных поборников идеалов безвластия. Судя по всему, Рублёв, прекрасный знаток источниковой базы, также не ставил перед собой задачи качественного изменения принципов репрезентации или ракурса освещения истории российского анархизма. Он сознательно сфокусировался на расширении событийного ряда, введении в оборот новых материалов, исправлении ошибок и огрехов предшественников, а главное, качественном дополнении уже известных и открытии новых страниц истории борьбы за идеалы безвластия. Таким образом, безусловно заслуживающая внимания книга представляет собой значительно расширенную, но знакомую и привычную старую добрую историю российского анархизма.

¹⁷ *Рябов П.В.* Краткий очерк русского анархизма. От Феодосия Косого до Алексея Борового. М., 2020.

Николай Герасимов: Объять необъятное

Nikolai Gerasimov (Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad, Moscow, Russia): Embrace the Unbounded

DOI: 10.31857/S2949124X23060123, EDN: NSUINY

Российский анархизм XX в. относится к числу наиболее сложных тем в истории научного гуманитарного знания. Деятельность отечественных анархистов изучалась не только в России, но и за рубежом. При этом обстоятельстве, сопутствовавшие исследованиям, не всегда способствовали достоверной репрезентации исторических фактов. Советская историография часто тяготела к воспроизводству идеологических штампов (особенно в трактовке феномена Н.И. Махно) и, как правило, подчёркивала противостояние большевиков и анархистов, акцентируя «заблуждения» русских либертариев. Отечественный философ и историк П.В. Рябов, рассуждая о концептуальной истории анархизма, совершенно верно заметил, что большинство работ, опубликованных в СССР, носили «опистательный и фрагментарный характер», что исследователи «за деревьями не видели леса». Даже в конце 1980-х гг., когда цензура ослабла, в Советском Союзе всё ещё выходили монографии про анархистов – сторонников «мелкобуржуазной идеологии». Например, у С.Н. Канева в книге «Революция и анархизм» читаем: «Анархистские теории революции со свойственным им заигрыванием с крайней революционностью не раз вводили в заблуждение революционных борцов, хотя всегда были разновидностью мелкобуржуазной, мнимой революционности»¹⁸.

Когда Н.А. Бердяев писал, что «анархизм – явление русского духа», он вряд ли мог представить ситуацию, что именно в «стране безграничной свободы духа» изучение творческого наследия русских анархистов будет ограничено строгими идеологическими рамками¹⁹. Но в СССР нашлись такие исследователи. Например, Н.М. Пирумова²⁰ старалась работать в рамках беспристрастного исторического анализа. К сожалению, подобные случаи редки.

В свою очередь европейские и американские историки, за некоторым исключением (Дж. Вудкок, П. Аврич, К. Вард), на мой взгляд, не поняли сложности изучаемого ими явления. Они крайне редко обращались к архивным фондам в России, ещё реже – искали контакты с русскими анархистами-эмигрантами. В этой связи уместно вспомнить письмо Вудкока к анархо-синдикалисту Г.П. Максимову, который помогал английскому историку при работе над книгой о Кропоткине²¹. Впрочем, ситуация с публикациями западноевропейских коллег в ряде случаев и сейчас остаётся на том же уровне. Например, даже такая влиятельная исследовательница, как Р. Кинна, редактор известного журнала «Anarchist studies», интегрирует социальные явления из истории российского анархизма XX в. в общую палитру истории международного леворадикального движения весьма грубо, не учитывая множество фактологических нюансов,

¹⁸ Канев С.Н. Революция и анархизм... С. 31.

¹⁹ Бердяев Н.А. Анархизм – явление русского духа // Анархизм: pro et contra. Социально-политическое явление глазами его российских сторонников, критиков и отечественных учёных-исследователей. Антология / Сост. П.И. Талеров. СПб., 2015. С. 264, 267.

²⁰ Пирумова Н.М. Пётр Алексеевич Кропоткин. М., 1972; Пирумова Н.М. Письма и встречи: Переписка П.А. Кропоткина с В.И. Лениным // Родина. 1989. № 1. С. 26–31.

²¹ PISH. G.P. Maksimov Papers. Arch. 00852. Inv. Nr 3. 10–23 p.

связанных со спецификой поведения тех или иных анархистских групп в России²². В эпоху противостояния СССР и Запада ни о какой глобальной интеграции сообщества экспертов, занимающихся радикальными «левыми», не могло быть и речи.

В 1990-х гг. первые отечественные фундаментальные исследования по истории анархистского движения появлялись во многом «с нуля». Вехами в осмыслении темы стали монографии В.Д. Ермакова, заложившие фундамент для последующих масштабных публикаций. Тогда же значительно продвинулось изучение участия анархистов в Гражданской войне 1917–1921 гг.²³ В 2010-х гг. с выходом монографий П.И. Талерова и В.В. Кривенького ситуация улучшилась, однако по ряду причин эти исследования нельзя назвать «прорывными». Книга Талерова страдает излишними обобщениями, а у Кривенького встречается однозначная оценка явлений, которые, на мой взгляд, и по сей день остаются дискуссионными.

Выход книги Д.И. Рублёва, как бы это странно ни прозвучало, оказался предсказуемым. В экспертном сообществе давно царило особое настроение — ожидание, что кто-то из специалистов возьмёт на себя труд обобщить опыт предшествующих исследований и подарит академическому миру масштабную историю деятельности отечественных либертариев в эпоху тоталитарных режимов и мировых войн. Задачи такого исследования вполне очевидны: с опорой на архивные документы «проложить мосты» между отдельными сегментами уже имеющегося знания; проверить большинство гипотез и предположений, высказанных на научных конференциях в 2000-х гг. Нуждались в специальной разработке такие темы, как российская анархистская эмиграция в Европе и Америке 1920–1960 гг., деятельность анархистов в эпоху правления И.В. Сталина, кружки либертариев в Советской России, начиная с периода «застоя» 1970-х гг. до этапа перестройки. Судя по тексту книги, Рублев учёл все эти обстоятельства и «принял удар на себя».

В первой главе рассказывается о ключевых фигурах анархистского движения XIX в., его основных идеях и издательских центрах. Это своеобразное введение в тему подготавливает читателя к восприятию более сложного материала. В 12 главах анализируется история анархистского движения в России с 1890-х до 2010-х гг. Временной размах впечатляет! Автор предлагает следующую периодизацию: 1890–1905 гг.; 1905–1907 гг.; 1907–1914 гг.; июль 1914 — февраль 1917 г.; февраль–октябрь 1917 г.; конец октября 1917 — осень 1918 г.; 1919–1921 гг.; 1922–1953 гг.; 1922–1966 гг. (российское анархистское зарубежье); 1953–1986 гг.; вторая половина 1980-х — 2010-е гг.

Хронологическое структурирование любого масштабного исторического явления вызывает, как правило, бурю дискуссий. Выскажу собственное мнение по этому поводу. Предложенная периодизация оптимальна: автором учтены все нюансы качественного перехода движения из одного состояния в другое в единой темпоральной плоскости. К примеру, 1890–1905 гг. — период, когда российский анархизм складывается в целостное явление. Деятельность Бакунина и Кропоткина в Европе до 1890-х гг. это в большей степени процесс создания международного освободительного движения, а не конкретно российско-

²² *Kinna R.* Kropotkin: Reviewing the Classical Anarchist Tradition. Edinburgh, 2017.

²³ См., например: *Шубин А.В.* Анархистский социальный эксперимент. Украина и Испания 1917–1939 гг. М., 1998.

го. 1890–1905 гг. — время сложного диалога между «нулевой волной» русской эмиграции и анархистами, которые стремились создать революционные очаги в границах Российской империи. 1905–1907 гг. — эпоха Первой российской революции, в рамках которой произошла первая масштабная открытая встреча представителей анархистских групп и народных масс. Рублёв анализирует процесс трансформации анархистского движения, прослеживает изменение тактики, стратегии и способов привлечения сторонников.

Особый интерес представляют два раздела книги. Это главы 9, где среди прочего рассказывается об анархистах в период сталинского террора, и 10 (анархистская эмиграция в Европе и Америке). Читать их следует с пристальным вниманием. Трудности, с которыми сталкивались и эмигранты, и те, кто остался в СССР, невозможно сопоставлять. Это два разных мира с разными правилами «игры». Эмигрантам пришлось адаптироваться к ситуации, когда они с каждым годом (особенно в 1930-х гг.) стремительно теряли связь с единомышленниками в России, которые вели «подпольную» борьбу против большевиков, а военные действия в Европе не давали возможности организовать стабильный центр революционной пропаганды. Анархисты эпохи сталинизма, по сути, оказались изолированы от международного анархистского движения. Они отчаянно пытались мобилизовать все силы для того, чтобы сохранить хотя бы часть революционного потенциала. Как отмечает Рублёв, после завершения Второй мировой войны «деятельность уцелевших анархистов утратила политический характер, свелась к физическому и духовному выживанию» (с. 490). Впрочем, стоит заметить, что, по мысли автора, автономное существование потомков анархистского движения в условиях вынужденной изоляции не исключало определённого взаимовлияния между анархистами-эмигрантами и анархистами в СССР вплоть до конца 1930-х гг. (о сложной коммуникации между этими группами либертариев в книге сказано немало).

«Советский» сюжет 1950–1970-х гг. в истории российского анархистского движения представлен фрагментарно, тем не менее Рублёву всё же удалось показать, что левые диссиденты не просто образовывали просветительские кружки, где обсуждались работы Бакунина и Кропоткина, но также создавали небольшие, хотя целостные радикальные сообщества с хаотичной, однако вполне очевидной для читателя программой действий. Из книги можно узнать о судьбе первой послевоенной анархистской группы, которая сложилась в СССР после Венгерского восстания 1956 г. Автор полагает, что в конце 1957 г. группа либертариев (А.М. Иванов, Ю. Зубков и др.) обсуждала возможность покушения на Н.С. Хрущёва. Предполагалось, что в случае удачного покушения СССР «свернёт» свою агрессивную внешнюю политику, и тогда у мирового освободительного движения появится больше шансов для реализации проекта анархистского общества. Рублёв также проанализировал феномен «новых левых» в контексте советской действительности. На мой взгляд, ему удалось не только провести параллели между анархизмом и некоторыми аспектами контркультуры советской интеллигенции, но также указать, какие конкретные группы были близки к анархо-синдикалистским идеалам (например, «ленинградские левые» в 1970-х гг.).

Справился автор и с такой «опасной» темой, как российские террористические анархистские организации XX в. (глава 3). Писать о «безначальцах» и «чернознамёнцах» трудно. Перед историком стоит сложная задача — рассказ об идеях и тактике этих групп надо снабдить такими критическими ком-

ментариями, чтобы у читателя возникло строго определённое понимание того, что с нравственно-философской точки зрения деятельность подобных организаций аморальна, а с прагматической — недальновидна. Рублёв показал, что пренебрежительное отношение к стратегии организованной борьбы сочеталось у «безначальцев» и «чернознамёнцев» с близорукой тактикой, что сами по себе действия сторонников анархо-террора являлись этически противоречивыми, что эти противоречия никак не артикулировались и, вероятно, даже не рефлексировались никем из участников. В книге также дан обзор деятельности толстовских групп, близких к идеям христианского анархизма. Это важно не только для развенчания распространённого мнения об анархисте как воинствующем атеисте, но и для демонстрации непротивленческих форм анархистского движения.

Книгу хочется хвалить и дальше, однако необходимо сделать несколько критических замечаний. Прежде всего, название монографии не вполне отражает её содержание. Автор анализирует не теорию анархизма, а преимущественно анархистское движение. Большая часть исследования посвящена издательскому делу, истории организаций, биографическим справкам. Теория представлена в основном как совокупность тезисов социально-политических программ, а не как самостоятельное концептуальное явление (за исключением фрагментов, где говорится о П.А. Кропоткине, Я.-В.К. Махайском, А.А. Боровом, И.С. Книжнике-Ветрове и некоторых других). На мой взгляд, более подходящее название для книги — «Российские анархистские движения в XX в.».

К сожалению, в исследовании практически не отражены специфические анархистские теории, о них сказано немного и без историко-философской рефлексии. Речь идёт об оригинальных концепциях, в основе которых лежит не просто этическая теория, но и масштабная онтология — мистический анархизм, интериндивидуализм А.Л. Гордина, концепция Социотехникума В.Л. Гордина, анархизм-биокосмизм А. Святогора и т.д. Автор рассматривает их как периферийные явления, указывая, что их сторонники сильно уступали по своему влиянию магистральному течению анархистской мысли, синтезировавшему идеи Бакунина и Кропоткина и ориентированному на деятельность в рамках рабочего движения.

Глава 10 не вписана в общий контекст первой волны русской эмиграции. Контакты между теоретиками анархизма и русской диаспорой богословов, поэтов, учёных и философов были практически ничтожны, однако, как минимум, стоило обратить внимание на своеобразие анархистского Зарубежья, попытаться объяснить причины отчуждения между анархистами-эмигрантами и эмигрантами-писателями, отсутствие надежд на взаимодействие этих групп, за исключением отдельных сюжетов сотрудничества, вроде переписки М.А. Осоргина с М. Гольдсмит с целью включения писателя в число участников проекта лектория, который разрабатывался анархистами-эмигрантами.

Структура монографии имеет серьёзный недостаток — отсутствие «разбивки» весьма объёмных глав (иногда больше 80 страниц) на отдельные параграфы. Затрудняет работу с книгой и отсутствие именного указателя.

Конечно, «объять необъятное» просто невозможно. Как найти выход в ситуации, когда подробно рассказать о философской стороне теории анархизма хочется, но формат книги не позволяет это сделать? Кажется, что было бы целесообразно в приложении к монографии представить сжатый обзор концепций, появившихся в рамках российского анархизма, сопроводив текст крат-

ким историко-философским комментарием. Этот справочный материал помог бы читателю, интересующемуся идейной борьбой внутри анархистских групп, уточнить тот или иной аспект темы, уяснить суть событий и явлений, связанных с историей анархизма.

Несмотря на вышесказанное, Д.И. Рублёву удалось создать фундаментальное историческое исследование. Выход книги стал, без всякого преувеличения, событием для всего профессионального сообщества. В случае, если выйдет второе, дополненное издание монографии, смею предположить, что мы получим своеобразный научный компас, благодаря которому российский анархизм XX в. будет изучаться гораздо интенсивнее, а качество соответствующих публикаций профессиональных историков станет на порядок выше.

«Пантюркизм» в архивных источниках эпохи сталинизма (1944–1953)

Юлия Гусева, Ольга Сеньюткина

«Pan-Turkism» in archival sources of Stalinism (1944–1953)

*Julia Guseva (Moscow City University, Russia),
Olga Senyutkina (The Linguistics University of Nizhny Novgorod, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X23060135, EDN: PTFBXA

Одним из наиболее известных политических понятий советской эпохи является «пантюркизм»¹ – нарратив, исторически закрепившийся за репрезентацией разнородных социокультурных и политических стремлений, идей и практик сторонников политического и культурного единства тюркоязычных народов СССР. Как правило, он включает в себя внешнеполитическую оценочную составляющую – выраженное воздействие иностранных государств на тюркские общности в составе российского (советского) имперского пространства. Данный нарратив и сегодня нередко используется в медийном поле для оценки общественно-политических настроений отдельных тюркоязычных российских народностей и субъектов, для описания целеполагания тюркоориентированной политики современной Турецкой Республики.

Ожидаемо, что отечественные исследователи чаще всего препарировать пантюркистскую проблематику с точки зрения угроз национальной и глобальной безопасности². Реже встречаются труды, которые изучают её исторические репрезентации, также осмысливая их преимущественно в ключе секьюритизации³.

В последние десятилетия введены в научный оборот отдельные документы, отражающие «пантюркистские» страхи бюрократии имперского периода⁴. Изучается механизм наследования фобий из имперской эпохи в раннесоветскую.

© 2023 г. Ю.Н. Гусева, О.Н. Сеньюткина

¹ Здесь и далее мы рассматриваем данное явление как нарратив, описательный конструкт, не вдаваясь в рассуждения об объективной связи между совокупностью определённых явлений и их обозначением, поэтому заключаем данное понятие и его производные в кавычки.

² *Червоная С.М., Гилязов И.А., Горошков Н.П.* Тюркизм и пантюркизм в оригинальных источниках и мировой историографии: Исходные смыслы и цели, парадоксы интерпретаций, тенденции развития // АС-АЛАН. 2003. № 1(10). С. 3–478; *Червоная С.* Пантюркизм и панисламизм в российской истории // Отечественные записки. 2003. № 5(14). С. 152–165.

³ *Хасанишин Г.Р.* Особенности восприятия российскими сановниками понятий «панисламизм» и «пантюркизм» (по материалам Особого совещания по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 г.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. Сборник статей. Вып. 5. Казань, 2015. С. 249–270; *Бойко С.И., Соколова В.И.* Противостояние политической полиции Казанской губернии идеям панисламизма и пантюркизма в 1908–1914 годах // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2017. № 4. С. 33–37.

⁴ Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII–XX в.). Сборник материалов / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2006; Туркестан в имперской политике России: монография в документах / Отв. ред. Т.В. Котюкова. М., 2016; *Котюкова Т.В.* Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М., 2016. С. 296–298.

Нам удалось доказать, что в 1920-х гг. «советские наблюдатели во многом были обречены в своих оценках: они не могли представить критическую волну в отношении национальной элиты в новых мыслительных понятиях и формах»⁵.

В настоящей статье мы рассмотрим комплекс документов 1944–1953 гг. о «пантюркизме» в Российской империи и СССР, отложившихся в спецхране фонда бывшего Главного архивного управления (ГАУ)⁶ НКВД. Цель исследования – проанализировать процесс и результаты работы советских архивистов по «пантюркистской» тематике. Изучены основные компоненты содержания, язык, стилистика, а также причины и условия формирования рассматриваемого комплекса документов.

Ранее Ю.Н. Гусева показала, как данные документы могли быть задействованы в качестве внешнеполитического аргумента против Турции, не стремившейся признать советское доминирование в послевоенном мире⁷. Однако акцент в публикации сделан на «панисламистскую» проблематику. В данной статье впервые рассматриваются комплексные вопросы источниковедческого характера и содержательных особенностей документов.

Архивные документы ГАУ за 1944–1953 гг., отражающие так называемую пантюркистскую деятельность в различных частях Российской империи и советских республиках, имели гриф «секретно» или «совершенно секретно». Первичная систематизация материалов производилась в 1953–1954 гг., в 1990-х гг. они были рассекречены и в настоящее время хранятся в ГА РФ⁸. В статье рассматриваются 19 дел, которые объединены нами в комплекс документов по различным аспектам пантюркистской проблематики. Выявлены все хранящиеся в фонде бывшего ГАУ и доступные для исследователей материалы подобного содержания.

По типу документы делятся на обзоры⁹ и исторические справки по общим и частным вопросам. Тематические обзоры (2 дела) касаются деятельности так называемых панисламистских групп, партий и движений на Кавказе¹⁰. Исто-

⁵ Гусева Ю.Н., Сенюткина О.Н., Христофоров В.С. Пытаясь понять и вообразить ислам... (образ ислама в сознании российских элит 1880-х – 1920-х гг.). М., 2021. С. 301.

⁶ 16 апреля 1938 г. Президиум Верховного Совета СССР принял постановление о передаче Центрального архивного управления в ведение НКВД, а в сентябре того же года оно было преобразовано в Главное архивное управление НКВД. На него возлагалось руководство всеми документальными материалами, принадлежавшими государству. В годы Великой Отечественной войны главный орган управления архивным делом именовался «Управление государственными архивами НКВД». С 1946 г. ГАУ находилось в ведении МВД. В статье мы оперируем обобщённым понятием ГАУ, имея в виду указанные нюансы организационно-административного характера.

⁷ Гусева Ю.Н. Архивисты в «погонах» на службе советской политики: история российского ислама в документальных обзорах ГАУ НКВД СССР 1940-х годов // Память о прошлом – 2018. VII историко-архивный форум, посвящённый 100-летию государственной архивной службы России (Самара, 15–17 мая 2018 г.). Сборник статей. Самара, 2018. С. 283–288.

⁸ По внешнему виду архивные дела представляют собой типовые папки с отметками «рассекречено».

⁹ Ещё в 1930-х гг. советские историки-архивисты впервые начали разрабатывать методику составления тематических обзоров, которые определялись как «справочное пособие, описание, дающее характеристику документальных материалов применительно к определённой теме для информации исследователей и других заинтересованных лиц в целях научного и практического использования архивных документов» (Ковальчук Н.А. Тематические обзоры (История, соврем. опыт и методика их составления в гос. архивах СССР). М., 1960. С. 3). В структуру обзора должны были входить оглавление, историко-археографическое введение, характеристика документальных материалов, основная часть, которая должна строиться в соответствии с планом, указатель.

¹⁰ См.: «Обзор деятельности панисламистских групп на Кавказе. 1905–1914 гг.», подготовленный не позднее 1953 г. (ГА РФ, ф. 5325, оп. 4, д. 473) и «Обзор деятельности мусульманской

рические справки общего характера (8 дел) освещают деятельность сторонников тюркского единства, внешних интересантов в имперский период и в первые постреволюционные десятилетия в масштабах всей страны и отдельных регионов¹¹. Большую исследовательскую ценность представляют и справки по отдельным аспектам деятельности «панисламистских групп», движений, активистов (8 дел)¹².

Следует отметить, что в значительной части документов соединяются понятия «пантюркизм» и «панисламизм». Традиционно это объясняется тем, что в позднеимперский и раннесоветский периоды национальное и религиозное воспринималось как тождественное. Однако удивительно сохранение этого смешения, за которым, вероятно, стояла типичная особенность «сталинского языка». Его референты, по замечанию Е.А. Добренко, являлись «идеологическими фикциями и располагались в мерцающей зоне семантической неопределённости, облегчавшей решение сугубо инструментальных политических задач»¹³.

Анализ датировки данных материалов показывает, что изучение темы объединения тюркских народов Российской империи/СССР было инициировано в 1944 г. и продолжалось до начала 1950-х гг. Эта работа проходила в условиях идеологического, геополитического и военного противостояния мировых держав и не прекращавшихся в период Второй мировой войны попыток Германии «перетянуть» Турцию на свою сторону. Берлин пытался разыграть «тюрко-исламскую карту» внутри СССР, а также на оккупированных

национальной партии “Дифай” (“Оборона”) в 1905–1917 гг.», составленный архивным отделом МВД Грузинской ССР в 1944 г. (Там же, д. 85).

¹¹ См. исторические справки: «Панисламизм в освещении Министерства иностранных дел в 1900–1917 гг.», 17 октября 1944 г. (Там же, д. 586), «О пантюркистском и панисламистском движениях в 1916–1917 гг.», 11 ноября 1944 г. (Там же, д. 81), «Панисламизм в России», 25 сентября 1944 г. (Там же, д. 79), «Панисламистско-пантюркское движение в Средней Азии и в Таджикистане», 18 июля 1944 г. (Там же, д. 107), «Панисламистское и пантюркистское движение в Средней Азии», 1–15 августа 1944 г. (Там же, д. 117), «Панисламистское движение в России и борьба с ним», 1944 г. (Там же, д. 80). Отметим также историческую справку о панисламистском движении, составленную по материалам Центрального государственного архива Татарской АССР, 18 октября 1946 г. (Там же, д. 280), справку-ориентировку о методах насаждения Турцией идей панисламизма и пантюркизма в России, 21 марта 1947 г. (Там же, д. 345) и справку о панисламистском и пантюркском движении в Казахстане в 1889–1939 гг., составленную не позднее 1953 г. по материалам архивов Казахской ССР (Там же, д. 482).

¹² См. справки: «О методах иностранных разведок на Северном Кавказе, 1910–1917 гг.», подготовленную Госархивом Северо-Осетинской АССР 15 января 1945 г. (Там же, д. 172); «О деятельности татарских панисламистских организаций, националистических организаций в г. Астрахани и Астраханской губернии в 1903–1908 гг.», составленную архивным отделом УМВД Астраханской обл. 1 апреля 1946 г. (Там же, д. 505); «О деятельности турецкой шпионской организации в Батумской области в 1921 г.», 7 апреля 1947 г. (Там же, д. 330); «О тайных мусульманских националистических обществах “Фадавиэ”, “Гитаят”, “Гейрат” в Закавказье, 1905–1906 гг.», 10 апреля 1947 г. (Там же, д. 323); «О деятельности турецкой шпионской организации в г. Хой (Иран) и Нахичевань. Список панисламистских деятелей и пропагандистов на Кавказе, в Крыму и г. Астрахани, 1911–1915 гг.», 24 апреля 1947 г. (Там же, д. 306). См. также: Копии документов о деятельности Туркестанского охранного отделения по борьбе с панисламистским движением. Обзоры фондов государственных учреждений по Туркестанскому краю периода 1867–1917 гг., подготовленные 20 мая 1947 г. Центральным государственным архивом Узбекской ССР (Там же, д. 335); Копии документов Пермского губернского жандармского управления о панисламистском движении в Пермской и Оренбургской губерниях в 1911–1917 гг., подготовленные Госархивом Молотовской обл. не позднее 1953 г. (Там же, д. 512).

¹³ *Добренко Е.А.* Поздний сталинизм: Эстетика политики. Т. 1. М., 2020. С. 418–419.

немцами территориях и среди советских военнопленных-мусульман¹⁴. В связи с этим изучение форм и методов работы «пантюкистской» пропаганды являлось, прежде всего, задачей внешнеполитического порядка, становилось одним из важных факторов советско-турецкого и советско-немецкого противостояния.

Однако полагаем, что внешнеполитическими интересами дело не ограничивалось. Исследователи указывают, что НКВД активно использовал архивные документы для проведения масштабной политики репрессий: выявления личного состава жандармских управлений и охранных отделений, различных чиновников и иных «антисоветских элементов»¹⁵. Охрана «документальных богатств страны от посягательств “врагов народа”»¹⁶, которую обеспечила передача в 1938 г. ГАУ в систему НКВД, лишь зафиксировала формально уже сложившуюся практику. Маховик поисков «врагов» не сбавлял обороты и в послевоенные годы¹⁷. Освещая деятельность архива по «выполнению запросов оперативных органов», современные сотрудники ГА РФ с плохо скрываемым облегчением констатировали, что с 1955 г. «эта работа в архиве наконец-то перестала проводиться»¹⁸. Весьма вероятно, что рассматриваемые документы стали основой для подготовки обвинительных заключений в отношении отдельных уцелевших сторонников идей «пантюкизма», конструирования и использования так называемой пантюкистской, националистической угрозы для решения конкретных идеологических задач в послевоенный период¹⁹.

Подготовленные справки и обзоры визировались сотрудниками госбезопасности в различных званиях: полковник А.Я. Востриков²⁰, старший лей-

¹⁴ См. подробнее: *Гусева Ю.Н.* Архивисты в «погонах»... С. 283–288.

¹⁵ *Максаков В.В.* История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). М., 1969. С. 354.

¹⁶ *Чекмарёва Н.В.* Партийное руководство развитием архивного дела в СССР (1917–1938 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. С. 19.

¹⁷ «В течение 1948 г. сотрудники ЦГИАМ подготовили 2 530 биографических справок по запросам МГБ, МВД, партийных организаций, государственных учреждений и частных лиц. Для МГБ и МВД составлены справки “О сионизме и деятельности сионистских организаций в Москве” и “О количестве судебных органов и судебных работников в царской России”». В 1951 г. на основании 9 тыс. дел Министерства юстиции и Департамента общих дел МВД Российской империи было составлено 46 848 карточек «на шпионов, членов черносотенных и буржуазных политических партий, а также на иностранных подданных, подававших заявления о приёме их в русское подданство» (Цит. по: История Государственного архива Российской Федерации. Документы. Статьи. Воспоминания / Отв. ред. С.В. Мироненко. М., 2010. С. 105, 109, 111).

¹⁸ Там же. С. 111.

¹⁹ Следует признать справедливыми замечания специалистов о том, что в СССР «мощный толчок конспирологическим настроениям дали сталинские кампании террора, в особенности 1930-х гг., когда страна жила страхом по поводу многочисленных заговоров. Речь шла о “заговорах” пантюкистов, паниранистов, панисламистов, панфиннистов, а также “космополитов” и, разумеется, агентов всех возможных разведок. Всё это послужило основой новых сталинских кампаний борьбы с “врагами народа” на рубеже 1940–1950-х гг., когда сознание вчерашних крестьян в сочетании с большевистской конспирологией эпохи Большого террора породило гремящую смесь из неудовлетворённых комплексов национального приоритета и образов тайных и явных супостатов, всячески мешающих этому приоритету доказать своё право на существование» (*Шнирельман В.А.* Удерживающий. От апокалипсиса к конспирологии. М.; СПб., 2022. С. 98).

²⁰ Востриков Александр Яковлевич (1894–?), окончил Историко-партийный институт красной профессуры (1933), с 1947 по 1956 г. работал начальником Центрального государственного исторического архива в г. Москве (ныне ГА РФ).

тенант Курнышев²¹, полковник Е.Ф. Кузнецов²², капитан Г.Н. Старов²³, майор М.Н. Гордеев²⁴, капитан Фокин. Лишь некоторые из них, как, например, лейтенант госбезопасности Д.С. Фаньян²⁵, имели историко-архивную подготовку. Из историков справки и обзоры подписывали профессор В.В. Максаков и историк-архивист Л.М. Ланда. В некоторых обзорах присутствуют сопроводительные письма или отметки об исходных запросах. На одной из справок по теме постановки оперативного учёта в жандармских управлениях и охранных отделениях – надпись карандашом: «[В.М.] Меркулову доложено». Другая – имеет на первой странице следующую резолюцию: «Тов. Гордеев. Не об этом шла речь в письме 3 Управления. Переговорите»²⁶.

Итак, очевидно, что справки по отдельным регионам и персоналиям использовались для оперативной работы структур НКВД–МВД. Кроме того, как отмечает Т.И. Хорхордина, при начальнике ГАУ И.И. Никитинском началось составление секретных путеводителей по архивам и сборников архивных документов. В аппарате управления был создан специальный отдел № 11 – «отдел секретных фондов»²⁷. Можно с большой долей уверенности предположить, что исследуемый комплекс документов являлся частью готовившегося к изданию засекреченного сборника документов по «пантюркистско-панисламистской» проблематике, адресатом которого было руководство СССР²⁸.

С. Червонная справедливо отметила, что «наступление на идеологию пантюркизма в СССР со временем приобретало всё более агрессивный и нетерпимый характер. Критика пантюркизма была низведена на уровень грубых памфлетов и проклятий. Этим тоном прониклась и ангажированная наука, представленная как столичными учёными, так и школами союзных республик»²⁹.

Сталинская эпоха несла в себе отпечаток многочисленных националистических фобий и осознания СССР как осаждённой крепости. Одной из угроз

²¹ Курнышев (имя и отчество неизвестны), заместитель начальника Центрального государственного военно-исторического архива (ныне РГВИА).

²² Кузнецов Фёдор Евгеньевич, советский военный историк-архивист, полковник, старший научный сотрудник Центрального государственного архива Красной армии (ЦГАКА, ныне РГВА). С 6 октября 1941 г. – врио начальника. В 1943 г. назначен замначальника ЦГАКА.

²³ Старов (имя и отчество неизвестны), начальник отдела использования ГАУ НКВД СССР.

²⁴ Гордеев Михаил Николаевич (1901–1972), майор государственной безопасности, в 1942–1944 гг. – начальник отдела секретных фондов.

²⁵ Фаньян Джорж Согомонович (1910–1997), советский историк-архивист, окончил Московский государственный историко-архивный институт, с 1935 г. руководил Центральным архивным управлением Таджикской ССР.

²⁶ ГА РФ, ф. 5325, оп. 4, д. 75. Резолюция датирована январём 1943 г. 3-й отдел 3-го Управления (секретно-политического) НКВД занимался в том числе и борьбой с «националистической контрреволюцией» среди тюркских народов и мусульманского духовенства. На одном из обзоров 1947 г. сделана пометка: «Алексей Ильич. Об этих материалах меня лично просил замминистра внутренних дел Туркменской ССР полковник М. Если запрасят высшие лица» (ГА РФ, ф. 5325, оп. 4, д. 305, л. 1).

²⁷ Хорхордина Т.И. Хранители секретных документов // Режимные люди в СССР / Отв. ред. Т.С. Кондратьева, А.К. Соколов. М., 2009. С. 87.

²⁸ На данный момент сборник не обнаружен. Первоначальную авторскую гипотезу см.: Гусева Ю.Н. Архивисты в «погонах»... С. 283–288. Примером несекретных сборников подобного рода может служить идеологически выдержанная и хорошо известная кавказоведам книга грузинских архивистов: Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (Сборник документальных материалов) / Сост. М.М. Габричидзе. Тбилиси, 1953.

²⁹ Червонная С.М. Пантюркизм и панисламизм в российской истории. С. 163.

традиционно, с перерывом на 1920-е гг., считалась Турция³⁰. Так, в справке 1947 г. констатировалось, что Турция исторически использовала религию в качестве инструмента привлечения на свою сторону «мусульманских» народов России³¹. Ряд архивных дел имеет «говорящие» названия: «Справка о деятельности турецкой шпионской организации...», «Справка-ориентировка о методах насаждения Турцией идей панисламизма и пантюркизма в России» и проч.

Неудивительно, что в изучаемых документах повышенное внимание уделялось активности турок накануне и в годы Первой мировой войны в Средней Азии и на Северном Кавказе: 11 дел из 19 затрагивают именно эти регионы. Особый интерес к тематике объясняется очевидным стремлением оценить потенциальную угрозу со стороны «национальных окраин», которые, по мнению советского руководства и лично И.В. Сталина, как до, так и после начала Великой Отечественной войны не отличались лоялизмом.

Архивные материалы подробно описывают работу турецких эмиссаров и воздействие переселенцев (мухаджиров) и турецких военнопленных времён Первой мировой войны на местное население. Большое количество сведений относится к усилиям в образовательной сфере (обучение турецкому языку, организация нелегальных религиозных школ), приводятся данные о сборах и пожертвованиях в пользу Турции, о подготовках «вооружённых восстаний»³².

Значительное количество материала нацелено на выявление реальных и воображаемых связей лидеров тюркизма и идей политического объединения мусульман с единомышленниками из Турции и Германии. Типичные наименования подразделов документов: «Роль Турции в панисламистском движении», «Панисламизм как орудие Германии для осуществления её планов мирового господства», «Россия, Англия, Франция в борьбе с панисламистским движением»³³.

Интерес советского руководства вызывали материалы о сторонниках исламского и тюркского единства в разных частях Российской империи. Архивисты готовили списки лиц, причастных к «пантюркистскому» движению, опираясь на данные Департамента полиции МВД³⁴. Составлялся «Список панисламистских деятелей и пропагандистов на Кавказе»³⁵. В документах имеются отметки: «Картотека 1947 г.», т.е. сведения, вероятно, становились частью единой системы учёта.

Значительная часть тематических обзоров и справок не отвечала строгим научным требованиям. Многие из них содержали пространные введения и типичные для того времени идеологические конструкты, что вполне понятно: к концу 1930-х гг., а особенно после передачи в 1938 г. ГАУ в ведение НКВД, «идеологический» фронт советских архивов в организационно-кадровом отношении был зацементирован, практически не оставляя «зазоров» для самостоятельных размышлений. К примеру, «Справка о методах иностранных разведок на Северном Кавказе. 1910–1917», подготовленная Центральным государственным архивом НКВД Северо-Осетинской АССР в 1945 г., начинается с обличения капитализ-

³⁰ На откровенную антитурецкую направленность данных документов мы указывали ранее. См.: *Гусева Ю.Н.* Архивисты в «погонах»... С. 283–288.

³¹ ГА РФ, ф. 5325, оп. 4, д. 345.

³² См., например: Там же, д. 345, 473 и др.; *Христофоров В.С.* Советские спецслужбы открывают Восток. М., 2019.

³³ ГА РФ, ф. 5325, оп. 4, д. 586, л. 1 об., 2 об. и др.

³⁴ Там же, д. 79.

³⁵ Там же, д. 306.

ма и империалистических стран, которые боролись за рынки сбыта, применяли военные средства и клевету, обман, политические интриги, шпионаж. Подчёркивалось, что для их политики было характерно использование «самой наглой, беспардонной агитации через подкупленных ими лиц буквально во всём мире»³⁶. Аналогичные сентенции обнаруживаются в материалах по «пантюкистско-панисламистскому» движению в Казахстане и Средней Азии³⁷.

Трудно не согласиться с мнением, что в таком контексте «архивный позитивизм (концентрация на публикации документов в сугубо археографическом ключе, без оценочных комментариев. — *Авт.*) становился актом сопротивления идеологии»³⁸. В изученном массиве этих и других документов присутствуют лишь единичные материалы, лишённые (насколько это было возможно) обилия пропагандистской риторики. К таковым относится, к примеру, историческая справка о «панисламистско-пантюкском движении в Средней Азии», составленная по документальным материалам Центрального государственного архива Октябрьской революции Узбекской ССР в 1944 г., визированная Л.М. Ландой³⁹. В справке присутствуют максимально нейтральное в идеологическом отношении введение, археографические характеристики материалов, подразделы, список литературы и источников⁴⁰.

Своеобразный «архивный позитивизм» хорошо заметен в отдельных справках. Архивисты центральных государственных архивов отдавали себе отчёт в необходимости тщательного профессионального источниковедческого анализа не только переводных статей прессы, но и всех данных. В справке они подчёркивали: «Составители не ставили перед собой задачи критического анализа находившихся в их руках документальных материалов о панисламизме и считали более правильным дать обзор всех имеющихся в архиве сведений о панисламизме, полагая, что читатель, знакомый с характером и функциями учреждений, документальные материалы которых используются в настоящей справке, сам может дать критическую оценку приводимым фактам, характеристикам, выводам. К тому же составители учитывали, что пользующиеся настоящей исторической справкой не ограничатся имеющимися в ней краткими сведениями о том или ином лице, событии и т.д., а неизбежно обратятся к самим документам и другим источникам, позволяющим сделать более объективное заключение об этом лице, событии и т.д.»⁴¹. Отметим, что справка 1947 г. разделялась на подразделы, содержавшие мало оценочных категорий: «Агентурные методы действия турецкого правительства в России», «Печать как средство пропаганды панисламистских и пантюкистских идей в России», «Легальные формы и методы объединения мусульман в России», «Характеристика материалов»⁴².

³⁶ Там же, д. 172, л. 1–4.

³⁷ Там же, д. 107, 482 и др.

³⁸ Эрст В. Архивация: архив как хранилище памяти и его инструментализация при национал-социализме // Новое литературное обозрение. 2005. № 4. С. 135–154.

³⁹ Ланда Леонид Михайлович (1921–1971), советский историк-архивист, окончил исторический факультет Среднеазиатского университета, с 1943 г. — в архивных органах Узбекистана. Директор Центрального государственного архива Октябрьской революции УзССР. В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию «Панисламистская и пантюкистская агентура в Туркестане: конек XIX в. — 1917 год».

⁴⁰ ГА РФ, ф. 5325, оп. 4, д. 117, л. 1.

⁴¹ Там же, д. 79, л. 2 об.

⁴² Там же, д. 345.

Составители справок и обзоров опирались главным образом на архивные материалы Департамента полиции, жандармских управлений, канцелярий губернаторов и генерал-губернаторов, штабов военных округов имперского периода. Вторыми по значимости и частоте использования были коллекции документов по истории Октябрьской революции и ведомственные материалы ОГПУ и НКВД. Например, в «Справке о панисламистском и пантюрокском движении в Казахстане» архивисты зафиксировали, что материалы по данной теме выявлены впервые. В связи с этим специалисты «считали необходимым привлечь для составления этой справки ряд документальных материалов архива НКВД КазССР (главным образом обзоры)» с соответствующими оценками событий и явлений: «Выявленные материалы о панисламистском и пантюркистском движении в Казахстане свидетельствуют о том, что это политическое националистическое движение было связано с другими буржуазно-националистическими группами и партиями в Казахстане... Более того, пантюркисты в первые годы после Октябрьской революции, проникнув в ряды ВКП(б), в Средней Азии и Казахстане пытались использовать в своих целях и приспособить к пантюркизму, извратив предварительно, даже национальную политику большевистской партии (Рыскулов⁴³)»⁴⁴.

Российская и мировая «мусульманская» печать дореволюционного периода составляет ещё одну значимую группу источников⁴⁵, однако её ценность современные исследователи ставят под сомнение⁴⁶. Периодическая тюркоязычная пресса нередко содержала крайние точки зрения и не отличалась взвешенностью, статьи могли иметь откровенно «казахской» характер⁴⁷. Историки отмечают отсутствие аналитической работы имперских чиновников и экспертного, научного сообщества с прессой Кавказа, Крыма, Персии, Афганистана и Турции до 1917 г. Часто её подменял бессистемный сбор вырезок из разнообразных зарубежных и местных периодических изданий⁴⁸. На то, что архивисты понимали риски, связанные с использованием прессы, указывает следующая ремарка в одной из справок: «Переводы печатных произведений, сделанные Департаментом полиции, возможно, не точно вскрывают содержание той или другой статьи. Нередко эти переводы безграмотны. Это необходимо учесть при пользовании настоящими материалами»⁴⁹.

⁴³ Рыскулов Турар Рыскулович (1894–1938), государственный и общественный деятель, учёный, публицист, дипломат, сторонник идеи консолидации тюркских народов в формате «Единого Туркестана». Занимал ряд видных постов в советских органах регионального и центрального уровней: председатель СНК Туркестанской АССР (1922–1924), заместитель председателя СНК РСФСР (1926–1937), кандидат в члены ЦК РКП(б) (1923–1924).

⁴⁴ ГА РФ, ф. 5325, оп. 4, д. 482, л. 1.

⁴⁵ Там же, д. 79, 345 и др.

⁴⁶ *Tuna M.* Imperial Russia's Muslims: Islam, Empire, and European Modernity, 1788–1917. Cambridge, 2015. P. 206–212; *Котюкова Т.В.* Украина на особом положении... С. 285–286 и др.

⁴⁷ Исследователи отмечают наличие трёх культурно-географических зон, в которых до 1917 г. мусульманская печать развивалась особенно динамично – Волго-Уральский регион, Закавказье и Центральная Азия. Часть её периодически закрывалась по обвинениям в «панисламизме» (*Дюдюаньон С.* Эхо революций в Иране (1906 г.) и в Турции (1908 г.) в мусульманской печати Российской империи с точки зрения межконфессиональных отношений // *Исповеди в зеркале: межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона XVIII–XXI вв.)*. Н. Новгород, 2012. С. 255–257).

⁴⁸ *Котюкова Т.В.* Украина на особом положении... С. 286.

⁴⁹ ГА РФ, ф. 5325, оп. 4, д. 79, л. 2 об.

Итак, сравнительный анализ данных документов ГАУ демонстрирует, что для их подготовки использовались следующие источники (в порядке значимости): 1) сообщения агентуры имперского МВД, различных государственных органов дореволюционного периода; 2) выдержки из национальной печати; 3) допросы и признания, добытые в ходе процессов 1937–1938 гг. (протоколы допросов, признательные показания обвиняемых и проч.). Дискурс имперских спецслужб и государственных ведомств причудливо смешивался с идеологическими конструктами и результатами работы советских органов госбезопасности. На подобных источниковых основаниях без труда можно было осветить деятельность конкретных внутренних врагов — «пантюкистов».

Сталинизм тесно увязывал задачи «рационального использования архивных богатств» со своими базовыми идеологемами и с конкретными внутри- и внешнеполитическими задачами. В этом смысле отношение государства к тюрко-мусульманским народам во многом опиралось на подходы дореволюционного периода⁵⁰. Фактически мы наблюдаем, как имперская традиция конструирования «пантюкистско-панисламистской опасности» и образа врага воскресла в иных исторических условиях⁵¹.

Одной из базовых причин подобной преемственности являлось то, что архивные материалы по «пантюкизму» основывались на работе имперской контрразведки. Информационным результатом подобных изысканий становился хорошо изученный сегодня эффект эхо-камеры⁵². Он базировался на комплексе обстоятельств, среди которых следует назвать узковедомственные установки, специфическую информированность и идеологические ориентиры спецслужб, функционировавших циклично, находясь внутри закрытой информационной системы, которая в 1938 г. поглотила архивы. Внешние и низовые сигналы в подобную эхо-камеру практически не попадали.

В таких условиях архивисты были обречены на выявление и осмысление определённого круга источников, сформированных предшествующим поколением работников органов внутренних дел и госбезопасности Российской империи и СССР. Архивный «язык» документов, использовавшийся для формулирования дискурса «пантюкизма», был во многом заимствован из вокабуляра имперских спецслужб и помещён в оценочную рамку идеологии сталинизма. Немногочисленность фактов «архивного позитивизма» как единственно возможной в тех условиях формы «молчаливого протеста», увы, не даёт оснований исключать советские архивы сталинской эпохи из общей системы производства «полезного прошлого». Мы видим, что находившиеся в тоталитарной системе архивы являлись непосредственными участниками процесса подготовки сведений для организации борьбы с «националистическими движениями», а «пантюкисты» и «пантюкистские» сети становились в очередь на «разоблачение».

⁵⁰ В своей записке по «мусульманскому вопросу» 1900 г. С.Ю. Витте писал: «Наконец, нельзя, казалось бы, забывать, что наша внутренняя политика по мусульманскому вопросу является важным фактором политики внешней» (Императорская Россия и мусульманский мир... С. 254).

⁵¹ Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 304–306.

⁵² Эхо-камера — понятие в теории СМИ, представляющее собой ситуацию, в которой определённые идеи, убеждения усиливаются или подкрепляются путём передачи сообщения или его повторением внутри закрытой системы, а альтернативные информационные потоки заглушаются. В итоге любые высказывания приводят не к дискуссиям, а к поддержке единомышленников. Адресаты, находящиеся в такой «закрытой» системе, создают сообщения, слушают сами себя и соглашаются сами с собой.

К 100-летию со дня рождения И.Д. Ковальченко

«Метод — это интеллектуальная машина для производства знаний»

Леонид Бородкин

«Method is an intellectual machine for the production of knowledge»

Leonid Borodkin

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X23060147, EDN: NRLCDT

100-летие со дня рождения академика РАН И.Д. Ковальченко — выдающегося историка, учёного с мировым именем, которое мы отмечаем 26 ноября 2023 г., предоставляет хорошую возможность ещё раз рассмотреть и оценить его роль в развитии междисциплинарного направления исторической науки, которое возникло в начале 1960-х гг. и получило название «Количественные методы в исторических исследованиях». Подчеркну, что Иван Дмитриевич внёс крупный вклад в развитие целого ряда направлений исторической науки, включая, прежде всего, теорию и методологию истории, источниковедение, аграрную (и, шире, экономическую) историю. Однако в сфере применения в исторических исследованиях математических методов и вычислительных машин он с самого начала выступал первопроходцем и лидером. Данная статья посвящена важным аспектам его научной и организационной деятельности.

«Метод — это интеллектуальная машина для производства знаний». Эту фразу, произнесённую Иваном Дмитриевичем на первой лекции курса по методологии истории в сентябре 1989 г., я записал в блокнот. В начале лекции он говорил, что одним из важнейших показателей уровня развития той или иной науки выступают методы исследования — их разнообразие, познавательная эффективность. Именно они «являются тем наиболее динамичным компонентом науки, который движет её вперёд»¹. Количественные методы занимали приоритетное место в инструментарии академика.

За три десятилетия, прошедших со дня кончины Ковальченко в 1995 г., опубликовано немало работ, в которых дана оценка его роли и вклада в развитие разработанного им направления, которое часто называют также квантитативной историей. Значительная часть этих публикаций собрана в шести томах материалов научных чтений памяти историка, изданных в 1997–2020 гг. Коллеги, ученики и последователи отмечают высокие качества Ковальченко как человека, учёного, университетского профессора²: мудрость, внимательность

© 2023 г. Л.И. Бородкин

¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 4.

² Характерно, что именно эти качества вынесены в заголовок опубликованного недавно сборника материалов: И.Д. Ковальченко. Человек. Учёный. Профессор. Материалы VI научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко (к 95-летию со дня рождения) / Под ред. С.П. Карпова. СПб., 2020.

к людям, добросердечие³. Будучи человеком принципиальным, он сохранял дипломатичность при решении сложных вопросов. Таковые возникали в его деятельности нередко, учитывая, что в течение почти 30 лет он заведовал кафедрой источниковедения на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, почти 20 лет работал главным редактором журнала «История СССР», а в 1989–1995 гг. являлся академиком-секретарём Отделения истории АН СССР (РАН). И это далеко не полный список постов, которые он занимал. Но благодаря чувству ответственности, умению распоряжаться временем, внутренней дисциплине Иван Дмитриевич успешно справлялся со всеми этими обязанностями.

Не могу не отметить присущую ему подлинную демократичность, скромность. Вспоминаю, как на 9 мая в 1970–1980-х гг. факультетские ветераны войны надевали фронтовые награды, и в один из таких дней я спросил Ковальченко о его ордене Красного знамени – одной из высших советских наград, которой очень редко удостоивались солдаты и сержанты (Иван Дмитриевич закончил войну в звании гвардии старшего сержанта, командира орудия батареи 76мм пушек). Он ответил кратко («за бои в Венгрии») – подобно большинству фронтовиков, он редко говорил об участии в войне. И только в 2015 г. запрос в информационный банк данных «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» позволил увидеть его наградной лист. Выяснилось, что за форсирование в марте 1945 г. реки Раба в Венгрии и бой на плацдарме Ковальченко представили к званию Героя Советского Союза. Однако представление командиров полка и дивизии «наверху» не утвердили, и в итоге Иван Дмитриевич получил орден Красного знамени. Ему было тогда неполных 22 года.

В воспоминаниях, написанных в 1961 г., учёный отметил, что если бы ему пришлось поступать в университет до войны, то, наверное, он пошёл бы на физический факультет. Но Великая Отечественная «толкнула мысль многих в сторону явлений общественных, вызвала естественный интерес к причинам, определявшим события в жизни людей»⁴. Однако возможно, что исходная установка на изучение точных наук предопределила интерес Ковальченко к применению в исторических исследованиях количественных методов и вычислительных машин. Определённую роль в этом также могло сыграть специальное образование: в 1940–1941 гг. он учился в артиллерийской спецшколе в Москве, а затем в Рязанском артиллерийском училище.

В этой связи представляет интерес наблюдение Т.А. Кругловой, работавшей с материалами личного архива академика. В дипломной работе он обратился к анализу труда А.Н. Радищева «Описание моего владения», содержащего немало количественных данных. Характеризуя статью известного историка П.Г. Любомирова об этом труде, дипломник отметил: «Отсюда ясно, какое большое значение имеют цифры в статье, которые Любомиров сбросил со

³ Как отмечает Т.А. Круглова, много работавшая с материалами личного архива академика, эти материалы дополняют и обогащают наше представление об указанных его качествах (*Круглова Т.А. Личный архив академика И.Д. Ковальченко (к 80-летию со дня рождения учёного) // Археографический ежегодник за 2003 г. Т. 2. М., 2004. С. 290, 286.*

⁴ И.Д. Ковальченко. Научные труды, письма, воспоминания (из личного архива академика). Сборник материалов / Сост., подгот. текста и примеч. Т.В. Ковальченко, Т.А. Кругловой, А.Е. Шикло. М., 2004. С. 407.

счёта... Любомиров говорит об этом, но никакого вывода сделать не мог, он сам лишил себя оружия, выбросив цифры»⁵.

Первый этап исследовательской работы Ковальченко, связанной с использованием математико-статистических методов, пришёлся на 1950–1960-е гг. В это время он защитил кандидатскую (1955) и докторскую (1966) диссертации, опубликовал две монографии, существенно продвинувших изучение русского крепостного крестьянства первой половины XIX в. В первой из них⁶ исследованы материалы крестьянского и помещичьего хозяйства двух губерний по подворным переписям четырёх имений первой половины XIX в. Во второй⁷ анализировались данные уже по сотням имений губерний дореформенной Европейской России, изучены производственные аспекты крестьянского хозяйства, процессы имущественного и социального расслоения крестьянства, проблемы эксплуатации его помещиками.

Важная черта исследований Ивана Дмитриевича – внимание к корректности использования математико-статистических методов. В ходе работы над докторской диссертацией он наладил контакты с учёными кафедры теории вероятностей механико-математического факультета МГУ. В этом контексте представляет интерес следующий фрагмент отзыва на автореферат диссертации Ковальченко, подписанный доцентом этой кафедры, известным математиком-вероятностником В.Н. Тутубалиным: «Соображения, которые И.Д. Ковальченко приводит в пользу применимости употребляемых им статистических приёмов, подробно обсуждались на заседании семинара статистической лаборатории при кафедре теории вероятностей. По общему мнению участников семинара, уровень, на котором И.Д. Ковальченко обосновывает применимость использованных в работе методов, вполне соответствует общепринятому в прикладной статистике»⁸.

Уже на этапе становления нового направления Иван Дмитриевич проявил интерес к его развитию за рубежом. В письме профессору экономической истории Чикагского университета А. Кагану осенью 1966 г. он выразил учёному признательность за предложение выслать интересующую его литературу и уточнил: «Для меня представляли бы интерес, прежде всего, работы, в которых при анализе исторических сюжетов были применены математические методы и электронные машины»⁹.

Несмотря на дискуссии, которыми сопровождались первые доклады и публикации сторонников математико-статистических методов, ряд крупных специалистов по истории дореволюционной России отметили эффективность их применения. Так, в том же 1966 г. один из официальных оппонентов на защите докторской диссертации Ковальченко, профессор В.К. Яцунский, сказал: «Автор диссертации принадлежит к числу очень немногих историков, владеющих методами математической статистики. Он широко применяет эти методы в диссертации. Не могу удержаться от выражения похвалы по адресу диссертанта в данном случае».

⁵ Круглова Т.А. Личный архив академика И.Д. Ковальченко... С. 281.

⁶ Ковальченко И.Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века (к истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства). М., 1959.

⁷ Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967.

⁸ Круглова Т.А. Личный архив академика И.Д. Ковальченко... С. 281.

⁹ И.Д. Ковальченко. Научные труды... С. 318.

Поддержал данное направление и его лидера и академик Н.М. Дружинин. 27 ноября 1967 г. он писал главному редактору журнала «Вопросы истории» члену-корреспонденту АН СССР В.Г. Трухановскому, что Иван Дмитриевич — «молодой талантливый учёный, который соединяет в себе обширные знания, широкий кругозор, правильные методологические точки зрения, умение ставить и верно разрешать крупные вопросы исторической науки. В его докторской диссертации обращают на себя внимание не только богатство привлечённых источников и тонкость аргументации, но и применение новейших приёмов электронно-вычислительной техники к разработке статистических материалов. Отсюда — убедительность и ценность полученных им научных выводов. Я уверен, что в редколлегии журнала, благодаря своим высоким качествам и большой работоспособности, И.Д. Ковальченко принесёт большую пользу»¹⁰.

В первой половине 1960-х гг. учёный вышел за рамки индивидуальной работы в новой области. В его личном архиве сохранилась докладная записка, направленная в январе 1963 г. в ректорат МГУ и деканат исторического факультета. В преамбуле доцент Ковальченко писал: «Радикальное совершенствование методики и техники научно-исследовательской работы, происходящее в настоящее время на основе широкого применения математических методов и современной вычислительной техники, раньше или позднее охватит все области науки. В настоящее время уже назрела необходимость применения новых методов и в области исторической науки»¹¹. По его мнению, это позволит значительно расширить круг изучаемого фактического материала и осуществить такую его обработку, которая практически невозможна в настоящее время. Отмечу, что, имея к этому времени опыт обработки статистических источников на ЭВМ, он видел и актуальность работы с другими источниками: «Дальнейшее развитие вычислительной техники и появление машин, приспособленных к обработке текстов, позволит радикальным образом изменить работу историков не только в области социально-экономической, но и другой проблематики, а также в сфере библиографии, хронологии и т.п.»¹².

Далее в записке констатируется, что МГУ располагает всем необходимым, чтобы развернуть такую работу. А главное, сложилась группа преподавателей исторического факультета, заинтересованных в ней, желающих получить возможность в контакте с сотрудниками Вычислительного центра университета подготовить материалы источников и обработать их на машине¹³. «Стадия подобного экспериментаторства необходима», — утверждал учёный¹⁴. Одновременно предлагалось «организовать с этим кругом интересующихся занятия, которые будут вести специалисты мехмата. Цель занятий — познакомить историков с основами высшей математики, теории вероятностей, математической статистики, принципами действия и возможностями электронной техники, основами программирования»¹⁵. Завершалась записка предложением создать на

¹⁰ Там же. С. 336.

¹¹ *Круглова Т.А.* Личный архив академика И.Д. Ковальченко... С. 291.

¹² Там же.

¹³ В группу вошли десять человек. Конечно, не все смогли освоить сложные курсы, но Иван Дмитриевич держался дольше всех.

¹⁴ *Круглова Т.А.* Личный архив академика И.Д. Ковальченко... С. 291.

¹⁵ Там же. Интересно, что через десять лет выдающийся французский историк Э. Ле Руа Ладюри выдвинул более радикальный тезис: «Историк завтрашнего дня будет программистом, иначе он исчезнет».

факультете лабораторию по применению электронных машин в исторических исследованиях.

Предложение Ковальченко постепенно реализовалось. В начале 1970-х гг. группу по применению математических методов и ЭВМ создали в структуре кафедры источниковедения, которой он заведовал с 1966 г., а в 1991 г. преобразовали её в лабораторию исторической информатики (с 1996 г. — имени академика И.Д. Ковальченко). В 2001 г. она получила статус общефакультетской лаборатории исторической информатики, а в 2004 г. стала кафедрой исторической информатики исторического факультета МГУ.

Первые персональные компьютеры в лаборатории появились в 1988 г. (три советских ПК «Нейрон»), их приобретение потребовало участия Ивана Дмитриевича. Однако обеспечение исторических исследований современной вычислительной техникой оставалось проблемой. В личном архиве академика сохранилось письмо известному американскому историку-экономисту П. Грегори (апрель 1990 г.) о совместном проекте по изучению динамики экономического развития России в конце XIX — начале XX в., предполагавшем создание базы данных и подготовку соответствующих публикаций. Ковальченко писал, что для его реализации «крайне желательно предоставление американской стороной советской хотя бы во временное пользование нескольких компьютеров»¹⁶.

Второй этап раннего периода статистических исследований Ивана Дмитриевича (конец 1960-х — середина 1970-х гг.) связан с его совместной с Л.В. Миловым работой по изучению процесса формирования в России единого аграрного рынка в XVIII—XIX вв. Она завершилась изданием фундаментальной монографии, в ходе работы над которой авторы провели огромный объём вычислительных работ и проанализировали около 150 тыс. коэффициентов, сконструировав на этой основе ряд структурных корреляционных моделей рынка, характерных для различных этапов его развития¹⁷. В основу методики положены подсчёты корреляции динамических рядов региональных показателей рынка. Один из вопросов, возникающих при их исследованиях, касается корректности в методике учёта трендов, содержащихся в рядах динамики. Для обсуждения этой проблемы Иван Дмитриевич вступил в 1969 г. в переписку с Н.С. Четвериковым — специалистом в области социально-экономической и математической статистики, разработавшим, в частности, математические методы анализа динамических рядов, приложения корреляции и теории вероятности. Николай Сергеевич, ещё в 1920-х гг. опубликовавший статьи о статистической обработке динамики сельскохозяйственных показателей и продолживший эти исследования в 1960-х гг., откликнулся на письмо Ковальченко и прислал ему подробные комментарии к методике корреляции динамических рядов случайных колебаний цен¹⁸. Судя по материалам монографии, авторы учли их в своей работе.

В 1968 г. началась институционализация нового направления — Ковальченко инициировал учреждение Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории АН СССР. Она координировала работы в рамках данного направления на пространстве СССР, инициировала создание новых лабораторий данного профиля, проведение конференций, публикацию сборников трудов историков-квантификаторов.

¹⁶ И.Д. Ковальченко. Научные труды... С. 279–281.

¹⁷ Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX века. Опыт количественного анализа. М., 1974. С. 2.

¹⁸ И.Д. Ковальченко. Научные труды... С. 369–376.

В 1979 г. Комиссия и кафедра источниковедения истории СССР исторического факультета МГУ организовали постоянный Всесоюзный научный семинар «Количественные методы в исторических исследованиях» (руководители — И.Д. Ковальченко и Л.И. Бородкин)¹⁹. Его сотое заседание состоялось в 1992 г. К тому времени семинар, по сути, стал международным, за 15 лет на его заседаниях выступили с докладами более 50 зарубежных учёных.

Важным направлением работы Комиссии по привлечению научной молодёжи (студентов и аспирантов) стали школы-семинары по новым методам исторических исследований, поддерживавшиеся Московским университетом (Суздаль, 1984; Ростов Великий, 1986; Берёзки, Московская область, 1988). Научным руководителем этих школ, собиравших порядка сотни молодых участников, неизменно выступал Иван Дмитриевич.

Интересный источник, характеризующий размах, который приняли исследования, координируемые Комиссией, — коллекция ответов на запрос Ковальченко об исследовательских темах, при разработке которых в XII пятилетке будут использоваться математические методы и ЭВМ, направленный в мае 1986 г. в институты Отделения истории АН СССР и ряд вузов страны. Папку с этими письмами Иван Дмитриевич передал мне для составления сводных данных к отчёту о работе Комиссии и о масштабе применения в стране математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях. В большинстве ответов содержится упоминание о текущих работах. Анализ этих данных — предмет отдельного рассмотрения. Отмечу лишь территориальный размах — ответы пришли из 31 учреждения, представлявших 10 республик СССР. В Армении, Белоруссии, Казахстане, Киргизии, Латвии, Литве, РСФСР, Украине такие исследования велись более или менее активно, и лишь в Туркмении и Узбекистане не проводились и не планировались.

В интервью Информационному бюллетеню Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в 1990 г. Иван Дмитриевич отметил, что за четверть века пройден большой путь: «От разведки боем, имевшей место в 60-х годах, через выявление проблем, решение которых требует применения количественных методов и ЭВМ, и апробацию различных методов в 70-х годах к анализу многих сложных явлений и процессов исторического развития на основе применения новых методов в 80-х годах». Дальнейший подъём направления в 1980–1990-х гг., требующий отдельного рассмотрения, базировался на фундаменте, заложенном Ковальченко.

Важно, что Ковальченко не противопоставлял историков-клиометристов коллегам, принадлежавшим к другим школам, подчёркивая, что само по себе применение математических методов и ЭВМ не обеспечивает «автоматического повышения существенно-содержательного, качественного уровня исторических исследований. Для этого ещё необходим высокий профессионализм в его теоретико-методологическом, источниковедчески-историографическом и содержательно-историческом аспектах. Об этом, к сожалению, нередко забывают, обращаясь к новым методам»²⁰. Эти слова актуальны и сегодня.

В начале 1990-х гг. Иван Дмитриевич формировал перспективную программу научных исследований кафедры источниковедения исторического

¹⁹ Бородкин Л.И. О работе научного семинара «Количественные методы в исторических исследованиях» // История СССР. 1981. № 3. С. 232–234.

²⁰ И.Д. Ковальченко. Научные труды... С. 464.

факультета МГУ: «Россия на переходе от традиционно-патриархального к индустриальному обществу (XIX–XX вв.)». По итогам обсуждения были выделены следующие четыре проблемы: социально-экономическое развитие России: источники и методы исследования; общественно-политический и нравственно-психологический облик российского общества; массы, власть и личность в российской истории: источники и методы изучения; источники и методы изучения культурно-интеллектуального развития российского общества. Как видим, проблематика охватывает основные аспекты российской истории двух последних веков. Она актуальна и сегодня, 30 лет спустя. Однако для меня существенно то, что Иван Дмитриевич добавил пятую проблему, своей рукой (характерным почерком, с наклоном влево) вписав: «Историческая информатика – компьютерные методы источниковедения».

С присущим ему чувством нового в развитии науки Ковальченко уже в начале 1990-х гг. ощутил приближение эры информационных технологий, взрывного роста электронных коммуникаций, новые перспективы использования компьютерных методов в науке. В наши дни эти изменения можно охарактеризовать как процесс цифровой трансформации общества. Он затронул и сферу науки и образования, найдя отражение в материалах журнала «Историческая информатика», среди рубрик которого есть «Квантитативная история» – направление, пионером которого был Иван Дмитриевич. Созданная им научная школа смогла воспринять реалии «цифрового поворота»²¹ и развивать новую проблематику, придерживаясь принципов междисциплинарных исторических исследований, заложенных академиком Ковальченко.

²¹ *Бородкин Л.И.* Цифровой поворот в дискуссиях на XXII Международном конгрессе исторических наук (Китай, 2015 г.) // Историческая информатика. 2015. № 3–4. С. 56–67.

Вклад академика И.Д. Ковальченко в развитие источниковедения как специальной исторической дисциплины

Андрей Голиков

Contribution of academician I.D. Kovalchenko to the development of source studies as a special historical discipline

Andrey Golikov
(*Lomonosov Moscow State University, Russia*)

DOI: 10.31857/S2949124X23060159, EDN: NPBJZW

В 1966 г. профессор И.Д. Ковальченко возглавил кафедру источниковедения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Она была учреждена в 1952 г. по инициативе члена-корреспондента АН СССР М.Н. Тихомирова. Первоочередными задачами кафедры стали подготовка и организация преподавания полномасштабного учебного курса «Источниковедение», охватывающего весь период отечественной истории с древнейших времён до XX в. включительно. Из протокола № 1 заседания кафедры от 27 марта 1953 г. следует, что Л.В. Черепнину было поручено вести курс источниковедения до конца XVIII в. (24 часа), доценту И.А. Федосову — по первой половине XIX в. (20 часов), преподавателю А.М. Панфиловой — по периоду капитализма (20 часов) и доценту Е.Н. Городецкому — по советскому периоду (24 часа). Курс источниковедения на заочном отделении по периоду феодализма поручалось вести преподавателю А.В. Муравьёву, по периоду капитализма — А.М. Панфиловой (8 часов), по советскому периоду — А.Б. Захарьян (12 часов)¹. Впервые в таких широких хронологических рамках лекции прочитали в 1957 г. Муравьёв, Панфилова и С.И. Антонова. В 1965 г. эти авторы опубликовали учебное пособие «Источниковедение истории СССР. Методические указания для студентов-заочников исторических факультетов государственных университетов».

Возглавлявшийся Тихомировым коллектив организовал преподавание источниковедения отечественной истории для студентов трёх новых кафедр факультета (периода феодализма, периода капитализма и периода социализма), созданных в марте 1953 г. на базе кафедры истории СССР. Ковальченко отмечал «исключительно глубокое проникновение в ход развития науки» Тихомирова, который взял на себя «смелость доказывать необходимость создания кафедры источниковедения и добился этого»². Как вспоминал академик Ю.С. Кукушкин, Иван Дмитриевич, возглавив кафедру источниковедения, «оказался в очень трудном положении. Планка этой кафедры была поднята до предела... академиком Тихомировым. Иван Дмитриевич не имел права опустить эту планку ниже»³.

© 2023 г. А.Г. Голиков

¹ Цит. по: Кафедра источниковедения исторического факультета Московского университета. СПб., 2019.

² Ковальченко И.Д. М.Н. Тихомиров — основатель и руководитель кафедры источниковедения Московского университета // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 181.

³ Кукушкин Ю.С. Выступление // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2000. С. 21.

Ковальченко инициировал перестройку преподавания курса источниковедения. В 1973 г. под его редакцией вышел учебник, в котором впервые в одной книге давались обзор основных письменных источников по отечественной истории с древнейших времён до второй половины XX в. и характеристика важнейших методов их научной критики и анализа⁴. По наблюдению В.И. Бовыкина, «уникальная особенность научного творчества И.Д. Ковальченко состояла в том, что исследование интересующих его проблем отечественной истории он предварял и сопровождал выявлением целых пластов ранее никем не использовавшихся источников, тщательным источниковедческим анализом содержащейся в них исторической информации и разработкой соответствующих исследовательских методов, обеспечивающих наиболее полное использование информационного потенциала источника и истинность полученных на этой основе суждений»⁵.

Итогом более чем десятилетней работы кафедры источниковедения стала подготовленная по инициативе Ковальченко и осуществлённая под его редакцией публикация двухтомной коллективной монографии, посвящённой изучению массовых источников по социально-экономической истории⁶. В этом издании обобщались результаты 20 кандидатских диссертаций, подготовленных в МГУ и Институте истории СССР АН СССР.

Ядро источниковой базы исследований составили выделенные Ковальченко комплексы массовых исторических источников — особого класса носителей социальной информации о прошлом. В написанном им предисловии отмечалось, что применительно к изучению проблем социально-экономической истории учёные располагают «наиболее обширным комплексом массовых источников. Массовый характер явлений и процессов социально-экономического развития, естественно, обусловил и накопление массовых данных. И только на основе широкого и всестороннего изучения этих данных можно раскрыть содержание и ход, внутреннюю сущность, закономерности и особенности социально-экономического развития как в целом, так и его отдельных аспектов»⁷. Для решения поставленных задач авторам потребовалось выполнить большой объём исследовательской работы. Разный характер и состояние источников, неодинаковая степень их изученности и использования обусловили выдвижение на первый план различных аспектов: выявления, систематизации и источниковедческой характеристики источников либо обработки и анализа массовых данных.

К идее выделения массовых исторических источников в отдельный класс Ковальченко пришёл, изучая проблемы аграрной истории России первой половины XIX в. Лишь небольшая часть огромного количества свидетельств, в которых получила отражение деятельность помещичьих и крестьянских хозяйств, могла быть изучена традиционными для историков описательными методами.

⁴ Источниковедение истории СССР. Учебник для студентов исторических факультетов университетов и педагогических институтов. М., 1973.

⁵ Бовыкин В.И. Восхождение к истине // Иван Дмитриевич Ковальченко (1923–1995). К 75-летию со дня рождения. М., 1998. С. 11.

⁶ Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1979; Массовые источники по социально-экономической истории советского общества / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1979.

⁷ Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. С. 11.

Результаты осуществлённых по разным программам многочисленных локальных исследований оказывались малосопоставимыми и, вследствие этого, в значительной степени обесценивались. Решение задачи Иван Дмитриевич увидел в применении количественных методов обработки и анализа информации, используя в этих целях достижения научно-технической революции второй половины XX в. Он одним из первых среди историков осознал, что ЭВМ позволяют существенно ускорить счётные операции, увеличить объём обрабатываемого и анализируемого материала, применить более совершенные методы исследования.

Ковальченко рассуждал следующим образом: «Поскольку сведения любых исторических источников являются отражением фактов исторической действительности, то очевидно, что выделять среди них категорию массовых исторических источников следует исходя из характера тех явлений действительности, которые они отражают. Иначе говоря, если под массовыми имеется в виду категория источников, обладающих некоей качественной определённой, отличающей её от других источников, то эта определённая должна отражать своеобразие характеризуемых этими источниками явлений (фактов) действительности»⁸. Если принять, что всю многообразную совокупность явлений общественной жизни можно свести к двум категориям — массовым и индивидуальным, то первые можно определить как «совокупность исторических феноменов (объектов), с одной стороны обладающих *одинаковыми* свойствами, а с другой — характеризующихся *различной мерой* этих свойств. Совокупности таких объектов составляют в большей или меньшей мере сложные *системы* с присущими им структурами, подверженными непрерывным колебаниям и изменениям. Поэтому совокупный результат функционирования подобных систем представляет собой *равнодействующую* разных её состояний, т.е. является *объективно закономерным*». Значит, «массовыми являются источники, характеризующие такие объекты действительности, которые образуют определённые общественные *системы* с соответствующими *структурами*». Они «допускают применение разнообразных, в том числе и самых совершенных количественных и машинных методов» извлечения, обработки и анализа информации исторических источников⁹.

Сам Иван Дмитриевич не устанавливал в этом отношении каких-либо ограничений, отметив только, что «к наиболее распространённым видам массовых исторических источников принадлежат статистические данные, сведения разного рода переписей и обследований, материалы делопроизводства и личного учёта, систематизированные справочные материалы и др.»¹⁰.

Качественно однотипные сведения и данные о явлениях и процессах действительности могут содержать источники всех категорий. По своему происхождению таковы данные статистики, так как их создание предполагает собирание по определённой программе систематических сведений о массовых объектах. Другие категории исторических источников также фиксируют подобную информацию, но в скрытой форме. Однако качественно однотипные, по сути, массовые данные могут быть выявлены в них историком, который, исходя из исследовательской задачи, создаёт источниковую базу. В этом смысле диффе-

⁸ Ковальченко И.Д. Задачи изучения массовых исторических источников // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. С. 5.

⁹ Там же. С. 6, 9.

¹⁰ Там же. С. 6.

ренциация исторических источников на массовые и уникальные – условна. Но она оправдана тем, что даёт возможность выявить и ввести в научный оборот значительный массив ранее не использовавшейся историками информации.

Теоретическое обоснование понятия «массовый источник» Ковальченко дал с позиций учения об информации. Его основы заложил американский инженер и математик К. Шеннон, который, используя теорию вероятностей и математическую статистику, решил задачу нахождения оптимального способа передачи сообщения. В опубликованной в 1948 г. статье «Математическая теория связи»¹¹ он предложил абстрактную схему, которую можно использовать «для передачи любого возможного сообщения». Связь последовательно обеспечивают пять элементов: источник информации; передатчик; канал; приёмник; адресат. Источник создаёт сообщение или последовательность сообщений, которые должны быть переданы адресату. Передатчик перерабатывает сообщения в сигналы, соответствующие характеристикам данного передающего канала, представляющего собой физическую среду, через которую сигнал поступает от передатчика к приёмнику. Приёмник восстанавливает сообщение по сигналам. Адресат – лицо (или аппарат), для которого предназначено сообщение. В статье также формулировались теоремы о пропускной способности линии связи, её помехоустойчивости, кодировании данных и т.д. Математическая теория информации полностью абстрагируется от содержания передаваемого сообщения, поскольку «семантические аспекты связи не имеют отношения к технической стороне вопроса».

Но именно семантические аспекты связи, несущественные для решения технических вопросов, вышли на первый план при попытках переноса схемы Шеннона в область гуманитарных наук. Ковальченко сформулировал идею о том, что, поскольку все исторические источники являются носителями социальной информации¹², «использование ряда итогов учения об информации, выработанных здесь понятий и категорий может быть полезным и при решении целого ряда проблем источниковедения»¹³. Разработка философского аспекта теории информации создавала необходимые предпосылки для реализации такого подхода.

Иван Дмитриевич исходил из того, что информационные процессы – неотъемлемая органическая часть общественной жизни, в которой взаимодействуют объект, субъект и информация. «Объект, т.е. любое проявление независимой от субъекта действительности, является основой, источником информации для субъекта. Эта информация не может быть ничем иным, как отражением в сознании субъекта черт и свойств действительности. Как сознательное, действующее и целеустремлённое существо субъект, взаимодействуя с окружающей

¹¹ Шеннон К. Математическая теория связи // Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М., 1963. Впервые статья опубликована в: Shannon C.E. Mathematical theory of communication // The Bell System Technical Journal. Vol. 27. 1948. № 3. P. 379–423; № 4. P. 623–656.

¹² См.: Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах: тезисы докладов III всесоюзной конференции (Новороссийск, 1979). М., 1979. С. 31–46; Ковальченко И.Д. Предмет и задачи источниковедения // Источниковедение истории СССР. Учебник для студентов исторических специальностей университетов и педагогических институтов / Под ред. И.Д. Ковальченко. Изд. 2, перераб. и доп. М., 1981. С. 4–23; Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации (к постановке проблемы) // История СССР. 1982. № 3. С. 129–148; Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

¹³ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. С. 108.

действительностью, всегда стремится получить информацию для определённых целей... Однако объём и характер информации, возникшей в информационном процессе, отнюдь не определяется только той целью, для которой она выявляется. Органическое свойство информационного процесса состоит в том, что всегда наряду с той информацией, которую субъект стремится получить преднамеренно, извлекается ещё и информация избыточная»¹⁴.

Вследствие этого выделяются два типа информации: актуальная (выраженная) и потенциальная (скрытая). Первая очевидна, извлекается осознанно и поэтому может быть использована. Вторая не используется, так как субъект не подозревает о её существовании или не располагает достаточными научными и техническими средствами для того, чтобы её извлечь. Для субъекта соотношение потенциальной и актуальной информации об объекте непостоянно. Но в целом в источниках всегда содержится намного больше скрытой информации, нежели выраженной. Причина этого состоит в том, что первая отражает объект опосредованно, через многообразные взаимосвязи присущих ему черт и свойств. Количество таких взаимосвязей заведомо превышает количество очевидных признаков, характеризующих объект. Хотя скрытую информацию содержат все исторические источники, наибольший её объём зафиксирован в массовых документах и аналогичных им по сущностным характеристикам массивах качественно однотипных сведений и данных, сформированных исследователями.

В этой связи принципиальное значение имеет сделанный Ковальченко вывод о том, что положение о возникновении в результате отражения субъектом объективной реальности информации актуальной и потенциальной является «наиболее существенным итогом учения о социальной информации, относящимся к источниковедению... Учение об информации даёт теоретическое обоснование и раскрывает объективную основу содержательной неисчерпаемости источников»¹⁵. Поэтому центральной проблемой источниковедения в исследовательски-прикладном аспекте учёный считал повышение информационной отдачи источников путём извлечения скрытой информации. Задача источниковедов состоит в разработке конкретных путей и методов её выявления в зависимости от особенностей разных видов источников и в соответствии с решаемыми исследовательскими задачами. Структурный характер этой информации «указывает тот основной путь, которым следует здесь идти. Это анализ взаимосвязей, присущих исследуемым явлениям и процессам, на основе непосредственно выраженных в источниках данных»¹⁶.

Обладая даром перспективного мышления, Ковальченко умел доводить научные идеи до их воплощения. В 1981 г. под его редакцией вышло второе, существенно переработанное издание учебника¹⁷. В его вводном разделе изложены основные положения современного учения об информации применительно к проблемам источниковедения. Отметив, что проблеме классификации источников «решают все исследователи при использовании различных источников для изучения тех или иных явлений и процессов», Иван Дмитриевич констатировал: «Многое здесь ещё остаётся неясным и, главное, не определены чётко те принципы, исходя из которых может проводиться классификация

¹⁴ Там же. С. 109–110.

¹⁵ Там же. С. 119.

¹⁶ Там же. С. 125.

¹⁷ Источниковедение истории СССР. Учебник для студентов... Изд. 2. М., 1981.

источников». Уточнить эти принципы, полагал он, поможет учёт трёх аспектов информации – синтаксического, прагматического и семантического.

Очевидно, что наиболее общим являлся синтаксический аспект информации, зафиксированной в источниках. Ковальченко предложил с точки зрения форм закрепления социальной информации выделить четыре класса источников: вещественные, изобразительные, письменные и фонодокументы. Он убедительно показал, что распространённое в отечественном источниковедении деление исторических источников на вещественные, письменные, устные, этнографические, лингвистические, фото, кино- и фонодокументы непоследовательно, так как «одни группы выделены по форме отражения действительности, другие – по способу фиксирования информации, третьи – по объекту отражения»¹⁸.

Выявление указанных четырёх типов является первым, наиболее общим уровнем классификации. Различаясь по формам и методам отражения действительности, источники каждого типа требуют разработки соответствующих их специфике принципов и методов научного использования. Решению этой задачи способствует деление источников (в рамках типа) на виды. Это второй, более дробный уровень. «С информационной точки зрения, – отметил Ковальченко, – видовая классификация основывается на прагматическом аспекте информации, а именно: на единстве целевого назначения информации для её получателя, субъекта. Единство цели, для которой выявляется информация, естественно, обуславливало сходство принципов и методов отражения действительности, форм выражения и использования информации, что, в свою очередь, создаёт возможность применения единых принципов и методов её источниковедческого и конкретно-исторического анализа»¹⁹. Обоснование выделения типов и видов исторических источников, обладающих качественной определённой, позволяет решать задачи выработки единых для них принципов и методов выявления, обработки и анализа зафиксированной в них информации.

Одновременно этот подход создаёт условия, необходимые для исследования проблемы закономерностей возникновения источников и отражения в них истории общества. Ковальченко исходил из того, что «как методы и формы отражения сознанием людей объективной действительности, которые лежат в основе выявления типов источников, так и цели, для достижения которых собирается информация и которые обуславливают выделение видов источников, историчны по своей сути и поэтому изменяются с ходом общественного развития»²⁰. Происходит изменение соотношения, роли, значения отдельных типов, видов, разновидностей исторических источников. Изучение процесса их эволюции даёт возможность выявить хронологические границы, в рамках которых происходят существенные изменения в их составе. Так, в частности, определилась основная внутренняя грань периодизации курса источниковедения отечественной истории: примерно середина XIX в.

Впервые лекционный курс «Источниковедение истории СССР» в рамках двух главных этапов эволюции исторических источников (X – первая половина XIX в. и вторая половина XIX в. – настоящее время) начали читать в 1980-х гг.

¹⁸ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. С. 122–123.

¹⁹ Там же. С. 123.

²⁰ Там же. С. 124.

Первую часть курса преподавали профессор Л.В. Милов и доцент В.А. Плугин; вторую – доценты С.В. Воронкова и А.К. Соколов. Такая структура построения курса сохраняется по сей день, когда лекции по первой его части читают профессор Д.М. Володихин и доцент Т.А. Круглова, по второй – профессор А.Г. Голиков и доцент Н.Г. Абрамова.

Реализация идеи Ковальченко о выделении типов и видов источников на основе синтаксического и прагматического аспектов информации позволила построить учебный курс, в котором источники рассматриваются в масштабе целых видов, а не на примере отдельных памятников. Это особенно важно для второй половины XIX–XXI в., когда значительно увеличилось количество источников и их качественное многообразие. Для каждого вида прослеживаются основные этапы эволюции, анализируется опыт работы историков по выявлению, обработке и изучению зафиксированной в них информации. Лекционный материал закрепляется в ходе практических занятий. По авторитетной оценке академика РАО С.О. Шмидта, данная классификация «представляется значительно более обоснованной, чем ранее распространённая. Достоинство её как классификации, используемой в учебном процессе, – концентрация внимания на тех классах источников, которые особенно интенсивно изучаются и в высшей, и в средней школе, и она во многом сопряжена с другими предметами учебных программ»²¹.

Органическая включённость курса источниковедения в систему учебных дисциплин, призванных дать студентам профессиональные знания и навыки, необходимые в современных условиях, обусловила интегрирующую роль этого курса в преподавании отечественной истории на историческом факультете МГУ. Только составив целостное представление о всём корпусе источников по отечественной истории в его развитии, историк получает возможность профессионально вести работу по конкретной теме. Строгое научное обоснование принципов типологической классификации исторических источников на основе учения об информации дало возможность глубже интегрировать разработку проблем источниковедения отечественной истории и других стран. Ведь если существуют единства методов и форм отражения действительности (служащее основанием для выделения типов) и целевого назначения информации о действительности при её фиксации творцами источников (служащее основанием для выделения видов), то очевидна возможность применения единых принципов и методов изучения источников одной категории (вне зависимости от места и времени их создания) для решения сходных исследовательских задач. Отметив, что «видовая классификация, как и всякая другая, относительна», Ковальченко вместе с тем считал необходимым подчеркнуть её значение «как важного эвристического средства и в источниковедении, и в конкретно-историческом анализе»²².

Исторические источники выполняют функцию накопления, хранения и передачи социальной информации о прошлом. С позиций учения об информации создание любого источника представляет собой процесс, в котором взаимодействуют объект (проявления действительности, независимой от творца источника) и субъект (творец источника, фиксирующий для своих целей

²¹ Шмидт С.О. О классификации исторических дисциплин // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. XVI. Л., 1985. С. 19.

²² Ковальченко И.Д. *Методы исторического исследования*. С. 123.

информацию об объекте). Результат отражения субъектом объекта – информация – одновременно и объективна и субъективна. Она объективна в той мере, в какой отражает разнообразие свойств реального мира независимо от субъекта, постольку, поскольку субъект действует осознанно.

Историческое знание, утверждал Ковальченко, «является дважды субъективизированным отражением». Первый уровень субъективизации, по его мнению, имеет место при фиксации исторической действительности той или иной эпохи творцами исторических источников. Второй связан с восприятием этой действительности историком. «Естественно, что это делает историческое познание значительно более сложным по сравнению с теми областями науки, где такой двойной субъективизации нет. Использование историком в качестве исходной базы субъективизированной картины прошлого, оставленной его современниками, требует тщательного предварительного критического анализа этой картины для выявления степени адекватности и полноты отражения ею исторической действительности. Важность и самостоятельность этой задачи привели к возникновению специальной исторической дисциплины, занимающейся её решением – источниковедения»²³.

Избирательно отражая и фиксируя на материальном носителе информацию об объекте действительности, субъект выполняет одновременно функции источника информации и её передатчика. Он создаёт исторический источник – носитель социальной информации, которая, с одной стороны, опосредованно (через сознание субъекта – творца источника) отражает объект, а с другой – непосредственно характеризует своего создателя, и прежде всего цели и методы отражения им действительности. Как носитель фиксированной информации источник способен выполнять функцию канала передачи информации во времени.

Впервые учёный познакомил коллег со своим видением в докладе на всесоюзной конференции «Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах» в Новороссийске в 1979 г.²⁴ В следующем году издательство МГУ опубликовало программу учебного курса «Источниковедение истории СССР». Программа предусматривала необходимость рассмотрения проблемы исторического источника «в свете учения об информации». Вскоре ведущий отечественный исторический журнал «История СССР» опубликовал по этой теме фундаментальную статью²⁵. В 1982 г. в МГУ состоялось всесоюзное учебно-методическое совещание преподавателей государственных университетов, читающих курс «Источниковедение истории СССР». В нём приняли участие представители 55 вузов страны. Организовали совещание кафедра источниковедения МГУ и комиссия по историографии и источниковедению Научно-методического совета Минвуза СССР. В рекомендациях совещания отмечены успехи в преподавании курса и роль учебников и учебных пособий, созданных кафедрой.

²³ Там же. С. 105.

²⁴ Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах. Тезисы докладов III всесоюзной конференции (Новороссийск, 1979). Ч. II. М., 1979. С. 31–46.

²⁵ Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации (к постановке проблемы) // История СССР. 1982. № 3. С. 129–148. См. об этом также: Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. С. 106–127.

Высказанные Иваном Дмитриевичем идеи апробированы в базовом учебном курсе «Источниковедение истории России», который читают студентам исторического факультета преподаватели кафедры. В 2000–2014 гг. Голиков и Круглова опубликовали учебные пособия «Источниковедение отечественной истории» и «Методика работы с историческими источниками». В первом, переиздававшемся шесть раз, наряду с систематическим обзором важнейших комплексов письменных исторических документов X – начала XXI в., прослежена их эволюция и показаны приёмы выявления, обработки и анализа содержащейся в них информации. Второе знакомит с особенностями фиксации информации в основных видах письменных источников и в политической карикатуре, синтезирующей изображение и текст. На конкретных примерах раскрывается методика их источниковедческого изучения. Предлагаются задания для самостоятельной работы студентов. К каждой главе составлен список дополнительной рекомендуемой литературы.

Для содержательного восприятия и целевого использования социальной информации «наиболее удобна, – подчёркивал Ковальченко, – информация, выраженная в знаковых, прежде всего языковых (естественных и искусственных) системах... Универсальной формой выражения информации оказываются естественные языки. В силу этого именно письменные источники – основная категория исторических источников. В письменных источниках наряду с естественными языками социальная информация часто выражается и в других знаковых системах»²⁶. Традиционно курс «Источниковедение» знакомит студентов с письменными источниками. Социальная информация в них обычно фиксируется лексемами естественных языков. Со временем слово может утратить первоначальное значение и выйти из употребления, либо, наоборот, приобрести новые значения. Историк не знает заранее код сообщения, содержащегося в источнике. Концепция Ковальченко намечает путь его расшифровки.

Информация о прошлом общества может быть зафиксирована также в изобразительной или вещественной форме. Отметив, что комплекс таких источников огромен, Иван Дмитриевич обратил внимание на трудности, с которыми сопряжено их введение в научный оборот. Так, применительно к изображениям «информация об исторической действительности имеет специфические методы и формы выражения и в этом смысле в значительной мере является как бы закодированной... Для её “прочтения” и использования в историческом исследовании необходима дешифровка, своеобразное “снятие” прикрывающей её системы изобразительных принципов и методов, присущих эпохе создания этих источников».

Для любых источников такого рода важнейшей проблемой является «выявление выраженной в изображённом образе информации, адекватно воспроизводящей действительность. В силу этого источниковедческий анализ... оказывается значительно более сложным... К тому же этот анализ, как правило, требует привлечения дополнительной информации из других источников, а содержание информации, извлечённой из изобразительных источников, должно получить естественно-языковое выражение»²⁷. Как известно, наибольший объём информации передаётся и воспринимается в невербальной форме, прежде всего визуально. Только часть её фиксируется на том или ином материальном

²⁶ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. С. 111, 120.

²⁷ Там же. С. 120–121.

носителе и вследствие этого может быть передана во времени. Стремительный рост количества и значения визуальной информации повышает внимание учёных к изобразительным источникам. В 2019 г. на историческом факультете МГУ прошла научная конференция «Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки»²⁸.

Вещественные источники как результаты практической деятельности людей также содержат многоаспектную информацию о действительности. Но для использования в научно-познавательных целях она должна быть выражена в той или иной знаковой системе. «Процесс выявления объективно-синтаксической информации, заключённой в вещественных источниках (информации, возникшей независимо от обращающегося к ней субъекта), и перевода её в синтаксически-субъективную форму весьма сложен»²⁹. В настоящее время для студентов кафедры источниковедения МГУ читаются семестровые лекционные курсы «Источниковедение изобразительных источников» и «Источниковедение вещественных источников». Вместе с тем как плодотворное направление источниковедения всё увереннее заявляет о себе комплексное изучение источников разных типов и видов. В результате выявления и анализа многочисленных взаимосвязей свойств и черт, присущих объекту познания, историки приходят к выводам, которые нельзя получить без такой интеграции.

При оценке сделанного Иваном Дмитриевичем для развития источниковедения как специальной исторической дисциплины очевидны, по крайней мере, две высказанные и обоснованные им идеи, каждой из которых было бы достаточно для того, чтобы имя учёного навсегда осталось в истории науки. Он принципиально решил проблему возможности применения в источниковедении ряда положений современного учения об информации, с позиций которого обосновал неисчерпаемость познавательного потенциала исторической науки, а также выделил класс массовых исторических источников, для обработки и анализа информации которых возможно использование компьютера.

Научное наследие Ковальченко по-прежнему актуально. С 1996 г. Отделение истории (с 2003 г. — Отделение историко-филологических наук) РАН и исторический факультет МГУ регулярно организуют международные научные чтения, посвящённые его памяти. На данный момент состоялись шесть таких конференций (1996, 1998, 2003, 2008, 2013, 2018)³⁰. Следующие, VII чтения приурочены к 100-летию со дня рождения учёного.

²⁸ Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки. Сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. А.Г. Голиков. М., 2019.

²⁹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. С. 121.

³⁰ См.: Абрамова Н.Г. Ковальченковские чтения // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004. С. 237. Материалы этих международных научных конференций опубликованы: Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 1997; Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2000; Проблемы методологии и источниковедения. Материалы III научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М.; СПб., 2006; Идеи академика И.Д. Ковальченко в XXI веке. Материалы IV научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2009; Проблемы историографии, источниковедения и методов исторического исследования. Материалы V научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2014; И.Д. Ковальченко. Человек. Учёный. Профессор. Материалы VI научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко (к 95-летию со дня рождения). М., 2018.

Ирина Шамина

«Мы изучаем не деревни, мы изучаем в деревнях»: новое в исследовании исторической демографии России XVI – начала XVIII в.*

Irina Shamina

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

«We are not studying villages, we are studying in villages»: new in the research of the historical demography of Russia in the 16th – early 18th century

DOI: 10.31857/S2949124X23060160, EDN: NNWGDК

В заглавии данного обзора вынесено известное высказывание американского антрополога и социолога К. Гирца, максимально точно характеризующее содержание новой книги доктора исторических наук профессора Вологодского государственного университета М.С. Черкасовой. Монография написана в рамках методологических подходов, разработанных «социально-культурной антропологией», занимающейся изучением поведения человека и результатов его деятельности. В рассматриваемой работе, в отличие от большинства других исследований по исторической демографии, на первый план выходят не обезличенные статистические данные, а человек, рассматриваемый через призму повседневной жизни. В поле зрения Черкасовой находятся семейно-брачные отношения, личностное начало представителей разных слоёв общества, возрастные, поколенческие и профессиональные характеристики людей. Автор рассматривает гендерные, антропонимические, медико-социальные, эпидемиологические, историко-правовые и социокультурные аспекты демографической истории. Российская наука уже име-

ет блестящие результаты использования подобного подхода, в частности, в виде монографии О.Е. Кошелевой¹.

В основе монографии Черкасовой лежит написанный ею раздел подготовленного Институтом российской истории РАН издания «Очерки демографической истории России XI–XXI вв.»², обновлённый и существенно расширенный. Источниками для исследования послужили писцовые описания XV – начала XVI в., писцовые и дозорные книги 1590–1620-х гг., переписные книги XVII – начала XVIII в., документация Патриаршего дома и архиерейских кафедр, а также актовый материал – челобитные, вечные и отпускные памяти, духовные завешания, судебные дела и проч. Исследовательница обращает внимание читателей на то, что в каждом источнике её интересуют «не столько общестатистические его измерения, а вычленение в нём того, что эскизно очерчивает конкретного человека на разных этапах его жизни» (с. 11), не общие количественные показатели, а «преломление демографической истории применительно к отдельно взятому человеку и микрогруппам» (с. 310). Географические границы ис-

* Черкасова М.С. Человек в зеркале исторической демографии, XVI – начало XVIII в. Вологда: Древности Севера, 2023. 383 с., ил.

следования широки. Они включают в себя центр Российского государства, Северо-Запад и Поморье, Поволжье, Сибирь. Основное внимание уделено Русскому Северу (Белоозеро, Вологда, Тотьма, Великий Устюг, Сольвычегодск, Архангельск), поскольку материалы по нему сохранились лучше, чем по другим регионам, а также полнее введены в научный оборот.

Книга состоит из девяти взаимосвязанных разделов-очерков. Первый раздел — «Человек в браке и вне его» — включает в себя главы, посвящённые гражданскому и церковному регулированию институтов брака и семьи; продолжительности браков; терминам родства; повторным бракам и разводам; понятиям блуда, незаконной рождаемости и сожителства. Основными источниками, позволяющими раскрыть данные вопросы, является церковная документация о взимании венечных пошлин в архиерейскую казну. Сведения о брачности имеются также в венечных разделах приходо-расходных книг XVII в. Массовыми же документами для изучения брачности в XVII в., по мнению Черкасовой, являются многочисленные венечные памяти, наказные памяти архиереев священникам и десятильникам о размерах венечных пошлин и сказки священников о количестве заключённых в их приходах браков.

Стоглав 1551 г. допускал троекратное вступление в брак. Черкасова привела данные о соотношении первого и последующих браков в пределах Вологодско-Белозерской епархии. В 1660–1680-х гг. первые браки в регионе преобладали, вторые составляли около трети, а третьи — лишь 2–4% от их общего числа (с. 23). Причины повторных браков исследовательница видит в ранней смертности людей, прежде всего мужчин. Однако не исключено, что какая-то их часть заключалась и после развода супругов. По

мнению автора, иногда о повторном браке свидетельствуют описания крестьянских дворов в переписных книгах, когда, к примеру, старший сын главы семьи был едва ли не ровесником его супруги. Косвенным указанием на повторные браки являются и упоминания во дворах «вотчимов». В монографии приведены интересные объяснения крестьянами необходимости вступить во второй или третий брак: «А я — человекко одинакое, пахатной, без жены жыть не мошно, печи и варити некому», «робятишки малы, и не женяся мне, сироте, жить невозможно» (с. 52–53). Священники стремились вступить в повторный брак, помимо многодетности, объясняли задачей сохранения места в приходе. В книге уделено внимание и разводам, в источниках обозначаемым также термином «ропуск». Отдельно рассмотрены браки служилых людей.

Черкасова разбирает происхождение и значение ряда терминов, связанных с семейно-брачными отношениями. Она предлагает интересное возможное происхождение слова «семья» из закладной записи на землю 1632 г., составленной женой помещного казака на имя архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия: «в семье сам семь», мать-вдова «сама сема» (с. 37). Разбираются также термины «вдова» и «женишко», «жена-приимок», «сожительницы», «посестрии», «приимыш» и др. Черкасова отмечает, что в челобитных грамотах часто встречается употребление в отношении тех или иных людей уменьшительной лексики («женишко», «дочеришко», «сынишко»). Это «было не просто этикетной формой обращения социальных низов... оно делало более выразительным проявление живых человеческих чувств» (с. 40). Слова «вдова» и «женишко», по её мнению, часто являлись синонимами. Однако ранее Е.Н. Швейковская на осно-

вании грамоты из Великого Устюга 1626 г. отметила, что равнозначным и тождественным термину «женишко» являлось слово «семьишко»³. Очевидно, что «вдова» и «семьишко» — не синонимы. Из этого можно сделать вывод, что одни и те же слова могли иметь разное значение.

Кроме законных и освящённых Церковью, имели место и внецерковные формы брака. Незамужние женщины с внебрачными детьми назывались «женками-самокрутками» (тем же термином могли обозначаться и женщины, чьи родители не имели средств для полноценной свадьбы). Блуд, по мнению Черкасовой, в Русском государстве XVI — начала XVIII в. являлся одним из основных грехов, и во время исповеди женщинам следовало отвечать на вопрос о блуде в первую очередь.

Второй раздел монографии носит название «Болезни, увечность, смерть». По словам автора, «внимание к такого рода информации открывает перспективы изучения медико-социальных факторов исторической демографии» (с. 84). В книге приводятся примеры несчастных случаев и фактов скоропостижной смерти людей из Белозерской уставной грамоты 1488 г. и жалованных уставных грамот XVI в.: «кого в лесе деревом заразит, с дерева убьется, зверь съест, в воде утонет», «кого громом убьёт... озябнет, згорит... лошадь убьёт... кусом подавится, обесится, опився пьян умрет» и проч. (с. 85). В таблице на с. 103–104 автор систематизировала данные источников о таких смертях. Ведущие места занимают скоропостижная смерть от болезни (40,4% случаев) и от утопления (16,4%). Мужская смертность преобладала над женской. Это, по мнению Черкасовой, приводило к широкому распространению женского вдовства и служило предпосылкой для повторных браков.

Для захоронения умершего человека в архиерейских и патриарших казённых приказах следовало получить похоронную память — своего рода разрешение на погребение человека «у церкви Божии». При этом выяснялись причины смерти, исключался их насильственный характер.

Черкасова приводит примеры, указывающие на увечность того или иного человека. Особенно много информации о слепых («увечна, темна», «очми не видит») и слабовидящих («правым оком крив», «туск в глазах»). Об иконописце Вологодского архиерейского дома Константине Грешном сказано: «Он очми стал туп и подносные иконы более писать не видит» (с. 93). Между тем для конца XVI–XVII в. обычна практика использования для исправления зрения очков. Очками обеспечивал своих насельников Кирилло-Белозерский монастырь и другие обители Русского Севера. Есть данные об использовании очков вологодским архиепископом Симоном⁴. Встаёт вопрос о том, почему не приобрели очки для К. Грешного? В материалах, представленных Черкасовой, данные об очках отсутствуют.

Среди частых увечий исследовательница называет поражение верхних или нижних конечностей. Иногда в источниках отмечаются и их причины: «руки омерзли, отпали обе», «увечен, с колокольни розшибся», «у левой руки палец пищалью оторвало» (с. 98). В ландратских же книгах 1710-х гг. объединяются характеристики увечности, неплатёжеспособности и дряхлости: «Нищей, стар, дряхл и бездетен», «никаких платечей за старостию и скорбию параличною не платит» (с. 99). В разделе затрагиваются и вопросы о народном врачевании. Об этом свидетельствуют упоминания в источниках профессий «кровопуск» и «рудомет» и соответствующих прозвищ. Иногда пытались вылечить сво-

их близких и священники. Черкасова привела пример, как в 1702 г. священника церкви Свт. Николая Чудотворца в волости Сяма Вологодского уезда обвинили духовным судом в попытке облегчить приступы эпилепсии у дочери. Он привязывал ей на шею «волшебные письма» (средство не помогло, и дочь умерла) (с. 94). Нельзя не согласиться с Черкасовой в том, что пристальное внимание к информации о болезнях, увечности, причинах смерти «знакомит нас с некоторыми важными аспектами повседневной жизни человека, открывает перспективы для антропологически ориентированного изучения проблем исторической демографии и частной жизни в ракурсе локальной истории раннего Нового времени» (с. 100).

Представляет интерес небольшой по объёму третий раздел монографии – «Эпидемия чумы в России в 1654–1655 гг.: демографический учёт на фоне кризиса». Тема эпидемий в Русском государстве в XVI–XVIII вв. уже неоднократно привлекала внимание исследователей⁵. Черкасова основное место отвела демографическому учёту населения во время мора в Москве и на Русском Севере. Она пришла к выводу, что повышенная смертность людей во время эпидемии послужила началу «более индивидуального демографического учёта», поскольку привычный подворный принцип оказался недостаточным. Учитывались не только представители податных сословий, но и «всякие жилецкие люди», а также женщины и младенцы обоех полов и др. По её словам, «новой чертой демографической статистики стал учёт смертности гражданскими властями по церковным приходам. Более внимательно описывались медико-социальные условия протекания “моровой язвы”» (с. 115).

В четвёртом разделе – «Демография и ономастика» – Черкасова обра-

тилась к фигурирующим в источниках крестьянским именам, что, по её мнению, позволило «вычленить не только сугубо статистические, но и антропологические, социокультурные аспекты в массовом писцово-переписном материале» (с. 116). Безусловный интерес представляет приведённый ею перечень крестьянских (преимущественно мужских) некалендарных имён и прозвищ (с. 117–120), становившихся основой для образования фамилий. Обращаясь к писцовым и переписным книгам, автор отметила и множество содержащихся в них катойконимов (обозначений людей по территориальному признаку), могущих послужить материалом для изучения вопросов миграции населения. От них образовывались и фамилии: Белозёров, Пешехонов, Колмогоров. Иногда, как отмечает Черкасова, оказывались тесно соединены происхождение человека из другого города, части посада и его ремесленная специальность. Исследовательница оценила значение прозвищ и с точки зрения последовательности рождения детей, отметив среди них такие, как Первушка (Первуня, Первой), Фторушка (Второй), Поскрёбыш и т.д. Интересны её наблюдения о бытовании антропонима Дурак/Дураков и топонима Дураково. Нельзя не упомянуть и приведённые автором прозвища новгородского крестьянина конца XV в. – «Карпик Песья Старость» (с. 135–136) или «Сторублевиковая жена с дочерью Козлом» из духовной вологодского гостя Г.М. Фетиева (с. 153). Отдельное внимание М.С. Черкасова уделила женской монашеской антропонимии. Она вслед за многими другими исследователями⁶ отметила, что монашеские имена давались на ту же букву, что и светское имя (это характерно и для мужских монашеских имён) (с. 155). Из данного правила, однако, имелись исключения. Например, в коломенском Бру-

сенском монастыре в начале XVIII в. жили схимонахини Ефросиния, «что в мире была Ульяния», и Таисия, «что в мире была Екотерина»⁷.

Отмечая усиление пенитенциарного значения Горицкого Воскресенского монастыря в начале XVIII в., исследовательница обратила внимание, что сосланные сюда монахини носили обычные имена с фамилиями. По моему мнению, такое написание постриженников не являлось чем-то исключительным. В переписной книге московского Ивановского монастыря большинство насельниц, включая игуменью Марфу Григорову, написаны именно таким образом⁸. Значительна доля монахинь, зафиксированных с обычными именем и фамилией, и в перечне насельниц в переписной книге кашинского Сретенского монастыря 1701 г.; с фамилиями или катойконимами приведены монахи устюжского Михаило-Архангельского монастыря⁹ и др. Предположу, что отсутствие/наличие фамилий в списках насельников из монастырских описей могло быть связано как с культурными традициями, так и с наличием у людей фамилий в мирской жизни.

Среди жителей городов и деревень источники фиксируют скоморохов. Об этой категории населения идёт речь в пятом разделе. Черкасова приводит примеры топонимов, могущих указывать на то, что здесь жили представители этой социальной группы — Скоморошья Гора под Псковом, Скоморошья мовница (баня) в Устюге. Скоморохами автор связывает, например, и деревню Дудино в Нижегородском уезде, близ которой в XV в. возник Амвросиев Дудин монастырь, и другие подобные топонимы — Смыково, Дудолодавское, Свирелиха. В монографии перечислены различные наименования скоморохов: балалаешник, бубен, игрец, домрачей, накрачей, медведник, трубник и многие другие.

Отдельное внимание Черкасова уделила роли скоморохов в придворной жизни, подчеркнув терпимость царей к данному развлечению и востребованность его для придворных празднеств и пиров. Однако в 1648 г. по указу царя Алексея Михайловича скоморохов изгнали с царского двора. В переписных книгах городов начала XVIII в. упоминаний о них уже существенно меньше. Исследовательница развивает выдвинутую А.А. Плетнёвой идею о том, что скоморошество как феномен древнерусского смеха и смеховой культуры исчезло не в середине XVII в., а накануне петровских реформ¹⁰. Она утверждает, что «скоморошество... было снесено культурными преобразованиями Петра I» (с. 204–205). С последним утверждением, однако, нельзя согласиться. В начале XVIII в. скоморошество, освободившись от давления церковных запретов, вновь стало заметным явлением¹¹. В 1733 г. В.Н. Татищев, отвечая на вопрос, «какие науки щегольские разумеются?», вторым после поэзии пунктом указал: «музыка, русски скоморошество», назвав его явлением, относящимся к «увеселяющим наукам». Вновь стали появляться жалобы на увлечение скоморохами людей разных социальных групп, в том числе священников¹². Развлечения «весёлых» послепетровского времени, как и прежде, могли выглядеть сомнительно: «А скоморохи Никифор Васильев, Емельян Слепой в трубки перед ним играли, и тайные уди свои оказывали, и в горнице у него друг на друга сцали»¹³. Из приведённого отрывка становится понятно, почему скоморохов и их поведение осуждала Русская Церковь.

Рассматривая историю скоморошества, Черкасова использует топонимический и антропонимический материал. Такой подход широко применяется в научных исследованиях

по данной теме. Тем не менее недостатки этой методики подметила сама исследовательница, сделав оговорку, что некоторые термины, традиционно связываемые со скоморохами, не обязательно могли относиться именно к ним. Например, в писцовой книге Тверского уезда 1580 г. «медведником» назван дворцовый слуга, а «трубниками» именовали мастеров по сооружению деревянного водопровода (с. 187). В духовной кн. И.Ю. Патрикеева 1499 г. «трубники» — это военные слуги и лица, сопровождавшие князя во время охоты (с. 188). Замеченные Черкасовой недостатки данного метода более глубоки. Часть музыкантов, обычно относимых к скоморохам, ими не являлись. В XVI—XVII вв. при дворе существовал «трубничий чин», музыканты которого играли на торжественных церемониях. В него входили набатчики, литаврщики, накрачеи, трубники. Некоторые из них владели сёлами и деревнями¹⁴. Соответственно, данные по названию музыкального инструмента прозвища необязательно указывают на профессию человека, и топонимический и антропонимический материал при рассмотрении этой темы стоит применять осторожнее.

Название шестого раздела монографии — «Человек и его возраст: от рождения до смерти». Здесь затронута актуальная проблема современной исторической демографии — трансформация детства и его влияние на дальнейшую судьбу человека, семьи, межпоколенные связи¹⁵. Анализируя сведения источников, Черкасова подтвердила то, что «детьми» в изучаемый ею период считались обитатели дворов до 15 лет (с. 209). 15-летие понималось как время вступления мужчины в брак, наступления имущественной и налоговой ответственности. В переписных книгах 1678 г. появились более дробные по сравнению с предыдущими описаниями возрастные

разряды: «полутора году», «полутретья году», а в XVIII в. возраст детей стал фиксироваться ещё более тщательно. Автор поднимает и вопрос младенческой смертности. Широкий пласт сведений об этом дают синодики. В таблице 12 на с. 224—225 приведены интересные подсчёты о доле младенцев в общей смертности рода, сделанные Черкасовой на основе опубликованных синодиков переславского Успенского Горицкого, московского Чудова, Николо-Коряжемского, Коневского Рождественского монастырей и ряда церквей, а также кормовой книги Троице-Сергиева монастыря: доля умерших младенцев в роду могла достигать 40—50%. Ещё одним «документальным резервом» для изучения младенческой смертности исследовательница назвала списки погребённых в различных монастырях (с. 227).

Интересны наблюдения Черкасовой об одновременном существовании в семье двоих и даже троих детей с одинаковыми именами. Составители переписных книг таких детей обычно фиксировали с определениями «большой», «средний» и «меньшой». Однако вывод автора о том, что «всегда дети с одним и тем же именем идут друг за другом, с интервалом рождения 1,5—2 года», нуждается в коррекции. В переписных книгах 1701—1703 гг. случаи, когда дети-тёзки не следуют друг за другом, не редкость. В селе Парфеньеве коломенского Голутвина монастыря жили «Петрушка Афонасьев, а у него детей: Серешка большой женат, да Микушка пятнатцати лет, да Серешка меньшей семи лет, да Ивашка трех лет». Подобные случаи зафиксированы и в сельце Четрякове той же вотчины¹⁶. Интервал рождения детей с одинаковыми именами, даже если они следуют друг за другом, очень часто превышает обозначенный автором порог в 1,5—2 года. Например, в деревне Дехтяри галичского Паисиева

Успенского монастыря жили «Иван большей двадцати годов и Иван меньшей десяти годов»¹⁷. Список подобных примеров можно продолжать. По моему мнению, свою роль в появлении в одной семье детей-тёзок играло не «имянаречение родителями новорождённых в память о недавно умерших их братьях и сёстрах» (с. 234), а случайное совпадение имён в святцах.

Интересны наблюдения Черкасовой и о другой категории населения — престарелых, стариках и старухах, информация о которых в источниках менее детальна. Понятия старости, престарелости для того времени растяжимы. В переписной книге Яренского уезда 1710 г. «пожилыми» названы люди от 60 до 95 лет, в ландратской же книге села Лыскова Нижегородского уезда 1716/17 г. 55-летняя женщина названа «старухой», а 45-летняя — престарелой (с. 238).

В седьмом разделе Черкасова затронула мало разработанную в историографии тему демографической истории русского монашества. Этот пробел объясняется состоянием источниковой базы, но вводимые в научный оборот переписные книги монастырей, содержащие списки монашествующих, позволяют осветить этот вопрос. В Вологодско-Белозерской епархии с 1670-х гг. известны «записные монашеские книги» («постригальные монашеские книги») и памяти, выдаваемые вновь постриженным инокам. Такая документация предшествовала «ведомостям о числе монашествующих», составившихся в епархии с 1704 г. Исследовательница подчеркнула, что «систематическая информация об именах и прозвищах монашества служит ценным источником не только для историков, но и лингвистов по антропонимике, способствует социокультурному, антропологическому рассмотрению иноческих сообществ» (с. 249—250).

Черкасова остановилась на проблеме общей численности монастырских насельников, в первую очередь монахов, показав «широкий разброс показателей численности разных монастырей» в разных городах, уездах и епархиях. Она заметила, что количество братии в монастырях, по которым не обнаружены списки монашествующих, можно установить по ряду косвенных признаков — количеству указанных в описях клобуков, сапог, трапезных приборов, келий. На мой взгляд, привлечение такого рода сведений может дать лишь очень приблизительные результаты. Монашеская одежда и другие предметы обихода, попавшие на страницы переписных книг, хранились в кладовых, будучи закуплены про запас. Те, что использовались на момент описания, находились в монашеских кельях, и их, как правило, не описывали, за исключением наиболее ценных предметов, как, например, это имело место в переписной книге устюжского Михаило-Архангельского монастыря 1702 г.: «Да что в кельях бывают у денежного казначея, и у платного, и у поряженного три рукомоиника да три лохани медные... в том числе рукомоиники да лахань меди зеленой, а две лохани красной меди»¹⁸. Следовательно, перечисленные в описаниях предметы реальную численность братии не отражают. Вопрос с количеством келий тоже неоднозначен. Даже если предположить, что в общежительных монастырях в каждой келье жило примерно одинаковое число иноков, часть помещений на момент переписи по разным причинам могли стоять пустыми, а составители переписных книг не всегда это отмечали.

Сопоставив описи за разные годы XVII в., Черкасова пришла к выводу, что «какой-то однонаправленной динамики» к уменьшению или увеличению численности монашествующих

не наблюдается. В качестве одного из многочисленных статистических примеров она привела данные о численности братии в Кирилло-Белозерском монастыре за 1620/21 и 1668 гг. — соответственно 186 и 224 человека (с. 248). Сведения о данном монастыре можно дополнить. В письме архиепископа Коломенского и Каширского Никиты (Тотемского), написанном в 1694 г. архимандриту Кириллова монастыря, фигурирует цифра 170 монашествующих¹⁹, что подчёркивает выявленный Черкасовой разнонаправленный характер колебаний.

Интересно наблюдение о том, что на Севере широко практиковалось поступление в монастыри обоих больных и престарелых супругов. Обители при этом играли роль учреждений социального обеспечения. Случаи, когда в монастырь постригались члены одной семьи, неоднократно имели место и в других регионах. В тульском Успенском девичьем монастыре приняли постриг сёстры Агриппина и Феодосия Ивановы Бохины, Агриппина и Ксения Аверкиевы Смоляковы. Здесь же стали монахинями жена и дочь солдата Клемена Жданова — Гликерия Юрьева Маликова и девица Анна Клеменова²⁰.

В рецензируемой книге затронут и вопрос о миграциях монашествующих. Во внимание принимаются «фамилии» постриженников, отражающие их предыдущее место жительства — Паисея Онтоновский, Гурей Сторожевский, Ефрем Ярославский (с. 253). С этим вопросом тесно связан и вопрос о социальной основе монастырей Русского Севера, большинство насельников которых составляли бывшие крестьяне. Нельзя не согласиться с автором, что сбор сведений по демографии монашества необходимо продолжать. Но уже на настоящем этапе исследования можно сделать некоторые выводы о различиях

в социальном составе постриженников в разных регионах государства. Так, бóльшую часть насельников монастырей Коломенской епархии, в отличие от Севера, составляли бывшие священнослужители и представители служилого сословия²¹. Помимо монахов в монографии рассмотрены и другие категории монастырского населения — слуги, служебники, детёныши и прочие работники. Затронут и вопрос о пенитенциарной функции русских обителей.

Восьмой раздел имеет название «Человек: его честь и бесчестье». Здесь Черкасова попыталась совместить демографическую и социально-правовую информацию источников. Безусловно, категория «чести» «многоплановая по содержанию и претерпевшая длительную эволюцию, играла исключительно важную роль в средневековой Руси и России раннего Нового времени» (с. 272). Под честью автор понимает достоинство, почёт человека, его доброе имя, уважение и самоуважение, славу, преимущества. Отдельно разбирается Севернорусский судебник 1589 г., учитывающий имущественную дифференциацию локального сообщества. Здесь шире представлено крестьянство, уделяется внимание обедневшим слоям жителей Севера.

Последний, девятый раздел монографии посвящён покаянной практике. Учёт исповеданий в России начал вводиться лишь в 1716—1718 гг.²² Данная тема, по мнению исследовательницы, имеет и социокультурный аспект: по мере усиления зависимости Церкви от государства в Московской Руси и императорской России исповедные формулы-вопросники всё сильнее отражали представления о приоритете государственных интересов над всеми остальными. Требования крестьянам обязательно являться на исповедь в начале XVIII в. стали включаться

в инструкции вотчинным приказчикам. Добросовестное осуществление священниками покаянной практики регулировалось штрафными мерами, устанавливаемыми архиереем. Черкасова ставит также вопрос о соотношении исповеди и уголовного права.

Самостоятельную научную ценность имеют Приложения. В них представлены фотографии документов — вечной памяти, «доезда и скаски», крестьянской челобитной, а также миниатюры и гравюры, иллюстрирующие основные разделы монографии. Опубликованы 27 документов — вечные памяти, челобитные, судебные дела, поручные записи и др., обнаруженные исследовательницами в вологодских и великоустужских архивохранилищах.

В целом интереснейшая монография М.С. Черкасовой оставляет самое благоприятное впечатление. Цель — показать человека и микрогруппы в демографической истории — ею, несомненно, достигнута. Книга увлекательна. Она погружает читателя в повседневную жизнь XVI — начала XVIII в., позволяет увидеть людей — взрослых и детей, крестьян и горожан, представителей служилого сословия и монахов, услышать их речь, осознать актуальные для них проблемы; представляет галерею судеб людей с их заботами и взаимоотношениями. Несмотря на некоторую сбивчивость в изложении, монография заслуживает самой высокой оценки.

Примечания

¹ Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова в Петровское время. М., 2004.

² Черкасова М.С. Население Русского Севера // Очерки демографической истории России XI—XXI вв. Т. 2. XVI—XVII вв. / Отв. ред. В.Б. Жиромская. М.; СПб., 2022. С. 212—280.

³ Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI — XVIII века. М., 2012. С. 47.

⁴ Белова А.Б., Шамин С.М. Очки в Московском государстве XVI—XVII столетий // Московская Русь: археология, архитектура. К 75-летию Леонида Андреевича Беляева. М., 2023. С. 438—459; Башнин Н.В. Опись келейного имущества архиепископов Вологодских и Белозерских 1683 г. // Вестник церковной истории. 2016. № 1/2(41/42). С. 27.

⁵ См. новейшие публикации на эту тему: Шамин С.М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011. С. 210—216; Селин А.А. Московские карантинны. Борьба с «моровыми поветриями» в XVI—XVII вв. в Новгороде и Пскове. СПб., 2020; Исхаков Э.Р. Ликвидация вспышки моровой язвы (чумы) в Москве в XVIII веке: историко-правовые аспекты // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 2(64). С. 65—74; Герасимова И.В. Карантин в Великом княжестве Литовском: воеводство князя Василия Борисовича Шереметьева во время эпидемии чумы 1657 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 2(112).

⁶ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Годунов в кругу родни (биографические разыскания). СПб., 2022. С. 104.

⁷ Шамина И.Н. Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренёва и Брусенского монастырей 1701 г. // Вестник церковной истории. 2017. № 3/4(47/48). С. 220, 221.

⁸ История Московского Ивановского девичьего монастыря в документах XVII — начала XIX века / Сост. Д.Г. Давиденко. М., 2015. С. 344—347.

⁹ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 57, л. 188—188 об.; д. 44, л. 30—31 об.

¹⁰ Плетнёва А.А. Скоморохи и скоморошество. К истории слов и понятий // Эволюция понятий в свете истории русского языка. М., 2012. С. 104.

¹¹ Шамин С.М. Скоморошество // История России. Т. 5. Кн. 2 (в печати).

¹² Стенник Ю.В. Эстетическая мысль в России XVIII в. // XVIII век. Сборник 15. Л., 1986. С. 40—41; Шамин С.М. «Доношения» воронежского священника Саввы Ивановича Дугина в документах Тайной канцелярии // Вестник церковной истории. 2015. № 3/4(39/40). С. 114.

¹³ Алатов С.В. Мышь и икона: к проблеме фольклорных корней поэтики Ф.М. Достоевского // Studia Litterarum. 2020. Т. 5. № 1. С. 278.

¹⁴ Шамин С.М. Накры как один из атрибутов государственной власти: от Ивана IV до Петра I (к вопросу о царском трубничем чине) // Каптеревские чтения. 2015. № 13. С. 322—337.

¹⁵ Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е., Шетинин А.С. «Новая историческая демография» в России: эволюция или скачок в развитии? // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3(154). С. 29–53.

¹⁶ Шамина И.Н. Переписные книги... С. 168, 177.

¹⁷ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 23, л. 142.

¹⁸ Там же, д. 44, л. 29.

¹⁹ Там же, ф. 196, оп. 2, д. 121, сст. 1–2.

²⁰ Там же, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 58, л. 594 об., 597 об.–598, 599, 599 об.

²¹ Шамина И.Н. Социальный портрет монашествующих Коломенской епархии в конце XVII – начале XVIII в. // Традиционные и новаторские пути изучения социальной истории России XII–XX веков. Сборник статей в честь Елены Николаевны Швейковской. М., 2021. С. 423.

²² Пшеницын Д.А., Черкасова М.С. О раннем этапе исповедного учёта в России (конец XVII – первая треть XVIII в.) // Вестник церковной истории. 2022. № 3/4(67/68). С. 150–184.

Андрей Скрыдлов

Рец. на: Императорская Академия наук на пути обновления в 1801–1855 гг.: исторические очерки / Ред. и сост. Е.Ю. Басаргина. СПб.: Нестор-история, 2021. 680 с.

Andrey Skrydlov

(S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg)

Rec. ad. op.: Imperatorskaya Academia nauk na puti obnovleniia v 1801–1855 gg.: istoricheskiye ocherki. Saint Petersburg, 2021

DOI: 10.31857/S2949124X23060172, EDN: NNYVFR

Академия наук, будучи исторически первой формой институционализации фундаментальной науки в России, на протяжении трёх столетий оставалась одним из ключевых центров исследовательского и образовательного пространства, а также играла важную роль в культурной и общественной жизни страны, накопив богатый опыт, не утративший своей значимости и актуальности. Его изучение восходит к работам Комиссии по истории Академии наук СССР (КИАН), созданной в 1938 г. при Архиве АН СССР¹. Основной её целью являлась «подготовка к публикации документов, отражающих жизнь и деятельность наиболее выдающихся русских учёных»². Руководил ею С.И. Вавилов, а после его смерти и последовавшей затем реорганизации в сентябре 1953 г. КИАН и ряд других академи-

ческих комиссий вошли в состав Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР, где появилась группа, преобразованная в середине 1960 г. в сектор истории Академии наук во главе с А.В. Предтеченским³. Благодаря ему и его сотрудникам вышла в свет фундаментальная «История Академии наук СССР», охватывающая XVIII–XIX вв.⁴ В двухтомном исследовании удалось обобщить обширный фактический материал и очертить развитие отдельных отраслей академической науки, поместив его в широкий социальный контекст, охарактеризовать труды основных институтов и видных учёных.

В последующие десятилетия исследователи подробно разрабатывали различные аспекты становления Академии наук. Однако традиционно

их внимание привлекал прежде всего XVIII в., тогда как первая половина XIX в. долгое время находилась в тени университетской истории. Именно поэтому весьма значимым событием представляется издание в серии «Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки»⁵ коллективной монографии «Императорская Академия наук на пути обновления в 1801–1855 гг.». В её главах, подготовленных Е.Ю. Барсариной, Н.Е. Груздевой, С.И. Зенкевич, О.А. Кириковой, И.В. Тункиной, К.Г. Шишкиной и И.М. Щедровой, прослеживается взаимодействие государственной власти и академической науки «в период двух крайне разнородных и противоречивых царствований – Александра I и Николая I» (с. 9). При этом авторы опирались на широкий круг источников, включающий нормативно-правовые акты, документы официального делопроизводства и личного происхождения, публикации в периодической печати, справочники и т.д. Особую ценность представляют впервые введённые в научный оборот материалы из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН), РГИА, Отдела рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея, Государственного исторического архива Латвии.

Книга состоит из двух частей. Первая разделена на четыре главы, в которых последовательно рассмотрены положение Академии наук и влияние на него государственной политики в области просвещения, особенности комплектования и изменения в личном составе и структуре академических учреждений, а также издательская деятельность. Вторая часть, сопоставимая по объёму с первой, включает 10 приложений, различных по своему типу и содержанию. Как правило, это тексты, выявленные в фондах СПбФ АРАН.

В первой главе показано, как по мере появления высших учебных заведений и научных обществ Академия наук постепенно утратила прежнюю монополию на производство научного знания. Авторы подробно излагают обстоятельства создания Министерства народного просвещения и Главного правления училищ, в котором заметную роль играли академики Н.И. Фус и Н.Я. Озерецковский, активно участвовавшие в обсуждении того, как именно следует устроить новую систему просвещения и ведомство, призванное ею управлять. Основным её звеном в итоге оказались университеты, стоявшие в центре учебных округов. Характерно, что в ходе дискуссии об организации Петербургского учебного округа академики рекомендовали возродить Академический университет, прекративший существование к концу XVIII в. Однако в Министерстве отказались от этого предложения, что, по мнению авторов, подтверждает вывод «об отсутствии преемственной связи между Академическим университетом и “новым” Петербургским университетом» (с. 31).

Важнейшие вехи истории Академии наук (в частности, введение её регламентов 1803 и 1836 гг., расширение круга учёных) анализируются в связи с деятельностью ключевых фигур, формировавших политику в сфере образования – Н.Н. Новосильцова, кн. А.Н. Голицына, А.С. Шишкова и особенно С.С. Уварова. Сочувствуя наметившейся в современной историографии тенденции, авторы книги не только не видят в нём «прожжённого реакционера и врага просвещения», как это делалось в советское время, но и признают, что «умелыми административными действиями ему удалось превратить Академию в крупный научный центр и поднять её престиж». Фактически «он изменил её образ

в глазах европейских учёных и русско-го общества» (с. 69).

Во второй главе прослеживаются особенности комплектования Академии и замещения административных должностей (в том числе вице-президента и неперменного секретаря, направлявших научно-организационную работу). Вместе с тем авторы показали, как она «исподволь, шаг за шагом, была включена в сферу ответственности высших чиновников Министерства народного просвещения» (с. 74). На основании штатов 1803, 1830 и 1836 г. ими выявлена динамика численности её действительных членов в соответствии с перечнем наук, «усовершенствованием коих Академия должна заниматься». Отмечено, что усилению её личного состава в первой четверти XIX в. заметно препятствовало то, что «из-за инфляции реальный заработок академиков сократился втрое, и сами академики сравнивали его со службой “за бутерброд”». В Академии не уставали сожалеть о том, что крайняя скромность средств лишала её возможности приглашать достойных учёных, устроенных лучше даже в гимназиях» (с. 114). Ситуация выправилась лишь после утверждения в 1830 г. новых штатов.

В соответствии с Регламентом 1803 г. академическая корпорация стала пополняться с помощью выборов, а не назначений. В книге проанализированы нормативные документы, регулировавшие процедуру избрания, требования к кандидатам, правовой статус ординарных и экстраординарных академиков, адъюнктов, почётных членов, воспитанников. Последовательно и детально рассмотрены обстоятельства избрания Г.Ф. Паррота, К.М. Бэра, А.Т. Купфера, В.Я. Струве, М.В. Остроградского, В.Я. Буныковского, Н.Г. Устрялова, П.И. Кеппена и др., выявлены критерии, которыми руководствовались их участники.

Как установили исследователи, в большинстве случаев подбор кандидатов на вакантные места происходил при непосредственном участии президента Уварова. Взаимоотношения «русской» и «немецкой» партий в Академии какого-либо отражения в тексте не получили. Но, по словам авторов, к середине XIX в. «наука в России окрепла настолько, что появилась возможность принимать отечественных учёных без каких-либо особых послаблений» (с. 144).

В третьей главе, самой объёмной, говорится об истории различных академических подразделений. Процесс совершенствования «учёных принадлежностей» Академии, начавшийся в 1826 г. с докладной записки академиком Уварову, растянулся на 10 лет. Устав и Штат 1836 г. закрепили сформировавшийся к тому времени круг академических учреждений. Но они «обладали необходимой пластичностью» для обеспечения последующего развития (с. 162). Так, в первой половине XIX в. архив воспринимался преимущественно как «хранилище делопроизводственных бумаг, необходимых для справок, а не как ценнейший источник ретроспективной документальной информации по истории науки и просвещения в России и Европе» (с. 186). В пореформенные десятилетия он оказался востребован в научной работе. Кунсткамера к началу XIX в. «изжила себя как музей универсального типа», но с середины 1820-х гг. являлась «зачатком самостоятельных музеев» (с. 191). И если формально создание отраслевых музейных коллекций регулировалось Уставом 1836 г., то на практике их разделение произошло на девять лет раньше. В 1830-е гг. музеи уже воспринимались как «полноправные научные институты», требовавшие собственных материальных средств и сотрудников. Отдельные параграфы монографии

посвящены истории Анатомического и Физического кабинетов, Химической лаборатории, Пулковской и Виленской обсерваторий, Ботанического сада и Библиотеки. Собранный и систематизированный материал достаточно полно воссоздаёт обстоятельства создания данных учреждений и позволяет охарактеризовать профессиональные качества служащих и основные направления их занятий.

В четвёртой главе освещена издательская деятельность Академии наук. С 1803 г. её типография перешла в ведение Комитета правления, что способствовало обновлению нормативно-правовой базы и оборудования, а создание системы подготовки собственных типографских работников со временем обеспечило ей стабильный приток денежных средств.

Приложения к монографии удачно дополняют авторский текст. В них, в частности, собраны сведения об изменении состава действительных и почётных членов Академии наук, включая как отечественных, так и зарубежных учёных; в особую категорию выделены лица, избранные по Отделению русского языка и словесности. В обстоятельном очерке рассказано о почётных членах-пенсионерах. Несомненную ценность представляет публикация писем академика Паррота к Николаю I и таких документов, как заметка К.А. Беттигена «Памятная юбилейная медаль Петербургской Академии наук», «Описание Академического музея, составленное в 1827 г. английским врачом А. Гранвилем», «Доклад о действительном состоянии учёных принадлежностей Императорской Санкт-Петербургской

Академии наук и о том, как поднять их до уровня первых институтов Европы», «Записки К.М. Бэра о Зоологическом музее», «Проекты здания Пулковской обсерватории», «Проект положения и штата для типографии Санкт-Петербургской Императорской Академии наук». Все тексты приводятся на языке оригинала с переводом на русский и сопровождаются археографическими комментариями.

В целом авторский коллектив подготовил основательный труд, который вносит существенный вклад в историографию и помогает лучше понять место и роль Академии наук в российской истории и культуре, открывая новые перспективы для дальнейших исследований.

Примечания

¹ *Чумакова Т.В.* Комиссия по истории Академии наук (1938–1953): её истоки и научная деятельность // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. № 3. С. 27–43.

² *Илизаров С.С.* ИИЕТ в 1953 г. // 80 лет Институту истории науки и техники. 1932–2012. История института в публикациях журнала «Вопросы истории естествознания и техники». М., 2012. С. 150–179.

³ *Кольцов А.В.* Как писалась «История Академии наук» // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 3. С. 150.

⁴ История Академии наук СССР / Под ред. К.В. Островитянова. Т. 1. М.; Л., 1958; Т. 2. М.; Л., 1964. О подготовке третьего тома «Истории Академии наук» см.: *Колчинский Э.И.* Историко-научное сообщество в Ленинграде–Санкт-Петербурге в 1950–2010-е гг. СПб., 2013. С. 45.

⁵ Подробнее о серии см.: *Тункина И.В., Басаргина Е.Ю.* «Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки»: итоги первого десятилетия (2011–2021) // Вестник РАН. 2022. № 3. С. 228–237.

Ольга Белоусова

И.С. Аксаков и его корреспонденты*

Olga Belousova

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

I.S. Aksakov and his correspondents

DOI: 10.31857/S2949124X23060184, EDN: NNZXRA

В пятую книгу серии «Славянофильский архив», выпускаемой Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) РАН, включена длившаяся почти четверть века (с 1861 по 1885 г.) переписка яркого мыслителя-славянофила И.С. Аксакова и хозяйки московского салона Е.А. Свербеевой. До сих пор про их эпистолярное общение почти ничего не было известно (с. 35), хотя небольшие фрагменты из написанного Аксаковым всё же публиковались. Здесь же собрано более ста их писем друг другу, дополненных посланиями Екатерины Александровны к А.П. Елагиной и текстами некоторых корреспондентов Ивана Сергеевича. Основная часть данного тома разделена по годам на 10 неравных периодов (1861, 1862, 1864–1874, 1876, 1877, 1878, 1879–1881, 1882, 1883, 1884–1885 гг.), и каждую из них предваряет краткое описание основных событий, происходивших в то время в жизни Аксаковых и Свербеевых. Эту научную публикацию с подробными комментариями подготовила доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Московского университета Т.Ф. Пирожкова, уже давно изучающая творчество Аксакова. Историки хорошо знают и ценят подготовленные ею к публикации в «Литературных памятниках» письма Аксакова к родным¹. Участвовала она и в издании его переписки с Ю.Ф. Са-

мариным, вышедшей в третьей книге «Славянофильского архива»².

В обширной вступительной статье помимо биографических сведений о Свербеевой, которой ранее исследователи не уделяли внимания (с. 37), рассказывается и о её салоне, где с 1830-х до конца 1840-х гг. западники и славянофилы по пятницам собирались и спорили, покуда окончательно не рассорились и не утомили хозяев (с. 15–17). С 1850 г. вместо высокоинтеллектуальных собраний у Свербеевых стали устраивать балы. К тому же, если раньше салон являлся общим детищем супругов, то теперь их интересы начали расходиться: Дмитрий Николаевич, отставной чиновник Московского архива МИД, всё больше занимался своим подмосковным имением, практически не покидал Серпуховский уезд и даже некоторое время служил там предводителем дворянства, тогда как его жена, оставшись в Москве, по словам Пирожковой, «пыталась сохранить остатки славянофильского окружения» (с. 17) и «поддерживала все журнально-издательские начинания славянофилов» (с. 28).

Неудивительно, что 14 октября 1861 г. Свербеева поздравила Аксакова с выходом первого номера его газеты «День». Ободряя начинающего публициста, она, в частности, сообщила ему, что скончавшийся осенью 1860 г. А.С. Хомяков сказал ей

* Переписка И.С. Аксакова и Е.А. Свербеевой (1861–1885) / Публ. Т.Ф. Пирожковой. СПб.: Изд-во Пушкинский Дом, 2022. 464 с., ил. (Славянофильский архив. Кн. V).

во время последней встречи: «Одному Ивану Сергеевичу дал бы я своё имя» (с. 45). С этого и началась их переписка. Впоследствии Екатерина Александровна не раз с сочувствием отзывалась о выступлениях Аксакова в печати. Тот благодарил за добрые слова и поддержку, иронизировал над придирчивостью цензуры (с. 47–48), полемизировал с Д.Н. Свербеевым, резко осуждавшим то, как в московских газетах освещалось положение Западного края и отношения России и Русской Церкви с восточными патриархами³.

Довольно ярко в переписке и комментариях к ней отражены обстоятельства высылки Аксакова в июле 1878 г. во Владимирскую губ. (за публичную критику действий российской дипломатии на Берлинском конгрессе) и его возвращения через несколько месяцев в Москву (с. 72–93, 213–229). Характерно, что уже в октябре у осведомлённых москвичей «сложилось общее мнение» о скором прощении зарвавшегося славянофила (с. 90). В конце ноября, когда Александр II проезжал через Москву, возвращаясь из Ливадии в Петербург, московский генерал-губернатор кн. В.А. Долгоруков будто бы доложил, что Аксаков «сидит тихо», и царь сменил гнев на милость (с. 284). Князь поспешил поделиться новостью с кн. Н.Б. Трубецкой, которая сразу же поняла: «Это было мне сказано не по секрету, а наоборот, с видимым желанием, чтобы я передавала друзьям Ивана Сергеевича» (с. 229). Несколько дней спустя владимирский губернатор известил ссыльного о высочайшем дозволении вернуться в Москву без «требований каких-либо обязательств и обещаний» (с. 93).

В конце июля 1880 г. Аксаков расхваливал «благоприятные перемены в центральном управлении» и утверждал, что благодаря гр. М.Т. Лорис-

Меликову, руководившему тогда Верховной распорядительной комиссией, и новому начальнику Главного управления по делам печати МВД Н.С. Абазе «свобода печати теперь замечательная, как никогда не бывала». Ему казалось, что «острый характер общественного положения миновал, и период деятельного нигилизма едва ли уж не пережит» (с. 107). Видимо, «друзья Ивана Сергеевича» не скрывали подобные отзывы, и через полтора месяца он получил при содействии гр. Лорис-Меликова, ставшего министром внутренних дел, разрешение издавать газету «Русь».

В начале нового царствования Аксаков, по наблюдениям К.Н. Леонтьева, служившего тогда в Московском цензурном комитете, придерживался в «Руси» принципа: «Самодержавный царь и земство — больше ничего, или почти ничего». А «всё посредствующее», включая «всю или почти всю администрацию», непременно «должно исчезнуть» или «атрофироваться»⁴. Между тем с января 1882 г. славянофил скорбел: «Петербург в восторге, что “на прежняя возвратился”... и можно забыть все уроки судьбы» (с. 112). Отставку («падение») министра внутренних дел гр. Н.П. Игнатьева Иван Сергеевич воспринял как собственное поражение, видимо, догадываясь или зная о её связи с отказом императора от славянофильской идеи созыва Земского собора. Об этом, правда, в письмах к Свербеевой речи не шло. «Победу» же одержали обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев (по словам Аксакова, ставший ему «совершенным врагом») и опасавшийся «вторжения в сферу власти всего живого», редактор «Московских ведомостей» М.Н. Катков и даже почему-то министр народного просвещения И.Д. Делянов. Более того, он полагал, что «тут, конечно, много помогли евреи и заграничная интрига».

В «несостоятельности» возглавлявшего МВД гр. Д.А. Толстого публицист не сомневался, но допускал, что тому удастся продержаться «несколько лет» (гр. Игнатъев ожидал очередных перемен «через несколько месяцев»), поскольку «отсутствие предприимчивого почина совершенно по нраву личному характеру нашей власти» (с. 115).

Несмотря на это, Иван Сергеевич, похоже, не терял надежды на появление у престола человека, который мог бы «сделаться центром русского направления», «никаких милостей не искал», «безбоязненно проповедовал свои убеждения». Таким ему представлялся, в частности, скончавшийся 25 июня 1882 г. М.Д. Скобелев. Сообщая Свербеевой о смерти генерала, Аксаков отмечал, что «потеря Скобелева пока не вознагражима». При этом московский публицист был почему-то уверен, будто Михаил Дмитриевич «имел свободный доступ к государю (которого очень любил), всё ему сообщал и постоянно писал» (с. 117). В комментариях к данному письму Пирожкова даёт более взвешенную и точную оценку как личных качеств Скобелева, так и его весьма напряжённых отношений с Александром III (с. 315). Однако издателю «Руси» явно хотелось верить собственным грёзам. Жалуясь в начале 1884 г. на несознательность русской публики, никак не реагирующей на его обличения, Иван Сергеевич только ворчал: «Дрянное общество, нужно его перевоспитывать!» (с. 134). Судя по всему, подобная задача казалась ему вполне посильной.

Свои суждения о внешней политике Аксаков высказывал в письмах весьма осторожно. Временно приостановив выпуск газеты, он переехал весной 1885 г. в Ялту и с сожалением смотрел «на это море, которое должно быть совсем русским и которым мы так преступно пренебрегли последние

20 лет», и «на этот юг, где после смерти князя М.С. Воронцова не было и нет хозяина с государственным умом». Застарелая неприязнь к петровской империи прорывалась в словах о том, что «не на Балтике, а здесь, в настоящее время, должен бы быть центр тяжести государственного правления — тогда бы и восточный вопрос решён был иначе, и не было бы настоящей возни с англичанами!» (с. 145). Аксаков надеялся, что эта «возня», вылившаяся в столкновение на Кушке, не приведёт к войне с Англией, которая неизбежно стала бы «общевропейской» и одновременно заставила бы Россию «непрерывно идти в Индию и там потрясти до самых оснований английское могущество». Приходилось признать, что к такому конфликту «мы не готовы», и хвалить сдержанность Александра III: «Честь и слава твёрдости государя, и тем более, что в настоящем случае нельзя сказать, чтоб печать и общественное мнение руководили им и оказывали на него сильное давление». Однако и в этот раз мысль о том, что «история не ждёт, пока мы станем исправны, у неё своя логика», воинственного журналиста не покидала. Во всяком случае, он был «готов» и знал, что ему делать: «Если война начнётся, я возобновлю “Русь”» (с. 146).

35 писем Свербеевой к Елагиной 1858–1875 гг. удачно дополняют основную часть публикации и позволяют лучше понять взгляды корреспондентки Аксакова. Так, весной 1864 г. она явно не сочувствовала русской политике в Царстве Польском и осуждала решение А.И. Кошелёва занять видный административный пост в Варшаве (с. 175). Не менее любопытны и письма, полученные Аксаковым от разных лиц во время его варваринской ссылки. К примеру, кн. Грубецкая сообщала ему о разговоре с гр. Игнатъевым, отдохавшим

летом 1878 г. в своём киевском имении, о перевозке войск к австрийской границе и слухах о «какой-то тайной экспедиции» в Туркестане (с. 216). Профессор Петербургского университета В.И. Ламанский делился своими политическими прогнозами, а затем, получив неожиданный запрос из Главного штаба и не зная ещё о высылке Ивана Сергеевича, просил его узнать у московских староверов об отношении к России буковинских раскольников (с. 224–225).

Комментирование столь крупного эпистолярного корпуса, естественно, требовало колоссальной работы и едва ли могло обойтись без некоторых упущений и неточностей. Так, слова Свербеевой о том, что кн. В.Ф. Одоевский «опять садится под колокол» (с. 193), сопровождаются пояснением: «Имеются в виду, по-видимому, музыкальные занятия В.Ф. Одоевского русской церковной музыкой» (с. 374). Между тем в данном случае подразумевалось «лечение посредством нагнетательного воздуха» от катара горла, которым князь страдал в конце жизни⁵. 6 августа 1871 г. Свербеева упомянула в письме к Елагиной о «цесаревне» (с. 204), т.е. о вел. кн. Марии Фёдоровне — супруге цесаревича вел. кн. Александра Александровича. В комментариях же ошибочно указано, что речь идёт о вел. кн. Марии Александровне, дочери Александра II (с. 384–385). Графы П.А. Шувалов и Н.П. Игнатьев почему-то именуется «двумя негласными помощниками министра иностранных дел князя А.М. Горчакова» (с. 391),

хотя их гораздо вернее было бы назвать его соперниками. Н.Н. Обручев представлен как «начальник Главного штаба армии» (с. 398), тогда как Главный штаб представлял собой одно из «управлений» (департаментов) Военного министерства. М.С. Каханов стал председателем Особой комиссии для составления проектов местного управления (с. 306) уже после увольнения от должности товарища министра внутренних дел.

Но, разумеется, подобные мелкие недочёты не могут умалить значение фундаментальной научной публикации, являющейся важным событием в изучении интеллектуального наследия славянофилов.

Примечания

¹ Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849 / Публ. Т.Ф. Пирожковой. М., 1988; Аксаков И.С. Письма к родным. 1849–1856 / Публ. Т.Ф. Пирожковой. М., 1994.

² Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876) / Публ. Т.Ф. Пирожковой, О.Л. Фетисенко, В.Ю. Шведова. СПб., 2016.

³ Эта полемика во многом предвосхищала споры И.С. Аксакова с К.Н. Леонтьевым и Т.И. Филипповым о «болгарской схизме» и роли фанариотов. Подробнее о них см.: Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX — первой четверти XX века). СПб., 2012. С. 143–185.

⁴ Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. В 12 т. / Сост. В.А. Котельников, О.Л. Фетисенко. Т. 10. Кн. 2. СПб., 2017. С. 18.

⁵ Князь Владимир Одоевский. Дневник. Переписка. Материалы. К 200-летию со дня рождения / Сост. М.П. Рахманова. М., 2005. С. 183–185, 207, 292.

Фёдор Гайда

Рец. на: Н.Б. Хайлова. *Центризм в российском либерализме начала XX века*. М.: Институт российской истории РАН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 639 с. (*Historia Russica*)

Fyodor Gayda

(*Lomonosov Moscow State University, Russia; HSE University, Moscow, Russia*)

Rec. ad op.: N.B. Khaylova. *Tsentrizm v rossiyskom liberalizme nachala XX veka*. Moscow, Saint Petersburg, 2022

DOI: 10.31857/S2949124X23060196, EDN: NOFMML

Монография Н.Б. Хайловой — первое обобщающее научное исследование российского либерального «центризма» начала XX в. Это не удивительно, поскольку точно определить данное явление не так просто. Ведь речь идёт не о посредничестве между властью и оппозицией или между правительством и Государственной думой (хотя те, кто надеялся играть подобную роль в IV Думе, как раз и называли себя «фракцией центра»), а о тех общественно-политических деятелях, которые стремились занять «срединное» положение в либеральных кругах. При этом до Первой мировой войны среди русских либералов единства не наблюдалось. Умеренная их часть, в целом, желала сотрудничества с властью, которая ради этого 3 июня 1907 г. даже осуществила государственный переворот, обеспечив октябристам относительное большинство в Думе. Наоборот, радикально настроенные конституционные демократы не отделяли себя от «освободительного движения» (объединявшего их с социалистами и анархистами), ориентировались на смену политического строя и в третьеиюньской системе занимали маргинальное положение. Говорить о самом существовании в России до 1914 г. некоего «либерального лагеря» едва ли верно, истории просто при-

выкли это делать благодаря советской историографической традиции. Учитывая же дистанцию, разделявшую кадетов и октябристов, занимать «срединное» положение между ними, конечно, было вполне возможно, однако политический смысл подобной позиции не совсем понятен.

Характерной чертой «центристов», по мнению Хайловой, являлась не только «срединность», но и конструктивность, стремление к диалогу с правительством и различными общественными группами, в том числе совсем не либеральными (с. 32–33). Автор связывает это с этической реакцией на революционную смуту начала XX в. (с. 254). Выступая за гуманизацию российского общества, за политическое просвещение вместо пропаганды, за поиск компромисса, гибкость, прагматизм и реализм (с. 471–472), «центристы» вовсе не считали борьбу за власть своей основной целью. Но в революционную эпоху такая стратегия едва ли могла привести к успеху.

В историографии «центристам» не повезло: они нередко ступёвывались на фоне других партий. Отчасти это происходило вследствие отмеченной в книге расплывчатости источников, связанной с организационной рыхлостью структур «центристского» направления (с. 30–31). На рубеже

Материал подготовлен в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2023 г.

XX–XXI вв. Хайлова приложила немало сил, готовя к печати сборник их документов, составивший в итоге более 500 страниц¹.

В основной части монографии история «центризма» разделена на три периода: революционные (1905–1907) и предвоенные (1907–1914) годы и время Первой мировой войны и революции 1917 г. При этом в обширной первой главе тщательно освещена его предыстория, которую Хайлова прослеживает с эпохи Великих реформ (с. 471) и либеральной публицистики «Вестника Европы», издававшегося в 1866–1908 гг. М.М. Стасюлевичем (с. 41). Журнал поддерживал политику гр. М.Т. Лорис-Меликова (с. 44–45), призывая к прагматизму и сотрудничеству власти и общественности. Именно поэтому ни о каком формальном ограничении самодержавия на его страницах речи не шло. Вместе с тем в экономической сфере «Вестник Европы» проповедовал социальный либерализм, что даёт основание писать о небуржуазном характере его программы (с. 53–54). Хайлова также отмечает влияние на авторов журнала А.И. Герцена (с. 62). Но оно проявлялось скорее не в 1860–1870-е гг., а на рубеже XIX–XX вв. и позднее, когда к Герцену, как известно, апеллировали многие — от «центристов» и кадетов до социалистов. Александр Иванович оказался слишком широк в своих взглядах (и их эволюции) и сам дал повод для появления множества идейных наследников.

Накануне революции 1905–1907 гг. следовать тем же курсом, которого прежде придерживался «Вестник Европы», стало невозможно. Хайлова винит в этом В.К. Плеве (с. 78). Однако в 1902 г., вскоре после того, как его главный противник — С.Ю. Витте выступил с запиской о несовместимости земства и самодержавия, министр внутренних дел, которого подозревали в готовности вернуть-

ся к проектам гр. Лорис-Меликова (бывшего покровителя Плеве), не мог обещать Д.Н. Шипову создания представительных учреждений. Пожалуй, именно Шипову следовало проявить больше прагматизма и наладить взаимодействие с МВД. Отказавшись от этого, он немало сделал для того, чтобы в 1904 г. утратить своё влияние в земской среде, качнувшейся влево, в сторону революции. Шипов и его единомышленники воспринимались теперь политизированными земцами как «уходящая натура» (с. 81).

После выхода Манифеста 17 октября 1905 г. вокруг «Вестника Европы» сложилась Партия демократических реформ (ПДР). К.К. Арсеньев, фактический лидер редакции, возглавивший журнал в 1908 г., первоначально вступил в кадетскую партию, но вскоре покинул её, не желая подчиняться партийной дисциплине. В результате он создал сугубо петербургский политический клуб, хотя и называвшийся партией, но не имевший жёсткой централизации и даже допускавший двойную партийную принадлежность (с. 112–115). Тогда же в Москве появилась Партия мирного обновления (с. 137–141). Возникли и схожие провинциальные организации (с. 141–145). Принципиальных разногласий между ними не было.

Слабость партийной дисциплины неизбежно придавала всем этим объединениям несколько аморфный вид. Затруднительно установить даже приблизительную численность «центристов» (с. 153). В биографический словарь, ставший приложением к монографии, Хайлова включила около 500 имён. Видимо, это исчерпывающий список участников различных мероприятий нескольких партий. Но далеко не все они являлись собственно партийными активистами. «Либерально-центристского актива» как раз остро не хватало. И даже если, по словам Хай-

ловой, «характерные ярлыки, закрепившиеся за либералами-центристами (“генералы без армии” и т.п.), не отражают значимости, а тем более потенциала этого исторического явления» (с. 475), всё же нельзя отрицать того, что «умеренные прогрессисты» не особо заботились о расширении своих рядов. Судя по названию третьей главы книги, в 1907–1914 гг. они находились «на пути к массовой общероссийской партии». Вот только ушли они не слишком далеко. Все эти «партии», по сути, так и остались клубами.

Тем не менее формирование партии прогрессистов стало заметным событием. Характерно, что стоявшие у её истоков Н.Н. Львов, М.М. Ковалевский, В.Д. Кузьмин-Караваев сначала возражали против преобразования депутатской группы в партийную структуру, но затем уступили желанию представителей московских торгово-промышленных кругов². В условиях экономического роста, общественно-оживления и кризиса, поразившего тогда кадетов и октябристов, новая организация нашла свою политическую нишу и добилась серьёзного успеха на выборах в IV Думу³. Но именно московские предприниматели способствовали радикализации прогрессистов, которые в начале 1914 г. по своей тактике оказались даже левее кадетов. К сожалению, Хайлова лишь бегло касается деятельности «центристов» накануне войны (с. 376–377). Между тем хаотичные и плохо рассчитанные попытки прогрессистов создать единый координационный орган оппозиции (от левых октябристов до большевиков) дискредитировали сторонников складывавшегося «левого центра» и привели к образованию в палате правоцентристского большинства, готового выстраивать отношения с правительством И.Л. Горемыкина⁴.

Как верно отмечает Хайлова, Первая мировая война не раз давала про-

грессистам шанс на успех — и в пору «священного единения», и в ходе его последующего кризиса (с. 405). В конце концов ответственность за исход сражений несла власть, а прогрессисты надеялись выиграть в любом случае: либо как сторонники правительства, помогавшие ему одержать победу, либо как те, кто готов заменить режим, приведший страну к поражению. Они охотно включились в работу Земгора и особенно военно-промышленных комитетов, существовавших за счёт казённых средств, но распоряжавшихся ими крайне неэффективно. Прогрессисты вошли и в Особые совещания, однако осенью 1915 г. демонстративно покинули их. В военное время партия больше всего прославилась своим позёрством.

Летом 1915 г. прогрессисты активно участвовали в создании Прогрессивного блока, объединившего значительную часть депутатов Думы и ряд членов Государственного совета. Хайлова видит в этом продолжение той стратегии, которую ПДР вынашивала ещё весной 1906 г., при I Думе: левоцентристская коалиция как опора для сотрудничества власти и общества, обеспечивающего мирное обновление страны (с. 413–414). На деле же блок так и не смог согласовать единый список «министерства доверия». Критика правительства оказалась для депутатов гораздо важнее, чем разработка законопроектов, упомянутых в их декларативной программе. Прогрессисты, как сказано в монографии, вплоть до февраля 1917 г. надеялись избежать революционных потрясений. Но это не мешало им настаивать на назначении «ответственного министерства», т.е. на изменении политического строя, и призывать к прекращению заседаний Думы до реализации этого требования (с. 428–429, 474). Выйдя в октябре 1916 г. из состава Прогрессивного блока, партия стала ещё радикальнее,

оказавшись между ним и социалистами. Вряд ли это свидетельствовало о сохранении ею «центристских» позиций. После Февральской революции почти вся думская фракция прогрессистов присоединилась к новообразованной Российской радикально-демократической партии, занявшей промежуточное положение между кадетами и социалистами (с. 450–451). Главным объектом её критики стали крупные собственники (с. 457).

Как отмечает Хайлова, «в обстановке, сложившейся после крушения самодержавия и вызвавшей разрастание всеобщего хаоса, среди либералов (в том числе прогрессистов) не нашлось лидера, равновеликого большевистскому вождю по своей харизме, который смог бы взять ситуацию под контроль, обеспечив баланс между популистской риторикой и реальными реформаторскими действиями в русле либерального центризма» (с. 476). Учитывая изначальную элитарность «центризма», едва ли следует этому удивляться. Впрочем, в 1917 г. никакой партийный вождь не остановил бы уже сползание страны с разрушенной

государственностью к гражданской войне, которая исключала полноценный политический диалог. В Заключении автор книги сетует на то, что «в силу ряда причин (преимущественно — субъективных) путь, предложенный либералами-центристами, был отторгнут властью» (с. 475). Однако тут невольно вспоминается о том, куда идёт дорога, выложенная «благими намерениями». Впрочем, это ещё надолго останется поводом для научных и публицистических дискуссий.

Между тем монография Н.Б. Хайловой заполняет очень важный пробел в изучении политической истории России начала XX в., и большое значение её труда для отечественной историографии не вызывает сомнений.

Примечания

¹ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы / Отв. ред. В.В. Шелохаев. Сост. Н.Б. Хайлова, М., 2002.

² *Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 205.

³ Там же. С. 196–201.

⁴ Там же. С. 341, 347–358.

Анастасия Туманова

«Срединное» направление в российском либерализме и искусство политического компромисса*

Anastasiya Tumanova
(*HSE University, Moscow, Russia*)

The «middle» trend in Russian Liberalism and the Art of political compromise

DOI: 10.31857/S2949124X23060202, EDN: NOSOTC

Н.Б. Хайловой проведено системное исследование «срединного» направления в российском либерализме,

которое до сих пор в историографии оставалось в «тени» более основательного изучения партий кадетов и октяб-

* *Хайлова Н.Б.* Центризм в российском либерализме начала XX века. М.: Институт российской истории РАН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 639 с. (Historia Russica).

Материал подготовлен в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2023 г.

ристов. Ею выявлены идейные и организационные основы политического центризма, оформившегося в России в годы Первой русской революции в виде партий демократических реформ и мирного обновления, а также показана трансформация центристов в 1907–1914 гг. в массовую организацию прогрессистов, игравшую заметную роль в Государственной думе и в общественной жизни страны накануне и в период Первой мировой войны. Либеральный центризм, позиции которого в межреволюционный период не только не ослабевали, но, напротив, усиливались, представлен Хайловой как явление партийное и идейно-политическое. Она характеризует персональный состав, нравственно-этические установки центристов, их место в публичной политике, а также в просветительских, научных и иных структурах. Каждому из этих аспектов в книге уделено существенное внимание.

Хайлова убеждает читателей в том, что либералы-центристы разработали оригинальный проект будущего, имевший не только политическое, но и экономическое, культурное и этическое измерения и адекватно учитывавший как протекавшие в стране процессы, так и особенности мировоззрения населения. Он предполагал создание широкой коалиции конституционалистов, стремившихся к мирному переустройству общества, а также конструктивную работу на всех публичных площадках: в Государственной думе, периодических изданиях, общественных организациях, учебных заведениях, кооперации и др. (с. 261, 473). Книга Хайловой демонстрирует, сколь существенной в условиях революционных кризисов начала XX в. была роль «медиатора», которую возложили на себя либералы-центристы, пытаясь преодолеть партийно-политические пере-

городки, разделявшие разные группы общественности и власть.

Монография основана на богатой источниковой базе. В ней использованы, в частности, опубликованные (в том числе – самой Хайловой) воспоминания М.М. Ковалевского, кн. С.Д. Урусова, В.В. Водовозова, И.Н. Ефремова и их не издававшиеся фрагменты, рукописи дневников К.К. Арсеньева и кн. В.М. Голицына, письма А.С. Посникова, В.Ю. Скалона, Д.В. Стасова, М.М. Стасюлевича и др. Хайлова осуществила фронтальный просмотр газет и журналов 1905–1917 гг., в которых выступали либералы-центристы, включая такие издания, как «Вестник Европы», «Страна», «Московский еженедельник», «Русская молва», «Отечество». При этом немало ценной информации было извлечено из некрологов и мемуарных заметок. Весьма важны наблюдения автора, касающиеся позиции «Русских ведомостей», которые нередко рассматриваются как печатный орган кадетской партии. Между тем, как установила исследовательница, редакционная политика газеты проводилась скорее в русле срединного течения в российском либерализме.

В книге подробно охарактеризованы не только столичные, наиболее видные объединения либералов-центристов (Партия демократических реформ, Партия мирного обновления, Партия прогрессистов и др.), но и организации провинциальных городов: Конституционно-либеральная партия Прикамья в Перми, Конституционно-католическая партия Литвы и Белоруссии в Вильно, Донская прогрессивная партия в Новочеркасске, Союз обновления в Бессарабии и проч. Для их членов также было характерно сочетание ценностей конституционной монархии и демократических принципов, что служит основным критерием принадлежности к центризму.

Новаторский характер исследования Хайловой чувствуется и в её методологическом подходе к изучению общественно-политического движения как совокупности идеологии, институтов и людей, создающих эти идеи и структуры. Автор умело воссоздаёт социокультурный контекст, в котором возникло и развивалось срединное направление либеральной мысли. Это и периодические (а также справочные) издания, редактируемые и издаваемые центристами — от «Русских ведомостей» и «Вестника Европы» до Нового энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона и Энциклопедического словаря Товарищества «Братья А. и И. Гранат и К^о» (позднее — Русского библиографического института Гранат), и высшие учебные заведения, где читали лекции их единомышленники, и многочисленные клубы, научные, просветительские и благотворительные ассоциации, земские, городские, кооперативные и иные съезды, в которых они активно участвовали. Либералы-центристы не мыслили прогресса и воспитания общества без интенсивной культурной работы, направленной на формирование из различных сословий и народностей гражданской нации, основанной на принципах свободы и равенства и полагающейся не на начальство или революцию, а на себя и веру в свои возможности (с. 271–272). Впрочем, влияние неполитической деятельности на идеологию и практику либерального центризма ещё нуждается в дальнейшем исследовании.

Характерной особенностью научного стиля Хайловой является внимание к «человеческому измерению» истории. Её книга буквально «наводнена» яркими образами и высказываниями таких незаслуженно отеснённых ранее на второй план фигур, как М.М. Стасюлевич, Д.В. Стасов, К.К. Арсеньев, В.Д. Кузьмин-Каравая,

М.М. Ковалевский, А.С. Посников, гр. П.А. Гейден, кн. В.М. Голицын, П.П. Рябушинский, М.А. Стахович, кн. С.Д. Урусов и др. Дополняющий монографию обширный Биографический словарь содержит данные о 465 либеральных центристах (с. 477–622). Причём сведения о многих из них систематизированы впервые. Там, где это возможно, указаны личные фонды и публикации, касающиеся того или иного лица. Таким образом, возникает своеобразный коллективный портрет активистов центристских организаций, отражающий их сословное происхождение, имущественное положение, образование, профессиональную деятельность и даже нравственно-этические предпочтения.

В ценностно-этическом отношении идеология либерального центризма была основательно проработана философами Вл.С. Соловьёвым и кн. Е.Н. Трубецким, а также социологами М.М. Ковалевским и Ю.С. Гамбаровым — основоположниками философско-правовых школ «возрождения естественного права» и социологической юриспруденции. Она основывалась на принципах приоритета прав и свобод личности, правового и социального государства. Выступая за сотрудничество с властью и поддерживая её конструктивные инициативы, многие видные теоретики либерального центризма (Посников, Ковалевский, кн. Трубецкой и др.) критиковали столыпинский подход к аграрной реформе, возражали против разрушения общины и призывали к государственной поддержке крестьянских хозяйств и кооперации. Они предлагали иные способы укрепления авторитета власти и повышения образовательного и нравственного уровня народа. Нельзя не отметить также их стремление к переформатированию партийной системы и к консолидации сил конституционалистов в единой организации.

Роль «медиатора» центристы пытались играть и в период Первой мировой войны. Лидеры прогрессистов дистанцировались тогда от крайностей революционного пути, настаивая на безусловной ценности свободы и декларируя уважение к праву и достоинству личности. Обратившись к «малым делам», они заняли видные позиции в таких авторитетных общественных организациях культурно-просветительского и экономического характера, как Вольное экономическое общество, Всероссийский земский союз, Союз городов, славянские общества и т.п. Это позволяло им влиять на формирование в России нового публичного пространства.

Конечно, далеко не всем политикам начала XX в. были близки ценности центризма, подразумевавшие поиск идейных и нравственных ориентиров, стремление к созданию широкой либеральной коалиции без партийных барьеров, внимание к менталитету и темпераменту народа и общества. Однако Хайлова отвергает распространённые в литературе суждения о сокрушительном поражении либералов, оказав-

шихся будто бы не в состоянии конкурировать со своими противниками. Как и её учитель В.В. Шелохаев, автор книги считает проигрыш либералов лишь временной неудачей (с. 29), обусловленной сложными поисками пути общественного переустройства в условиях внутри- и внешнеполитической нестабильности. Приверженность идеям мирного обновления и реформаторского пути отвечала логике здравого смысла, но противоречила установкам лидеров левых партий, пришедших к власти в 1917 г.

Монография Н.Б. Хайловой вносит крупный вклад в изучение среднего направления в российском либерализме начала XX в. и занимает видное место в ряду трудов таких современных исследователей, как В.В. Шелохаев, С.С. Секиринский, В.М. Шевырин, Ю.А. Петров, К.А. Соловьёв. Реконструкция идеологии и практики либералов-центристов позволяет по-новому оценить их роль и значение в развитии русской общественной мысли и в обновлении политического строя Российской империи.

Михаил Трухин

Рец. на: Г.С. Кан. Грозь бедой преступной силе... Летучий боевой отряд Северной области (1906–1908). Т. 1. Идеология. События. Люди. 680 с., ил. Т. 2. Дополнения и приложения. 600 с. СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова, 2021

Mikhail Trukhin

(State University of Education, Moscow, Russia)

Rec. ad op.: G.S. Kan. Grozia bedoy prestupnoy sile... Letuchiy boevoy otriad Severnoy oblasti (1906–1908). Vol. 1–2. Saint Petersburg, 2021

DOI: 10.31857/S2949124X23060214, EDN: NOUWXM

Научная новизна двухтомной монографии Г.С. Кана, посвящённой истории Летучего боевого отряда Северной области (ЛБО), принадлежавшего к Партии социалистов-

революционеров (ПСР), не вызывает сомнения. Историки гораздо чаще обращались к изучению действий более известных групп Боевой организации партии социалистов-революционеров

(БО ПСР) или Боевой организацией эсеров-максималистов (БОМ), ставшей ядром Союза социалистов-революционеров-максималистов (ССРМ)¹. Существовали и другие схожие структуры, например, Боевой отряд при Центральном комитете ПСР (ЦБО), а также многочисленные периферийные группы эсеров. Конечно, про ЛБО не раз писали исследователи и мемуаристы². Однако обычно они рассматривали лишь некоторые эпизоды или биографии отдельных боевиков.

Кан уже не одно десятилетие плодотворно изучает судьбы участников народнического и неонароднического движений³. В своей новой монографии он задействовал обширный круг неопубликованных источников, извлечённых из 11 отечественных и четырёх зарубежных архивов, различных библиотечных и музейных учреждений и частных собраний. Значительная их часть ранее не анализировалась историками. Автором тщательно проработаны судебные материалы по делу ЛБО, хранящиеся в фондах ГА РФ и РГВИА, мемуары, периодические и публицистические издания и научные публикации. Работа иллюстрирована редкими фотографиями и удачно дополнена «Хронологической таблицей деятельности ЛБО», списком использованной литературы и именованным указателем. Первый том назван «Идеология. События. Люди», второй — «Дополнения и приложения»; каждый из них включает введение, четыре части и заключение.

Бегло охарактеризовав видных членов ЛБО и источники, отражающие их судьбу, Кан вполне логично начинает исследование с описания возникновения ПСР. Ссылаясь на слова лидера партии В.М. Чернова, он объясняет культивировавшийся в ней терроризм необходимостью самообороны, желанием дезорганизовать правящий режим и привлечь к своей

программе внимание общества. Большая часть руководства ПСР разделяла эти принципы, а молодёжь, жаждавшая революционной борьбы, охотно вступала в боевые структуры ячейки. В результате террор стал своего рода визитной карточкой эсеров⁴. В 1902–1911 гг. они осуществили свыше 200 покушений на разных лиц, убив или ранив более 200 человек⁵. Жертвы эсеров на периферии строгому учёту не поддаются. Заметно повлияли на процесс формирования ЛБО и такие события, как Московское восстание 1905 г., крестьянские волнения в Прибалтике, Кронштадтский мятеж и др.

Инициатором создания ЛБО в июне 1906 г. стала З.В. Конопляникова. Кан отмечает её энергичность, правдолюбие и нетерпимость к насилию над личностью, что было присуще многим молодым эсерам тех лет. Рано вступив в ПСР, Конопляникова изначально занималась агитационной работой, но затем увлеклась желанием убить генерал-майора Г.А. Мина, сыгравшего выдающуюся роль в подавлении декабрьского восстания в Москве. После того как руководство БО ПСР отказалось её поддерживать, она начала действовать самостоятельно, заручившись помощью комитета Северной области ПСР.

Кстати, схожий путь прошли многие эсеры. А.А. Аргунов, основавший в Саратове в 1896 г. Союз социалистов-революционеров, сперва собирался издавать нелегальную газету⁶. В.М. Зензинов присоединился в 1906 г. к БО ПСР, побывав до этого агитатором и участником Московского восстания. В воспоминаниях он признавался: «Перейти от общей партийной работы к террористической было для меня естественным и логическим дальнейшим шагом»⁷. Видная эсерка Е.В. Постникова писала, что «последним импульсом», после которого она решила войти в БО ПСР (куда

её, впрочем, не взяли), стала казнь в 1907 г. боевиков ЦБО Л.И. Зильберберга и В.М. Сулятицкого⁸.

Как правило, моральная ответственность за гибель при террористических актах случайных людей мало волновала эсеровских радикалов⁹. Как известно, 2 февраля 1905 г. член БО ПСР И.П. Каляев не стал бросать бомбу в вел. кн. Сергея Александровича, поскольку с ним в карете находились жена и племянники. Но остановила его лишь неуверенность в одобрении товарищами взрыва при таких обстоятельствах. Позднее организатор убийства великого князя Б.В. Савинков осторожно напишет: «Моральная сторона вопроса — гибель невинных людей — смущала меня»¹⁰. Член ЛБО Н.С. Калашников вспоминал, какой ужас они с Коноплянниковой ощутили, узнав, что 12 августа 1906 г. при взрыве дачи председателя Совета министров П.А. Столыпина на Аптекарском острове в Петербурге, совершённом БОМ, погибли и пострадали около 60 человек (т. 1, с. 62—63). Однако буквально на следующий день, 13 августа, Коноплянникова хладнокровно застрелила Мина на станции Новый Петергоф на глазах у жены и юной дочери. Правда, после задержания она предлагала своими руками обезвредить принесённую бомбу и интересовалась участью жертв.

В октябре 1906 г. ЛБО возглавил А.Д. Трауберг — аскетичный интеллектуал, рассуждавший о разнице между «террористом-карателем» и «простым убийцей» и утверждавший, что те, кто не испытывает «муки совести», не могут считаться революционерами. Он даже отказался принять в отряд матроса, застрелившего околоточного надзирателя при первом же подозрении в том, что тот следит за ним ночью. На первый взгляд, этим он несколько отличался от других руководителей боевых групп эсеров

и в первую очередь от лидера БО ПСР Г.А. Гершуни — горячего сторонника применения взрывчатки для «шумных историй», любившего повторять, что у него «мало веры в револьверы»¹¹. Однако под влиянием обстоятельств и «неумолимой логики борьбы» Траубергу пришлось закрывать глаза на «муки совести» (т. 1, с. 116, 119—121). При этом сам он не принимал участия в покушениях, но не устранял себя от текущей жизни отряда, в котором всегда сохранялась атмосфера внутренней демократии, взаимопонимания и дружбы. Трудно представить, чтобы так держался тот же Гершуни, который относился к рядовым боевикам как к расходному материалу.

Во главе ЛБО Трауберг пытался добиться большей самостоятельности от ЦК ПСР и внедрения новых методов террора (нанесение ударов сразу по нескольким жертвам, привлечение сотрудников полиции в качестве информаторов и т.п.). Амбициозного Савинкова, спорившего и пикировавшего с Траубергом, успехи ЛБО, как конкурирующей структуры, скорее раздражали, чем радовали. Несомненно, против новаций ЛБО выступал и Е.Ф. Азеф, опасавшийся разоблачения. В ЦК ПСР не доверяли или, точнее, не сразу оценили боевые возможности ЛБО. Дерзкий побег из полицейского участка после случайного ареста, бесспорно, ещё более укрепил репутацию Трауберга в партии. Под его руководством террористы расправились с пятью должностными лицами: 26 декабря 1906 г. от их рук погиб начальник Главного военного-судного управления Военного министерства главный военный прокурор В.П. Павлов¹², 17 января 1907 г. — начальник Петербургской временной тюрьмы Н.И. Гудима, 13 августа — начальник Петербургской одиночной тюрьмы «Кресты» А.А. Иванов, 28 августа — начальник Алгачинской тюрьмы

С.А. Бородулин, 15 октября — начальник Главного тюремного управления Министерства юстиции (ГТУ) А.М. Максимовский¹³. Автор объясняет столь последовательный выбор целей гнетущей атмосферой, царившей в этих тюрьмах, моральным и физическим унижением заключённых (по бои, розги, принудительное принятие пищи при голодовках и т.п.). Но, сохраняя объективность, он признаёт, что ужесточение режима содержания под стражей было вызвано участвовавшими побегамися узников при относительно льготных условиях. Более того, сам Кан пишет, что все, лично знавшие Максимовского, «отмечали его высокие нравственные и человеческие качества». По словам автора, он «был трагической и по-своему обаятельной личностью» и старался по возможности смягчать тюремный режим, насколько это позволяло исполнение служебного долга (т. 1, с. 384–400).

Не следует также забывать, что тогда же отряд готовил покушения на командующего войсками Петербургского военного округа вел. кн. Николая Николаевича, адмирала Ф.В. Дубасова (лишь по счастливой случайности избежавшего гибели), генерала П.К. Ренненкампа, председателя Государственного совета М.Г. Акимова, министров В.Н. Кокорцова, А.Ф. Редигера и И.Г. Щегловитова, петербургского градоначальника Д.В. Драчевского и др.

Центральной мишенью для всех террористических групп с лета 1906 г., несомненно, являлся Столыпин (в 1905–1911 гг. на его жизнь покушались 11 раз). Именно на главу правительства в оппозиционных кругах возлагали ответственность за репрессивный характер внутренней политики и суровость военных судов, казнивших в 1906–1911 гг. по разным оценкам от 2155 до 3527 революционеров. Тогда как только в 1906–1908 гг. боевиками

были убиты 2493 служащих (из них не менее 98 — эсерами) и свыше 3,5 тыс. частных лиц (т. 1, с. 255–258). Как показывает Кан, Пётр Аркадьевич действительно противился смягчению приговоров генерал-губернаторами и командующими военных округов, порою склонными демонстрировать великодушие (т. 1, с. 258–267). В январе–феврале 1907 г. в ЛБО готовились закидать бомбами автомобильный кортеж премьер-министра в Петербурге, и, возможно, это имело бы трагические последствия, если бы ЦК ПСР не потребовал в ультимативной форме передать дело в руки ЦБО (т. 1, с. 272). Лишь в середине июля отряд вновь взялся за него, а в августе едва присоединившийся к группе В.В. Лебединцев уже составил план, согласно которому два боевика, проникнув на заседание Государственного совета, взорвали бы принесённые с собою бомбы в той части зала, где находились Столыпин и другие министры.

Характерно, что даже не доведённые до конца «акции» повышали авторитет ЛБО в революционной среде. Вполне вероятно, если бы не арест, в ноябре 1907 г. Трауберг мог претендовать на роль нового руководителя БО ПСР, поскольку Гершуни умирал от саркомы лёгкого, а Азефа уже подзревали в связях с полицией. Постепенно лидер ЛБО стал чаще думать о масштабных террористических актах, а не об их неудобных последствиях. Ещё в 1906 г., планируя взорвать Рыцарский дом в Риге, он допускал в доверительном разговоре с писателем Я. Акуратером, что погибнут только «некоторые невинные» (т. 1, с. 116). Но, к примеру, Лебединцев высказывался гораздо резче. Осенью 1906 г. он хранил в своей одесской квартире взрывчатку, и на вполне резонное замечание публициста В.Е. Жаботинского о риске случайной детонации, при которой бомбы убьют в доме детей

и женщин, заявил, что для пользы революции не следует «считать букашек, даже если они двуногие». Однако во время своего ареста 7 февраля 1908 г. на улице в Петербурге Лебединцев предупредил полицейских о том, что имеет при себе бомбу и просил проявлять осторожность (т. 1, с. 519–520).

15 октября 1907 г. ЛБО приступил к реализации своего самого дерзкого предприятия. Планировалось, что Е.П. Рогозинникова, имея при себе два пистолета и около 6 кг экстрадинамита, спрятанного под одеждой, застрелит в здании ГТУ Максимовского, после чего выбросит в окно браунинг, подав тем самым сигнал другим боевикам ЛБО, которые забросают бомбами высокопоставленных лиц, прибывших на место трагедии (ожидали, по крайней мере, градоначальника и министра юстиции). Если бы это не получилось, ещё один террорист в прокурорской форме должен был зайти в ГТУ с бомбой и добить уцелевших. Сама Рогозинникова, предвидя арест, собиралась взорвать спрятанный на себе заряд во время допроса в Петербургском охранном отделении. При этом в здании находились частные квартиры, и задуманный мощный взрыв, несомненно, в разы превзошёл бы по числу жертв драму на Аптекарском острове. Однако, застрелив Максимовского, Рогозинникова не сумела известить об этом сообщников. Тем временем экстрадинамит расплавился от температуры её тела и не мог детонировать. Арестованная террористка сама рассказала о бомбе, не желая, чтобы пострадал кто-то ещё. Несмотря на попытки родственников доказать её невменяемость, 18 октября она была повешена. А 22 ноября, получив сведения от Азефа и арестованного боевика ЛБО Ф.С. Масокина, полиция смогла выследить и арестовать Трауберга и ещё двух членов отряда в Финляндии.

В декабре 1907 г. фактическим руководителем ЛБО стал Лебединцев. Тем не менее, как констатировал Чернов, характеризуя положение отряда в последние месяцы его существования, «таким людям нельзя было запретить заниматься их делом» (т. 1, с. 488). 7 февраля 1908 г. Лебединцева и ещё девяти боевиков арестовали в Петербурге, а через десять дней последнего лидера ЛБО и шестерых его товарищей (в том числе трёх женщин) казнили. 16 мая 1908 г. на виселице оборвались жизни Трауберга и Масокина.

Скрупулёзно восстанавливая хронологию деятельности ЛБО в 1906–1908 гг. и судеб всех выживших членов отряда в последующие годы, Кан глубоко погружается в их личные чувства, привычки и увлечения. Благодаря этому он создаёт удивительно точные исторические портреты революционеров с живыми человеческими оттенками. Возможно, что в некоторых случаях автор невольно преувеличивает творческие или нравственные достоинства членов ЛБО, но он отнюдь не идеализирует их поступки и не оправдывает террористическую практику. Вместе с тем его исследование показывает, что каждый эсеровский террористический акт имел отчётливо выраженные субъективные черты и должен рассматриваться особо, с учётом всех деталей произошедшего. Монография Кана убеждает в том, что все видные боевики ЛБО являлись не только идейными революционерами-террористами, но и яркими личностями с весьма незаурядными качествами. У каждого из них имелись собственные побудительные мотивы присоединиться к эсерам. Но большинство боевиков ЛБО вступали в отряд вследствие душевного кризиса, характерного для людей с драматическим отношением к несправедливости устройства жизни в России и физически несовместимых с авторитарным

режимом. Встав на путь террора, они отказывались от любых корыстных побуждений, их материальное положение почти всегда оставляло желать лучшего. Им было также свойственно стоическое отношение к ожидавшей их скорой смерти и мужественное поведение во время казней.

Но порою счастливый случай давал террористу, уже готовому принести себя в жертву, шанс на спасение. Так, в начале 1907 г., сразу после несостоявшегося покушения на Ренненкампа, Калашников и его друг Е. Измайлов (согласно плану, боевики должны были взорвать себя вместе с генералом на Николаевском вокзале в Петербурге) испытали глубочайшее потрясение, пережив внезапное возвращение к жизни, с которой они уже успели проститься. В октябре 1907 г., находясь в Омске, они вместе с ещё одним боевиком М. Левенсоном совершили попытку экспроприации денег, вновь оказавшись на грани смерти. Но тут ещё возникло ощущение стыда от того, что их революционная борьба скатилась до уровня авантюры в духе максималистов. В итоге Калашников разумно решил отойти от революционного движения и заняться самообразованием (т. 1, с. 275–277, 339–340). Ему довелось испытать ссылку, пройти через Первую мировую и Гражданскую войны и оказаться известным в эмиграции писателем. По мнению Кана, судьба этого человека отбрасывает «умиротворяющий свет» на трагическую участь всего отряда (т. 2, с. 8).

Изучая русский радикализм начала XX в., необходимо учитывать, что социальный состав ПСР не только на стадии её формирования, но и в дальнейшем выглядел разношёрстно. Для большинства молодёжи эта организация ассоциировалась с традициями народовольцев и тактикой террора, баррикадных боёв и экспроприаций. Любая легальная, и особенно пар-

ламентская, деятельность у многих эсеровских боевиков вызывала пренебрежение и даже презрение¹⁴. В начале 1906 г. организационное оформление ПСР, наконец, завершилось, были утверждены и её программные документы. Та небольшая часть эсеров, которая предпочла легализацию и мирный путь политической борьбы, объявила себя народными социалистами (энесами). Наиболее одиозных сторонников террористических методов объединил ССРМ, также немногочисленный. Всё это позволило руководству ПСР избавиться и от наиболее умеренных, и от плохо контролируемых левых элементов. Однако достичь полной идейной однородности не удалось. К концу Первой русской революции численность партии достигала не менее 62 600 человек¹⁵, она стала крупной организацией. При этом основной её костяк составляли лица, ещё не достигшие 30 лет. И эта радикальная молодёжь была готова добровольно жертвовать собой за право называться эсером. Большинство членов ПСР сохраняли верность программным принципам и партийной дисциплине, хотя давалось это порой очень непросто. Временное, а в перспективе и полное прекращение террора оставалось для них камнем преткновения. То, что принесло им известность, теперь превращалось в ненужное и даже вредное обременение. Лидеры ПСР, как правило, были готовы от него отказаться, тогда как члены ЛБО, напротив, полностью погружались в боевую работу, которая обрекала их на гибель. Однако те из них, кто нашёл в себе силы отойти от террора, смогли не только сохранить жизнь себе и другим, но и принести пользу обществу.

Примечания

¹ См., в частности: Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в Первой российской революции. М., 1989; Горюничский Р.А. Боевая орга-

низация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998.

² *Васильев С.* Памяти Н.С. Калашникова // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1961. 24 августа. № 17699. С. 2; *Васильева Л.М.* К истории создания «Рассказа о семи повешенных» Леонида Андреева // Историко-астрономические исследования. Вып. XI. М., 1972. С. 255–286; *Делевский Ю.* Дело Азефа и «семеро повешенных» // Голос минувшего на чужой стороне (Париж). 1926. № 4. С. 121–156; *Идельсон М.В.* Летучий боевой отряд Северной области партии социалистов-революционеров // Краеведческие записки. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 1993. С. 7–22; *Клапина З.В.* Памяти А. Трауберга // Историко-революционный бюллетень. 1922. № 2–3. С. 58–63; *Хирьяков А.* Зинаида Конопляникова // Голос минувшего. 1918. № 10–12. С. 297–307.

³ *Кан Г.С.* Наталья Климова. Жизнь и борьба. СПб., 2012; *Кан Г.С.* Что остается «для вечности» // Российская история. 2013. № 1. С. 156–163; *Кан Г.С.* Зинаида Конопляникова и убийство генерала Г.А. Мина // Российская история. 2015. № 5. С. 99–117; *Кан Г.С.* Вера Фигнер: известная и неизвестная // Российская история. 2021. № 2. С. 214–220; *Кан Г.С.* Аарон Зунделевич: от раввинского училища к «Народной воле» // Архив еврейской истории. Т. 12. М.; Бостон; СПб., 2022. С. 128–229.

⁴ Подробнее см.: *Гейфман А.* Революционный террор в России, 1894–1917. М., 1997; *Прайсман Л.Г.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001; *Будницкий О.В.*

Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). Изд. 2. М., 2016.

⁵ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы / Отв. ред. В.В. Шелохаев. Сост. Н.Д. Ерофеев. В 3 т. Т. 2. М., 2001. С. 377–389.

⁶ Подробнее см.: *Трухин М.Д.* Социалисты-революционеры // Политические партии России начала XX в. Т. 3. М., 2022. С. 43–57.

⁷ *Зензинов В.М.* Пережитое. Воспоминания эсера-боевика, члена Петросовета и комиссара Временного правительства. М., 2022. С. 251–252.

⁸ *Постникова Е.В.* Записки революционерки. СПб., 2018. С. 312.

⁹ *Трухин М.Д.* Социалисты-революционеры. С. 43–57.

¹⁰ *Савинков Б.В.* Воспоминания террориста. М., 1991. С. 66, 93, 268.

¹¹ *Лонге Ж.* Террористы и охранка. М., 1924. С. 114; *Городницкий Р.А.* Боевая организация... С. 60–61.

¹² В «Хронологической таблице» это управление ошибочно отнесено к Министерству юстиции (т. 1, с. 652), но в самом тексте такой ошибки нет (т. 1, с. 149).

¹³ Бородулина застрелили в Пскове, все остальные погибли в Петербурге.

¹⁴ *Трухин М.Д.* Борьба неонароднических партий за созыв Учредительного собрания в России. 1901 – начало 1918 гг. М., 2016. С. 49–50.

¹⁵ *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 43–49, 407–455.

Игорь Лукоянов

Путь террористов, или Попытка героизации молодых людей с неустойчивой психикой*

Igor Lukoyanov

(Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences; HSE University, Saint Petersburg, Russia)

The path of terrorists, or an Attempt to glorify young people with unstable psyche

DOI: 10.31857/S2949124X23060226, EDN: NOZNB

Содержание книги Г.С. Кана гораздо шире её названия. Описанная в ней история отряда террористов-

революционеров выводит на «вечные» вопросы: политика и мораль, общество и власть, жизнь и смерть. Автор

* *Кан Г.С.* Грозь бедой преступной силе... Летучий боевой отряд Северной области (1906–1908). Т. 1. Идеология. События. Люди. 680 с., ил. Т. 2. Дополнения и приложения. 600 с. СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова, 2021.

же не только не избегает подобных проблем, но, наоборот, многие из них заостряет и пытается по-своему разрешить. В центре его внимания — борьба правительства и революционеров в её крайнем проявлении — физическом уничтожении друг друга. Конечно, на эту тему написано уже огромное количество работ, по большей части появившихся в советское время, когда всячески прославлялись выступления против жестокого и кровавого самодержавного строя, а революционная мораль сводилась к целесообразности тех или иных действий для свержения царизма.

Схожей, казалось, уже преодоленной в отечественной историографии¹ схемы придерживается в своей монографии и Кан. Террористы для него, как правило, — высоконравственные юноши и девушки с чистыми помыслами, которые отвечали выстрелами и бомбами на противозаконные действия администрации. Да и убивают они, по словам бомбистки Е.П. Рогозинниковой, «не человека, а машину» (т. 1, с. 455). Имперское прошлое вновь упрощается до размера сцены, где действуют герои-бунтари и их враги, а все иные детали отброшены. Глубоким и оригинальным оценкам при таком подходе просто не остаётся места.

Любопытно, что простота подходов и выводов сочетается в исследовании с обстоятельнейшей фактической базой. Нельзя не признать превосходную эрудицию автора, выявившего и протудировавшего большие пласты архивного материала (в том числе сравнительно редко используемые, как, например, собрание Б.И. Николаевского) и широкий круг опубликованных источников. Им тщательно изучены следственные дела, личная переписка революционеров, мемуаристика и публицистика. Это позволило ему уточнить многие детали и опро-

вергнуть ряд неверных утверждений своих предшественников. Тщательно выполненный именной указатель учитывает даже не прямые указания на персону. Но на концепции монографии это никак не сказалось.

В название книги вошла строка — «Гроза бедой преступной силе» — из мальчишеского стихотворения А.С. Пушкина «Кинжал», написанного, как известно, в 1821 г. по случаю казни полоумного студента К. Занда, зарезавшего перед тем пожилого драматурга А. Коцебу, которого германское студенчество считало своим врагом. Эта дикая история, поданная с невероятным литературным пафосом, как нельзя лучше перекликается с судьбами юных тираноборцев начала XX в.

Восхищаясь их личными качествами, автор старается не замечать, что практически все молодые люди, оказавшиеся втянутыми в игру со смертью, демонстрировали черты аномального поведения и неуравновешенной (а то и вовсе нездоровой), инфантильной психики. Рогозинникова, ожидая приговор, «пела свой любимый похоронный марш», а затем «шла на смерть с радостью» (т. 1, с. 452–453). А.М. Распутина, мать двух дочерей, нашедшая себе сожителя, с нетерпением ждала своей очереди совершить покушение (т. 1, с. 570). «Смерть не пугала её, — пишет Кан о З.В. Коноплянниковой, — а скорее манила к себе, казалась желанной и привлекательной» (т. 1, с. 60). Барышня отказалась от замужества, не желая «быть самкой», так как её цель — «служение народу, в жертву коему она готова принести себя» (т. 1, с. 37). С юных лет склонный к депрессиям В.В. Лебединцев, прежде чем стать террористом, пытался осенью 1905 г. в Риме свести счёты с жизнью, на что у него, судя по всему, не хватило ни умения, ни мужества (т. 1, с. 507, 509). От-

личный кандидат в клуб самоубийц, он легко смотрел на смерть двуногих «букашек», называя так случайных жертв террористических актов во имя революционной целесообразности (т. 1, с. 519)². Когда А.К. Венедиктова согласилась доставить динамитную бомбу в Кронштадт, то «в её глазах это было интересным развлечением, формой озорства». Она знала, что в случае задержания полицией её ждёт казнь, но даже после ареста «не думала о смертном приговоре — он явился неожиданностью для неё» (т. 1, с. 246–247). Н.С. Калашников весьма выразительно описал М.С. Фельдмана и А.И. Карташёву: «Имея своей целью смерть, они сполна наслаждались жизнью... Они были фанатики, весёлые взрослые дети, опьянённые любовью и надеждой на славный подвиг» (т. 1, с. 190–191). Однако Кан всерьёз пытается убедить читателей, будто эти недоросли с бомбами и револьверами прошли «тщательный отбор» на некую «революционную зрелость» (т. 1, с. 282–284).

Яркие портреты боевиков, созданные в книге, вызывают скорее не сочувствие, а жалость. Под влиянием жарких политических споров взрослых людей юноши и девушки попали в психологический капкан и не могли признаться себе в том, что их искренние «благородство», верность слову, желание защитить «честь поруганной страны» (т. 1, с. 60) и т.д. — всего лишь свойственный молодости фантом. Их вдохновляла и возвышала преступная иллюзия, будто они убивают во имя великой цели, которая оправдывает всё. По сути же, они сами являлись жертвами революционных доктрин и распространённых в обществе ложных представлений о власти и о логике её действий. Им наивно казалось, что террор способен привести к политическим уступкам со стороны самодержавия. Так, руково-

дитель отряда А.Д. Трауберг надеялся, что ему удастся при помощи террористических методов заставить государство «сдерживаться» в репрессиях, после чего он собирался «деорганизовать правительственный механизм и свергнуть царя» (т. 1, с. 114).

Но подобным образом рассуждают иногда и современные учёные. Так, по словам Кана, в 1906–1908 гг. «по-настоящему изменить обстановку в стране могло только устранение ключевых членов правительства и в особенности его главы — Столыпина» (т. 1, с. 650). О.В. Будницкий уверен, что «если в партийных кругах и были какие-либо сомнения относительно целесообразности террора, то убийство [В.К.] Плеве их окончательно рассеяло. Политика правительства действительно изменилась, на смену реакционеру Плеве пришёл склонный искать компромисса с обществом П.Д. Святополк-Мирский... И так, то, что не сработало в 1881-м, получилось в 1904-м. Путь, указанный народовольцами, не оказался дорогой в тупик. Террористическая тактика доказала свою эффективность при определённых исторических условиях и обстоятельствах»³. Не вызывает у него сомнений и то, что «по утверждению бывшего директора Департамента полиции А.А. Лопухина, поворот Николая II в сторону “конституции” (рескрипт на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина) был вызван не событиями 9 января 1905 года, когда войска доказали свою верность режиму, а убийством его дяди Сергея Александровича, в чём император увидел приближение опасности для себя лично»⁴.

Между тем представители власти, наоборот, неизменно заботились о том, чтобы их действия и особенно — задуманные реформы ни в коем случае не воспринимались как уступка революционному движению⁵. Причём

в политике того же кн. Святополк-Мирского не вполне справедливо видеть только разрыв с курсом его предшественника, как это обычно делается в историографии. Отказавшись от борьбы с общественным движением, репрессий и запретов, князь одновременно продолжил и усилил разработку плана преобразований, начатую ещё Плеве⁶. Однако и тогда, и позднее в правящих кругах обсуждали возможность уступок умеренным либералам, а не революционерам, тем более — террористам. Убийство вел. кн. Сергея Александровича 4 февраля 1905 г., конечно же, оказало сильное воздействие на царя и его сановников. Но оно как раз подтолкнуло не к уступкам, а к намерению «насилием уничтожить», как выразился 11 февраля на заседании Совета министров председатель Департамента законов Государственного совета Э.В. Фриш, тут же добавивший, что при этом «не должно останавливать ход реформ»⁷. Николай II заявлял тогда о готовности «с удовольствием» пролить свою кровь⁸. Никакого испуга не наблюдалось и среди министров. Понимая, что ежедневно рискуют погибнуть от рук очередного «мстителя», они вели себя весьма достойно, демонстрируя окружающим хладнокровие и мужество. Поэтому утверждение Кана, будто Летучий боевой отряд Северной области (ЛБО) «наводил ужас на правительство» (т. 1, с. 9), не соответствует действительности.

Вызывают удивление и слова автора о том, что «ЛБО совершил множество террористических актов в отношении различных царских чиновников, уличённых в насилии и жестокости» (т. 1, с. 8–9). Кто и как «уличал» в насилии членов Государственного совета? Министра юстиции И.Г. Щегловитова? Министра финансов В.Н. Кокковцова? Или было достаточно того, что в 1880-е гг.

он служил помощником начальника Главного тюремного управления? Вынося свои приговоры, революционеры не утруждали себя не только проверкой обвинений, но даже их внятной формулировкой. Кану, выяснявшему их мотивы, по сути, пришлось проделывать этот труд самому. Так, командира Лейб-гвардии Семёновского полка Г.А. Мина и руководителей карательных отрядов, действовавших в Прибалтике, он голословно осуждает за чрезмерную жестокость при расправах с дружинниками и погромщиками. А какие же меры следовало применять против людей, взявших в руки оружие и убивавших представителей власти только за то, что они выполняли свой долг? Никаких объективных данных, свидетельствующих о больших злоупотреблениях, в книге не приводится. Используя позднейшие заведомо небеспристрастные воспоминания и публикации советского времени, автор утверждает, что по Москве прокатилась «вакханалия убийств и издевательств над пленными дружинниками» (т. 1, с. 48). В чём же она выразилась? Неужто в том, что 20 декабря 1905 г. военно-полевой (!) суд во главе с Мином приговорил к смерти 13 человек из нескольких сотен участников вооружённого восстания (т. 1, с. 49)? На Московско-Казанской железной дороге, по словам Кана, «все убитые, будь их 55 или 150, были расстреляны без суда и следствия, исходя лишь из субъективного убеждения Римана и его окружения в их виновности» (т. 1, с. 52). Но сколько же их всё-таки было и разве не так же действовали сами революционеры?

«Главного творца всей репрессивной системы того времени» (т. 1, с. 9) Кан видит в П.А. Столыпине. Его обличению в книге посвящён отдельный параграф «Пётр Столыпин: миф и реальность» (т. 1, с. 218–243), в котором чуть ли не вся борьба с револю-

цией сведена к череде смертных казней. Персональная ответственность буквально за все приговоры и расправы возлагается автором непосредственно на главу правительства.

Впрочем, пресечение крестьянских бунтов, с которыми Столыпин столкнулся в 1905 г. на посту саратовского губернатора, Кан критикует не менее сурово. По его мнению, «убийство и богохульство не подлежит никакому оправданию, но все прочие действия крестьян не стоит судить строго: слишком тяжело и безотраднo было их экономическое положение, чтобы подходить к содеянному ими исключительно с точки зрения моральных и юридических норм» (т. 1, с. 225). Подобные сентенции звучат как запоздалое эхо подчёркнуто пристрастной либерально-народнической публицистики начала XX в. и советской историографии. При этом Кан признаёт, что в губернаторских инструкциях применение огнестрельного оружия допускалось лишь в случае реальной угрозы для жизни солдат и казаков (т. 1, с. 227). Однако ему кажется, что стрелять в бунтующих мужиков всё же не следовало, поскольку «сами мятежники, за редким исключением, покушались только на помещичье имущество, а не на человеческие жизни» (т. 1, с. 228). Видимо, при погромах имений их владельцы должны были ощущать себя в безопасности и благодарить грабителей за снисходительность? О том, что губернатор лично пытался уговаривать крестьян прекратить беспорядки, автор упоминает глухо и с явным недоверием (т. 1, с. 229). Между тем заслуга Столыпина состояла именно в том, что в одной из самых неспокойных губерний он сумел избежать массовых жертв и карательных экспедиций в стиле Н.К. Римана или А.Н. Меллер-Закомельского.

Появление военно-полевых судов описано в книге неточно. Первым

задумался об их введении не главный военный прокурор В.П. Павлов, как полагает Кан (т. 1, с. 232), а гр. С.Ю. Витте. Уже 2 ноября 1905 г. он спрашивал у Н.С. Таганцева: «Не следует ли принять суровые меры по отношению лиц — инициаторов террора, а равно силою заставляющих бастовать такие предприятия, которые имеют государственное значение или нарушение коих имеет последствием общественное бедствие. Возможно ли ввести экстренно строго карательные меры и применять их судебным ускоренным порядком?»⁹. 13 декабря Совет министров обсудил соответствующие предложения своего председателя, но не поддержал их¹⁰. Однако 27 июля 1906 г. царь повелел военному министру А.Ф. Редигеру разработать положение об ускоренном суде, который принимал бы решение в течение двух суток¹¹. То, что учреждение военно-полевых судов состоялось спустя неделю после взрыва 12 августа правительственной дачи на Аптекарском острове, — лишь стечение обстоятельств. Сам Столыпин непосредственно после покушения думал не о мести революционерам, а о сохранении своего курса. По свидетельству В.И. Гурко, в тот день, смывая с себя чернила после покушения, он, «несколько возбуждённый, с жаром» говорил: «Это не должно изменить нашей политики; мы должны продолжать осуществлять реформы; в них спасение России»¹².

Итоги деятельности военно-полевой юстиции подводили много раз, но и по подсчётам Кана число погибших от рук революционеров всё же больше, чем казнённых «кровавым» самодержавием (т. 1, с. 255—257). Конечно, в подавляющем большинстве случаев (хотя и не всегда) предание военно-полевому суду обрекало человека на смерть. Но не следует забывать, что целью этих органов юстиции

являлось не скрупулёзное установление вины в ходе неспешного судебного процесса, а замена в чрезвычайных условиях немедленных расстрелов хотя бы минимальным разбирательством. Столыпин отлично понимал вынужденность подобной меры, но считал её оправданной, ссылаясь на «состояние необходимой обороны», при котором «государственная необходимость стоит выше права, и когда надлежит избирать между целостью теорий и целостью отечества»¹³. Тем не менее нельзя «мучения» и «страдания» противников самодержавия во имя ложной идеи ставить выше и права, и правительственной целесообразности.

Столыпин действительно настаивал на том, чтобы приговоры военных окружных судов были суровыми и не смягчались генерал-губернаторами и командующими военных округов (т. 1, с. 258–260), поскольку опасался, по его словам, «деморализующего влияния слабости репрессии именно в этих случаях на чинов полиции, нравственная поддержка коих при несении ими столь тяжёлой в настоящее время службы является прямой обязанностью правительства» (т. 1, с. 263). Конечно, в военном ведомстве усматривали в этом попытку Столыпина переложить на генералов ответственность за расправы над революционерами. Редигер, судя по его мемуарам, был недоволен тем, что на армию «стали смотреть как на полицию, точно она не имела других задач кроме восстановления и поддержания порядка в стране!»¹⁴. И всё же решающую роль в преодолении революции сыграли не военно-полевые суды и не карательные отряды, а верноподданное общество, активно заявившее о себе после Манифеста 17 октября 1905 г.

Споря с теми, кто считает Столыпина «воплощением прямоты и честности», Кан указывает на то, что, не-

смотря на «множество либеральных начинаний и реформ», намеченных в правительственных декларациях, «ничего из этого... не воплотилось в жизнь» (т. 1, с. 266). Автор словно забыл о том, что в историографии давно и весьма обстоятельно показано, как правым, отчасти при поддержке Николая II, удалось свернуть столыпинские замыслы.

Завершая свой труд, Кан пафосно повторяет давно набившие оскомину публицистические штампы более чем столетней давности о том, что «Российская империя в начале XX века была страной вопиющей политической и социальной жестокости, пренебрежения ко всем правам личности и даже к человеческой жизни. Бесправие, нищета, произвол власти и имущих слоёв населения (особенно землевладельческого дворянства) бросались в глаза, и примеры всего этого приводятся в нашей книге» (т. 1, с. 648). Огромная историография последних десятилетий, раскрывающая всю неоднозначность развития страны, игнорируется им ради навязчивой, неубедительной и наивной героизации молодых людей с неустойчивой психикой и поверхностным знанием жизни. «Их бунт, — пишет он, — был прежде всего нравственным восстанием романтически настроенной личности против извечной российской лжи, грубости, пошлости, жестокости, крови и слёз — во имя любви, добра, правды, человечности, свободы и красоты» (т. 1, с. 651). Нелишне вспомнить, что ту «любовь» и «человечность», которую принесли «романтически настроенные личности», России пришлось расхлёбывать почти весь XX век...

Тем не менее у книги Г.С. Кана есть несомненные достоинства: хороший язык, эмоциональность, искренняя любовь автора к своим героям, наконец, собранный им материал, который при внимательном и кри-

тичном чтении даёт богатую пищу для размышлений и накопления подлинного знания.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Гейфман А.* Революционный террор в России, 1894–1917. М., 1997; *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000.

² Кан считает это бравадой молодого человека, который позднее, при аресте, предупредил, что находившимся на нём динамитом можно разнести улицу (т. 1, с. 520). Однако взрыв домов с обывателями никак не способствовал бы делу революции. А вот готовившийся им взрыв зала заседаний Государственного совета, при котором могли погибнуть и «хорошие люди» из Академической группы, не вызывал у Лебединцева протеста: «Что же поделывать, если так нужно?» (т. 1, с. 535).

³ *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении... С. 153.

⁴ Там же. С. 346.

⁵ *Любимов Д.Н.* Русское смутное время. 1902–1906. По воспоминаниям, личным заметкам и документам / Публ. К.А. Соловьёва. М., 2018. С. 54–55.

⁶ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / Публ. Н.П. Соколова. М., 2000. С. 148.

⁷ Цит. по: *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 90.

⁸ Там же. С. 99.

⁹ ОР РНБ, ф. 760, оп. 1, д. 108, л. 3–3 об.

¹⁰ Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. Л., 1990. С. 100–101.

¹¹ *Дякин В.С.* Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906–1914 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VII. Л., 1976. С. 250.

¹² *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого... С. 586.

¹³ Государственная дума. Второй созыв. Сессия 2. Стенографический отчёт. Т. 1. СПб., 1907. Стб. 514.

¹⁴ *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра / Публ. Л.Я. Саэт и Н.В. Ильиной. Т. 2. М., 1999. С. 81.

Руслан Гагкуев

Своеобразный портрет боевиков на фоне Гражданской войны*

Ruslan Gagkuev

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

A kind of portrait of militants against the background of the Civil War

DOI: 10.31857/S2949124X23060238, EDN: NQNQRK

Двухтомное исследование Г.С. Кана посвящено истории эсеровского Летучего боевого отряда Северной области (ЛБО). Подробный рассказ о его деятельности, совершённых и планировавшихся им акциях содержится в первом томе, во втором же собраны очерки о жизни бывших боевиков после разгрома отряда. По сути, это своеобразное послесловие, разросшееся в отдельную книгу, которая

распадается на несколько слабо связанных друг с другом сюжетов. Вместе с тем стремление автора проследить судьбы героев заслуживает всяческого уважения.

Второй том делится на четыре неравнозначные как по объёму, так и по своему значению части. В первой из них речь идёт о пенитенциарных учреждениях Российской империи, в которых содержались члены ЛБО,

* *Кан Г.С.* Грозь бедой преступной силе... Летучий боевой отряд Северной области (1906–1908). Т. 1. Идеология. События. Люди. 680 с., ил. Т. 2. Дополнения и приложения. 600 с. СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова, 2021.

а именно — об Александровском, Орловском и Псковском централах, а также об Амурской колёсной дороге (т. 2, с. 13–130). Во второй части с разной степенью детализации очерчены «судьбы членов ЛБО», переживших 1908 г. Среди них: А.П. Белоцерковец, В.Г. Гельмс, Д.М. Гуменский, Н.Н. Иванов, Е.А. Иванова, А.И. Карташёва, З.В. Клапина, П.К. Константинов, М.А. Левенсон, А.И. Николаев, Э.-М.Я. Резовская, К.Ф. Русаков, С.И. Файнберг, М.С. Фельдман, А.Я. Шенберг, В.Л. Янчевская. В каких-то случаях это довольно подробный рассказ (например, про М. Левенсона или М. Фельдмана), в других — лишь небольшие биографические справки, умещающиеся на одной странице (Д. Ветлугин, А. Шенберг) (т. 2, с. 133–244). Третья часть, согласно её названию, объединяет «несколько побочных историко-биографических сюжетов». На самом деле их всего два: участь Б.С. Синявского, около месяца пробывшего в ЛБО, перешедшего в ЦБО и в августе 1907 г. повешенного за соучастие в подготовке покушения на Николая II (т. 2, с. 247–276), и П.А. Панова, также недолго состоявшего в ЛБО и заподозренного в 1909 г. без особых оснований в провокации (т. 2, с. 277–279). Наконец, четвёртая часть «Николай Калашников и Гражданская война на востоке России» посвящена судьбе, пожалуй, наиболее известного и яркого героя второго тома (т. 2, с. 283–533).

Калашников заметно выделялся среди прочих членов ЛБО, переживших 1908 г. Он был достаточно значимым политическим деятелем, участником или очевидцем ряда важных событий, происходивших в Сибири в годы революции и Гражданской войны. Между тем, как ни странно, его жизнь до сих пор не привлекала внимания. Если не считать кратких справок в Сети¹, то о нём нет не толь-

ко исследовательских, но и энциклопедических статей. Кан же, по сути, включил в свой двухтомный труд «отдельную небольшую монографию» (т. 2, с. 8), фактически написав первую биографию Калашникова. И это — несомненная заслуга автора, создавшего своеобразный портрет революционера на фоне Гражданской войны в Сибири. Однако не стоит забывать, что это не самостоятельное произведение, а «дополнение» к книге про ЛБО. «Рассказывая о месте Калашникова в политическом противостоянии и Гражданской войне на востоке России в 1918–1920 гг., — поясняет Кан, — сразу оговоримся: мы не претендуем на масштабное историческое исследование по этой теме. Наша задача скромнее: привлечь внимание к этой фигуре, сыгравшей большую, а зачастую решающую роль в описываемых событиях. Будущие изыскания историков позволят обосновать или опровергнуть высказываемые нами предположения, подведя под биографию Калашникова более прочную документально-фактологическую основу» (т. 2, с. 301).

Тем не менее автор использовал в своей работе почти все наиболее значимые научные публикации последних лет². Ссылки же на архивные материалы в этой части встречаются сравнительно редко. Так, в ГА РФ (ф. Р-6683) Кан обнаружил неопубликованные воспоминания генерала от инфантерии В.Е. Флуга, написанные им в 1931 г. и отличающиеся от известного текста, напечатанного в «Архиве русской революции»³. Весьма любопытны и не вводившиеся ранее в оборот мемуары генерал-лейтенанта Е.Г. Сычёва о восстании в Иркутске зимой 1919/20 гг., хранящиеся в архиве Гуверовского института. В то же время вовсе не привлекались фонды РГВИА, где могут находиться документы о службе прапорщика Калаш-

никова в годы Первой мировой войны, и РГВА. Гораздо больше можно было бы извлечь и из ГА РФ (например, из ф. Р-341 «Политический центр (Исполнительный орган Временного совета народного управления Сибири). Иркутск, 1920 г.»). К сожалению, из воспоминаний генерал-лейтенанта Р. Гайды взяты лишь два небольших отрывка⁴, тогда как их полный текст на чешском языке остался для Кана недоступен⁵. Большие сомнения вызывает также описание многих событий по автобиографическому роману Калашникова, который нельзя признать вполне достоверным источником, не требующим дополнительной проверки.

Наиболее подробно в монографии освещены такие эпизоды Гражданской войны, как убийства в Омске после переворота 18 ноября 1918 г., подавление генерал-лейтенантом С.Н. Розановым крестьянских выступлений в Енисейской губ. в 1919 г., мятеж Гайды, Иркутское восстание. Правда, роль самого Калашникова в этих событиях не всегда понятна, поскольку автор нередко забывает о нём, говоря о том, что делали эсеры в Сибири в 1918–1920 гг. Лучше всего показано его участие в подготовке и проведении антиколчаковского восстания в Иркутске, вспыхнувшего в конце 1919 г., и в деятельности сформированного в городе эсеровского Политического центра (т. 2, с. 375–484). При этом хорошо видно, что Кан практически полностью солидаризируется с тем, как воспринимали происходившее в революционном лагере, и прямо заимствует у эсеров ряд оценок ситуации конца 1919 – начала 1920 г. Непродолжительная служба Калашникова советской власти предсказуемо завершилась разрывом, поскольку, «следуя за развитием событий в Восточной Сибири, он всё более и более разочаровывался в правильности сво-

его “пробольшевистского” выбора» (т. 2, с. 516).

В заключительном разделе «Итоги» Кан размышляет о том, «почему же Калашников, несмотря на все его способности и множество побед, в конечном счёте оказался политическим неудачником?». Автор объясняет это прежде всего тем, что боевик «был скорее тактиком, нежели стратегом», и даже успешно решая отдельные задачи, «проигрывал стратегически». У него постоянно возникали «иллюзии и фантазии» такие, «как демократия на штыках Гайды или Гришина-Алмазова, Политцентр как твёрдая власть, мирное соглашение с Красной армией и, наконец, большевики, якобы ставшие демократами, как оплот борьбы с белой реакцией». Между тем, по мнению Кана, «вряд ли» в условиях Гражданской войны имелись «реальные предпосылки для появления “третьей силы”» (т. 2, с. 531). Ведь «идеи свободы и демократии оказались одинаково чуждыми и враждебными для обоих борющихся лагерей, и навязать их белым генералам или сибирским большевикам в принципе не представлялось возможным» (т. 2, с. 533). С подобным выводом можно соглашаться или спорить, но он точно выглядел бы более убедительным не в «дополнении» к истории ЛБО, а в новом обобщающем труде о причинах неудач эсеров в 1918–1920 гг.

Примечания

¹ См., например: Калашников, Николай Сергеевич // Иркпедия.ru. Энциклопедия и новости Приангарья. (URL: http://irkpедия.ru/content/kalashnikov_nikolay_sergeevich (дата обращения: 29.01.2023 г.).

² Исключение составляет лишь биография генерал-майора А.Н. Гришина-Алмазова: *Ивлев М.Н.* Диктатор Одессы. Зигзаги судьбы белого генерала. М., 2013.

³ [Флуг В.Е.] Отчёт о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году //

Архив русской революции. Т. 9. Берлин, 1923. С. 243–304.

⁴ *Гайда Р.* Мои воспоминания. Вступление в русскую армию / Пер. М.Г. Ситникова // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. № 1(18). Ижевск, 2014. С. 82–93; *Гайда Р.* [«Колчак был слабым человеком,

подверженным время от времени болезненным приступам переходов от подавленности к волнению, что ужасно истощало его физически и душевно»] / Пер. А.М. Захарова // А.В. Колчак: pro et contra, антология / Сост. А.М. Захаров. СПб., 2018. С. 660–665.

⁵ *Gajda R.* Moje paměti. Praha, 1921.

Игорь Богомолов

Igor Bogomolov (Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Рец. на: Bloomsbury handbook of the Russian Revolution / Ed. by G. Swain. L.: Bloomsbury, 2022. 656 p.*

DOI: 10.31857/S2949124X2306024X, EDN: NPBEKS

Столетие российской революции вызвало всплеск интереса к ней не только в России, но и за рубежом и повлекло за собой выход десятков монографий, сотен статей, проведение множества конференций, круглых столов и коллоквиумов. Заметное место в этом потоке заняли монографии 2017–2018 гг., многие из которых оказались скорее «юбилейными» изданиями, чем действительно новыми исследованиями. Впрочем, авторы таких работ и не отрицали, что повторяются, добавляя к «старым» выводам что-то новое, переосмысливая написанное ранее.

В этом смысле большие коллективные труды имеют свои преимущества. Главы в них пишут как признанные специалисты, так и начинающие исследователи. Кроме того, общая идея таких изданий не всегда означает единую позицию: под одной «крышей» часто собираются представители разных школ и даже давние оппоненты. «Коллективность» подобных монографий справедливо ставилась бы под сомнение, если бы не умение редакторов создавать стройную концепцию. В одних случаях (как с мно-

готомным изданием «Russia's Great War & Revolution») концептуальные основы заложены уже в названии, что позволяет составителям делать общие выводы и намечать пути развития историографии. В других случаях концептуальные рамки не ставятся, авторы получают возможность рассказать о том или ином историческом сюжете более сжато, чем в монографии, но не ограничиваясь узкими рамками журнальной статьи.

Рецензируемая коллективная монография относится скорее ко второму варианту, который в англоязычной историографии, как ни странно, встречается весьма редко. Другим подобным примером можно назвать лишь «Companion to the Russian Revolution», выпущенный «Wiley-Blackwell» в 2020 г. Издательства «Wiley» и «Bloomsbury» давно специализируются на издании фундаментальных научных справочников, позволяющих получить детальное представление о тех или иных областях знаний, в данном случае — крупных исторических событиях. Знаменательно, что российская революция «заслужила» отдельный и весьма объёмный (более 600 страниц) справочник

* Справочник Блумсбери по российской революции / Ред. Дж. Суэйн. Лондон: Блумсбери, 2022. 656 с.

от одного из ведущих академических издательств.

Интересно, что книга вышла уже после всех «юбилейных» мероприятий. Связано это с пандемией COVID-19, когда «университетам пришлось в одночасье адаптироваться к онлайн-обучению, а исследовательские библиотеки были закрыты» (р. 6). Лишь спустя три года удалось завершить её подготовку.

Цель монографии – «собрать эссе, которые дают исчерпывающую картину российской революции в свете современной науки». Эти тексты, по замыслу составителей, могут послужить «ориентиром для любого студента, желающего узнать больше о событиях и значении революции в России в 1917 г., одном из ключевых поворотных моментов мировой истории» (р. 3). При этом очевидно, что по своему содержанию эссе выходят за рамки обучающего материала, отражая взгляды авторов и современные тенденции в историографии. Как следствие, перед редакторами стояла непростая задача соединить разнородные мнения и создать стройную концепцию. Во многом поэтому содержание строится по тематическому, а не хронологическому принципу, тексты группируются по политической, социальной, этнополитической, региональной, гендерной сферам исследования.

Раздел «Политические кризисы» охватывает период с начала Первой мировой войны до 1918 г. Составители включили в этот раздел эссе крупного специалиста по истории железных дорог Российской империи Э. Хейвуда, который, как и в других своих работах¹, показал, что плохо управляемая железнодорожная сеть предопределила военный и экономический кризис, а за ним – падение монархии. С точки зрения Хейвуда, железная дорога оказалась важнейшим внутриполитическим фактором в предреволюцион-

ной России, и Временное правительство не смогло переломить ситуацию. Из собственно «политических» работ стоит отметить попытку П. Уолдрона сместить фокус внимания при описании кризиса власти 1915–1916 гг. с Государственной думы на Земский и Городской союзы. Представляется, однако, что автор излишне категоричен, принижая роль Думы и забывая при этом, что Земгор также оказался на обочине политического процесса в 1917 г.

Ц. Хасэгава подробно проанализировал события Февральской революции. Он считает, что исследователи уделяют этому событию мало внимания: «Девять дней с 23 февраля по 3 марта 1917 г. потрясли мир больше, чем десять дней Октября. Это была подлинная революция, которая положила конец монархии и привела Россию к либеральной демократии» (р. 25). Можно согласиться с автором, что Февральская революция незаслуженно «забыта», однако характеристика нового режима как «либеральной демократии» выглядит не вполне обоснованной. Более развёрнутую картину политики Временного правительства дал Я. Тэтчер, также последовательно отстаивающий мнение о важности и одновременно недооценке Февраля в российской и мировой истории². В своём эссе он показал, что Временное правительство почти одновременно даровало слишком много прав и свобод, но, не имея достаточной полноты власти для реализации принципа «верховенства права», не смогло гарантировать исполнение своих же собственных законов.

Заключительные эссе раздела посвящены Октябрьскому перевороту и политической борьбе большевиков в первые годы советской власти. С. Бонис рассматривает судьбоносные дни Октября как пример взаимного недоверия и непримиримых противо-

речий между социалистическими партиями того времени. По её мнению, меньшевики и бóльшая часть эсеров не желали коалиции, и накануне переворота их стремление отделиться от оппонентов «слева» оказалось не меньшим, чем у большевиков. Л. Додс кратко описала результаты своих многолетних исследований³ истории становления и укрепления власти большевиков после их прихода к власти, полагая, что этот процесс шёл постепенно, с рядом отступлений и тактических союзов (как в случае с левыми эсерами).

Раздел «Политики и партии» посвящён трём ключевым политическим игрокам, а также некоторым малоизученным партиям. Б.И. Колоницкий, повествуя об А.Ф. Керенском и феномене «керенщины», показал, как «на смену культу императора пришёл культ уникального вождя-спасителя, для создания которого были использованы элементы революционной и социалистической традиции». Обобщая результаты своих исследований⁴, автор отметил, что «некоторые важные формы и методы прославления революционного вождя, сложившиеся в 1917 г. в ходе ожесточённой борьбы за власть, впоследствии были использованы и распространены большевиками. И в прославлении Керенского, и в отрицании его можно увидеть традиционную авторитарную политическую культуру, на которую могли накладываться различные идеологии — социалистическая, демократическая, либеральная» (р. 123).

Х. Иммонен представил краткую биографию В.М. Чернова, подробно остановившись на его деятельности в 1917 г. Кризисы и расколы внутри партии эсеров помешали Чернову осуществить политическую программу создания широкой социалистической коалиции и формирования после выборов в Учредительное собрание

нового правительства. Тем не менее даже после Октябрьского переворота он оставался на первых ролях в российской политике, и «только прибегнув к силе, Ленин смог подавить демократическую альтернативу Чернова и установить диктатуру пролетариата в России» (р. 138). Самого В.И. Ленина в центр своего повествования поставила Б. Аллен. На деле же эссе, названное «Ленин и большевики в 1917 г.», в основном затрагивает развитие политической тактики большевиков на протяжении февраля—октября 1917 г. Отражены споры по этой проблеме в историографии, в том числе современной, большое внимание уделено отношению большевиков к «женскому» и «рабочему» вопросам.

Л. Хёфнер сделал общий обзор небольшевистских интернационалистских фракций, существовавших во время Первой мировой войны и революции: «Две неопопулистские группы и три с чисто марксистским прошлым». Большое внимание уделено эсерам-максималистам и левым эсерам — «единственной партии в России, которая могла претендовать на рост популярности... между октябрём 1917 г. и июлем 1918 г.» (р. 156). К последним трём Хёфнер отнёс меньшевиков-интернационалистов, «межрайонцев» и социал-демократов-интернационалистов. В 1917—1918 гг. у этих групп было мало пространства для манёвра, не сбылась и надежда интернационалистов на то, что «революционная демократия» сможет играть роль «третьей силы» (р. 168). Д. Иванов охарактеризовал место и роль анархистов в 1917 г. Эти и родственные им крайне левые движения (в первую очередь максималисты) не относились к числу самых крупных сил российской революции, но часто служили «катализатором и центральным элементом в важных событиях». Так, они сыграли важную роль в мо-

билизации на первом этапе Гражданской войны, до создания Красной армии. Однако отношения большевистского руководства и анархистов постоянно ухудшались, что, впрочем, в сложившихся после Октября условиях оказалось неизбежно (р. 183).

В разделе «Социальные группы» рассматривается влияние событий 1917 г. на рабочих, крестьян, солдат, низшие слои среднего класса и «старую элиту» — сторонников и противников революции. Повествуя о рабочем классе в революционные годы, Н.В. Михайлов подробно остановился на проблеме «рабочего контроля» на промышленных предприятиях. Искренняя заинтересованность рабочих в управлении предприятиями, их готовность взять на себя ответственность за результаты «породили надежду на возможность организации на новых, коммунистических принципах» (р. 206). Однако неспособность рабочих поддерживать приемлемый уровень трудовой дисциплины привела к падению объёма производства, и ответом новой власти стали централизация и милитаризация работы предприятий. Большевики «постепенно отстранили рабочих и профсоюзы от любого реального участия в управлении заводами» (р. 207).

Отношения крестьянства с революционными властями рассмотрел П. Фраунгольц. По его мнению, мечта крестьян о земле и свободе не реализовалась из-за «неудачных попыток» Временного правительства разрешить основные, наболевшие вопросы. Крестьянство начало испытывать недоверие к новой власти и, как следствие, саботировать планы Петрограда по решению «земельного вопроса», преодолению товарного дефицита и роста цен на продовольствие. После Октябрьского переворота крестьяне также были «полны решимости аналогичным образом справиться с бреме-

нем большевиков», однако эта власть действовала не в пример решительнее и жёстче (р. 221).

Политические процессы в армии рассмотрел К.А. Тарасов. Первая мировая война вынудила царские власти поставить под ружьё около 16 млн человек. К моменту Февральской революции армия представляла собой огромную и всё хуже управляемую силу, политическая роль которой оказалась решающей в 1917 г. В то же время создание солдатских комитетов оказало на неё разрушительное воздействие, резко понизив боеспособность войск. Впрочем, как показывает автор, не следует недооценивать и фактор политической борьбы в Петрограде — июльский кризис, подавление Корниловского мятежа и свержение Временного правительства. Её исход повлиял на судьбу армии в мировой войне и во многом предопределил формат организации Красной армии — «без выборного командования и без комитетов» (р. 237).

Д. Орловски и М. Рэндл обратились к редко упоминаемым, но не менее важным социальным группам — городской буржуазии и интеллигенции, а также бывшей царской элите. Как Временному, так и советскому правительству для нормализации государственной жизни пришлось продолжать взаимодействие с населением, профессиональными и общественными организациями, органами самоуправления, земельными комитетами. Революционному государству требовались знания и административный опыт людей на местах, прежде всего, по определению Орловски, «нижнего слоя среднего класса». История Гражданской войны показала, что эта часть общества смогла «оказывать влияние и прививать свои ценности быстро растущему большевистскому государству» (р. 255). Часть «старых» элит пыталась адаптироваться к из-

менившимся условиям. Определение «элит» у автора достаточно условное, в них включены дворяне, офицеры, помещики, промышленники и «православное духовенство», составлявшие к 1917 г. около 2,5% населения. Растущее стремление к той или иной форме политических перемен «оттолкнуло элиты от царизма», хотя общее недовольство монархией так и не стало основой для объединения «контрреволюционных» сил. Рэндл считает основной причиной этого социальное разнообразие «элит», разные интересы и чаяния, сформировавшиеся ещё в дореволюционные десятилетия. Раскол продолжился и после Октябрьской революции, что видно по противоречиям внутри Белого движения. Кроме того, значительная часть «старой» элиты эмигрировала либо осталась в надежде «переждать бурю» и встроиться в новый социальный порядок. Многие из «бывших» служили большевистскому государству (разными способами и по разным причинам), благодаря чему их влияние на советское общество сохранялось в 1920–1930-х гг., несмотря на репрессии и гонения.

Гендер — первый вопрос, рассматриваемый в разделе «Идентичность». Р. Рутшильд напомнила о предоставлении женщинам избирательных прав — событии, ставшем «одним из немногих прочных достижений Временного правительства» (р. 281). И хотя «избирательное право как для женщин, так и для мужчин мало что значило в советскую эпоху, когда на большинстве выборов на каждую должность выдвигался один кандидат, правительство приложило все усилия, чтобы сохранить демократические атрибуты» (р. 282). Ш. Хирн проанализировала развитие образа мужчины в России начала XX в. 1917 г. стал частью «длительной гендерной революции... в ходе которой мужские идентичности создавались и переде-

львались в условиях бурных политических, социальных и культурных перемен». Индустриализация и урбанизация начали разрушать «традиционные патриархальные структуры деревенской жизни». Признаки мужественности варьировались, но включали такие качества, как самодисциплина, сдержанность, предприимчивость, потребительский вкус, а также одежда, позы и выражения лица. С началом Первой мировой войны армия стала играть более заметную роль в «культивировании мужских идеалов». Мужественность теперь представлялась как «нечто, достигаемое только посредством участия в военной службе». После Февраля статус солдат изменился: они «превратились из блюстителей самодержавного порядка в любимых защитников революции». Это ещё больше укрепило связь между военной службой и мужской идентичностью, которая сохранилась и в советский период (р. 96).

Э. Уайт сфокусировала внимание на влиянии революции 1917 г. на молодёжь. На протяжении всего существования Советского Союза государство относилось к «привилегированному классу» и стремилось заручиться поддержкой этой социальной группы для укрепления своей легитимности. Уайт разделяет мнение, что в раннесоветский период происходило «формирование поколения детей и молодёжи, осознающих свою роль в историческом процессе и с энтузиазмом стремящихся к переходу к большевистской модели современности, будь то через комсомол или советскую школу» (р. 309). В условиях стремительно менявшейся структуры общества значение молодёжи в различных социальных, экономических, политических процессах оказывалось особенно велико. Неслучайно, пишет Уайт, в борьбе за лидерство в 1920-х гг. большевистские ли-

деры часто обращались за поддержкой именно к молодёжи.

Ф. Фишер фон Вайкерсталь рассмотрел роль художника в развитии новой революционной культуры. Отмечено, что в раннесоветском культурном дискурсе существовало «разнообразие, выходящее за рамки дихотомий авангарда и пролеткульта, высокой и низкой, “буржуазной” и рабочей культуры». В первое десятилетие после 1917 г. можно обнаружить слияние старого и нового в «русско-советскую культуру» (р. 319). Потребление не только художественной или культурной, но и научной продукции больше не являлось прерогативой привилегированной группы населения. Вторая культурная революция в сталинскую эпоху привела к разрушению старой и формированию новой советской культуры.

При планировании раздела «Регионы и народы» исследователи и составители старались учесть особенности развития окраин бывшей Российской империи в революционную эпоху. Ф. Шедеви и Д. Диркс провели качественный анализ российской периодической печати 1910-х гг. и показали, насколько яркой стала региональная пресса в 1917 г. Авторы верно указали на перспективность этого направления исследований, так как история развития прессы в провинции до сих пор полна «белых пятен». М. Хикки исследовал повседневность Смоленска накануне революции и в 1917 г., а также в первые месяцы после Октябрьского переворота. Подробно описаны политические процессы, экономическое положение, настроения населения. Большое внимание уделено другим городам Смоленской губ. Исследования Хикки, как и других историков, показывают возрастающую популярность изучения истории российской провинции в 1917 г., особенно — в период «от Февраля

к Октябрю». Это видно и по эссе С. Бэдкок, проанализировавшей революционную ситуацию в поволжских губерниях, её влияние на развитие экономики, в частности сельского хозяйства. Не умаляя значимости освещения истории революции в крупных городах, Бэдкок предложила сосредоточиться на «использовании земли и продуктов питания» как одном из ключевых факторов революционного процесса и развития политических кризисов в 1917 г.

Два эссе посвящены национальным окраинам бывшей Российской империи. Н. Кибита исследовала революцию на Украине, то, как национальная и социальная революции переплелись и привели к противоречивым результатам. Автор полагает, что украинская революция потерпела неудачу, однако в долгосрочной перспективе заложила основы современной государственности. Г. Федтке рассмотрел причины и ход Туркестанского восстания 1916 г. и в целом «революции в Туркестане» в 1916–1920 гг. Основное внимание уделено событиям в Ташкенте и Ферганской долине. После четырёх революционных лет положение республик региона в новой, советской России формально не отличалось от положения других союзных республик, что не отменяло «особых договорных отношений» местных элит с центром. Надежды на автономию, питаемые как революционерами-поселенцами, так и коренными жителями, оказались далеки от реальности. В центре интересов Москвы в Туркестане оставался хлопок, и в обмен на него «коммунисты Центральной Азии получили поддержку центра в осуществлении культурной и технической модернизации» (р. 406).

Хотя Гражданская война, по мнению редакторов, является самостоятельной темой, она «вытекает не-

посредственно из революции», и не включать её «означало бы прекратить повествование в декабре 1917 г. или даже, возможно, в апреле» (р. 5–6). Посвящённый Гражданской войне шестой раздел начинается с общего обзора Э. Модсли, разделившего конфликт на три периода. Первый начинается с Октябрьского переворота и завершается 18 ноября 1918 г. провозглашением А.В. Колчака Верховным правителем России. До марта 1920 г. продолжался второй период, когда прошли важнейшие битвы на фронтах, Красной армии удалось перехватить инициативу и нанести белым решительное поражение. Наконец, третий период (до ноября 1922 г.) Модсли завершил окончательным поражением белых в Крыму и Сибири, а также прекращением существования Дальневосточной республики. В целом и автор, и редакторы выбрали традиционную периодизацию Гражданской войны, сознательно отделив её от остального повествования. Соответствующим образом повествование выстроили и другие авторы шестого раздела. М. Фрейм в эссе о «красном» тыле отметил: то, что большевикам «удалось преодолеть свою хрупкую политическую легитимность, консолидировать власть и со временем построить систему, просуществовавшую до 1991 г.» (р. 441), явилось результатом не только военной победы, но и пропагандистского успеха. Большевики для значительной части населения представлялись «меньшим злом», имевшим более или менее определённую программу по восстановлению страны после восьми лет войн и революций.

Состояние белого тыла рассмотрел Н. Катцер. Он отметил, что как красные, так и белые столкнулись с примерно одинаковыми внутренними проблемами – спекуляцией, мошенничеством, дезертирством и др.

Однако решающим фактором оказалось то, что «крыша, которую идеология и политическая практика белых возвели над тылом, была недостаточно широкой, чтобы собрать всех, кто выступал против красных» (р. 456). Д. Суэйн рассмотрел влияние большевистской революции на европейские послевоенные государства. Месяцы, последовавшие за падением Германской империи, привели к «триумфу немецких меньшевиков над немецкими большевиками в начале 1919 г.», после подавления Спартаковского восстания. Победа в Гражданской войне открыла большевикам возможности для «экспорта» революции, однако поражение в советско-польской войне разрушило эти планы. В последней главе Ш. Олстон провёл подробный анализ историографии, отметив, что 1921 г. стал поворотным в развитии революционного процесса. Объявление нэпа, подавление Кронштадтского и Тамбовского восстаний во многом определили дальнейшую историю СССР и не менее важны, чем события 1917 г.

Таким образом, рецензируемая коллективная монография охватывает основные события и процессы, развернувшиеся в революционной России. Придерживаясь в целом консервативной трактовки хронологических рамок революции (1917–1922), авторы подчеркнули важность обращения к 1917 г. как центральной, узловой точке, определившей все последующие процессы на пространстве бывшей Российской империи. В значительной степени это отражает наметившуюся ещё до столетнего «юбилея» тенденцию «возвратить» повествование о российской революции к 1917 г. Вероятно (и рецензируемое издание это подтверждает), что с этими особенностями и взглядами историография встретит уже 110-летие революции.

Примечания

¹ См.: Heywood A. Spark of revolution? Railway disorganisation, freight traffic and Tsarist Russia's War effort, July 1914 – March 1917 // *Europe–Asia Studies*. 2013. № 4. P. 753–772.

² Thatcher I.D. The «Russian» civil wars, 1916–1926: ten years that shook the world, by Jonathan D. Smele // *Canadian–American Slavic Studies*. Vol. 52. 2018. № 4. P. 402–406.

³ См., например: Douds L. «The dictatorship of the democracy»? The Council of peoples' Commissars as Bolshevik – Left Socialist revolutionary coalition government, December 1917 – March 1918 // *Historical Research*. Vol. 90. 2017. № 247. P. 32–56.

⁴ См.: Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа». Март–июнь 1917 года. М., 2017.

Александр Пученков

Праздник Октября под колокольный звон*

Aleksandr Puchenkov

(Saint Petersburg State University, Russia)

The feast of October under the bell ringing

DOI: 10.31857/S2949124X23060251, EDN: NTXDBO

Монография молодого, но хорошо известного своими публикациями¹ петербургского историка К.В. Годунова раскрывает многие положения его диссертации, успешно защищённой в 2018 г.² Уже во введении автор оговаривает, что видит в изучении ритуалов ключ к пониманию природы власти, а не просто один из аспектов Гражданской войны, которая «до сих пор часто описывается как история военных столкновений красных и белых» (с. 7). Ссылаясь на празднования и церемонии, проходившие в России, Англии и Франции, Годунов исходит из того, что «в качестве опоры власти выступают не только разветвлённый государственный аппарат, военная сила, законы, но и яркие символы, ритуалы, церемонии, обеспечивающие символические основания политического господства» (с. 7–8). В центре внимания исследователя – празднование Дня

пролетарской революции как годовщины основания Советского государства, в котором «отчётливо проявились важные элементы особой политической культуры, не всегда контролируемой большевиками» (с. 13). Выражение эмоций органично сочеталось при этом с репрезентацией власти. Тогда же «в ходе ожесточённой борьбы за власть, на фоне военных столкновений революционной эпохи родились первые в российской истории культы вождей» (с. 17). Соответственно «эта книга – не только и не столько о празднике, сколько о власти в эпоху глобального кризиса». Годунов надеется, что, «больше узнав о праздниках переломной эпохи, мы сможем глубже понять культурную ситуацию, в которой происходило становление советского политического режима» (с. 20).

Действительно, с первых же месяцев своей диктатуры большевики

* Годунов К.В. «Красная Пасха»: празднование годовщин Октября и политическая культура Гражданской войны. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. 256 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», выполняемый в Санкт-Петербургском государственном университете.

использовали праздники как важный политический ресурс, позволяющий правящей партии добиваться мобилизации своих сторонников и дискредитации оппонентов (с. 40). Так, большое внимание они уделяли празднованию 1 мая. В 1918 г. на этот день пришлось среда Страстной седмицы, когда Церковь вспоминает предательство Иуды. Разумеется, митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский) признал неуместным участие православных в каких-либо торжествах. У многих представителей оппозиции проведение праздничных мероприятий в условиях разворачивающейся Гражданской войны вызывало недоумение (с. 23–24). Власть же, воспользовавшись поводом, устроила в этот день в Петрограде первый парад Красной армии. «Утром, — писал А.А. Блок, — под военную музыку ходят образцовым строем Николая II солдаты и матросы с аккуратными красными плакатами» (с. 27). В итоге в городе «звуки военных оркестров, исполняющих Интернационал, сливались с церковным гулом». А очередной номер газеты ставропольских большевиков «Власть труда» вышел под шапкой «Христос воскрес!». «Вероятно, — полагает Годунов, — таким образом учитывались настроения трудящихся» (с. 28). По его мнению, «в ходе празднования 1 мая актуализировались важные темы: тема политического использования праздника, тема эмоционального восприятия празднований, тема сакральности» (с. 31).

Но это была лишь репетиция приближавшейся первой годовщины Октябрьского переворота. Большевикам хотелось как можно скорее и нагляднее продемонстрировать перемены, принесённые революцией (с. 55). Однако «традиционные представления о празднике как о времени отдыха, веселья, радости вступали в противоречие с конкретной ситуацией Гражданской войны: праздничные торжества

проходили в момент экономической катастрофы, военных столкновений, коллапса государственных институтов» (с. 99). Поэтому организаторам соответствующих мероприятий приходилось проявлять недюжинную фантазию, заставляя их участников хотя бы ненадолго забыть о страшной повседневности и пережить эйфорию.

Для декорирования праздничного пространства использовались гирлянды, флаги, арки, гербы с серпом и молотом, панно, аллегорически изображавшие ценности революции. Нередко устраивались символические сожжения каких-либо атрибутов старого строя. Так, в Москве на Лобном месте в день годовщины Октября сожгли чучело кулака (с. 58, 61). На Неве 8 ноября 1918 г. матросы Балтийского флота предали огню изображение Бастилии (с. 161–162). В Петрограде непременно устраивалась торжественная иллюминация, что производило на жителей практически неосвещённого в условиях разрухи города особенно сильное впечатление. В ноябре 1920 г. им показали настоящий фейерверк: из ракет, римских свечей, бенгальских огней составлялись изображения самолётов, военных машин, кораблей, глобусов, на которых указывались границы Советской России (с. 62). По словам Годунова, «иллюминация в сочетании со звуковыми эффектами была призвана пробудить сильный эмоциональный отклик у участников торжеств» (с. 63). В целом же, «демонстрации, шествия, военные парады стали важнейшим элементом торжеств. До 1917 года демонстрации были революционным актом борьбы с царским режимом. После революции их эмоциональный стиль изменился: “мрачные манифестации превратились в праздничные парады; дни борьбы стали праздниками”» (с. 66). В итоге «звуковые и цветовые эффекты в тёмных и холодных городах, особая организация пространства,

раздачи пайков должны были оказать сильное эмоциональное воздействие на участников торжеств в момент тяжелейшего кризиса. Праздники превращались в действо, направленное на все органы чувств, его трудно было игнорировать» (с. 84).

Вместе с тем «праздник становился смотром сил сторонников Октября и временем их мобилизации, частью войны против врагов революции» (с. 105). Не случайно значимым его элементом на протяжении нескольких лет являлось поминовение борцов павших за революцию; известны случаи, когда в таких церемониях участвовал и В.И. Ульянов (Ленин) (с. 84). Конечно, «это не должно было помешать эйфоричному восприятию торжеств», но их устроители старались совместить «триумфальный характер празднования революции с трагической памятью о погибших» (с. 87). Впоследствии 7 ноября предпочитали говорить об успехах страны. Но в годы Гражданской войны «культура траура, несмотря на все противоречия, занимала важное место в политической культуре. Напоминание о жертвах, которые были принесены, “кровь погибших за Свободу”, должны были “сплотить оставшихся в живых”» (с. 90).

Большое внимание в книге уделено замещению религиозного сознания революционным. Так, исследователь отмечает, что в первые годы советской власти Октябрь нередко именовался «пролетарской красной Пасхой». Причём «сравнивали годовщины Октября с религиозными праздниками и видные большевики», включая Г.Е. Зиновьева и А.В. Луначарского (с. 108–110). Это приводит автора к уверенному заключению о том, что «носители культуры революционного подполья, в том числе и те, кто декларировал свой отход от религии, находились в поле влияния религи-

озной традиции» (с. 117). Впрочем, «сакрализации Гражданской войны через праздничный дискурс способствовали совершенно разные люди: авторитетные политические деятели, большевистские пропагандисты, столичные и региональные писатели, поэты, публицисты, корреспонденты и пр.» (с. 125–126). По мнению Годунова, «образ “красной Пасхи” был тесно связан с представлением об особой, мессианской роли пролетариата, возрождённого к новой жизни революцией» (с. 115). Неслучайно в большевистской публицистике тех лет, посвящённой павшим революционерам, не раз упоминались «Голгофа», «крест», «распятие на кресте» и т.д. Антикапиталистическая риторика также нередко усиливалась религиозными метафорами (Вавилон, изгнание торгующих из храма и т.д.) (с. 120–121).

Как утверждает Годунов, «празднование годовщины революции было техникой воспитания чувств, и эти чувства должны были иметь отчётливый сакральный оттенок» (с. 135). С этим исследователь связывает и то, что в 1918 г. соответствующие торжества нередко сопровождалось колокольным звоном и даже богослужением (с. 131–132). Более того, по мнению автора, политика большевиков первоначально «носила скорее антиклерикальный, чем антирелигиозный характер — в рассматриваемый период времени правящая партия ещё окончательно не определилась с курсом по созданию атеистического государства. Ресурс праздника использовался для критики священнослужителей, при этом язык и поведение организаторов годовщин Октября несли печать религиозного языка и религиозных практик. Этот язык, на котором разные люди — как большевики, их сторонники и “попутчики”, так и противники правящей партии — говорили

о смысле праздника, был пронизан религиозными метафорами» (с. 140).

Особый интерес вызывает четвёртая глава монографии, посвящённая осмыслению и оправданию репрессий в 1918 г. «Террор, — пишет историк, — часто описывается как целенаправленная политика авторитарной партии, стремящейся удержаться у власти с помощью насилия. Я использовал иной подход. Через описание связей террора и праздника я постарался показать некоторые особенности культуры насилия, носителями которой были не только большевики» (с. 170). Со своей стороны, их противники, как отмечает Годунов, «сравнивали красный террор с языческими жертвоприношениями, приуроченными к празднованию годовщины Октября, не только постфактум, но и в ходе Гражданской войны» (с. 157).

Отмечая 7 ноября, в Петрограде в 1918 г. переименовывали улицы в честь российских и зарубежных революционеров (В. Володарского, Ф. Адлера, К. Либкнехта, Ф. Энгельса), украшали актовые залы школ портретами Ленина, Луначарского, Зиновьева (с. 172–173). Кстати, речь, произнесённая тогда Лениным, воспринималась современниками как свидетельство его выздоровления после августовского покушения. Именно месяцы, следовавшие за его ранением, стали «начальной фазой сакрализации образа лидера большевиков» (с. 181). В те дни Ленину посвящались стихотворения, в которых его именовали «вождём», «героем», «опорой и радостью», «учителем — отцом» (с. 182–183). Вопреки мнению, сложившемуся в зарубежной историографии, Годунов признаёт: «Мне не удалось обнаружить данных, свидетельствующих о целенаправленно создаваемых культах вождей в ходе празднований Октября. Не было единой силы, определяющей праздничную политику. Вероятно, можно говорить

о том, что в период Гражданской войны сложились некоторые предпосылки и отдельные элементы культа Ленина (и наиболее значимой составляющей была его сакрализация)» (с. 184). Впрочем, затем автор указывает на то, что «формирующиеся культы вождей (прежде всего культ Ленина), дискурс террора и сакрализация революции были тесно связаны» (с. 190).

Подводя итоги, исследователь заявляет: «Я убеждён, что осень 1918 года — особый, во многом поворотный момент в советской истории. Именно в это время начали формироваться культы советских вождей, состоялась дискуссия о красном терроре, достигло пика ожидание мировой революции в связи с революционными событиями в Западной Европе, а процессы сакрализации политики получили новый импульс» (с. 191). Он также констатирует, что «невозможно понять феномен революционного праздника, рассматривая большевиков как единственного и единого актора, конструирующего праздничный ритуал. Советская праздничная традиция складывалась не только под воздействием идеологии большевиков и их сторонников, но и вследствие различных политических конфликтов и дискуссий, открытых и скрытых противоречий... Советская праздничная традиция находилась под влиянием отчасти целеустремлённой, отчасти стихийной политики по включению элементов предшествующих праздничных традиций в формирующийся советский праздничный канон. Революционная фразеология и символика переплетались с христианскими метафорами, различными элементами до-революционной праздничной культуры» (с. 193).

Работа К.В. Годунова основана на оригинальной и добротной документальной базе; безусловно, она вносит свою лепту в историографию русской

революции. Хочется надеяться, что в дальнейшем автор столь же глубоко и тщательно проанализирует советские праздники не только 1918 г., но и последующих лет.

Примечания

¹ Годунов К.В. Левые оппоненты большевиков и революционные празднования 1918 г. // Российская история. 2016. № 5. С. 184–195; Годунов К.В. Празднование первой годовщины Октября и ожидание мировой революции // Новейшая история России. Т. 8. 2018. № 2. С. 441–448; Годунов К.В. Празднование первой годовщины Октября и красный террор: легитимация

революционного насилия // Новейшая история России. Т. 10. 2020. № 4. С. 97–98; Годунов К.В. Первая годовщина революционного Октября: к вопросу об особенностях эмоционального режима периода Гражданской войны // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 1(56). С. 112–121; Годунов К.В. «Гражданская война»: политическое использование понятия весной 1917 г. // Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России. Сборник статей. СПб., 2022. С. 37–59. Рецензию Т.Г. Леонтьевой на этот сборник см.: Российская история. 2023. № 1. С. 217–222.

² Годунов К.В. Праздник 7 ноября в политической жизни Советской России эпохи Гражданской войны, 1918–1920 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2018.

Константин Бугров, Ксения Пименова

Как рождался соцгород: новая попытка осмысления градостроительных практик раннего СССР*

Konstantin Bugrov, Kseniya Pimenova

(Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg)

How a sotsgorod was born: new attempt to comprehend the urban planning practices of the early USSR

DOI: 10.31857/S2949124X23060263, EDN: NPBVHU

Книга американского историка архитектуры К. Кроуфорд посвящена слабо изученному вопросу – градостроительству раннесоветской эпохи. Она преследует двоякую задачу: рассмотреть процессы выработки и реализации проектов середины 1920-х – начала 1930-х гг. и проследить трансформацию курса в этой сфере под влиянием динамично менявшейся социально-экономической, политической и идео-

логической ситуации. В основу исследования положен макроисторический подход, а изучение проектирования и строительства носит компаративный характер.

В центре внимания – три периферийных города, выбранные по принципу значимости для индустриального развития СССР. Этот критерий предопределил экспериментальный характер строительных преобразований

* Crawford Ch.E. Spatial revolution: architecture and planning in the early Soviet Union. Ithaca (N.Y.): Cornell University Press, 2022. 386 p.

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

в них (р. 2). В первой части («Нефтяной город»), представляющей исключительный интерес, анализируются городская география и процессы планирования в Баку — тогдашнем центре советской нефтедобычи, выстраиваются внутренние связи чрезвычайно сложной промышленно-селитебной ткани Апшеронского полуострова. В фокусе внимания — усилия треста «Азнефть» по улучшению жилищных условий своих рабочих. Промышленное руководство выступало за создание для них «посёлков-садов», однако столкнулось с оппозицией со стороны Бакинского горсовета, который стоял за многоквартирные блоки. Нараставшая потребность в жилье и ограниченность ресурсов, выделявшихся на строительство, определили к 1926 г. победу второго варианта (р. 78). Особый акцент сделан на проблеме централизации градостроения: «История планировки Баку ставит под вопрос одну из главных характеристик советского планирования: что оно было с самого начала административно и географически централизованным... Планировщик Александр Иваницкий был частным лицом, нанятым местной администрацией, клиент и подрядчик вместе разрабатывали задачи планирования практически без надзора со стороны Госплана» (р. 117–118). К сожалению, не уделено внимание кооперативному строительству, сохранявшему достаточно сильные позиции в эпоху нэпа, а рассказ не доведён до конца — до обидного мало сказано о том, как всё-таки реализовывался градостроительный план Баку в конце 1920-х — начале 1930-х гг.

Во второй главе («Стальной город») предложен обзор проектов строительства Магнитогорска, прослежены перипетии раннего этапа воплощения идеи «социалистического города». История создания центра советской металлургии хорошо изучена, однако

Кроуфорд удалось внести нечто новое, рассмотрев её в контексте процесса централизации градостроения. Она показала, что Госплан, осознавая важность жилищного строительства для выполнения планов пятилетки и его мобилизационную значимость, демонстрировал заинтересованность в скорейшей выработке модели соцгорода — собрал конференцию (р. 140), ратовал за издание сборника её материалов (р. 143). И если в годы нэпа ведомству было не до коммунального строительства, то переход к телеологическому планированию и масштабным проектам заставил плановиков проявить внимание и к этим вопросам (р. 149).

Рассматривая задание на проектирование Магнитогорска, Кроуфорд обратилась к предложенному историком и теоретиком архитектуры Ф. Шоэ для анализа архитектурных замыслов концепту «инстаурационного текста» — комплекса идей, способствующих появлению новых пространственных форм. Трактую задание как результат договорённости между «теоретиками-визионерами и советскими чиновниками», согласовавшими то, как должно быть организовано пространство и где пролегают границы творческой свободы архитекторов (р. 156, 158), исследовательница задалась вопросом: привёл ли конкурс на проект Магнитогорска к выработке модели «социалистического города»? Ответ дан двоякий: «Да, поскольку... конкурсная документация обозначила главную творческую задачу пятилетки — создание воспроизводимой модели социалистического города... Нет, поскольку... конкурс не привёл к строительству реальных зданий» (р. 184).

В ряду причин, по которым конкурс оказался проектом не столько материальным, сколько интеллектуальным, Кроуфорд отмечает удалённость города от столицы, сложный ландшафт

и приоритет индустриального строительства над гражданским, оборачивавшийся соответствующей перекачкой финансовых средств. Однако это не объясняет отказ от реализации проектов планировки как соцгорода, так и жилищного комбината. Ответ кроется в том, что в 1929–1930 гг. в СССР активно приезжали иностранные специалисты (в том числе немецкий архитектурный мэтр Э. Май), с чем связывались надежды на приобщение к европейскому опыту стандартизации строительства¹. Поэтому интерес к результатам конкурса (местами фантастическим — сегодня проекты Организации современных архитекторов, предполагавшие возведение в Магнитогорске 28-этажных башен, способны вызвать лишь усмешку: их технологическая реализуемость была нулевой) сошёл на нет.

Строительство Магнитогорска, по Кроуфорд, стало началом новой стадии советского градостроительного планирования: «Если в Баку осуществлялось, можно сказать, типичное планирование эпохи нэпа, при котором местные руководители определяли его размах, а бухгалтерия регулярно проверялась на предмет возможности обеспечить замысел, то Магнитогорск стал символом совершенно иной модели... Экономика Советского Союза становилась командной, рыночные силы отбрасывались во имя ускоренной индустриализации. Доходы из других секторов народного хозяйства вливались в ключевые проекты» (р. 123). Упомянуты «генетический» и «телеологический» подходы к общехозяйственному планированию, и, конечно, рассмотрена дискуссия «урбанистов» и «дезурбанистов», развернувшаяся в 1929 г.

Представляется, однако, что «великим дебатам» архитекторов придаётся чрезмерное значение: они отличались остротой, но почти не имели

последствий, за пределами Москвы и Ленинграда построено было мало. Следовало бы больше внимания уделить разбору позиций экономистов, поскольку в тексте главы можно встретить неудачные формулировки, например: «Сабсович, председатель Госплана Глеб Кржижановский и другие так называемые нонградуалисты выступали за ускоренный темп индустриализации» (р. 122). Конечно, в середине 1920-х гг. Кржижановский выглядел пламенным индустриализатором, но уже к 1930 г. он смотрелся умеренно на фоне таких радикалов, как Л.М. Сабсович. Именно ВСНХ, в руководство которого входил последний, а не Госплан, отвечал за «вакханалию планирования», раздувшую программу пятилетки до циклопических масштабов².

В третьей главе («Машинный город») Кроуфорд анализирует строительство Харьковского тракторного завода (ХТЗ) и его соцгорода как попытку стандартизации, позволявшей до известной степени преодолеть трудности, с которыми столкнулось проектирование Магнитогорска. Автор подчёркивает: «Требовалось наладить массовое производство тракторов, что означало необходимость найти стандартную модель тракторной фабрики, которую можно было воспроизводить подобно самому трактору “Фордзон”» (р. 230). Содержателен сравнительный анализ планировок Сталинградского и Харьковского заводов, разработанных архитектурным бюро А. Кана, детально рассмотрена подготовка коллективом проектировщиков под руководством П.Ф. Алёшина планов и чертежей Нового Харькова.

Автор проводит пространственный анализ данной промышленной площадки (это, безусловно, сильная сторона работы) и заключает: «Теория социалистического города была создана для Магнитогорска и применена в Харькове» (р. 283). Если для первого объ-

вили всесоюзный конкурс — шумный, но бесплодный, — то во втором просто «обратились к опытному местному архитектору, который, изучив господствующие веяния и применив свои профессиональные навыки, постарался решить проблему по возможности оперативно» (р. 284). С этим выводом следует, пожалуй, согласиться. Однако в целом выбор для анализа идеи соцгорода тракторного завода, расположенного рядом с крупным мегаполисом, вызывает удивление. Очевидно, что строительство на окраине столицы союзной республики или крупного промышленного центра (посёлок Автозавода в Нижнем Новгороде, городок Уральского завода тяжёлого машиностроения в Свердловске) заведомо «удачливее», нежели в пустой степи Южного Урала или Казахстана (Джезказган), или на Кольском полуострове (Кировск). «Повезло» также стройкам, начатым первыми (например, Сталинградский тракторный завод) и к моменту кризиса пятилетки (1931) по большей части завершённым. Финансирование, качество управления, географическое положение с общим правилом «чем восточнее, тем труднее» — такой представляется нам система факторов, влиявших на успешность градостроительных проектов эры индустриализации.

Кроме того, в корректировке нуждается само понятие успешности, требующее детального и комплексного анализа всего объёма строительства на той или иной площадке, а не только отдельных проектов. К примеру, соцгород вовсе не был единственным поселением у горы Магнитной. Разнообразные деревянные, щитовые, барачные посёлки сформировали чрезвычайно сложную географию на обширном пространстве от железнодорожной станции до собственно соцгорода, замыкавшего этот селитебный «котёл» с юга³. Та же ситуация и с Харьковом:

в 1935–1936 гг. рядом с ним начал работу станкостроительный завод, обзаведшийся собственным посёлком, который вскоре фактически слился с жилищными комбинатами ХТЗ. Думается, интереснее было бы провести именно цельный анализ сложного процесса проектировки и развития градостроительных комплексов, складывавшихся вокруг заводов. В книге же собственно строительству — в отличие от проектирования — внимания уделено чрезвычайно мало.

В результате рассмотренные примеры не складываются в последовательный процесс «пространственной революции». Кроуфорд старается его выстроить, но если переход от Баку к Магнитогорску получился логичным (как иллюстрация перехода от локального сбалансированного планирования к централизованным директивам), то от Магнитогорска к Харькову — нет. Возникает масса вопросов, и главный — в чём же заключалась «революция»? Только ли в стремительном переходе от жилых единиц к стандартизированным суперблокам? Кстати, из этой точки автор предпринимает не вполне удачный экскурс во вторую половину XX в., утверждая, что в СССР конкурировали две модели: «монументальный соцреализм» градостроительного ансамбля и «хорошо организованный жилкомбинат», переживший возрождение в послевоенный и особенно постсталинский период в виде микрорайонов.

Кроуфорд пишет: «С системной точки зрения проект соцгорода Нового Харькова представляет собой успешное применение... социалистической градостроительной единицы — суперблока Арменикенд — в намного большем масштабе, преимущества чего будут осознаны со временем» (р. 283). Тем не менее, хотя в 1950–1960-е гг. микрорайонный принцип строительства на новых территориях

и возобладал⁴, ни в проекте харьковского соцгорода, ни в градостроительной практике послевоенного времени задачу массового воспроизведения форм застройки решить так и не удалось. Типовые проекты планировки жилых районов разрабатывались, но широкого распространения не получили. Массовому воспроизведению при этом подвергались не формы застройки, а проекты зданий. Вопрос же планировки жилых районов разрешался с учётом экономических, демографических, ландшафтных, функциональных, композиционно-эстетических и других факторов — в каждом случае по-своему.

Отразить влияние проектирования городов на их повседневность автору не удалось. О жизни бакинского Арменикенда, на месте которого строился конструктивистский посёлок им. Шаумяна, ей, по большому счёту, сказать нечего. О Магнитогорске и Харькове она рассказывает со ссылками на англоязычные записки живших в начале 1930-х гг. в СССР иностранцев, таких как Дж. Скотт или Ф. Бил. Новый Харьков характеризуется как наиболее успешный градостроительный проект среди изученных, однако звучит это несколько голословно: автор не поясняет, на каких основаниях сделан такой вывод, лишь упоминаются эффектные фотографии соцгорода. В результате вольно или невольно воспроизводятся постулаты советской пропаганды о жилищном строительстве как проявлении заботы правительства о благополучии граждан и обеспечении равного доступа к социальным благам. Стараясь уравновесить навеваемую фотоматериалами идиллию, Кроуфорд подчёркивает, что посёлок тракторостроителей окружала голодающая деревня. И всё же резкие противоречия градостроительной практики эры индустриализации, их связь с политикой принуждения

и социального контроля остались на периферии исследования.

Кроуфорд задаётся вопросом, как воспринималась архитектура горожанами, как трансформировала их повседневность, однако ответить на него, по её мнению, едва ли возможно. Между тем эта задача принципиально разрешима путём применения количественных и качественных методов анализа материалов периодической печати, эго-документов, фото и других групп источников. Сама исследовательница несколько раз обращает внимание на фотографии бакинского строительства, сделанные Л.Г. Брегадзе, а также указывает на мобилизующую роль строительства Нового Харькова для городских добровольцев (р. 282). Оба сюжета кажутся ценными при условии их систематического изучения.

Подводя итоги, отметим, что в целом попытка «развенчать миф о том, что советское планирование было централизованной и цельной деятельностью с самого начала» (р. 286), удалась. К достоинствам книги можно также отнести помещение советского градостроительства в контекст мирового, причём не только отследив судьбы новаций, привнесённых иностранными архитекторами, но и отметив перенесение идей, претерпевших советскую «локализацию», за рубеж. Кроуфорд говорит об «уроках» советского градостроения и делает вывод, что представления о «хорошем городе» были, по существу, одинаковы в социалистическом и капиталистическом мире, различаясь лишь «источником финансирования».

Однако представляется, что большая работа, проделанная автором, заслуживает более глубокого и серьёзного вывода. Главная проблема исследования — установка на анализ проекта вместо анализа практики. Обращение к последней показывает, что в широком смысле ни одна стройка

индустриализации не достигла успеха. Каменные городки с многоквартирными домами и «жилкомбинатами» не могли разместить большинство обитателей постоянно растущего поселения, оно неизбежно «обрастало» деревянной застройкой, щитовыми и каркасными кварталами, землянками, многочисленными техническими сооружениями и т.д. Эта география, довлевшая над «социалистическими городами» как минимум до конца 1960-х гг., заслуживает пристального изучения. Её «не видят» документы планирования, подчас «извлечь» её из массива источников сложно. И всё же мы уверены, что именно по этой линии должно развиваться изучение социальной и культурной практики советского градостроения. Работа К. Кроуфорд — интересная, богатая источниковым и визуальным материалом, обращаясь к слабоизученным приме-

рам, — в целом является шагом в этом направлении.

Примечания

¹ *Коньшьева Е.В.* Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток. Документы и материалы. М., 2017. С. 11.

² *Harris J.R.* The Great Urals: regionalism and the evolution of the Soviet system. Ithaca (N.Y.); L., 1999. P. 54, 82, 87.

³ См.: *Kotkin S.* Magnetic mountain: Stalinism as a civilization. Berkeley, 1995; *Меропович М.Г., Коньшьева Е.В., Хмельницкий Д.С.* Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). М., 2011; *Макарова Н.Н.* «В котле индустриализации»: повседневная жизнь Магнитогорска (1929–1941). Магнитогорск, 2014; и др.

⁴ *Горлов В.Н., Артёмов С.Н.* Переход на микрорайонный принцип застройки Москвы во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг.: противоречия становления и развития // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. № 1. С. 79–97.

Михаил Минц

Michael Mints

(Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow)

Рец. на: I.O. Johnson. Faustian bargain: the Soviet-German partnership and the origins of the Second World War. N.Y.: Oxford University Press, 2021. 368 p.*

DOI: 10.31857/S2949124X23060275, EDN: NPLBUK

Советско-германское военное сотрудничество в 1920-х — начале 1930-х гг. не относится к числу «забытых» страниц отечественной истории. На эту тему к настоящему времени вышло уже немало публикаций как в России, так и за рубежом. Тем не менее за последние годы из крупных работ стоит отметить, пожалуй, только второе издание монографии Ю.З. Кан-

тор¹, а также книгу Н. Ридли², которая является скорее популярным изданием, а не оригинальным научным исследованием. Продолжают выходить также статьи, авторы которых анализируют отдельные частные вопросы³. Тем больший интерес вызывает первая монография И.О. Джонсона (профессор военной истории Университета Нотр-Дам, Саут-Бенд, Индиана, США),

* *Джонсон И.О.* Фаустовская сделка: советско-германское партнёрство и происхождение Второй мировой войны. Нью-Йорк: Изд-во Оксфордского университета, 2021. 368 с.

целиком посвящённая советско-германским отношениям в межвоенный период. Книга представляет собой расширенную и дополненную версию докторской диссертации автора, защищённой в 2016 г. в Университете штата Огайо. Поскольку международная база диссертаций *ProQuest Dissertations and Theses* в настоящее время недоступна для российских пользователей, возможность ознакомиться с опубликованным вариантом этой работы оказывается особенно ценной.

Хронологически исследование Джонсона охватывает 1918–1941 гг., включая не только сотрудничество на основе Рапальского договора 1922 г. и Берлинского договора 1926 г. («эпоха Рапалло»), но и последующее охлаждение отношений в 1933–1939 гг., а также период 1939–1941 гг., завершившийся нападением Германии на СССР. Автор рассматривает пакт Молотова–Риббентропа как прямое продолжение «эпохи Рапалло». Свёртывание сотрудничества в первые шесть лет после прихода Гитлера к власти, по его мнению, являлось временным, так как в его в продолжении в равной степени были заинтересованы и немецкие военные и дипломаты, и советское руководство.

Джонсон попытался изучить содержание, цели и результаты деятельности германских и совместных секретных предприятий и организаций на территории СССР в 1920-х – начале 1930-х гг., а также оценить общее значение советско-германского сотрудничества. Он отмечает, что «внешняя» (дипломатическая и административная) сторона этого сотрудничества исследована уже достаточно подробно, однако его место в отечественной и мировой истории невозможно уяснить в полной мере без изучения военной и военно-технологической составляющих (обмен технологиями, германские секретные научно-исследовательские

и опытно-конструкторские работы на советской территории, обучение советских командиров в Германии и немецких офицеров в СССР, обмен организационным опытом и т.д.).

Источниковую базу исследования составили документы восьми американских архивов, семи немецких, одного польского, двух британских и шести российских (ГА РФ, РГАЭ, РГАСПИ, РГВА, Государственный архив Липецкой области, Центральный государственный архив Самарской области), а также большая подборка опубликованных источников и материалы немецких, советских, американских и английских газет. Следует отметить, что в Германии автору удалось поработать не только в государственных (Федеральный архив в Лихтерфельде, Федеральный военный архив, Политический архив Министерства иностранных дел), но и в корпоративных архивах компаний Daimler-Benz, Thyssen-Krupp, MAN, принимавших активное участие в реализации различных секретных проектов на территории СССР в «эпоху Рапалло».

Структура книги выстроена по хронологическому принципу и включает в себя введение, 35 глав, объединённых в две части, и заключение. В заглавиях частей обыгрывается известная пословица: первая часть «Сеющие ветер» («Sowing the Wind», 23 главы) посвящена наиболее интенсивному советско-германскому сотрудничеству в 1920-х – начале 1930-х гг., во второй – «Пожинающие бурю» («Reaping the Whirlwind», 12 глав) – прослеживается эволюция советско-германских отношений в середине и второй половине 1930-х гг., описывается начало Второй мировой войны. В первой части автор особенно подробно рассматривает историю основных совместных секретных объектов на советской территории, включая авиазавод в Филях, химический завод «Берсоль» (Самар-

ская обл.) для производства боевых отравляющих веществ, авиабазу в Липецке, объект «КАМА» (танковый полигон и танковая школа под Казанью), объект «Томка» (полигон для испытаний химического оружия под Вольском в Саратовской обл.). Вторая часть более лапидарна, поскольку в 1933 г., после назначения Гитлера рейхсканцлером, СССР и Германия довольно быстро дистанцировались друг от друга.

Как показано в книге, секретное военное сотрудничество с Советским Союзом в «эпоху Рапалло» позволило Германии не отстать от мировых тенденций в развитии военной техники и теории. Хотя танки и самолёты, с которыми она вступила во Вторую мировую войну, были сконструированы и запущены в производство уже после 1933 г. и не испытывались на секретных полигонах в СССР, их создатели в значительной степени опирались на результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, проводившихся на объекте «КАМА» и на липецкой авиабазе. Испытания химического оружия на объекте «Томка» убедили немцев в том, что его применение в скоротечной манёвренной войне невозможно, а химические атаки с воздуха по вражеским городам будут слишком затратными и малоэффективными. Это повлияло на отношение немецких военных к химическому оружию в целом, позволив им преодолеть инерцию опыта Первой мировой войны. В СССР обучались в разное время в общей сложности несколько сотен немецких офицеров, при том, что весь офицерский корпус Рейхсвера в 1920-х гг. насчитывал всего 4 тыс. человек. Только благодаря сотрудничеству с Советским Союзом Германия к началу 1930-х гг. имела в своём распоряжении достаточное количество молодых профессиональных танкистов и военных лётчиков. После

1933 г. именно они сыграли ключевую роль в строительстве германских танковых войск и ВВС, в том числе в обучении новых поколений офицеров. В совокупности эти обстоятельства позволили Германии не просто возродить свои вооружённые силы после прихода нацистов к власти, но и сделать это чрезвычайно быстро — настолько, что британское и французское правительства не сумели достаточно оперативно на это отреагировать. Такое неожиданное отставание от Германии в военном строительстве породило в политических элитах Англии и Франции неуверенность в собственных силах и стало одной из причин политики «умиротворения». Гитлер, со своей стороны, рассматривал эту ситуацию как «окно возможностей», позволяющее ему реализовать свои экспансионистские замыслы до того, как западные демократии окажутся в состоянии ему помешать. Опасения, что уже в начале 1940-х гг. это «окно» может закрыться, заставили его поторопиться с началом войны против Польши.

Советской стороне сотрудничество облегчило доступ к немецким технологиям, а обучение советских военных в Германии и на совместных секретных объектах способствовало дальнейшей профессионализации Красной армии. Последнее особенно важно с учётом того, что на выходе из Гражданской войны уровень подготовки её командного состава был крайне низким. Джонсон подчёркивает значение поставок немецкого промышленного оборудования для сталинской индустриализации, в том числе и для стремительного наращивания вооружений в 1930-х гг. Однако здесь речь идёт всё же не о военном сотрудничестве, а о сугубо торговых отношениях, исследование которых по большей части выходит за рамки книги. Косвенным образом сотрудничество с Германией в 1920-х гг. спровоцировало армейские

чистки 1937–1938 гг., т.е. сработало не только на усиление, но и на ослабление Красной армии.

В монографии содержатся и некоторые более частные выводы. Так, в главе 14 автор оспаривает мнение о том, что совместные проекты по строительству авиазавода в Филях и завода «Берсоль», выкупленных в 1927 г. советским правительством, оказались в целом провальными. На заводе в Филях за весь период действия германской концессии было произведено всего 150 самолётов. Однако следует учитывать, что советские ВВС в 1924 г. насчитывали лишь 173 исправных самолёта. Кроме того, завод в Филях, переименованный в авиазавод № 22, продолжал успешно развиваться в последующие годы уже под советским управлением. В годы первых пятилеток именно он стал важнейшим центром производства тяжёлых бомбардировщиков (на рубеже 1920–1930-х гг. такие самолёты строились только в Филях), а после Второй мировой войны переориентировался на выпуск космической техники (современный Государственный космический научно-производственный центр имени М.В. Хруничева). Завод «Берсоль» к 1932 г. поставлял уже десятки тысяч химических снарядов в месяц, а к 1936 г. стал одним из крупнейших производителей боевых отравляющих веществ в мире, выпуская по 4 т иприта в день. Таким образом, обе концессии имели огромное значение для развития советского ВПК, хотя немцы и рассматривали их как неудачные.

С учётом всех этих обстоятельств автор пришёл к заключению, что история разрывания Второй мировой войны «может быть понята в полной мере только в свете рапальского сотрудничества» (р. 235). Так, в 1940 г. германские танковые части оказались в целом эффективнее французских во многом благодаря тому, что на немец-

ких танках Pz. Kpfw. III и Pz. Kpfw. IV уже использовались трёхместные орудийные башни с отдельными местами для командира, наводчика и заряжающего. Это позволяло командиру целиком сосредоточиться на управлении своим экипажем, не отвлекаясь на обслуживание орудия, — в отличие, например, от французских танков Char B1 и Somua S35, где командир выполнял также функции стрелка и даже заряжающего. Кроме того, немецкие танки были полностью обеспечены радиосвязью, что резко повысило управляемость подразделений по сравнению с французскими, где основным средством связи оставались сигнальные флажки. Аналогичная ситуация сложилась летом 1941 г. и на Восточном фронте, поскольку в советских войсках радиостанциями были оборудованы лишь командирские танки (начиная с командира роты), а в экипажах практически всех серийных советских танков того времени (за исключением KB-1) командир являлся также наводчиком орудия. Оба технических решения — и трёхместную башню, и радиосвязь — немцам удалось реализовать по результатам испытаний экспериментальных образцов танков на объекте «КАМА». С другой стороны, опыт работы в СССР в 1920-х — начале 1930-х гг. породил среди немецких офицеров пренебрежительное отношение к советскому государству, его населению и вооружённым силам. Это стало одним из факторов, обусловивших лояльное отношение к Гитлеру, военные преступления немецких солдат и офицеров против советских граждан, а также общую (причём катастрофическую) недооценку обороноспособности СССР, результатом которой стал провал операции «Барбаросса».

Использование одновременно и советских, и немецких документов позволило Джонсону рассмотреть историю советско-германского военного

сотрудничества с обеих сторон. Кроме того, в книге подробно разбирается международный и внутривосточный контекст, в котором принимались соответствующие решения в Москве и Берлине. Немецкий политический контекст анализируется даже тщательнее, что делает книгу особенно ценной для российских исследователей, достаточно подробно знающих политическую историю РСФСР/СССР в межвоенный период, но не так хорошо знакомых с германской внутривосточной «кухней». Особенно внимательно автор изучил участие немецких военных в политических интригах, поскольку роль Рейхсвера в политической системе Веймарской республики оказалась исключительно важной, а внутренняя обстановка в Германии сильно влияла на динамику советско-германских отношений.

В книге есть мелкие фактические ошибки. Автор пишет, например, что ОГПУ было «переименовано» в НКВД в 1940 г. (р. 275), хотя в действительности союзный Наркомат внутренних дел образован в 1934 г.; тогда же в его структуру вошло и ОГПУ, переименованное в Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). В другом месте говорится, что НКВД был создан в 1934 г., «заменяя» ОГПУ (р. 173).

Также в книге упоминается о том, что на советских танках вплоть до Т-34 включительно использовалась двухместная башня и командир танка вынужден был выполнять обязанности заряжающего (р. 283). Как уже говорилось, двухместная башня действительно долгое время преобладала на советских танках, включая однобашенные Т-26, семейство БТ и Т-34 образца 1940–1941 гг., однако командир танка при этом выполнял обязанности не заряжающего, а наводчика. Тем не менее главный недостаток данного подхода в книге охарактеризован правильно:

совмещение одним человеком функций командира танка и наводчика орудия снижало темп стрельбы и одновременно мешало командиру управлять своим экипажем в бою. Трёхместная башня применялась в советском танкостроении с 1939 г. на танках КВ-1 и с 1944 г. на Т-34-85.

Есть и ошибки, относящиеся к германским реалиям. Так, в главе 26 говорится, что созданное в 1935 г. Верховное главнокомандование сухопутных войск (ОКХ) представляло собой возрождённый Генеральный штаб (р. 174), хотя в действительности Генеральный штаб сухопутных войск функционировал как подразделение ОКХ.

Первая часть книги написана настолько подробно и в хорошем смысле слова вездливо, что вторая на её фоне выглядит несколько поверхностной. Возможно, здесь имело бы смысл сократить главы, посвящённые периоду охлаждения германо-советских отношений, когда политическое и военное сотрудничество было свёрнуто. Напротив, о 1939 – первой половине 1941 г. стоило бы рассказать подробнее.

Высказанные замечания, однако, ни в коей мере не ставят под сомнение ни квалификацию автора, ни выводы, сделанные им по результатам исследования. Работа И.О. Джонсона определённо является существенным вкладом в историографию Второй мировой войны и советско-германских отношений, она будет полезна не только профессиональным историкам, но и широкому кругу читателей.

Примечания

¹ Кантор Ю.З. Заклятая дружба: секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е годы. М., 2014.

² Ridley N. The road to Barbarossa: Soviet-German relations, 1917–1941. Barnsley, 2023.

³ См., например: Баев В.Г. Советско-германский Рапалльский договор: причины, цели, подписанты // Вопросы истории. 2022. № 6(2). С. 87–93.

Алексей Попов

Туристы и система*

Aleksei Popov

(V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia)

Soviet tourists and the system

DOI: 10.31857/S2949124X23060287, EDN: NPQLXG

История туризма в СССР не относится к числу магистральных тем историографии, но всё же вызывает стабильный интерес среди исследователей. Ряд монографий российских историков посвящён ретроспективному анализу советского туризма в целом¹ или отдельных его видов и направлений², развитию в определённые периоды³ или в конкретных регионах⁴. Что же касается работ зарубежных авторов, то наиболее востребованы монографии канадской исследовательницы Э. Горсач (*Anne E. Gorsuch*)⁵ и американского историка-слависта Д. Коенкер (*Diane P. Koенker*)⁶. Из книги Горсач на русском языке опубликована лишь одна глава⁷, а вот с переводом монографии Коенкер теперь можно познакомиться в полном объёме.

В западной академической традиции сформировались два основных подхода к изучению феномена туризма: экономико-географический и социально-антропологический. В рамках первого туризм рассматривается как вид хозяйственной деятельности, в связи с чем исследователи проявляют интерес к ресурсной базе, инфраструктуре, статистическим и экономическим показателям. Представители второго фокусируют внимание на мотивации, вкусах и впечатлениях туристов, а также рассматривают путешествие как особый вид социальной мобильности⁸. Однако применительно к изучению советского туризма, благодаря трудам Горсач, Коенкер и других,

менее известных зарубежных исследователей, оформился ещё один подход, характеризующийся гипертрофированным вниманием к политической составляющей. Путешествия, туристические поездки, отдых на курортах граждан СССР рассматриваются как проявление политики государства, направленной на решение актуальных для него задач. Рецензируемая книга — яркий пример такого подхода, хотя затрагивает также немало интересных социально-экономических и антропологических сюжетов.

Коенкер рассматривает развитие туризма и курортно-рекреационного дела на протяжении практически всего советского периода — от создания первых здравниц ещё во время Гражданской войны до начала перестройки. При этом, в отличие от Горсач, описывающей туристическую мобильность советских граждан в контексте холодной войны, Коенкер уделяет первостепенное внимание характеристике внутреннего туризма. Причём смысловой акцент сделан на противоречии между «намерениями государства, видевшего в досуговых практиках средство воспитания лояльных подданных», и усилиями граждан, которые стремились с помощью этих поездок удовлетворять личные потребности (с. 19–20).

Одно из безусловных достоинств книги — разнообразная и репрезентативная источниковая база. Она включает документы девяти федеральных и региональных архивов, опубликован-

* Коенкер Д. SPАсибо партии. Отдых, путешествие и советская мечта. СПб.: Academic Studies Press; Библиороссика, 2022. 455 с.

ные источники, среди которых многочисленные путеводители и справочники туристических маршрутов, путевые очерки, материалы специализированных журналов («Вопросы курортологии», «Всемирный турист», «На суше и на море», «Турист», «Турист-активист») и массовой периодической печати, а также визуальные источники — фотографии, плакаты, кинофильмы. Несколько удивляет лишь то, что Коенкер, посвятившая ряд глав позднесоветскому периоду и часто посещавшая с исследовательскими целями постсоветское пространство, практически не использовала метод устной истории.

Книга построена по проблемно-хронологическому принципу и включает семь глав: «Починка человеческого мотора», «Пролетарский туризм», «“Пролетарский” туризм в 1930-е годы», «Восстановительный отдых после войны», «От лечения к отпуску», «Постпролетарский туризм», «Модернизация советского туризма». Материал каждой неоднороден и содержит много тематических параграфов, что обусловлено стремлением автора описать все основные виды и организационные форматы туризма, развивавшиеся в СССР («Групповые поездки», «Туристические поезда», «Круизы», «Самодельный туризм», «Автомобильный туризм» и т.д.). Поэтому читатель имеет дело не столько с единой строгой периодизацией, построенной на институциональных основаниях, сколько с ретроспективными и иногда дублирующими друг друга описаниями проявлений нескольких динамических тенденций — от лечебного туризма к оздоровительному, от жёстко регламентированного к самоорганизующему, от общественно полезного к гедонистическому, от коллективного к семейному или индивидуальному.

Ознакомившись с текстом, можно сделать вывод, что единственной константой развития рекреационно-

туристических практик в СССР с 1920-х до 1980-х гг. являлась их рациональность, хотя её логика могла быть разной для власти и самих туристов, а также меняться в разные исторические периоды. Раннесоветские представления о том, что благоприятные условия для отдыха и оздоровления должны иметь только лучшие представители пролетариата, уже во второй половине 1930-х гг. трансформировались в декларирование «права на отдых» для каждого гражданина, что зафиксировали Конституции 1936 и 1977 гг. Постоянно возрастали требования к качеству обслуживания со стороны советских граждан, хотя очень часто они оставались неудовлетворёнными (с. 242).

В позднесоветский период туризм в широком смысле этого слова стал подлинно массовым явлением, но выявилась его крайняя неоднородность. На территории отдельно взятого региона можно было одновременно наблюдать обитателей здравниц для политической и творческой элиты, пациентов санаториев узкого медицинского профиля, а также обладателей путёвок в другие типы рекреационно-туристических учреждений (пансионаты, дома отдыха, пионерские лагеря, турбазы, горные приюты, автокемпинги) — тех, кого называли «плановыми» или «организованными» туристами. Однако преобладали не они, а участники самодельных туристских походов, «осёдлые» (снимавшие жильё в частном секторе) или мобильные любители неорганизованной («дикой») рекреации. Например, на крымских курортах в период застоя, который считается «золотым веком» массового советского туризма, лишь 25% от общего количества рекреантов и туристов обладали какими-либо путёвками. Остальные 75% путешествовали в полуорганизованной или неорганизованной форме⁹. При этом не только каждая вышеперечисленная категория,

но и каждый индивидуально входивший в неё турист имели собственную стратегию отдыха, свой набор ресурсов для её осуществления, а конечный результат путешествия зависел от времени, маршрута, материально-бытовых условий и даже погоды.

На этом фоне Коенкер недостоаточно чётко формулирует своё понимание «советской мечты» (*Soviet dream*), хотя это понятие отражено в названии монографии и, видимо, должно быть как-то связано с туризмом. Можно лишь предположить, что эту мечту она трактует как стремление к созданию «саморегулирующегося общества равных» (с. 317) и «желание свободно путешествовать по стране и миру» (с. 412). Декларированное конституционное право на отдых интерпретировалось гражданами как право на самостоятельный, не зависящий от государства и идеологии выбор проведения свободного времени. Эту мысль в различных вариациях автор высказывает неоднократно (с. 287, 384, 400, 406).

На основе анализа значительного количества источников автор смогла обозначить не только основные тенденции развития, но и важнейшие проблемы организации туризма и отдыха. Среди них — чрезмерная централизация управления и снабжения здравниц; неравный доступ различных категорий граждан к рекреационно-туристической инфраструктуре; запаздывающий рост материально-технической базы, что в сочетании с диспропорциями спроса из-за географических предпочтений и сезонности приводило к перманентному дефициту путёвок; недостаточное развитие семейного и зарубежного (выездного) туризма; низкий уровень сферы обслуживания. Частично они объяснялись именно патерналистским стремлением власти максимально контролировать данную сферу и тем самым ограничить «советскую мечту». Ответом на эти недостатки явился своеобраз-

ный «диссидентский» контрпроект, выразившийся в том, что граждане СССР свои рекреационные потребности и стратегии их достижения ставили выше государственных интересов. С течением времени он охватывал всё большее количество туристов.

По мнению Коенкер, в последние два десятилетия существования СССР органы власти фактически расписались в своём бессилии. Теперь они стремились (не всегда удачно) соответствовать вкусам туристов-потребителей, а не активно формировать их, как в 1920–1930-е гг. (с. 24), в период «пролетарского туризма». В итоге советский туризм из государственного проекта и общественного движения превратился в индустрию досуга, девиз которой автор сформулировала так: «Не турист для нас, а мы для туриста» (с. 384).

Кроме того, советская рекреационно-туристическая сфера постепенно утрачивала уникальность, сближаясь с общемировой. По утверждению автора, «советская система с её коммунистической идеологией, централизованной плановой экономикой и ужасными проявлениями политического насилия может показаться уникальной политической формацией, но по большей части история отдыха в СССР соответствует тому, что наблюдалось на протяжении XX в.» (с. 412). К 1960–1980-м гг. пребывание в санатории или доме отдыха, экскурсионные поездки по стране и за рубежом, походы в горно-лесной местности всё реже рассматривались через призму государственных задач (восстановления потенциала трудовых ресурсов, формирования «нового советского человека», воспитания выносливых и мужественных бойцов, оказания туристами шефской помощи в сборе урожая), как в предшествующие десятилетия. Теперь они воспринимались преимущественно как продукт массового потребления, оцениваемый через категории

моды, престижа, цены (с. 12–13, 253). «Путешествие стало знаком статусного потребления, таким же заметным и важным, как синие джинсы, транзисторные приёмники, автомашины» (с. 305). В итоге к концу перестройки туризм и отдых оказались очищены от менторской опеки со стороны государственного аппарата. Его давление для подавляющего числа граждан сменилось ограничениями, которые накладывались их собственными финансовыми возможностями (с. 24).

Качество перевода книги достаточно высоко. Также для русскоязычного варианта придумано оригинальное название, включающее распространённую сегодня и связанную с темой отдыха и оздоровления аббревиатуру SPA¹⁰. Однако отсутствие авторского предисловия к русскому изданию вызывает сожаление, а то, что названия фондов российских архивов в списке источников почему-то даны в англоязычной версии (с. 420–422), – откровенное недоумение. Также нельзя не отметить, что за девять лет, прошедших с момента выхода оригинала, отечественная историография вопроса обогатилась рядом новых работ, лишь часть из которых указана в обзоре литературы.

В целом книга Д. Коенкер, безусловно, заслуживает внимания исследователей советского общества, политической и экономической истории, культуры повседневности, пространственной мобильности, досуговых и туристско-рекреационных практик в СССР. В ней приведены яркие, разнообразные и исторически достоверные факты. Однако с точки зрения анализа отношений власти и населения она, увы, не даёт ничего нового, ограничиваясь доминирующей в западной славистике концепцией постоянной латентной борьбы между репрессивным государством и стремящимися к максимальной автономии и личной свободе гражданами. Гораздо больший эвристический

потенциал имеют сюжеты, связанные с территориально-географическими, социально-экономическими, социально-психологическими, культурными особенностями феномена советского туризма, который всё же представляется если не абсолютно уникальным, то как минимум многомерным и неоднозначным.

Примечания

¹ Долженко Г.П. История туризма в до-революционной России и СССР. Ростов н/Д, 1988; Долженко Г.П., Путьрик Ю.С. История туризма в Российской империи, Советском Союзе и Российской Федерации: 1696 г. – современность. Ростов н/Д, 2010; Усыскин Г. Очерки истории российского туризма. М.; СПб., 2000.

² Багдасарян В.Э., Орлов И.Б., Шнайден Й.Й., Федюлин А.А., Мазин К.А. Советское зеркальце. Иностраный туризм в СССР в 1930–1980-е гг. М., 2007; Алексеев А.А. Спортивный туризм в СССР и России (к истории развития). М., 2015; Орлов И.Б., Попов А.Д. Сквозь «железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм, 1955–1991. М., 2016; Константинов Ю.С. История отечественного детского туризма (1918–2018 гг.). М., 2018; Орлов И.Б., Попов А.Д. Сквозь «железный занавес». See USSR! Иностранцы туристы и призрак потёмкинских деревень. М., 2018.

³ Орлов И.Б., Юрчикова Е.В. Массовый туризм в сталинской повседневности. М., 2010.

⁴ Попов А.Д. Всесоюзная здравница: история туризма и курортного дела Крыма в 1920–1980-е годы. Симферополь, 2019.

⁵ Gorsuch A. All this is your world: Soviet tourist at home and abroad after Stalin. N.Y.; L., 2011.

⁶ Koенker D. Club red. Vacation travel and the Soviet dream. N.Y., 2013.

⁷ Горсач Э. Выступление на международной сцене: советские туристы хрущёвской эпохи на капиталистическом Западе // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 359–388.

⁸ Подробнее см.: Шноде Х. Генезис и структура туризмологии // Туризм и гостеприимство. 2017. № 2. С. 47–53.

⁹ Сравнительную характеристику различных видов и форматов туризма в советский период на примере Крыма см.: Попов А.Д. Всесоюзная здравница... С. 86–173. Сама Коенкер не берётся оценивать количество неорганизованных рекреантов из-за отсутствия у неё таких данных (с. 312).

¹⁰ Аббревиатура SPA происходит от латинского афоризма Sanitas per aqua/aquam – «оздоровление с помощью воды».

К 90-летию Владимира Андреевича Кучкина

Стать историком Владимир Кучкин решил, когда ему исполнилось 10 лет, и позже колебаний в выборе пути уже не было. «Меня всегда интересовало познание, – говорит он, – едва ли я мог заниматься чем-то другим». Конечно, имело значение то, что историком был его отец, оказал влияние и хороший учитель истории. Но по-настоящему вкус к исследованию он почувствовал, когда в качестве школьного задания готовил первый в своей жизни доклад – о Бородинской битве. Библиотека дома имела, и уже в средней школе будущий учёный читал Е.В. Тарле, Э. Лависса и А. Рамбо.

После школы Кучкин поступил на исторический факультет МГУ, и если в школьные годы его привлекала история XIX в., то в университете он заинтересовался древностью. Семинарские занятия на I курсе по древнерусской истории вёл Б.А. Рыбаков. Под его руководством студент-историк написал работу об Иване Калите, а другой его труд – о древних славянах – на конкурсе курсовых работ занял первое место. На III курсе Владимир Кучкин стал одним из трёх участников семинара на кафедре источниковедения под руководством академика М.Н. Тихомирова. В течение трёх лет он писал исследование по истории московской Бронной слободы, защитив его как дипломную работу.

По окончании университета молодого историка приняли в Институт истории АН СССР. В секторе источниковедения он оказался в составе группы, готовившей издания русских летописей. Руководителем группы, а позже и научным руководителем В.А. Кучкина стал А.Н. Насонов. Уже в самом начале научной жизни Кучкин приобрёл опыт исследовательской работы под руководством крупнейших историков в разных областях исторического знания. Диплом по истории Бронной слободы написан под руководством Тихомирова, но в выборе темы и в исследовательских подходах Кучкин следовал труду Рыбакова «Ремесло Древней Руси». Навыкам работы с актовым материалом он учился у Тихомирова, а археографию и текстологию осваивал под руководством Насонова. Вместе с С.М. Каштановым и Н.Н. Улашиком В.А. Кучкин готовил к изданию Никаноровскую летопись и Сокращённый свод 1493 г., принял участие в подготовке публикации Вологодско-Пермской летописи.

Тогда же определилась тема кандидатской диссертации: «Повести о Михаиле Тверском». Первоначально интерес к ней был связан с фигурой Михаила Ярославича, увлёкшей Кучкина ещё на I курсе университета при написании курсовой работы. Но в процессе исследования текстов голос эпохи, интерпретации летописцев и агиографов оказались важнее фактов истории того времени. С одной стороны, это стало продолжением шахматовского подхода, когда источник ценится непосредственно как объект исследования. С другой – диссертант следовал методике работы с летописными текстами, разработанной Насоновым. Логика такого рода исследования дала возможность воссоздать историю текста Жития, проанализировать политические взгляды составителей его редакций и лишь затем перейти к анализу политической ситуации в Северо-Восточной Руси конца XIII – начала XIV в. Работа оказалась новаторской. Сложные текстологические разыскания были проведены на большом корпусе текстов, при том, что сам памятник является сочинением пространственным и многоаспектным. Примеры исследований житий в сборниках к тому времени име-

лись, но едва ли можно привести аналог изучения подобного текста в составе различных летописных сводов, с таким количеством редакций и вариантов.

На защиту Кучкин вышел уже после смерти в 1965 г. своего научного руководителя Насонова. Незадолго до этого сектор источниковедения расформировали, и Кучкин вслед за учителем перешёл в сектор исторической географии. Результатом занятий в этой области стали статьи по истории городов (Калуги, Москвы, Нижнего Новгорода и др.), топонимике. Но и разыскания в области летописания и агиографии не были оставлены. Ещё при работе над диссертацией Кучкин нашёл в Тверском архиве два сборника с фрагментами тверской летописи и в 1961 г. опубликовал о них статью в сборнике «Проблемы источниковедения». Вышли его работы по летописному материалу Патерика Иосифа Тризны, Еллинскому летописцу, поздним западным «Кройникам», а также о житиях митрополитов Петра и Алексия.

Книга «Повести о Михаиле Тверском» по защищённой в 1967 г. диссертации увидела свет лишь в 1974 г. — её долго не пропускали из-за якобы содержащейся в ней «религиозной пропаганды». Зато выход монографии принёс автору известность. В ней прояснялись различные аспекты генеалогии летописных сводов, её читали, на неё ссылались, её результаты использовали историки летописания, источниковеды, филологи. Сам учёный смог воспользоваться полученными результатами, касающимися истории летописания, в написанной им в 1976 г. работе «Тверской источник Владимирского Полихрона». В 1960–1970-х гг. Кучкин продолжил разработку тверской тематики: писал о посланиях монаха тверского Отроча монастыря Акиндина и епископа Тверского Симеона, «Хожении» Афанасия Никитина.

Значительная часть его докторской диссертации, оформленной затем в монографию «Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв.» (М., 1984), посвящена Тверскому княжеству XIII–XIV вв. Опубликованное исследование формирования территорий русских земель научное сообщество оценило как фундаментальный труд, где решение заявленной проблемы строилось на новых методологических принципах. Достижением автора стало использование методики локализации историко-географических объектов, предложенной М.В. Витовым. История населённых пунктов прослеживается от первого о них свидетельства до нанесения их на карты в XIX–XX вв., для чего привлечён большой корпус археологических, нумизматических, сфрагистических и письменных источников.

В середине 1980-х гг. Владимир Андреевич перешёл в восстановленный сектор источниковедения, преобразованный вскоре в Центр изучения и публикации источников, и в 1996 г. возглавил его. Тогда усилиями Кучкина была завершена подготовка к публикации «Памятников Куликовского цикла», увидевших свет лишь в 1998 г. Диапазон его учёных занятий в тот период очень широк: договорные и духовные грамоты, биографии князей и церковных иерархов, история Москвы. В 1998 г. Кучкин возглавил Центр по истории Древней Руси, которым руководит и сейчас.

В 2003 г. вышла третья монография учёного — «Договорные грамоты московских князей XIV в.: Внешнеполитические договоры» — фундаментальное исследование актов как таковых с их публикацией. Необходимость прочтения и анализа текста плохо сохранившейся договорной грамоты 1318 г. московского князя Юрия Даниловича и Новгорода с тверским князем Михаилом Ярославичем потребовала выработки уникальной методики её восстановления. Грамоты

в монографии представлены как памятники права и источники для изучения политической и социально-экономической истории Руси XIV в. Ещё одним важным направлением научных разысканий Владимира Андреевича стала десятичная система как форма организации экономики Руси и, соответственно, институты десятских, сотских и тысяцких.

Сегодня В.А. Кучкин руководит двумя большими проектами: подготовкой 3-го тома многотомной «Истории России» (XIII – начало XVI в.) и изданием завещаний и договоров русских князей XV–XVI вв. Владимир Андреевич Кучкин – яркий представитель богатой талантами «тихомировской» научной школы и поколения историков, пришедших в науку в период оттепели. Его стремление видеть в истории прежде всего источник и факт оказались очень важны во времена, когда нередко были конъюнктурные попытки подменить науку идеологией. Пожалуй, если не говорить об исследованиях, о которых шла речь выше, это самое главное в его научном творчестве. Актуально такое понимание истории и сейчас.

Хочется пожелать юбиляру реализации всех замыслов и, конечно же и прежде всего, – здоровья.

**Центр по истории Древней Руси
Института российской истории РАН**

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Российская история» в 2023 г.

Диалог о книге

- Д.И. Рублев.** *Русский анархизм в XX веке.* № 6.
- В.В. Дамье** — Новая книга по истории анархистского движения.
- П.В. Рябов** — Первое в России фундаментальное и честное исследование о российском анархизме.
- И.В. Аладышкин** (Санкт-Петербург) — Старая и добрая история российского анархизма.
- Н.И. Герасимов** — Объять необъятное.

Статьи

- Аракчеев В.А.** — Соборное уложение и социально-политическая эволюция России во второй половине XVII в. № 1.
- Барыкина И.Е.** (Санкт-Петербург) — Беспартийный кандидат: граф И.И. Толстой и выборы в Государственную думу в 1907 г. № 6.
- Батченко В.С.** — Первый набор в космонавты: от идеи к воплощению. № 1.
- Белюсова О.В.** — Граф С.Д. Шереметев и учреждение Комитета попечительства о русской иконописи. № 4.
- Бирюкова Ю.А.** (Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург) — Кубанская епархия и Краевое правительство в период Гражданской войны. № 4.
- Бондаренко А.А., Хоруженко О.И.** — Вотчинные монастыри русского Средневековья: Булгаков монастырь в Великом княжестве Рязанском. № 4.
- Бородкин Л.И.** — «Метод — это интеллектуальная машина для производства знаний». № 6.
- Буховец О.Г.** (Минск, Белоруссия) — Электоральные предпочтения на выборах во Всероссийское Учредительное собрание в Белоруссии в 1917 г. № 1.
- Вишняков Я.В.** — «Дело пахнет керосином». Дунайское пароходство и русская политика на Балканах в конце XIX — начале XX в. № 3.
- Воейков Е.В.** (Пенза) — Частное предпринимательство на лесозаготовках в 1919–1921 гг.: замысел центра и оппозиция регионов. № 2.
- Волков В.В.** (Санкт-Петербург) — Долги промышленных рабочих России в конце XIX — начале XX в. № 1.
- Глушич А.М.** (Севастополь) — Становление советской спортивной дипломатии: структуры и практики. № 5.
- Голиков А.Г.** — Вклад академика И.Д. Ковальченко в развитие источниковедения как специальной исторической дисциплины. № 6.
- Голиков К.А.** — «Дворец передовой научной мысли» как отражение эпохи: к истории создания новой территории Московского университета на Ленинских горах. № 2.
- Горская Н.И.** (Смоленск) — Смоленское дворянство против правительства: из истории отмены крепостного права в России. № 1.
- Гусева Ю.Н.** (Москва), **Сенюткина О.Н.** (Нижний Новгород) — «Пантюркизм» в архивных источниках эпохи сталинизма (1944–1953). № 6.
- Данилевский И.Н.** (София, Болгария) — Историческая хронология и начальное древнерусское летописание. № 2.
- Девятов С.В., Жилиев В.И., Небезин В.А.** — «“Интернационал” устарел для нашего народа». Создание государственного гимна СССР (1943–1944). № 3.
- Долгих А.Н.** (Липецк) — Поиски решения крестьянского вопроса в России в дворянских проектах конца XVIII — первой половины XIX в. № 1.

- Дроздов К.С.** — Стратегии выживания московских ополченцев в окружении и на оккупированной территории осенью—зимой 1941—1942 гг. № 3.
- Ерусалимский К.Ю.** — Крепостное право и миграционная политика в России в конце XVI — начале XVII в. № 1.
- Загидуллин И.К.** (Казань) — Мусульманское крымскотатарское приходское «наследственное» духовенство в конце XVIII — начале XX в. № 1.
- Захарченко А.В.** — Госплан и проблема конверсионного перехода в военной промышленности СССР во второй половине 1940-х гг. № 5.
- Зубкова Е.Ю.** — «Не-сталинский» Советский Союз: формирование и трансформация нового международного имиджа страны в годы оттепели (1953—1968). № 6.
- Иванов А.А.** (Санкт-Петербург) — Культурная политика русских правых в начале XX в. № 6.
- Кан Г.С.** — Революционная доктрина П.Н. Ткачёва и «Народная воля». № 6.
- Керов В.В.** — «Народное освобождение совершилось ещё не окончательно»: старообрядцы и Третьеиюньская монархия. № 4.
- Козлов Д.Ю.** — «Платонический союз»: взаимовосприятие и взаимодействие российского и французского военных флотов в конце XIX — начале XX в. № 3.
- Козляков В.Н.** — «Греховные вещи и духовные» (частная жизнь в России по материалам церковного суда XVII в.). № 4.
- Кокорева Т.А., Поздеева И.В.** — Распространение кириллической печатной книги XVI—XVII вв. в регионах России. № 2.
- Кометчиков И.В.** (Калуга) — «Мы едем сеять, а не разминировать»: местная власть и организация сплошного разминирования Калужской области. № 3.
- Комиссаров В.В.** (Иваново) — Пропаганда советских космических достижений в 1960—1970-х гг.: формы, способы, ограничения. № 1.
- Коньявская Е.Л.** — Тверская епархия периода независимости Тверского княжества: архиереи и монастыри. № 4.
- Корноухова Г.Г.** — Российский экспорт хлопчатобумажной ткани в Персию в XIX — начале XX в. № 3.
- Котов А.Э.** (Санкт-Петербург) — Инженер К.О. Де-Скroxовский: консерватор против бюрократии. № 5.
- Крестьянников Е.А.** (Тюмень) — Предварительное следствие по делу о томском погроме 1905 г. и сибирская юстиция. № 2.
- Кудряшов С.В.** — На пути к Сталинграду: события 1942 г. в контексте битвы. № 3.
- Куприянов А.И.** — Олимпийский дебют советского спорта. № 5.
- Кучкин В.А.** — Наследование городов в Русском государстве сыновьями Ивана III по его завещанию 1503 г. № 5.
- Леонтьева Т.Г.** (Тверь) — Церковная благотворительность в годы Первой мировой войны. № 4.
- Лисейцев Д.В.** — Русский Север в 1620—1640-е гг.: возможности и ограничения статистических методов. № 2.
- Магарамов Ш.А.** (Махачкала) — Визит дербентского правителя Имама Кули-бека в Петербург. № 5.
- Мазырин А.В.** — Московские подворья Восточных патриархатов и их борьба за «собственность всей греческой нации» после революции 1917 г. № 4.
- Майоров А.В.** (Санкт-Петербург) — «Умиротворение и контроль»: монгольское правление на Руси в середине XIII в. № 5.
- Малхозова Ф.В.** — Реформы сельского хозяйства России на переломе эпох (1990—1993). № 1.
- Мелентьев Ф.И.** — Имперские травелоги И.К. Бабста и К.П. Победоносцева. № 2.
- Мельникова Л.В.** — «Краеугольный и несокрушимый камень» Нового Афона:

- роль Н.П. Игнатъева в становлении на Кавказе духовного и миссионерского центра. № 4.
- Морозов М.Э.** — Сталинград в стратегических замыслах военно-политического руководства СССР и Германии в 1942–1943 гг. № 3.
- Морохин А.В.** (Москва, Нижний Новгород) — «Государя не хотели прямо лечить»: к истории опалы Артамона Матвеева. № 2.
- Наталици М.** (Генуя, Италия) — Восстание Пугачёва в историографии Центральной и Западной Европы первой четверти XXI в. № 6.
- Омельяничук И.В.** — Монархические организации Москвы. № 6.
- Орлов М.А.** (Киров) — «Новое учреждение о обращении иноверных»: малоизвестный миссионерский проект времени правления Екатерины II. № 4.
- Паромов К.Я.** — Кружок ищущих христианского просвещения: состав и взаимоотношения участников. № 4.
- Парсамов В.С.** — Религиозные взгляды М.М. Сперанского и его реформы в начале 1810-х гг. № 4.
- Печёнкин И.Е.** — «Русификация» советской архитектуры в 1930–1940-х гг.: идеология, теория, практика. № 2.
- Плех О.А.** — Борьба с незаконными рубками леса на Европейском Севере России в конце XVIII — первой половине XIX в. (на материалах Вологодской губернии). № 2.
- Попов А.Д.** (Симферополь), **Пивоваров Н.Ю.** (Москва), **Сак К.В.** (Симферополь) — Ритмы прошлого: первые годовщины Великой Отечественной войны в советской политике памяти (1945–1965). № 3.
- Посадский А.В.** (Саратов) — Особенности военного строительства на Белом Юге (на примере Войск Новороссийской области Вооружённых сил Юга России). № 2.
- Прокуменщиков М.Ю.** — За политическими кулисами мирового спорта: СССР и международные спортивные организации во второй половине XX в. № 5.
- Прямыцын В.Н.** — Советская гидрометеорологическая служба и контрнаступление Красной армии под Сталинградом. № 3.
- Рублев Д.И.** — Н.И. Махно и Махновское движение в оценках российских и украинских анархистов 1918–1921 гг. № 6.
- Рыбаков В.А.** — Наркомат юстиции РСФСР и управление судебными органами в 1941–1945 гг. № 3.
- Смирнова Т.М.** — Семейная политика и трансформация семейно-брачных отношений в послереволюционной России (1917–1920-е гг.): основные итоги и актуальные вопросы изучения. № 1.
- Степанов В.Л.** — Министр финансов И.А. Вышнеградский и голод 1891–1892 гг. № 5.
- Степанова Л.Г.** (Краснодар) — Рыбные ресурсы крестьянского хозяйства Северо-Запада России по материалам Генерального межевания. № 1.
- Туров С.В.** (Тюмень) — Обдорская православная миссия 1832–1833 гг.: неудачный опыт проповеди христианства среди обитателей тундры. № 6.
- Уль М.** (Германия) — Сталинградская битва: некоторые актуальные вопросы изучения. № 3.
- Усачёв А.С.** — Патриарх Иов и русские архиереи последней четверти XVI — начала XVII в. № 4.
- Усманова Д.М.** (Казань) — Ректор Казанского Императорского университета профессор Н.П. Загоскин. № 2.
- Федоров А.Н.** (Челябинск) — Злоупотребление и взыскание: коррупция региональных руководителей СССР в 1946–1952 гг. № 5.
- Фельдман М.А.** (Екатеринбург) — Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев и дискуссии об индустриализации в середине 1930-х гг. № 4.
- Хормач И.А.** — Лига наций на пути к войне: позиция СССР. № 3.

- Чемакин А.А.** (Санкт-Петербург) — Городские выборы на Белом Юге России (осень—зима 1919 г.). № 1.
- Червяков Р.Ю.** — «Надо бить смехом»: журнал «Крокодил» и советские карикатуристы в годы холодной войны (конец 1940-х — начало 1990-х гг.). № 5.
- Чжан Гуансян** (Чанчунь, КНР) — Роль разведки в создании первых образцов советского ядерного оружия. № 3.
- Шокарев С.Ю.** — Мёртвые участники Смутного времени. Перезахоронения как часть социально-политического кризиса. № 2.
- Шумкин Г.Н.** (Екатеринбург) — Законодательное регулирование исполнения военных заказов на казённых горных заводах. № 3.
- Рецензии**
- Айрапетов О.Р.** — «В тени богов» Доминика Ливена. № 2.
- Айрапетов О.Р.** — Ю.А. Бахурин. Фронт и тыл Великой войны. № 3.
- Андреев Д.А.** — Российские императоры между традицией и модернизацией. № 2.
- Белюсова О.В.** — И.С. Аксаков и его корреспонденты. № 6.
- Богомолов И.К.** — A. Sumpf. The Broken Years: Russia's Disabled War Veterans, 1904–1921. № 2.
- Богомолов И.К.** — G. Savino. Il nazionalismo russo, 1900–1914. Identita, politica, societa. № 4.
- Богомолов И.К.** — Bloomsbury handbook of the Russian Revolution. № 6.
- Бугров К.Д., Пименова К.Д.** (Екатеринбург) — Как рождался соцгород: новая попытка осмысления градостроительных практик раннего СССР. № 6.
- Буддаков В.П.** — Сатира и Сталин. № 5.
- Бушуева С.В.** (Нижний Новгород) — А.С. Лавров, А.В. Морохин. Ревнители благочестия. Очерки церковной и литературной деятельности. № 2.
- Быстрова И.В.** — Становление ракетной мощи страны. Из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1960–1964 гг.). Сборник документов. В 3 кн. № 3.
- Войтиков С.С.** — Новая книга о Леониде Красине. № 5.
- Воронин В.Е.** — Правящая бюрократия и реформы в России в середине XIX в.: взгляд американского историка. № 5.
- Гагкуев Р.Г.** — Своеобразный портрет бойцов на фоне Гражданской войны. № 6.
- Гайда Ф.А.** — Новое исследование преобразования местного суда в начале XX в. № 1.
- Гайда Ф.А.** — И.В. Воронцова. «Заколдованный круг русского сознания...». Проблемы социально-религиозного поиска в православной России второй половины XIX — начала XX века. № 4.
- Гайда Ф.А.** — Н.Б. Хайлова. Центризм в российском либерализме начала XX века. № 6.
- Галкин Т.О.** (Зарайск) — Граница молодого Русского государства. № 2.
- Ганин А.В.** — Продолжение фундаментального исследования о Гражданской войне на Севере России. № 1.
- Гурьев Е.П., Пученков А.С.** (Санкт-Петербург) — Новые издания по истории Второй обороны Севастополя. № 3.
- Журова Л.И.** (Новосибирск) — Рукописное наследие Максима Грека в книжной культуре конца XVI в.: нерешённые проблемы. № 4.
- Захаров В.Н.** — Профессор, исследователь, организатор науки А.М. Сахаров. № 5.
- Ищенко А.С.** (Новочеркасск) — В.М. Ричка. Війна пам'ятей. Змагання за спадщину Київської Русі. № 3.
- Казанцева Ю.В.** (Санкт-Петербург), **Крестьянников Е.А.** (Тюмень) — Железные дороги Российской империи как место работы женщин. № 3.
- Козлова Н.В.** — «Помышляя о часе смертном...»: семейно-правовые акты в документах ратуши Сергиевского посада (последняя четверть XVIII — середина XIX в.). Тексты и комментарии. № 1.

- Коновалов А.Б.** (Кемерово) – П.С. Гребенюк. Рождение Магаданской области: Северо-Восток СССР в 1953–1957 гг. № 4.
- Кононенко А.А.** (Тюмень) – А.В. Сушков. Империя товарища Кабакова. Уральская партноменклатура в 1930-е годы. № 5.
- Крестьянников Е.А.** (Тюмень) – А.А. Со рокин. Реформа местного суда в Российской империи: власть и общество (конец XIX – начало XX в.). № 1.
- Кривушин И.В.** – А.В. Лукин, О.В. Пу занова. «И в Японии жатва многа...». Эволюция мировоззрения святителя Николая Японского и межцивилизационное взаимодействие России, Япо нии и Запада. № 4.
- Леонтьева Т.Г.** (Тверь) – Слова и кон фликты: язык противостояния и эска лация Гражданской войны в России. Сборник статей. № 1.
- Лукоянов И.В.** (Санкт-Петербург) – Путь террористов, или Попытка героизации молодых людей с неустойчивой психи кой. № 6.
- Мамонов А.В.** – Реформатор и его замыслы. № 5.
- Матасова Т.А.** – Последний герой удельной Руси: новая книга об угличском князе Андрее Большом. № 2.
- Мезин С.А.** (Саратов) – Французское ис следование о Петре Великом. № 5.
- Милиц М.М.** – I.O. Johnson. Faustian bargain: the Soviet-German partnership and the origins of the Second World War. № 6.
- Муханов В.М.** – Военное кавказоведение в лицах. № 3.
- Мухин М.Ю.** – Экономика компромисса. К 100-летию – НЭПа в России: сбор ник документов. № 1.
- Никифоров Ю.С.** (Ярославль) – Разно уровневые статусы и конкурентная борьба: региональная история позднего СССР через призму проектов «Города-герои» и «Золотое кольцо». № 4.
- Петров А.Ю.** – Д.Н. Копелев. От мыса Головнина к Земле Александра I: россий ские кругосветные экспедиции в пер вой половине XIX века. № 1.
- Попов А.А.** – О. Санчес-Сибони. Красная глобализация. Политическая эконо мия холодной войны от Сталина до Хрущёва. № 3.
- Попов А.Д.** (Симферополь) – Туристы и система. № 6.
- Пученков А.С.** (Санкт-Петербург) – Ом ские Форсайты и «дом Колчака». № 2.
- Пученков А.С.** (Санкт-Петербург) – Празд ник Октября под колокольный звон. № 6.
- Пушкарёва И.М.** – Советский историк послевоенного поколения профессор А.М. Сахаров. № 5.
- Роднов М.И.** (Уфа) – Банк и люди. № 5.
- Скрыдлов А.Ю.** (Санкт-Петербург) – Им ператорская Академия наук на пути обновления в 1801–1855 гг.: историче ские очерки. № 6.
- Смирнов Н.Н.** (Санкт-Петербург) – По стигая российские революции. № 5.
- Соловьёв К.А.** – О.В. Будницкий. Другая Россия: Исследования по истории рус ской эмиграции. № 2.
- Тихонов В.В.** – Катастрофы в СССР – взгляд из-за рубежа. № 4.
- Тихонов В.В.** – Советская империя наций Франсин Хирш. № 5.
- Томилин В.Н.** (Липецк) – О.М. Вербиц кая. Российское село в 1990-е гг.: аграрная политика и социум. № 2.
- Трухин М.Д.** – Г.С. Кан. Грозь бедой пре ступной силе... Летучий боевой отряд Северной области (1906–1908). Т. 1–2. № 6.
- Туманова А.С.** – «Срединное» направле ние в российском либерализме и ис кусство политического компромисса. № 6.
- Хитров Д.А.** – Л.Г. Степанова. Природа и благосостояние: освоение окружа ющей среды русским крестьянином в эпоху Средневековья и раннее Новое время. № 1.
- Хрулёва И.Ю.** – К 130-летию «великого труженика войны» А.В. Хрулёва. № 3.

Шамин С.М. — Брадобритие в эпоху Петра Великого — политика и культура. № 5.
Шамина И.Н. — «Мы изучаем не деревни, мы изучаем в деревнях»: новое в исследовании исторической демографии России XVI — начала XVIII в. № 6.
Шиловский М.В. (Новосибирск) — Регионы Российской империи: взгляд из XXI века. № 2.

Юбилей

Юбилей В.А. Кучкина. № 6.

Pro memoria

Н.М. Рогожин (1947–2022). № 1.
В.В. Тrepавлов (1960–2023). № 2.
В.Н. Хаустов (1948–2023). № 2.

Наши авторы

Аладышкин Иван Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

Барыкина Инна Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена и Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, ассоциированный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Белоусова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Богомолов Игорь Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий отделом истории Института научной информации по общественным наукам РАН

Бородкин Леонид Иосифович, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой исторической информатики, руководитель Центра экономической истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Бугров Константин Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Гагкуев Руслан Григорьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, председатель правления Российского исторического общества, исполнительный директор фонда «История Отечества»

Гайда Федор Александрович, доктор исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Герасимов Николай Игоревич, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

Голиков Андрей Георгиевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Гусева Юлия Николаевна, доктор исторических наук, профессор Московского городского педагогического университета

Дамье Вадим Валерьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Зубкова Елена Юрьевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель центра социальной истории России Института российской истории РАН

Иванов Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Кан Григорий Семёнович, кандидат исторических наук, ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации

Лукоянов Игорь Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

Мицц Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Наталици Марко, доктор исторических наук, профессор Университета Генуи (Италия)

Омельянчук Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор Московского городского педагогического университета

Пименова Ксения Дмитриевна, младший научный сотрудник Лаборатории цифровых технологий в историко-культурных исследованиях Уральского федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Попов Алексей Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Рублев Дмитрий Иванович, кандидат исторических наук, доцент факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Рябов Пётр Владимирович, кандидат философских наук, доцент Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Сенюткина Ольга Николаевна, доктор исторических наук, профессор Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова

Скрыдлов Андрей Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий сектором истории Академии наук и научных учреждений Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Трухин Михаил Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент Государственного университета просвещения

Туманова Анастасия Сергеевна, доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Туров Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент Института социально-гуманитарных наук, старший научный сотрудник Школы исследований окружающей среды и общества (Антропошколы) Тюменского государственного университета

Шамина Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Россия и мир

М. Наталици

Восстание Пугачёва в историографии Центральной и Западной Европы первой четверти XXI в. 3

Е.Ю. Зубкова

«Не-сталинский» Советский Союз: формирование и трансформация нового международного имиджа страны в годы оттепели (1953–1968) 13

Сюжеты и эпизоды

С.В. Туров

Обдорская православная миссия 1832–1833 гг.: неудачный опыт проповеди христианства среди обитателей тундры 26

Идеи и образы

Г.С. Кан

Революционная доктрина П.Н. Ткачёва и «Народная воля» 37

И.Е. Барыкина

Беспартийный кандидат: граф И.И. Толстой и выборы в Государственную думу в 1907 г. 49

Институты и общности

А.А. Иванов

Культурная политика русских правых в начале XX в. 56

И.В. Омелянчук

Монархические организации Москвы. 72

Д.И. Рублев

Н.И. Махно и Махновское движение в оценках российских и украинских анархистов 1918–1921 гг. 85

Диалог о книге

Д.И. Рублев. Российский анархизм в XX веке 99

В.В. Дамье: Новая книга по истории анархистского движения 99

П.В. Рябов: Первое в России фундаментальное и честное исследование о российском анархизме 105

И.В. Аладышкин: Старая и добрая история российского анархизма 112

Н.И. Герасимов: Объять необъятное 117

Историк и источник

Ю.Н. Гусева, О.Н. Сенюткина

«Пантюркизм» в архивных источниках эпохи сталинизма (1944–1953) 122

<i>Л.И. Бородин</i>	
«Метод — это интеллектуальная машина для производства знаний»	131
<i>А.Г. Голиков</i>	
Вклад академика И.Д. Ковальченко в развитие источниковедения как специальной исторической дисциплины.	138

Рецензии

<i>И.Н. Шамина</i> — «Мы изучаем не деревни, мы изучаем в деревнях»: новое в исследовании исторической демографии России XVI — начала XVIII в.	148
<i>А.Ю. Скрыдлов</i> — Императорская Академия наук на пути обновления в 1801–1855 гг.: исторические очерки	157
<i>О.В. Белоусова</i> — И.С. Аксаков и его корреспонденты	161
<i>Ф.А. Гайда</i> — Н.Б. Хайлова. Центризм в российском либерализме начала XX века	165
<i>А.С. Туманова</i> — «Срединное» направление в российском либерализме и искусство политического компромисса	168
<i>М.Д. Трухин</i> — Г.С. Кан. Грозь бедой преступной силе... Летучий боевой отряд Северной области (1906–1908). Т. 1–2	171
<i>И.В. Лукьянов</i> — Путь террористов, или Попытка героизации молодых людей с неустойчивой психикой	177
<i>Р.Г. Гагжуев</i> — Своеобразный портрет боевиков на фоне Гражданской войны	183
<i>И.К. Богомолов</i> — <i>Bloomsbury Handbook of the Russian Revolution</i>	186
<i>А.С. Пученков</i> — Праздник Октября под колокольный звон	193
<i>К.Д. Бугров, К.Д. Пименова</i> — Как рождался соцгород: новая попытка осмысления градостроительных практик раннего СССР	197
<i>М.М. Минц</i> — I.O. Johnson. Faustian bargain: the Soviet-German partnership and the origins of the Second World War	202
<i>А.Д. Попов</i> — Туристы и система	207
Юбилей В.А. Кучкина	211
Указатель материалов, опубликованных в журнале «Российская история» в 2023 г.	214
Наши авторы	220

CONTENTS

Russia and the world

- M. Natalizi (University of Genoa, Italy)*
Pugachev's uprising in the historiography of Central and Western Europe
of the early 21st century 3
- E.Yu. Zubkova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
«Non-Stalin's» Soviet Union: formation and transformation of the new international
image of the country in the years of Thaw (1953–1968) 13

Scenarios and episodes

- S.V. Turov (Tyumen State University, Russia)*
Obdorskaya Orthodox mission of 1832–1833: unsuccessful experience of preaching
Christianity among the inhabitants of the tundra 26

Ideas and images

- G.S. Kan (State Archive of Russian Federation, Moscow)*
The revolutionary doctrine of P.N. Tkachev and the «People's will» 37
- I.E. Barykina (Saint Petersburg State University, Russia; Herzen University,
Saint Petersburg, Russia)*
A non-partisan candidate: Count I.I. Tolstoy and the election
to the State Duma in 1907 49

Institutions and communities

- A.A. Ivanov (Saint Petersburg State University, Russia)*
Culture policy of the Russian Rightists at the beginning of the 20th century. 56
- I.V. Omeliyanchuk (Moscow City Pedagogical University, Russia)*
Moscow Monarchist organizations 72
- D.I. Rublev (Lomonosov Moscow State University, Russia)*
N.I. Makhno and the Makhnovist movement in the assessments of Russian
and Ukrainian Anarchists (1918–1921) 85

Discussing recent books

- D.I. Rublev. Russian Anarchism in the 20th century** 99
- V.V. Damier (Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow):
A new book on the history of the Anarchist movement* 99
- P.V. Ryabov (Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical
State University, Russia): The first fundamental and honest study in Russia
about the Russian Anarchism* 105
- I.V. Aladyshkin (Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Russia):
The good old history of Russian Anarchism* 112
- N.I. Gerasimov (Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad, Moscow, Russia):
Embrace the Unbounded.* 117

The historian and the source

- Ju.N. Guseva (Moscow City University, Russia), O.N. Senyutkina (The Linguistics
University of Nizhny Novgorod, Russia)*
«Pan-Turkism» in archival sources of Stalinism (1944–1953) 122

<i>L.I. Borodkin (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
«Method is an intellectual machine for the production of knowledge»	131
<i>A.G. Golikov (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
Contribution of academician I.D. Kovalchenko to the development of source studies as a special historical discipline	138

Reviews

<i>I.N. Shamina (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
«We are not studying villages, we are studying in villages»: new in the research of the historical demography of Russia in the 16 th – early 18 th century	148
<i>A.Yu. Skrydlov (S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg)</i>	
Rec. ad. op.: Imperatorskaya Academia nauk na puti obnovleniia v 1801–1855 gg.: istoricheskiye ocherki	157
<i>O.V. Belousova (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
I.S. Aksakov and his correspondents	161
<i>F.A. Gayda (Lomonosov Moscow State University, Russia; HSE University, Moscow, Russia)</i>	
Rec. ad op.: N.B. Khaylova. Tsentrizm v rossiyskom liberalizme nachala XX veka	165
<i>A.S. Tumanova (HSE University, Moscow, Russia)</i>	
The «middle» trend in Russian Liberalism and the art of political compromise	168
<i>M.D. Trukhin (State University of Education, Moscow, Russia)</i>	
Rec. ad op.: G.S. Kan. Grozia bedoy prestupnoy sile... Letuchiy boevoy otriad Severnoy oblasti (1906–1908). Vol. 1–2	171
<i>I.V. Lukoyanov (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences; HSE University, Saint Petersburg, Russia)</i>	
The path of terrorists, or an Attempt to glorify young people with unstable psyche	177
<i>R.G. Gagkuev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
A kind of portrait of militants against the background of the Civil War	183
<i>I.K. Bogomolov (Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Rec. ad op.: Bloomsbury handbook of the Russian Revolution	186
<i>A.S. Puchenkov (Saint Petersburg State University, Russia)</i>	
The feast of October under the bell ringing	193
<i>K.D. Bugrov, K.D. Pimenova (Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg)</i>	
How a sotsgorod was born: new attempt to comprehend the urban planning practices of the early USSR	197
<i>M.M. Mints (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Rec. ad op.: I.O. Johnson. Faustian bargain: the Soviet-German partnership and the origins of the Second World War	202
<i>A.D. Popov (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia)</i>	
Soviet tourists and the system	207
V.A. Kuchkin's jubilee	211
Index of materials published in the journal in 2023	214
Contributors to this issue	220

РЕДАКЦИЯ

- Круглов В.Н., к.и.н.** — Отдел Новейшей истории
Богомолов И.К., к.и.н.
Мамонов А.В., к.и.н. — Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н. — Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В. — Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н. — Литературный редактор